

Александра Руда
Ола и Отто. Выбор

Ола и Отто – 2

, OCR, ReadCheck - FantoMKillеR; Conv, ReadCheck - JonVic
«Александра Руда. ОЛА И ОТТО. ВЫБОР.»: «Издательство АЛЬФА-КНИГА»; Москва;
2010
ISBN 978-5-9922-0651-7

Аннотация

Стать просто выпускником Университета магии легко. Куда тяжелее получить

признание магической общности. Просто схитрить на экзамене, но почти невозможно избавиться от последствий этой хитрости, угрожающих смертью. Элементарно принимать комплименты и восхищенные взгляды, но сложнее сберечь истинную любовь. Легко и интересно читать про подвиги легендарных магов, но другое дело — прикрывать собой людей от опасности.

Но можно пройти через любые испытания, если не терять оптимизма и опираться на верное дружеское плечо.

**Александра Руда
Выбор
(Ола и Отто — 2)**

Книга посвящается моим учителям — Андрейчуку Борису Федоровичу, Клепаловой Галине Ивановне, Филипович Людмиле Александровне

Автор выражает огромную благодарность тем, без кого этой книги не было бы — литературному ангелу Марине Макаревской, скорой психологической помощи Елене Кукурудзе, Антону Ветрову, Ольге Вороновой, всем друзьям по Живому Журналу, поддерживавшим автора своими комментариями.

ПРОЛОГ

Мой лучший друг — книга

Говорят, очень замечательно быть знаменитым магом. Все тебя знают, уважают. Твои портреты висят в галереях магических школ, лицеев и университетов. Если очень повезет, о тебе даже напишут в учебнике по истории магии или в книге «100 величайших магов нашего времени».

Хорошо быть замечательным магом, — да, так скажет вам любой обыватель. Но, как всегда, большинство видит только одну сторону медали.

Когда-то и я мечтала стать великим магом — в основном чтобы поразить свое семейство, родителей и четырех младших сестер. Хотела, чтобы все знакомые восторгались мной — знаменитой и могущественной. Да, я мечтала. Сейчас же, на последнем, пятом курсе обучения в Университете магии, я хотела просто получить диплом и по возможности больше никогда не видеть тонн исписанных конспектов, толстенных учебников и старинных манускриптов. И тем более никогда больше не просиживать ясные и теплые осенние деньки в затхлой библиотеке, тратя молодость на изучение трудов давно отправившихся на покой великих магов.

— Нашел! — радостно заорал откуда-то из глубины зала книгохранилища мой лучший друг, полугном Отто. — Только тебе это не понравится, — добавил он, отчаянно чихая от пыли.

Тихо застонав, я уронила голову на стол. В этом году у нас началась специализация. Мы с Отто составляли пару Мастеров по изготовлению артефактов. Полугном занимался изготовлением артефакта, а я, студентка факультета Теоретической магии, отвечала за наполнение заготовки магической энергией. Это была кропотливая работа, от которой зависело дальнейшее функционирование уже готового изделия.

Преподаватели были довольны нашей парой, ведь тандем Мастеров Артефактов — редкое явление. Маги или не умели работать вместе, или не хотели делиться прибылью, хотя общеизвестный факт, что вдвоем теоретик с ремесленником могут создать непревзойденный артефакт. А успешная совместная работа нашей пары была проверена годами учебы и проказ. Самым грандиозным нашим проектом была нелегальная торговля алкоголем среди студентов. Теперь мы были посредниками между поставщиками алкоголя и владельцами большого количества кабачков города, отстегивая за это в казну Университета довольно приличный процент прибыли.

Отто торжественно появился из-за стеллажей, неся на вытянутых руках, словно корону, старый-престарый манускрипт, обросший пылью и паутиной.

— Кошмар, — пролепетала я, стараясь на него не дышать. Как избавиться от этой пыли? Если протереть тряпочкой, то не рассыплется ли манускрипт в труху?

— Надо было учить бытовые заклинания, — сказал полугном, как всегда правильно понимая мой отчаянный взгляд. Аккуратно положив ношу на стол, он бодро сообщил: — Ну я пошел.

— Куда?! — завопила я. — Ты оставишь меня один на один с этим?

— Ты смелая девушка, золотце, — уверил меня лучший друг, отряхивая от пыли свое главное украшение — пышную бороду. — Беф будет тобой гордиться.

Именно мой Наставник Беф, которого я безмерно уважала и немного боялась, дал нам задание сделать артефакт по старинному методу, поэтому мы сейчас прокладывали себе путь к диплому через залежи пыли. Практической частью дипломного проекта руководил профессор Свингдар, но к нему в мастерскую следовало приходиться уже с готовыми идеями. А вот с этим-то у нас на данном этапе были проблемы.

— Хорошо магам Практического факультета, — пробурчала я, сражаясь с пылью. — Им не надо в библиотеках томиться и в пыли копаться. А на улице такая погода хорошая!

— Ты видела учебник по боевым заклетиям? — откликнулся откуда-то из глубины зала Отто. — Он же толстенный! А это все надо не просто наизусть выучить, но так, чтоб в момент опасности от зубов отскакивало. И физкультура у них каждый день.

Заниматься спортом я не любила, поэтому последний довод оказался для меня решающим, и я с удвоенной энергией стала продираться к заветным рекомендациям по изготовлению артефакта.

— Гляди, — радостно сказал полугном. — Я интересную книжку нашел. «Как стать знаменитым магом», написана Славозаром Хьюдорским.

— И что он пишет? — заинтересовалась я. Портрет Славозара украшал большинство учебников по магии, а в портретной галерее его изображение находилось в дорогой позолоченной раме. Причем доподлинно было известно, что позолота была причарована к раме специальным заклетием, потому что не одно поколение студентов пыталось ее отскрести.

Отто откашлялся и начал читать торжественным голосом:

— Пункт первый. Трудиться до кровавых мозолей и звона в голове...

— Стоп, стоп, стоп... Не надо дальше читать. Эта книжка мне не нравится, — сказала я. — А нет ли брошюры типа «Как легко и быстро стать великим магом»?

Отто долго копался среди книжек и наконец сказал:

— Есть «Что нужно сделать, чтобы легко стать трупом. Распространенные ошибки магов-практиков».

— Эта книжка мне нравится еще меньше, — вздохнула я. — Ладно, давай работать, раз другого пути нет.

Вы все еще хотите стать знаменитым магом?

ПЯТЫЙ КУРС

Глава 1

ТИХИЙ МАСТЕР АРТЕФАКТОВ

— В рамках улучшения сотрудничества... рекламы наших разработок... — Глаза у меня слипались, голос ректора доносился как сквозь вату. — Прогрессивное направление в разработке артефактов...

Меня мучило похмелье. И больше всего на свете мне хотелось присутствовать не на нудном собрании студентов-артефактников, а в своей кровати. Нет, в любой кровати. Даже этот стол подойдет, но нет, Отто на страже. Стоит мне опустить голову на руки, как он толкает меня в бок. Наверняка рядом с ректором стоит Беф и хмурится, а потом будет укорять меня в неподобающем поведении.

Я сидела рядом с Отто и тарасилась в пространство. Маг, который изобретет лечение от всех симптомов похмелья сразу, включая магическое истощение после применения заклетия, озолотится, и его потомки еще долгие поколения будут счастливо жить на эти деньги. Коварность алкоголя в том, что, всосавшись в организм, он оттуда выводится очень неохотно, обеспечивая тяжелый день. Как мне плохо! Я пыталась избавиться от тошноты,

небезуспешно, но в награду получила такую головную боль, что боялась, что уши отвалятся и сбегут куда подальше. Убейте меня кто-нибудь! Я буду лежать в теплой, уютной могилке и спать, спать, спать...

— Добровольцы?

— Отто дер Шварт и Ольгерда Ляха, — сказал мой лучший друг.

Что? Куда это мы добровольцы? Что происходит?

Рука Отто потянула меня наверх. Я встала и кивнула, стараясь от движения невероятно тяжелой головой не упасть под парту.

— Э-э-э... — начинает ректор. Сейчас откажется, ура!

— Лучшая пара Мастеров Артефактов на факультете, — подсказал ему профессор Свингдар дер Кирхехаст.

Ну и кто просил Отто вмешиваться? Нашли бы других добровольцев!

Ректор обвел взглядом аудиторию. Я точно знала, что все сидящие в ней сейчас старательно изображают разные степени слабоумия. И я бы изображала, если бы не некоторые бородачи.

— Хорошо, — сказал ректор, обращаясь к Наставникам. — Проинструктируйте студентов, потом я с ними поговорю. Все свободны.

За мгновение аудитория опустела. Я осторожно села, стараясь не качать головой и лишний раз не моргать.

— Ольгерда, — раздался над моим ухом голос Бефа, — вас мама учила, что пить много — вредно?

— Ее мама думает, что Ола не пьет алкоголя и что она примерная девочка. — Отто охотно просветил нашего второго руководителя дипломного проекта.

Профессор Свингдар засмеялся. Беф прикоснулся своими приятно прохладными ладонями к моим вискам, и — о чудо! — головная боль прошла. Но стало нестерпимо болеть в суставах. Да, избавиться от похмелья полностью никогда никому не удалось.

— Теперь ты можешь слушать? — поинтересовался Беф.

Я радостно покивала. Моя голова, ты снова со мной!

— Итак, через два дня вы едете в Рорритор.

Я вытаращилась на Отто. Вот на что мы подписались: тащиться по осенней слякоти и грязи через все королевство в жесткой и неудобной университетской карете!

— В Университете магии Рорритора нет специальности Мастеров Артефактов, — продолжал Наставник. — Наш ректор решил, что мы можем предоставить тамошним студентам возможность поучиться у нас. Для этого Университет направляет вас провести несколько ознакомительных занятий по изготовлению артефактов. Главное условие — заинтересовать публику и привезти с собой договор об обмене студентами.

— А мы кого туда отправим взамен?

— Наших практиков. Летние события с Лунной нежитью показали, что качество подготовки наших боевых магов оставляет желать лучшего.

— Я всегда это знал, — не удержался Отто.

— У ребят мало практики, — возразил Беф. — А возле Рорритора находятся Сумеречные горы, нежити там хватает, будут учиться. Итак, подготовьте несколько лекций для студентов, выступите перед преподавателями, они должны понять выгоду нашего предложения. В Университете наверняка есть учащиеся, которые не проявили себя как яркие практики, зато годятся в артефактники. Вот мы вам подготовили материалы, разберитесь, пожалуйста.

— А почему не послать вместо нас преподавателей? — поинтересовалась я.

— Потому что все преподаватели заняты, к тому же мы решили, что вы можете лучше заинтересовать студентов Рорритора. Поговорить с ними, так сказать, на их языке. Только учтите, если что-то пойдет не так...

— Наставник, — обиделась я, — почему вы вечно подозреваете, что мы все провалим?

— Я не подозреваю, — сказал Беф. — Я заранее готовлюсь к худшему. С вами двумя

никогда не знаешь, что может приключиться.

— Просто мы творческие личности с полетом фантазии, нас гнетут рамки обыденности, — сообщил полугном.

— Мы не собираемся ломать крылья вашей фантазии, — сказал Свингдар. — Мы ее полет направляем в нужную сторону.

— И не забудьте взять официальные мантии Университета, вы должны выглядеть достойно.

Официальная мантия? О нет! Она страшно неудобная, смотрится на мне ужасно, а фасон не менялся уже лет триста. В Рорриторе мы точно будем посмешищами.

— Я проверю, — пригрозил Беф, выходя из аудитории.

Я тоскливо уставилась на пачку материалов и спросила:

— Ну и зачем ты в это ввязался?

— Ола, эй! — покачал головой Отто. — Кто у нас учится в Рорриторе?

Кто? Кто?

Ирга! Талантливый некромант, уехавший в тамошний Университет писать диссертацию. Незадолго до отъезда он предложил мне выйти за него замуж и даже надел на палец кольцо, которое я носила с гордостью — оно было дорогое, красивое, старинное и магическое к тому же.

— Ты старый сводник, — возмутилась я. — Я слышать ничего об Ирге не хочу! Я никуда не поеду! Это мое последнее слово. Ясно?

— Как же, как же, он ведь тебе не написал ни одного письма, — посочувствовал полугном. — Не знаю, как ты это пережила. Я бы мечтал кое-кому дать по морде! Так врезать, с чувством! А потом еще раз! Ты сколько раз в день проверяешь стол у дежурной в общежитии?

— Уже давно не проверяю! — глухо сказала я, сглатывая комок в горле.

Ирга обещал писать. Конечно, я не ожидала по письму в день. Но хотя бы одно письмо в неделю! Одно! Вместо этого я должна была по пять раз в день слышать от дежурной «нет, детка, тебе ничего». Я почувствовала, как запылали мои уши. Конечно, все в общежитии знали, что я жду письма от Ирги, и, я уверена, забирая свои письма со стола дежурной, искали мою фамилию на конвертах. Четыре недели унижений! Слез в подушку!

— Да и мне надо бы из города уехать, — задумчиво проговорил Отто.

— Тебе кто-то собирается набить морду? — оживилась я.

— Нет, но пока лучше мне здесь не показываться.

— Ты всегда можешь на меня рассчитывать, — сказала я, ломая голову над тем, что стряслось у Отто. Ясно, что меня это не касается, иначе бы лучший друг предупредил. Неужели полугном влюбился? Эх, все равно не скажет!

В день отъезда Отто зашел за мной в общежитие.

— Ты мантию взяла?

Я отрицательно покачала головой, пытаясь застегнуть набитую сумку.

— Там возле кареты стоит Беф, думаю, он проверит наличие официальной одежды, — сказал полугном, роясь в моем шкафу. — Молот и Наковальня! Это и есть твоя мантия?

— Помята немного, — призналась я.

— Немного? Да она в ужасном состоянии! — Отто понюхал ткань. — Ты ее вообще стирала?

— Я ее надевала всего пару раз в жизни, — огрызнулась я.

— Если учесть, что ты ее носила во время нашествия Лунной нежити... Да, золотце, некоторые люди имеют привычку часто стирать свою одежду, — заметил лучший друг.

— Я таким недостатком не страдаю. — Я еще больше скомкала мантию и ухитрилась затолкать ее в сумку.

Отто пожал плечами и забрал у меня багаж.

Я шла рядом, размышляя, правда ли, что я такая отвратительная хозяйка, или мне так кажется? Мантию я действительно носила летом, когда город атаковала орда Лунной нежити

— той, которая активизируется только во время полной луны. Этот подвиг оживших мертвецов отличался редкой злобностью, силой и кровожадностью. Противостоять им было очень тяжело, и при обороне города много молодых магов погибло. Я помогала целителям — мое умение транслировать, то есть направлять магические потоки в нужное место, им очень пригодилось. Каждый день, проведенный в Доме Исцеления, я с ужасом ждала, что сюда попадет Ирга. К счастью, некромант остался цел, а вот стирка мантии после всех событий у меня просто вылетела из головы.

Беф действительно поинтересовался, взяли ли мы парадную одежду.

— Конечно, — пробурчала я.

— Покажите. Что это?

— Мантия, просто немного помялась, — сгорая от стыда, сказала я.

Беф промолчал, а я не рискнула посмотреть на его выражение лица.

Дорога была ужасной. Я ничего не ела несколько дней — реакция на укачивание — и ненавидела всех, а больше всего себя за то, что согласилась ехать.

Встречающая делегация под унылыми серыми зонтами особо дружелюбной не выглядела.

— Добро пожаловать в Рорритор, — гнусаво сказал главный встречающий. — Мы рады приветствовать вас здесь, ведь это означает, что наши Университеты...

За шиворот капал дождь, ноги сразу же промокли, потому что дорога представляла собой одно большое болото. Мне хотелось прилечь, и чтобы кровать не качалась и была достаточно мягкой, и хотелось попить молока с медом, но статус официальной делегации расслабляться не позволял. За спиной тихо шмыгал носом виновник этого приключения. О чем он думал, я не знала, потому что всю дорогу считала именно себя пострадавшей стороной и беспрерывно ныла.

— Надеемся, что у вас останутся самые приятные впечатления от посещения Университета Рорритора! — На этой пафосной ноте главный встречающий закончил свою речь и трубно высморкался в огромный носовой платок.

Мне захотелось сделать то же самое, но носового платка у меня не было. Оставалось надеяться, что содержимое носа не потечет самовольно, очерняя, точнее, озеленя мой имидж представителя официальной делегации.

— Вас проводят в гостиницу, — сообщил главный встречающий, пожал нам руки и прытко поскакал по редким островкам суши на дороге в направлении Университета.

— Агиб, — представился провожающий, рассмотрел свои калоши и вздохнул: — Протекать начали, всех демонов на эту проклятую погоду!

— Скажите, — поинтересовалась я, — в Рорриторе бывает хорошая погода?

Агиб задумался. Я обернулась к Отто, но ничего не сказала. Лицо лучшего друга выражало такое сожаление о том, что он вызвался быть добровольцем, что еще и сердиться на него было уже слишком.

— Бывает, — наконец сказал провожающий, доставая что-то, напоминающее грязную простыню из очень паршивой придорожной гостиницы. — Это нежить в горах активизировалась и наслала такую погоду. Мы ее решили пока не менять, с нежити станет и снег наслат, а по сезону еще рановато.

Рорриторец печально высморкался в простыню и повел нас к гостинице.

— Да, — сказала я, закутавшись в одеяло в нашей общей с Отто комнате в гостинице. — Вот жлобы эти рорриторцы, могли хотя бы две комнаты выделить. Теперь понятно, почему Ирга предпочел учиться у нас, а не на родине. Я бы от такой погоды и жадности аборигенов с ума сошла.

— Местные привыкли. — Отто рылся в своей сумке. — Я подозреваю, что нас вдвоем поселили специально, так легче контролировать. Мне кажется, что приобретенный тут насморк просто не лечится. У тебя есть носовой платок?

— У меня его никогда не было, — сказала я. — Теперь жалею об этом.

— Ты меня простишь? — вдруг спросил Отто, виновато потупив глаза.

Я вздохнула:

— Ты же хотел как лучше, партнер.

Полугном просиял.

— Но в наказание, — продолжала я, — будешь гладить мою парадную мантию.

Лицо Отто скривилось.

— Давай лучше ты со мной разговаривать не будешь, — предложил он. — Будешь дуться, обижаться и отворачиваться, а? Ругаться?

— Не дождешься, — сказала я, выуживая несчастную тряпку из баула. — Держи!

В дверь постучали.

— Я отдам гладить мантию горничной! — воодушевился Отто. — Войдите!

Прежде чем я успела хоть что-то подумать, оказалось, что я вишу на шее у самого дорогого, близкого, нежного... мерзкого, вредного, противного обманщика. Ирга крепко прижимал меня к себе и что-то шептал в перерывах между поцелуями. Я резко оттолкнула увлекшегося некроманта.

— У тебя есть две секунды, чтобы придумать достойное оправдание тому, что ты мне не писал! — заявила я, отходя от греха подальше.

— Романтический момент упущен, — пробурчал Отто.

— Я тебе писал! — возмутился некромант, стряхивая с черных волос капельки дождя. — Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы позволить себе такую небрежность!

— Отто! — попросила я вмешаться.

— Ола не получила ни одного твоего письма, — сказал полугном. — Я свидетель, да и не только я. Все общежитие знает...

— ...что ты меня поматросил и бросил! — горько сказала я, борясь со слезами.

Лицо Ирги выражало искреннее удивление.

— Как я мог это сделать, если я предложил тебе выйти за меня замуж? Я проявил к тебе высшую меру доверия и расположения, какую вообще может проявить мужчина к женщине!

Я скрестила руки на груди и постаралась придать лицу выражение «все мужчины — сволочи». Ирга нахмурился.

— А может быть, ты погладишь мантию своей будущей жены? — разрядил ситуацию Отто.

— Что? — удивился Ирга, рассмотрел одежду и сказал: — Насколько я понимаю, это почетное задание получил ты, так что нечего увиливать!

— А мне казалось, — пробурчал полугном, — что это было бы самым веским доказательством любви...

— Ола, я писал тебе, — тихо сказал Ирга. — Можешь узнать на почте.

Я отвернулась.

— Для тебя это действительно так важно? — Некромант подошел ко мне поближе.

Я всхлипнула.

— Я клянусь тебе памятью моей матери, что я тебе писал, — прошептал мне на ухо Ирга.

Ого, это серьезно! Насколько я помнила, некромант к своей матери относился очень тепло и трепетно, правда, единственное, что я про нее знала — она погибла, когда Ирга был совсем маленьким.

— И про что ты там писал? — спросила я.

— Про то, как я скучаю без тебя, про то, какая ты замечательная, про то, как я...

Отто громко чихнул и сказал:

— Извините, что я вам мешаю, но, Ирга, у тебя нет случайно носового платка?

Некромант вздохнул:

— Я вам все принес — платки, непромокаемые калоши, зонты. Я догадывался, что вы приедете неподготовленными.

— А откуда ты знал, что мы приедем?

— Я сразу догадался, что официальная делегация, присланная Чистяковским

Университетом, будет состоять из вас, — сказал Ирга. — Потому что я не знаю, кто еще из Университета подходит под определение «специалисты по артефактам и авантюристы», которые согласились тащиться через все королевство по слякоти и дождям.

— Очень смешно, — сказала я.

— Я не смеюсь, — серьезно ответил Ирга. — Мне было страшно подумать, что это мог быть кто-то другой. Я хотел видеть именно вас.

— Как трогательно, — всхлипнул Отто, картинно вытирая глаза.

Я села на кровать и закуталась еще в одно одеяло.

— Нет, — сказал Ирга вдруг. — Я не хотел видеть вас. Я хотел видеть тебя, Ола. Я мечтал о том, как я наконец тебя увижу. Прижму к себе и поцелую. Скажу, как сильно я по тебе соскучился и как мне не хватало тебя. А поскольку тебя без Отто представить тяжело, то я рад видеть вас обоих.

— Только не надо меня целовать, — сказал лучший друг.

Ирга присел на кровать и погладил меня по голове.

— Вам нужно отдохнуть перед завтрашним днем.

Я легла так, чтобы потеснее прижаться к его горячему телу.

— Будет тяжело?

— У нас не очень хорошо относятся к теоретикам, — признался Ирга. — Просто маг-выпускник Рорриторского Университета должен прежде всего уметь выживать.

— Я умею выживать, — сонно пробормотала я. — Я умею выживать так, как вашим выпускникам и не снилось.

— Я знаю. — Ирга нежно меня баюкал. — Но нежить уничтожить ты же не училась, правда?

Вместо ответа я прижалась к некроманту крепче и уснула. Я знала, что нужно хорошенько отдохнуть, ведь завтра мы будем не просто Олой и Отто, а будем представлять лицо Университета перед всеми рорриторцами. Наверное, это будет тяжело...

Завтрашний день не был тяжелым. Он был кошмарным. Собранные в аудитории студенты слушать нас совершенно не хотели. Ладно, если бы они просто шумели! Так нет же, они шумели презрительно, не обращая на нас двоих никакого внимания. Они смеялись над каждой нашей фразой. Они отворачивались от продемонстрированных артефактов. Они задавали глупые вопросы, типа: «Девушка, а можно с вами вечером погулять?»

Мне не было жалко сорванной лекции, так тщательно подготовленной еще дома. Мне было жалко потраченных зря усилий Отто — свою тщательно выглаженную мантию и его аккуратно заплетенную бороду.

В общем, первая лекция с треском провалилась.

— Они не воспринимают нас как равных себе! — обиженно сказала я в пустую аудиторию.

— Что же ты хочешь? — спросил полугном. — Для них мы — низшие существа, которые живут тихой и привольной жизнью. А они — спасители Отечества, герои, стоящие на страже.

— Герои... Они только и умеют, что мечами махать и заклинаниями разбрасываться.

— Доказывая свою эффективность в борьбе с нежитью, — заметил лучший друг.

Мне было очень обидно чувствовать себя вторым сортом.

— Когда-то я мечтала, что стану великой магичкой и все меня будут уважать.

— Все! — фыркнул Отто. — Для этого надо сначала у своих же собратьев уважения добиться. У нас в горах как...

— Я не выдержу еще полтора часа такого кошмара! Мне страшно! У меня язык не повернется что-то умное сказать, — перебила я Отто. — У тебя есть выпить?

— Есть, — сказал запасливый полугном, доставая фляжку. — Только это ядреный самогон, давай по глотку.

Я глотнула самогона, вытерла слезы и выдохнула.

— Хорошо, — просипел полугном, тоже сделав глоток. — По спецзаказу брал.

— Дай еще.
— Закуски нет. Развезет.
— Да кто там заметит! Они все равно нас не слушают.
Отто пожал плечами, протягивая мне самогон.
— Смотри только, не дури потом. Я за тебя отвечаю!
— Перед кем это еще? Я совершеннолетняя!
— Перед Бефом, — помявшись, сказал полугном. — Он мне так и сказал: смотри, Отто, чтобы без происшествий. Ты у нас гном серьезный, ответственный.
— А я, значит, несерьезная и не ответственная! — обиделась я на вероломство Наставника.

Ловким движением я выхватила у лучшего друга фляжку и глотнула самогона. Ах так! Значит, не доверяет мне Наставник! Никто меня не уважает! Ик!

Новую партию слушателей мы встретили во всеоружии — на полугнома напала меланхолия, я же вытирала слезы и думала про мою несчастную глотку, горевшую огнем, про неудавшуюся жизнь и неправильный выбор профессии.

— Вам плохо? — спросил один из студентов.

Я кивнула и прохрипела:

— Воды...

Жадность — мой порок. Надо было не хлебать самогон, как сок, а ограничиться одним глотком.

Студент протягивал мне стакан воды, рассматривая, как диковинную игрушку. Аудитория притихла в ожидании цирка. Я выпила воду, вытерла слезы и прокашлялась. Перед глазами перестали летать звездочки, голос вернулся.

— Итак, — начала я. — Мы приехали рассказать вам про то, как важно для некоторых из вас выучиться на Мастеров Артефактов.

Студенты рассмеялись. Я слушала ехидные выкрики и чувствовала, как приятное тепло самогона разбегается по всем сосудам. Жизнь налаживалась.

— Да уж, спасут нас ваши артефакты, когда нежить прет!

— Зачем обвешиваться побрякушками, когда кольчуга и меч и так тяжелые?

— Махать молотом в кузне? Увольте!

— Есть гномы, пусть они и пашут!..

Я обернулась на Отто. Он сидел с умиротворенной улыбкой на лице, наслаждаясь действием алкоголя. Я поняла, что он мне не помощник.

— А ну заткнитесь все! — закричала я. — Когда я говорю, все остальные молчат!

— Ути-пути, — сказал черноволосый студент за первой партой.

— А ну — ша! — Я подошла к его столу. — А то так прокляну, что всю жизнь с ослиными ушами ходить будешь!

— Да что ты, — заулыбался тот. — Ты, слабосильный теоретик, меня, боевого мага, припугнуть решила? Ха.

— Ха. Ха. Ха, — сказала я. — А ну встать! На дуэль меня вызываешь?

— А что, — лениво сказал студент, вынимая из-за пояса длинный кинжал. — Можно.

— Нет, дорогуша, — сказала я. — Понятно, что силой ты меня победишь. Я девушка, к тому же теоретик. Физической подготовки не имею. Давай-ка против равного противника. Например, тебе зомби и мне зомби. Моя теоретическо-артефактная подготовка против твоей боевой.

— Да ты хоть раз зомби видела? — лениво спросил черноволосый.

— Видела, — гордо ответила я. — И не раз сражалась. Как видишь, жива.

— Тогда против инферна.

— Без проблем!

Народ в аудитории ошеломленно молчал. Я обернулась. Отто сидел с вытаращенными глазами, но, слава Небесным Силам, ничего не говорил.

Отступать мне было некуда.

— Давай ни мне, ни тебе, — сказала я. — Выберем беспристрастного арбитра, каждый в аудитории напишет вид нежити или вообще кого угодно. Какую бумажку вытащим, с тем и будем сражаться.

Черноволосый кивнул.

Сразу несколько студентов сорвались с мест и выбежали в коридор. Остальные принялись перешептываться.

«Госпожа Удача! — взмолилась я. — Помоги! Пожертвую тебе десять золотых! Поддержи и не оставь, иначе придет мне конец!»

Двери аудитории открылись, и в мгновение ока она оказалась переполненной. Народ шумел, азартно обмениваясь названиями опасной нежити и выдирая из тетрадей листочки. Мне оставалась только молиться. Отто превратился в памятник самому себе, но я представляла, *что* он мне устроит после окончания всего этого цирка. Если будет кому устраивать.

— Вот жрец из храма Госпожи Удачи, — объявил какой-то студент, затаскивая в аудиторию дряхлого старичка. — Я надеюсь, никто не возражает? Бегать далеко лень было, а тут это чудо мимо проходило.

Жреца быстро ввели в суть дела. Он снял с себя шляпу и предложил кидать туда листочки.

«Ну, Госпожа Удача! Прояви женскую солидарность!» Я скрутила на счастье в кармане фигу и затаила дыхание.

— Десять зомби, — объявил жрец.

— У-у-у-у, — разочарованно простонала аудитория.

Я выдохнула. Могло быть и хуже. С зомби у меня есть хоть какой-то шанс.

— Как быстро вы сможете найти зомби? — спросила я у черноволосого.

— Вечером будут, — ответил он.

В присутствии жреца мы заключили пари: бьемся с зомби любыми доступными средствами. Очерченного места для битвы не покидаем. Побеждает тот, кто уничтожит нежить быстрее.

— Если понадобится помощь, — ухмыльнувшись, рорриторец отвесил мне полупоклон, — кричи «стоп!».

— Я учту, — ответила я.

Когда захлопнулась дверь за последним студентом, Отто спросил:

— Тебя где хоронить?

— Под березкой, всегда мечтала. Но с этим повременим.

— Ты настолько уверена в своих силах? — поразился полугном.

— Нет, Ирга обещал поднять из могилы, если я помру до нашей свадьбы.

— А-а-а, — пробормотал Отто. — Утешительное известие.

Мы помолчали.

— Если ты сейчас начнешь вопить «что я сделала?», «зачем я это сделала?» и «что мне теперь делать?», я тебя сам убью, не дожидаясь вечера, — предупредил лучший друг.

Вообще-то я именно так и хотела завопить, просто от осознания того, в какую кашу я вляпалась, временно потеряла дар речи.

Дверь с треском распахнулась, и в аудиторию влетел Ирга.

— Я ее первый убиваю, — успел сказать полугном, прежде чем некромант схватил меня за плечи и затряс, как куклу.

— Осторожнее. — Я даже не пыталась вырваться. — Остатки мозгов через уши вылетят.

— А они были у тебя когда-нибудь? — с отчаянием спросил Ирга и сел на стол.

— Кто — уши или мозги?

— Мозги в твоей глупой голове!

— Не знаю, — честно призналась я.

— Зачем ты ее напоил? — горько сказал Ирга моему лучшему другу. — Не могли до

вечера потерпеть, алкоголики!

— Откуда же я знал, что она такое учудит! — возмутился Отто.

— А ты ее первый день знаешь!

— Эй! — закричала я. — Перестаньте обо мне говорить, будто меня уже зомби сожрали! Я еще жива. И помирать не собираюсь.

— Очень интересно, как это тебе удастся, — вздохнул Ирга. — Совсем недавно вид одного зомби тебя приводил в ужас.

— Я думала, ты мне поможешь.

— Каким образом? Насколько мне известны условия, ты должна будешь сама справиться.

— А откуда ты вообще это знаешь?

— О вашем пари сейчас болтает весь Университет, — просветил меня Ирга. — Неслыханный случай — какой-то паршивый теоретик бросает вызов самому Ридеру!

— А кто он вообще такой, этот Ридер?

— Самый успешный студент-второкурсник, любимчик преподавателей.

— Ага, второкурсник!

— Я бы на твоём месте так не радовался, — предостерег Ирга. — Зомби они прошли на первом курсе, и он считает себя очень и очень крутым боевым магом. В таком возрасте еще не приходит осознание бренности бытия и своего несовершенства. Это очень опасный противник.

— А к тебе, значит, уже пришло осознание собственного несовершенства? — спросила я, остро мучаясь от комплекса неполноценности. Ко мне осознание собственного несовершенства пришло еще тогда, когда я в нежном возрасте хотела залезть на соседское дерево наворовать слив и упала, порвав ветками новое платье.

— Я отношусь к той категории исключительных людей, которые практически совершенны, — ответил Ирга. — Что ты собираешься делать с зомби?

— Не знаю, — призналась я. — У нас куча боевых артефактов. Обвешаюсь ими всеми и буду активировать по очереди.

— А за это время тебя порвут на части, — сообщил Ирга.

— Ты совсем в меня не веришь? — спросила я.

— Я верю, — отозвался полугном, — в то, что мне придется собирать твои кишочки, чтобы было что родителям в гробу привезти.

— Кишки завоняются в дороге, — авторитетно сказал некромант. — Лучше другие части тела везти.

— Нет, — настаивала я. — Ты скажи честно: ты веришь в то, что я одолею зомби, или нет?

— Я волнуюсь за тебя, — уклонился от ответа Ирга.

— Понятно. — Я обернулась к Отто. — А ты?

— А я верю, — сказал он. — Потому что иначе мне придется оправдываться перед твоей мамой и Бефом. У тебя выбора нет, кроме как выжить.

— Я не про выжить. Я про то, что я одолею зомби.

Отто скептически хмыкнул.

Я почувствовала себя страшно одинокой и несчастной.

— Ну и ладно. — Всхлипнув, я подошла к столу и стала перебирать привезенные артефакты. Какие-то обязательно должны мне помочь! Я им всем покажу!

— Я верю в тебя, — вдруг сказал Ирга. Он обнял меня за плечи и поцеловал в шею. — Давай подумаем, как тебе помочь.

— Где это будет происходить?

— На тренировочной площадке, имитирующей кладбище. Думаю, зомби будут вялые, потому что время поединка довольно раннее, а активнее всего зомби по ночам.

— Еще бы, — сказал полугном. — Эти рорриторцы специально назначили время, чтобы светло было. Им хочется посмотреть, как нежить Олу драть на части будет.

Ирга согласно кивнул.

— Надо пойти посмотреть на полигон, — сказала я, сгребая все привезенные артефакты в сумку. — А где твои коллеги найдут столько зомби к вечеру?

— Зачем их искать? — удивился Ирга. — Они у нас в любом количестве, как учебный материал. Тебе еще повезло, что зомби попались. У нас в подвалах знаешь сколько нечисти сидит? Любого вида!

— Небось есть еще и охотники, которые это все отлавливают и привозят сюда? — поинтересовался полугном.

— А как же! Очень прибыльное дело, многие старшекурсники этим промышляют.

Мы шли по улице, но даже активное хлопанье по лужам огромными ботинками Отто не могло заглушить шепотки за нашими спинами. Казалось, весь университетский городок обсуждает предстоящее сражение.

«Да, — подумала я. — Такого в моей жизни еще не было. Буду защищать честь Теоретического факультета в сражении с зомби. И что я хотела этим доказать? Факультету все равно, а мне плохо будет».

И тут я увидела в витрине магазина потрясающие кожаные брючки с серебряными заклепками.

— Подождите, я хочу брюки купить!

— Бабы, — процедил Отто. — Тебя в них похоронить?

— Дурак ты! У меня с собой только юбки. Как я на полигоне в юбке от зомби бегать буду, ты подумал?

— А я тебя в брюках никогда не видел, — сказал Ирга.

— За удовольствие насладиться видом моих ножек ты мне эти брюки и купишь, — сообщила я, выходя из примерочной. Брючки сидели идеально, я нравилась сама себе.

— Мне бы твое спокойствие перед боем, — восхитился полугном.

— А куда деваться? — спросила я. Меня охватила эйфория. Деваться действительно было некуда, помирать я не собиралась, а сбежать из магического круга с зомби всегда успеется.

Тем более что не впервые, в конце концов, меня ожидает встреча с зомби. Однажды, еще на четвертом курсе, я пошла на свидание с одним боевым магом, который затащил нас на кладбище, посчитав, что это очень романтичное место. Там мы столкнулись с зомби, который вспылал ко мне страстью и тут же обнаружил слабое место ухажера — тот до потери сознания боялся оживших мертвяков. Тогда от неприятностей нас избавил Ирга, работавший как раз на этом кладбище, и все окончилось только испугом.

Вторая встреча с зомби была куда серьезнее — сбрендивший маг собирал коллекцию мертвецов, и, возвращаясь с друзьями с вечеринки, мы столкнулись с ним и его творениями. В бою против зомби было загублено лучшее платье, которое у меня когда-либо было, а Ирга серьезно пострадал. Именно тогда я осознала, что черноволосый некромант с голубыми глазами прочно вошел в мою жизнь и потерять его я не хочу.

Когда мы вышли из магазина, нас уже ждала делегация.

— Гм... Ирга... — осторожно начал самый смелый. — А ты знаешь, что нельзя помогать этой девушке?

— Ее зовут Ола, — сказал Ирга. — И разве сейчас она находится в магическом круге с зомби?

Делегат помялся и сказал:

— Нет, но...

— Что? — спросил Ирга. — Пари заключено в присутствии жреца. Вы думаете, я могу его как-то нарушить?

— Да кто тебя знает, — осторожно сказал делегат. — Ты много чего можешь.

— Это все? — спросил некромант. — Вы меня задерживаете.

— Мы так, на всякий случай... — засмушалась делегация. — Извини, если что...

— Ну ты крут! — сказал полугном.

Я ничего не сказала — завидовала. Вот бы мне когда-нибудь добиться такого! Чтобы народ трепетал передо мной и боялся! Уважал! Чтобы все окружающие знали по имени, к тому же обращались на «вы» и шепотом.

Мы осмотрели тренировочный полигон. Вопреки моим опасениям он представлял собой макет довольно ухоженного кладбища, без лишних зарослей и ям на дорожках. Единственной проблемой были эти самые дорожки — желтая глина от непрекращающегося дождя стала очень скользкой.

— Что-нибудь придумаем, — пробурчал полугном, попинав ботинком глину. Он подхватил насморк и был чрезвычайно мрачен.

В комнате гостиницы Отто сосредоточенно перебрал все имеющиеся у нас артефакты.

— Если не считать твоей шпильки, которая гарантированно уничтожит одного зомби, с помощью имеющихся артефактов ты можешь разорвать на части еще троих.

— Итого четыре. Маловато, — сказала я, любовно поглаживая свою шпильку. Это украшение я сделала сама, вложив в кусочек серебра охранные функции. А Ирга подарил мне сережки — самозаряжающийся артефакт, разрывающий на части нежить.

— Мы же привезли образцы, а не вооружение на армию, — сказал полугном.

— Что у нас еще есть против нежити?

— Сейчас еще поищем. Вот для замедления, вот для обездвиживания...

— Это тоже хорошо. — Разложенные на кровати артефакты выглядели внушительно.

— И что ты будешь делать с обездвиженным зомби? — спросил Ирга.

— Я... Мне нужен меч!

— Ты его хоть в руках держать умеешь?

— В руках держать умею, — подумав, ответила я. — Только мне нужен легкий меч, а то тяжелый не удержу. А как вообще убивают зомби?

Ирга схватился за голову:

— Ты этого не знаешь?

— Знаю, конечно, но в общих чертах. — Я старательно изучала пол под ногами.

— Нет, наверное, я тебя просто убью и избавлю себя от мучений навсегда, — сказал некромант.

— Ты обещал на мне жениться, — напомнила я.

— Ты не очень стремишься к этому, — сказал Ирга. — Самоубийственные предприятия привлекают тебя куда больше.

— Я еще тебя переживу, — пообещала я. — Вас обоих, вместе взятых. И буду каждый день приходить на ваши могилы и танцевать.

— Меня кремируют, — предупредил полугном.

— Ничего, я что-нибудь придумаю.

— Интересно, как это ты собралась нас пережить? Не будешь пить алкоголя и начнешь соблюдать режим дня? И ежедневно делать зарядку? — поинтересовался некромант.

Я вздрогнула от такой перспективы.

— Ты мне лучше о зомби расскажи.

— Зомби сначала обездвиживают, — сказал Ирга. — Потом лишают его силы, которая заставляет создание собственно двигаться. И ликвидируют тело во избежание всяческих эксцессов.

— Зомби движутся благодаря магической силе, правильно?

— Да.

— Тогда мне остается только лишить противников магической энергии, и я победила!

— Очень интересно, как ты это сделаешь?

— Мечом, — уверенно сказала я. Как же я сразу не подумала! Ведь я считаю среди студентов общепризнанным авторитетом в области начертательной магии. — Я начерчу мечом на глине чертеж, заманю туда зомби — и все! Их магическая энергия моментально исчезнет.

— Бредовый план, — сказал Ирга. — Как тупое злобное создание можно заманить на

чертеж?

— Крупы насыплет и скажет «цып-цып», — пошутил Отто.

Я злобно посмотрела на лучшего друга:

— Спасибо за поддержку, Отто!

— Я что, — смутился он, — я ничего. Вот еще артефакт от умертвия. Поможет?

— Не знаю, — пожал плечами Ирга. — Никогда не пробовал.

— Я попробую, — решила я. — Что еще есть?

— Против вампиров, но он точно не годится. Я тебе в подошвы ботинок сейчас гвоздики набью, чтобы ты не скользила.

— Промокнут мои ботинки.

— В калошах ты сразу убьешься, потерпи. Ты лучше отдохни, а я в лавку за нужным инструментом схожу.

— А я за мечом, — сказал Ирга. — Ты действительно отдохни.

Как только ребята ушли, меня охватила паника. Отдохни! Как же я могу отдохнуть, когда через пару часов, возможно, погибну? Ну хорошо, погибнуть мне никто не даст. Но вполне возможно, я покалечусь. И не смогу потом смотреть в глаза наглым рорриторским студентам, Ирге, Бефу... Кошмар! Я свернулась в клубочек и принялась горячо молиться всем известным мне богам, обещая вести себя хорошо-хорошо, еженедельно жертвовать на храмы крупную сумму денег и даже уйти в монастырь.

— Плачешь? — спросил неслышно подошедший Ирга.

— Нет.

— Не волнуйся, я буду рядом. Я не позволю, чтобы с тобой что-то случилось, обещаю.

Он лег на кровать и обнял меня.

— Не дрожи, все будет хорошо.

— Я вам не помешаю? — Отто сел на соседнюю кровать и застучал молотком. — Вы целуйтесь, целуйтесь, я подглядывать не буду.

— Мы не целуемся, — сказала я.

— А жаль, — добавил Ирга.

— Вечно вы все усложняете, — вздохнул полугном.

Наше шествие на место поединка скорее напоминало траурное. Ирга молчал, став бледнее, чем обычно. Он нес с собой узкий длинный клинок, легкий и аккуратный. Отто методично выдирал из бороды целые пряди, что являлось у него признаком душевного волнения. Я была спокойна. Несколько глотков из припасенной заранее фляжки с коньяком — и мир кажется куда более добрым, чем он есть на самом деле. Я была во всеоружии — на шее и руках болтались артефакты, но основной запас лежал в многочисленных карманах куртки.

Тренировочный полигон встретил нас наспех сколоченными трибунами и огромной толпой народу.

— Быстро работают, — уважительно сказал Отто.

Магические окружности довольно больших размеров неярко светились синим.

— Итак... — сказал маг, в котором я с трудом узнала главного встречающего. Он был наряжен в парадную мантию и не шмыгал носом после каждого слова.

— Проректор по учебной части, профессор Димитр, — прошептал мне Ирга.

— По моему сигналу поединщики вступают на очерченную территорию сражения. Как только последний зомби будет уничтожен, линия погаснет. Сигналом к прекращению поединка будет слово «стоп», сказанное кем-то из соревнующихся. Все понятно?

Мы с Ридером синхронно кивнули. Я с удовольствием отметила, что он бледен.

— На счет «три». Раз, два... три!

«Небесные Силы!» — подумала я и кинулась в круг.

Было тихо. Магический заслон отгородил меня от всех посторонних звуков, а зомби не давали о себе знать.

Я уперла меч острием в землю и, бормоча заклинания, побежала. Ботинки не

скользили, хотя выдирать их из чавкающей глины было довольно тяжело.

Я услышала негромкое ворчание. Прямо на моем пути стоял крупный экземпляр творения некроманта. Не прекращая произносить заклинание, я кинулась зомби под ноги, прокатившись по глине на животе, быстро поднялась и побежала дальше. Зомби удивленно хрюкнул и потопал за мной. Меч цеплялся за какие-то корешки и становился с каждым шагом все тяжелее и тяжелее.

Опс! Стоит парочка. У них между ног не проскользнешь. Я выхватила из кармана первый попавшийся артефакт и активировала его усилием воли. Зомби разметало по сторонам, я, не останавливаясь, побежала вперед.

Дальше все происходило, как в кошмарном сне после сильного опьянения. Четырех зомби я уничтожила с помощью артефактов еще до окончания черчения. Трое встреченных в самом начале неуклонно топали за мной, судя по звукам периодически поскальзываясь и падая.

После завершения чертежа я стала в его центр. Даже под страхом смерти я не могла больше пробежать ни шагу. Как только троица преследователей ввалилась за линии, я прокричала на остатках дыхания заклинание. Зомби повалились друг на друга, как мешки с сеном.

Оставалось еще трое. Вытерев пот со лба, я осмотрела боевой запас. Во время бешеной гонки с чертежом я израсходовала зря несколько артефактов. Из толковых остался только обездвиживающий и против умертвия с неизвестным мне действием. Где же эта сладкая троица? И что мне с ними делать? На самый крайний случай еще была шпилька на голове, но ее я буду беречь до последнего!

Я с трудом поднялась, посмотрела на меч, но бросить его не рискнула. Зомби, конечно, тупые, но в недавно активированный чертеж они не полезут, инстинктивно отшатываясь от враждебной магии. Придется искать их самой.

— Цып-цып-цып, — неуверенно позвала я, вспомнив Отто.

Никто не отозвался, даже кусты не шевельнулись. Я осторожно шла по дорожке, чувствуя, как в ботинках хлопает вода.

— Кис-кис-кис, идите сюда, мои хорошие! Куть-куть-куть! Гули-гули-гули!

Как ни странно, на «гули-гули» отозвались шевелением кусты справа, и на дорожку вылез зомби. Выглядел он совсем странно — изо рта капала слюна, глаза светились зеленым.

Красавчик протягивал ко мне руки с длинными желтыми ногтями. В отличие от остальных зомби двигался очень прытко.

— Ёшкин кот! — взвизгнула я, отшатываясь и активируя артефакт против умертвия.

Возник небольшой смерч, и зомби закрутило в воздухе и шмякнуло об могильную плиту. Плита раскололась надвое, противник больше признаков жизни не подавал, мало того, он начал разлагаться ускоренным методом. Отвернувшись от неприятного зрелища, я кинулась в кусты, из которых только что выбралась — смерч не особо разбирался, кого куда кидать.

Меня тошнило, перед глазами плясали звездочки. Конечно, по всем законам подлости, я тут же оказалась в дружеских объятиях девятого товарища. Радостно рывкнув, он дернул меня за левую руку так, что я потеряла сознание, но очнулась сразу от боли и вони. Верная шпилька сделала свое дело — мне оставался только один противник. Рука висела безжизненной плетью. Рыдая от жалости к самой себе, я куда-то поплелась, натываясь на могильные плиты и кусты.

— Грр? — озадаченно спросили меня.

Я подняла глаза и увидела десятого. Вид у зомби был довольно потрепанный, видимо, он попал под действие какого-то из щедро активированных артефактов. Я, всхлипывая, активировала последний. Зомби замер. Но я не смогла вспомнить заклятие, лишаящее магической подпитки! В голове крутилась только фраза: «Отрезать ему голову». Я замахнулась мечом, но тут же вскрикнула от боли в плече. Пришлось валить зомби на землю и резать ему голову, как кусок колбасы. Как ни странно, это занятие меня успокоило. Я

деловито пилила мертвую плоть, сидя сверху. Зомби начал шевелиться, и тут мне в голову вернулся текст заклęcia. Пристально глядя в мертвое лицо, я с удовольствием упокоила последнего противника, представляя на его месте всех рорриторцев вместе с их Университетом, дождем и насморком. И принялась дальше отрезать противнику голову.

— Ола, Ола, милая моя! — Ирга упал передо мной на колени, заглядывая в лицо. — Ты как?

— Я занята, — отрезала я.

— Ола, ты была первая, мы сделали их! Сделали! — ликовал Отто. — Ирга, а что она делает?

— Я не знаю, — сказал Ирга. — Может, это у нее шок?

Ирга попытался оторвать мои руки от мертвяка, и тут я потеряла сознание от боли.

Миг триумфа запомнился плохо. Я стояла перед профессором Димитром и скрежетала зубами от боли, мечтая о целителе. Меня поддерживал Отто, надутый от гордости.

— Вы хотите что-то сказать? — спросил у меня проректор.

— Да, завтра жду желающих на лекцию об артефактном деле, — сказала я. — Всем спасибо.

— Целитель уже тут. — Ирга заботливо усадил меня на скамью. Я подняла глаза. Нас окружала плотная толпа желающих пообщаться.

— Ирга... — простонала я.

— Да, милая, я понимаю, что ты не хочешь сейчас разговаривать, зато у меня есть что им сказать. — И заботливый и взволнованный парень мгновенно превратился в страшного некроманта.

— Кто, — спросил он ледяным тоном, поворачиваясь к зрителям, — кто подсунул под видом зомби Оле умертвие?

Толпа отшатнулась. Ирга был страшен в гневе.

— Я узнаю, кто это сделал, и сам упокою этого... ловкача. Навсегда упокою, только перед этим он пожалеет, что на свет появился!

— Ирронт, успокойтесь, я сам расследую этот инцидент! — Сквозь толпу зрителей протолкался профессор Димитр. — Я приношу вам свои извинения, Ольгерда!

— Ничего, ничего, — мило улыбнулась я. Целитель колдовал над моей рукой, и поэтому я подобрела. — Я сообщу о вашем гостеприимстве в своем Университете.

Проректор затрясся:

— Ольгерда...

— Завтра поговорим, профессор, — сказала я. — Я устала, а еще и отчет в Университет писать.

— Вы зайдете ко мне завтра? — умоляюще сказал проректор.

— Конечно, вы же под отчетом должны будете подписаться как свидетель.

Димитр кивнул и разогнал толпу.

— А артефактик-то пригодился, — сказал Отто, когда мы брели в гостиницу. — Против того умертвия.

— Это точно, — кивнул Ирга. — Умертвие не так просто упокоить, ты бы с ним долго возилась, пока бы оно тебя не сожрало. Хорошо, ты сразу сообразила, что делать.

Я покивала с умным видом и спросила:

— А какое из них было умертвием?

Ирга резко остановился и посмотрел на меня, ошарашенно моргая. А потом начал смеяться. Смеялся он странно, со всхлипами, поэтому я стукнула некроманта по спине и сказала:

— Что смешного?

— Они все продумали, — выдавил Ирга, вытирая слезы. — Они достали умертвие и притащили его на полигон. Они обошли судей. Подняли и разозлили тварь. Одного не учли: что ты умертвие не признаешь! Как ты некромантию сдала?

— Как, как. Тебе напомнить? Могила тебе копала, а ты практическую работу писал.

— Ты не мне могилу копала, — давясь смехом, заметил Ирга. — Но не суть важно.

Я чихнула. Ужасно замерзли ноги, и ныло все тело.

— Заболеешь, — предрек Отто.

— Вот еще, — упрямо сказала я.

— Не заболеет, — сказал Ирга. — Я ее полечу.

— Вы только во время лечения не сильно кроватью скрипите, — ответил Отто. — Я спать хочу, день такой тяжелый был.

— Конечно, — посочувствовала я. — Девять зомби и одно умертвие убить. Замаялся, бедняжка!

— Я переживал за тебя! — обиделся полугном. — А это очень тяжело.

Конечно, кроватью мы не скрипели. Я долго отмокала в ванной от грязи, кусков зомби и глины, потом Ирга напоил меня каким-то специальным чаем, растер все тело жесткой шерстяной тряпкой и укутал в одеяло. На середине процедуры растирания я уже спала как убитая.

Все запланированные лекции прошли замечательно. Студенты, пораженные моей вчерашней прытью, вели себя как шелковые. Уже никто не сомневался, что при желании я могу и проклясть. Отто грелся в лучах моей славы и выглядел довольным, как кот.

— Вот увидишь, — сказал он мне по пути к кабинету проректора. — Мы для тебя денег еще слупим. За моральный ущерб.

— Деньги — это хорошо, — сказала я, любовно глядя листочки отчета о происшедшем.

Этот отчет вдохновенно наваял Отто, пока я рассказывала рорриторцам о современном положении в области артефактов. Труд был достоин попадания в библиотеку. Я выглядела невинной овечкой, несущей свет знаний злобным, лживым и беспринципным демонам. Когда я читала творение Отто, мне захотелось заплакать — так мне стало себя жалко. Изображенные рорриторцы вызвали праведный гнев.

— Я уверен, — сказал полугном, — что этот отчет произведет нужное впечатление на нашего друга Димитра.

— Я только не пойму, где ты так сочинять научился, — призналась я.

— Как где? — удивился Отто. — А кто в Университете пять лет объяснительные писал? А отчеты по практике? Тут писателем любой станет.

— Я же не стала.

— Это потому что ты относилась к написанию объяснительных без души, как к формальности, — объяснил лучший друг. — Университет дает столько возможностей для творческого развития, главное — их замечать.

Я вспомнила, что действительно переписывала у Отто все объяснительные, особо отслеживая, чтобы причины, подтолкнувшие нас на очередное нарушение университетских правил, были в моей объяснительной такими же, как у полугнома.

— Не хотите ли пройти в нашу галерею? — Проректор ждал нас у кабинета. — Очень умиротворяющее место. Здесь висят портреты людей и представителей других рас, которые много сделали для Университета, совершили нечто из ряда вон выходящее. — Димитр льстиво улыбнулся. — Возможно, мы сюда же повесим и ваш портрет, Ольгерда.

— Вы мне еще памятник при жизни поставьте, — съязвила я. — Чем заслужила такую честь?

— Вы показали нам, что не только практической магией можно воевать. Признаюсь, в учебном процессе уделяется недостаточное внимание теоретической магии. Это упущение деканат собирается исправить как можно скорее.

— Я рада. — Мое внимание привлек один портрет. Чтобы рассмотреть лучше, я подошла поближе.

На портрете была изображена молодая девушка с густыми черными волосами. На миловидном личике сияли, как два озерца, огромные голубые глаза. Пухлые губки просили поцелуев, курносый носик задорно морщился. Кого-то она мне напоминала, но кого?

— Любуется? — спросил Димитр, успевший мельком просмотреть наш отчет.

Кажется, на профессора творческие изыски полугнома произвели неизгладимое впечатление.

— Кто это?

— Ириада Искальская. Я ее учил когда-то, она была моей любимой студенткой. Одаренная магичка.

— Я знаю, — сказала я.

Ириаду Искальскую мы проходили на уроках истории магии. Очень сильный маг, она ценой собственной жизни спасла весь Рорриторский край от нежити. Тогда, лет двадцать назад, в Сумеречных горах образовалось некое подобие государства нежити, которое подготовило наступление на ближайших соседей. На их беду, открытие портала, который перебрасывал армию нежити, состоялось в непосредственной близости от городка Искаль. На месте открытия портала Ириада собирала целебные травы и мгновенно взяла ситуацию под свой контроль. Что она сделала, осталось загадкой для магов, прибывших на место огромного всплеска энергии. Но главное — портал был не только закрыт, но и уничтожен со всей армией нежити. Ириаду разнесло на кусочки.

— Просто на официальных портретах она немного другая, — сказала я.

— Да, — кивнул проректор. — Здесь она студентка, а на официальных портретах — замужняя дама, почтенная мать семейства. А вы знаете, что в замужестве Ириада носила фамилию Ирронтто?

Моя челюсть отвисла. Я потрясла головой, чтобы привести мысли в порядок. Мать Ирри? Но это же невозможно! Он никогда...

— Кажется, — хитро сказал проректор, — вы находитесь в довольно дружеских отношениях с ее единственным сыном?

— Моя личная жизнь вас не касается, — ответила я.

Отто подошел к портрету и прикрыл двумя ладонями лицо девушки, оставив только глаза. Такие же, как у Ирри. Точнее, у Ирри были такие же глаза, как у его матери.

— Сын благородством пошел в мать, — сказал проректор. — Он никогда бы не позволил себе написать жалобу на какое-то происшествие, разобрался бы сам.

Так вот зачем был нужен весь этот спектакль!

— Ирга действительно благороден, — согласилась я. — Как жаль, что я не он! Я вот ужасно люблю жаловаться, особенно если попирают мое достоинство. Вы, наверное, слышали о моем Наставнике Бефе?

Димитр нервно сглотнул. Конечно, он слышал о Бефе. А кто не слышал об одном из самых сильных боевых магов, который переквалифицировался в преподавателя теории?

— Он так надеялся, что эта поездка пройдет для меня без приключений, — вздохнула я. — Как-никак любимая студентка!

Отто весело подмигнул мне за спиной проректора.

— И мне нанесен такой моральный ущерб, — вздохнула я. — Не говоря уже о том, что моя одежда превратилась в лохмотья. Да, думаю, Наставник этого не поймет. Все-таки он готовил меня специалистом по трансляции магической энергии, а не уничтожителем нежити.

— Вы очень славно себя показали, — заискивающе сказал проректор.

Я скорбно поджала губы.

— Скажите, а сумма в десять золотых компенсирует ваш моральный ущерб?

— А материальный? А походы к целителю?

— Двадцать золотых.

Сумма была очень большой, но я вовремя вспомнила, что десять золотых я должна в храм Госпожи Удачи. Да и Отто должен получить свою долю за отчет.

— Вы подпишетесь под отчетом?

— Двадцать пять золотых, — сказал Димитр таким тоном, что стало понятно — это последняя сумма.

— Хорошо.

— И вы обещаете забыть об этом маленьком инциденте в стенах нашего учебного заведения?

— Вы о том, что вы не подготовили студентов к встрече с Мастерами Артефактов? Или о том, что на лекции должны были приходить только те, кто был заранее ориентирован на возможную программу обмена? Или что преподаватели Университета даже не пожелали взглянуть на привезенные артефакты? А-а-а, наверное, о том, что с попустительства высокого университетского начальства были нарушены условия магического поединка?

Отто жестами показал, что уже хватит.

— У меня вообще девичья память. — Я улыбнулась бледному проректору.

Он кивнул и достал из кармана мешочек.

— Вы позволите, отчет я оставлю себе?

— Оставляйте, — великодушно махнула я рукой.

— А копия есть?

— Нет.

Проректор вздохнул с облегчением.

— Вы уезжаете завтра утром, так? Сегодня мы передадим списки тех, кто хотел бы отправиться на ознакомительную экскурсию в мастерские Чистяковского Университета и, возможно, остаться по программе обмена.

Вполне довольные друг другом, мы расстались. Я выяснила, где можно найти Иргу, нужно было поговорить с ним.

— Только ты по тактичнее, — посоветовал Отто. — Все-таки его мать.

— Но почему он мне этого не говорил?

— Значит, у него были на это причины, — мудро заметил полугном.

Ирга в кабинете корпел над бумагами.

— Вот она, работа некроманта: на кладбище вырываешься, как на курорт, — пожаловался он нам, внимательно присмотрелся и спросил:

— Что случилось?

— Мы были в галерее...

Ирга помрачнел.

— Проректор повел хвастаться? Это его конек.

— Мы там видели портрет твоей мамы. О Ирга, почему ты мне никогда о ней не говорил?

— Говорил. Я тебе даже колыбельную как-то пел, которую она мне пела.

— Но ты никогда...

— Потому что, — вдруг крикнул Ирга, — потому что это она для вас Ириада Искальская! Великая магичка! Портрет в галерее! Страница в учебнике! А для меня она просто мама. Понятно? Просто моя мама!

— Успокойся. — Я попыталась обнять некроманта, но он вырвался и прижался лбом к оконному стеклу. — Я все понимаю, она была для тебя лучшей мамой.

— Я был там, — глухо сказал Ирга. — Я был там, когда все это произошло. Она приказала мне бежать, а сама... Я много лет думал, почему она это сделала? Почему она не убежала со мной? Неужели это было важнее, чем я? Чем мы?

— Сколько тебе было тогда лет?

— Шесть, — прошептал Ирга. — Она обещала подарить мне братика, она обещала, что никогда меня не бросит и будет любить всегда-всегда.

Я обняла его и прошептала:

— Я уверена, она тебя очень-очень любила.

Ирга помолчал, а потом признался:

— Отец после ее смерти как будто сошел с ума. Он искал способы ее воскресить, вернуть хоть ненадолго. Многие открытия в современной некромантии сделаны им. А потом я уговорил его жениться, потому что все время хотел есть, а соседка пекла такие вкусные пирожки.

Ирга повернулся к нам и сверкнул глазами:

— Только не смейте меня жалеть! Это дела давно минувших дней.

— Ты поэтому поступил в наш Университет?

— Да, потому что здесь я для всех был сыном Той Самой. А в Чистякове Ирга Ирронтто никакого отношения к Ириаде Искальской не имел.

— А я думал, что ты к нам приехал из-за вашей мерзкой погоды, — разрядил обстановку Отто.

Некромант улыбнулся. Из глаз у него исчезла тоска, и он снова стал похож на Иргу, которого я знала.

— И это тоже. Пойдемте, я вас провожу.

Полугном топал впереди, сморкаясь и бурча. Ирга заставил меня немного приотстать и спросил:

— Можно пригласить тебя в гости?

— Конечно, а куда?

— К себе в комнату. Я живу один, у меня уютно. Чай есть, твой любимый, конфет купим.

— А потом по мерзкой погоде возвращаться в гостиницу? Бе-э-э...

— Зачем возвращаться? Я уверен, что тебе понравится моя кровать.

— Да? Ну ладно, я согласна.

Ирга обрадованно притянул меня к себе.

— Ола, — прервал нас охрипший голос Отто, — посмотри-ка!

— Ну что там еще? — спросила я и протерла глаза. По улице, не обращая внимания на дождь и лужи, к нам стремительно приближался Беф.

— Это не галлюцинация, ты тоже это видишь? — спросил полугном. Я потрясенно кивнула.

— Так, — сказал Беф. — Все в сборе. Что у вас тут произошло?

Я не удержалась и пощупала его мантию.

— Ольгерда, оставь свои штучки. Я живой и во плоти.

— Наставник, а что вы тут делаете?

— До меня дошли слухи, что тут происходит нечто интересное. Я телепортировался.

— Телепорт... — Телепортационные установки стояли в каждом большом городе, но стоимость услуги была такая, что маги предпочитали ездить верхом или в пассажирских каретах. Само заклинание телепортации пожирало у мага столько сил, что пользовались им только в случае смертельной опасности. И все равно существовала вероятность быть выброшенным в неизвестном месте практически без сил.

— Что у вас тут происходит? — спросил Беф, всем своим видом говоря: я знал, знал, что вы во что-то влипнете!

Я ощупала в кармане мантии мешочек с деньгами и сказала:

— Ничего особенного. Просто показывала местным, как работают в деле наши артефакты. Правда же, Наставник! Посмотрите, мы даже в официальных одеждах! А сегодня будут готовы списки желающих учиться у нас по обмену.

— Работают в деле? И как же? Что ты натворила?

Я обернулась за поддержкой, но поддержка трусливо теребила бороду, спрятавшись за спиной у Ирги.

— Ну это... на тренировочном полигоне уничтожила десять зомби на спор. И победила, — скороговоркой произнесла я.

— Так, — сказал Беф. — Так.

Кажется, он лишился дара речи.

— Правда, это было нетрудно. — Я заискивающе заглядывала ему в глаза. — Я цела и здорова. Посмотрите, у меня даже мантия выглажена!

Отвлекающий маневр не сработал. Я знала это выражение лица у Наставника. Оно означало, что сейчас Ольгерда Ляха получит по полной программе.

— Что вы ко мне относитесь, как к ребенку! — не выдержала я. — Диплом скоро получу. И между прочим, курс боевой магии прошла.

— А кто ходил за мной следом, умоляя поговорить с преподавателем, чтобы тебе поставили по этому курсу «хоть какой-нибудь зачетик»? — зловеще спросил Беф.

— Ну и что! — Буду защищаться до последнего! — Мне все равно этот курс не пригодился. Я из него не помню ничего... Ой! В смысле, я хотела сказать...

— Я сейчас иду к моему любезному другу Димитру за списками! — рывкнул Беф. — А вы, двое, — за вещами и ждать возле телепортационной башни! Дома разберемся с самодеятельностью.

— Наставник... — заныла я.

— Не канючь! — отрезал он и пошел к Университету.

— Накрылся медным тазиком наш чай, — вздохнул Ирга.

Но меня интересовало другое.

— Спасибо за поддержку, друг! — язвительно обратилась я к Отто.

— Что я? — оправдывался он. — Я и слова не успел вставить.

— Будешь объяснительные писать!

— Буду, конечно. За кого ты меня принимаешь?

— Может, зайдем ко мне в гости сейчас? — без особой надежды предложил Ирга.

— Если Беф меня не обнаружит возле башни, то голову открутит.

— Точнее, не поленится из постели вытащить и по шее надавать, — сказал Отто.

— А ты вообще молчи.

— Ты думаешь, мне хочется так быстро возвращаться? — огрызнулся полугном. — У меня, может, есть свои причины отсутствовать в городе!

— Очень интересно, какие же?

— Тебе скажи...

— Ну и не говори.

— И не скажу.

— И не надо!

— А я не подстрекатель, а вы не подеретесь! — запел Ирга противным голосом.

— Ну вас всех! Мужики! — сказала я.

Отто гордо отвернулся.

Мы сидели на лавочке возле башни и ждали Бефа. Ирга обнял меня за плечи, но мирить с Отто не пытался. Полугном принял обиженный вид, но я демонстративно не смотрела в его сторону.

— Ты разберись там, куда подевались мои письма, — напомнил Ирга, заведя приближающегося Бефа. — Их никто прочитать не сможет, кроме тебя. Так что ищи по обожженным пальцам. Они у целителей и то лечиться плохо будут. Я старался сохранить конфиденциальность.

Я кивнула. Мне и искать-то не надо было, если бы я сразу узнала о заклятии, наложенном на письма. Моя давняя «подруга» Марта уже месяц ходила с перебинтованными руками, огрызаясь на все расспросы. Когда-то эта девушка решила, что ей нужен Ирга, поэтому никак не могла оставить нас в покое.

— Интересно, — сказала я, — кого она подкупила, чтобы получать письма? Почтальона или дежурных по общежитию?

— Почтальона, — ответил Отто. — Он один, его подкупать дешевле. Вот упрямая девица, знает, что письма открыть не получится, и все равно их ворует!

— Я бы так никогда не поступила.

— Денег бы пожалела? — поинтересовался Ирга.

— И это тоже. Зачем тратить деньги, если есть огромное количество способов узнать содержимое писем бесплатно?

Некромант посмотрел мне в глаза и улыбнулся:

— Когда пойдешь письма отбирать, пожалуйста, без мордобоя.

— Почему-у-у-у? — протянула я. — Без мордобоя неинтересно. Что же это за сцена с соперницей, если без мордобоя?

— Она тебе не соперница.
— Все равно. Я Отто возьму в качестве физической силы.
— Меня не впутывай, — поспешно сказал Отто. — Я в бабских разборках не участвую!
— Что ты в любви понимаешь?
— Любовь я понимаю. Я не понимаю, как можно хладнокровно решать идти бить кому-то физиономию. Все надо решать полубовно.
— Ничего ты не понимаешь, — махнула я на него рукой.
— Я недавно признался в любви, — вдруг сказал Отто.
— Кому? — удивилась я.
— Ад ел и.
— Твоей преподавательнице эльфийского языка?
— Она уже не моя преподавательница. Я сдал экзамен.
— И что она?
— Рассмеялась и потрепала меня по щеке, как малолетку. Мне стыдно ей на глаза показываться.
— Ты поэтому сбежал сюда?
Лучший друг кивнул с самым несчастным видом.
— Пойми, Отто, — серьезно сказал Ирга, — пока ты учишься в Университете, ты для нее студент, даже если она тебя уже не учит. А любовь между студентами и преподавателями запрещена, сам знаешь. Потерпи годик и попробуй еще раз.
— Ты думаешь? — воспрянул духом Отто.
— Я уверен.
Полугном посмотрел на меня. Я пожала плечами:
— Попытка не пытка.
Беф деликатно кашлянул, поднимаясь к нам по ступенькам.
— Прощаетесь? Ирронт, не делайте такое несчастное лицо, я не убью вашу зазнобу!
— Спасибо, — сказал Ирга. — Буду очень этому рад.
— Но свое она получит, — пообещал Наставник. — В воспитательных целях.
Я скривилась. Лучше встреча с десятью зомби, чем то, что меня ожидало в Университете.

«Отнесу деньги в храм, куплю новую юбку, напьюсь и начищу Марте рожу», — определила я план утешающих действий после того, как Беф поистязается надо мной. Повеселев, я поцеловала Иргу и смело шагнула в портал за Наставником.

Глава 2

ЗУБЫ, КОГТИ И ВИЗГИ

Из Рорритора я вернулась преисполненная праведного возмущения. Еще бы — на то, что принадлежит только мне, посягает какая-то девица! Которая меня еще и прибить как-то хотела! Но справедливую расправу пришлось отложить — Наставник изъявил желание пообщаться.

Из его кабинета я вышла, еще более утвердившись в мыслях о том, что нужно на ком-то сорвать нервное напряжение, скопившееся за последнюю неделю.

— Ты это... — сказал осторожно Отто. — Прежде чем идти на разборки, узнай точно, Марта ли воровала письма Ирги?

— Конечно, Марта! — возмутилась я. — Во-первых, это она ходит с перевязанными руками, а некромант говорил, что на письмах обжигающее заклятие. Во-вторых, она давно на Иргу облизывается, как-то заявила мне, что он ее судьба по какому-то гороскопу, и даже, как ты помнишь, пыталась меня убить, чтобы освободить себе место рядом с ним. В-третьих, я ее просто не люблю.

Полугном вздохнул:

— Поговори сначала с почтальоном, а потом уже иди разбираться с Мартой. Так ты

хоть будешь знать, почему ей по физиономии даешь — просто так или за дело.

— А что, есть разница? — удивилась я.

— Конечно! Причем принципиальная. Когда скандалишь просто так, то, во-первых, надо тему для скандала придумать, а во-вторых, ты можешь оказаться неправа, что несколько подпортит удовольствие. А если разборки по делу, то еще и кого-то на помощь привлечь можно. Да и морального удовольствия больше.

— Мне помощь не нужна, — отмахнулась я. — С этой бледной немочью я и сама справлюсь.

— Что-то ты развоевалась, — заметил лучший друг. — Смотри, найдет коса на камень. Все-таки она аспирантка факультета медиумов.

— Не каркай! — рявкнула я и отправилась искать почтальона.

Парень обнаружился почти сразу. Он уныло тащил тяжелую сумку с корреспонденцией, пиная листья на дорожке. Видимо, доставка писем большого удовольствия ему не доставляла.

— Меня интересуют письма из Рорритора, адресованные Ольгерде Ляхе, — сразу взяла я быка за рога.

Глаза почтальона остекленели, и он монотонно сказал:

— Я ничего не знаю о таких письмах.

Я задумалась. Однозначно было видно, что парня загипнотизировали. Сама я в ментальном воздействии была не сильна, поэтому что делать — не знала. Ну почему же я сразу не догадалась, что письма могут быть перехвачены, а все ждала и ждала, что весточку принесут мне прямо в руки? Ума нет — считай, калека!

— Письма, — проговорила я внятно. — Где мои письма?

— Все письма я доставляю по адресу, — все так же монотонно сказал почтальон.

Хорошо. Все-таки я студентка пятого курса! Я поднапряглась и произнесла заклинание, по моему мнению снимающее внешнее ментальное воздействие на субъекта. Результат оказался несколько неожиданным.

— А-а-а-а! — заорал почтальон, хватаясь за голову. — Как же я ненавижу магов!

С этими словами он помчался по дорожке к выходу из студгородка с такой скоростью, будто за ним гналась стая голодных волков.

— Ты чего к мужчинам пристаешь? — спросили меня за спиной. — Если любви хочется, так обращайся!

— Привет, Трохим! — сказала я бывшему одногруппнику, перешедшему с Теоретического факультета на Практический. — Вот узнать хотела, куда мои письма деваются.

— И как, получилось? — насмешливо спросил будущий боевой маг.

Я поджала губы. Еще и издевается, гад!

— Я всегда тебе говорил, что с мужчинами так прямолинейно нельзя, — сказал Трохим. — Их обольстить нужно, приласкать, поулыбаться... А ты сразу как кирпичом по голове, кому же такое понравится?

— Кому надо, тому и понравится! — огрызнулась я. — Лучше бы посоветовал, что делать.

— Любовь мозги разжижает, — печально сказал Трохим. — Я бы пошел в почтовое управление и накатал жалобу. А там бы разобрались. Дешево и сердито.

— Спасибо! — обрадовалась я и заспешила в город.

— Опять территория магов! — закатила глаза начальница почты, прочитав мою жалобу. — У вас и так работать никто не хочет. То в жабу превращаете, то ливень устраиваете, а теперь вот гипнозом балуетесь? Я и так двойную ставку добровольцам за этот участок плачу!

— Так защищайте ваших добровольцев! — обиделась я. — Хотя бы простенький защитный артефакт им выдайте. Я, между прочим, тоже пострадавшая сторона!

— На артефакты в бюджете сумма не предусмотрена, — отрезала начальница. —

Разбирайтесь между собой сами.

— Хорошо. — Я почувствовала себя правдоискательницей. — Я пойду писать жалобу в городское управление.

Начальница почты скривилась:

— Если вы подождете меня в коридоре, то я постараюсь разобраться с вашим делом.

— Возможно, вам понадобится специалист по ментальной магии... — рискнула я дать совет.

— У нас есть, — высокомерно ответила начальница. — Неужели вы думаете, что это первый случай, когда таким способом у почтальона отбирают письма?

Вскоре я получила описание магички, совершившей воздействие на почтальона. Старенький маг, снимавший гипнотический блок с почтальона, выдал мне бумагу с показаниями и вздохнул:

— Что, парня не поделили?

— Ага, — кивнула я, просматривая описание.

— Молодость, молодость, — вздохнул маг. — Чтобы добиться своего, даже на преступление идут, нет чтобы головой подумать.

— Вот именно. Зарятся на чужих мужчин, заколдовывают невинных почтальонов...

— Силовые методы не всегда самые правильные, — сказал старичок. — Вот, помнится...

— Спасибо, но мне некогда, — невежливо перебила я мага.

Он вздохнул и попросил:

— Вы уж предупредите ваших, чтобы поласковее с почтальонами обходились. А то как жалобы писать в управление, так все рады, а как работать сюда идти, так зарплата маленькая!

Я кивнула, засовывая себе в кошель доказательства вины соперницы. Я знала только одну магичку, подходящую под определение «светловолосая, бледнокожая, специалист в области гипноза».

— Марта! — шипела я от злости, возвращаясь в студгородок и вспоминая аспирантку факультета Провидцев и Судей, который специализировался на разных формах ментального воздействия. Ту самую Марту, из-за которой мне однажды пришлось лежать в Доме Исцеления. — Это таки ты! Ну получишь у меня! Я тебе покажу, как на чужих мужчин зариться! Вот своего займешь и его письма читай.

— Что, вводишь себя в боевое состояние?

Возле корпуса Мартиноного общежития меня поджидали Отто и Трохим.

— А вы что тут делаете?

— Интересно, чем все закончится, — подмигнул Трохим. — Мы тут ставки сделали — кто кого.

— Надеюсь, я лидирую?

— Нет, — сказал полуголом. — Я на Марту поставил.

— Предатель!

— Я шансы реально оцениваю. Она тебе так мозги запудрит, что ты ей шнурки завязывать будешь.

— Посмотрим! — Я проверила наличие у себя защитных артефактов и решительным шагом направилась к комнате Марты.

На стук в дверь никто не отозвался. Странно, но мне даже в голову не приходило, что девушки может не быть дома.

— Марта! — позвала я. — Марта!

— Она на занятиях сейчас, — ответила мне проходившая мимо студентка. — Вернется через час.

Никакой из меня стратег, не пустят на войну, не быть мне генералом! Зато, может быть, друзьям надоест торчать у общежития в ожидании занимательного, по их мнению, зрелища. Я подложила под мягкое место курточку и села в коридоре ждать соперницу, стараясь не

принюхиваться к аппетитным запахам из кухни. Хорошо учиться на факультете Провидцев и Судей! Народ поприличнее собрался, чем у нас, потому как из кухни на нашем этаже редко пахнет, чаще воняет. Иногда не без моего участия, м-да...

Появление Марты спасло меня от перспективы захлебнуться слюнками. Увидев мою фигуру, подпирающую стену, девушка с неожиданной скоростью рванула к своим дверям и открыла их в мгновение ока. Я попробовала повторить подвиг боевых магов — вскочить на ноги одним движением, но недостаток занятий физкультурой дал о себе знать. Где-то в позвоночнике защемился нерв, и я, скособочившись на четвереньках, уткнулась в уже почти закрывшуюся дверь. Впрочем, такое положение оказалось даже выигрышным, потому что провидица давила с той стороны на дверь, стоя на ногах, я же упиралась в пол всеми четырьмя конечностями, потихоньку отвоевывая ширину щели.

— Марта! — пропыхтела я, напоминая самой себе картинку «Баран и новые ворота». — Нам надо поговорить!

— Нам не о чем разговаривать, — с натугой произнесла девушка. — Убирайся отсюда!

— Сейчас же! — пообещала я, поднатуживаясь. Дверь потихоньку открывалась; а Отто еще говорил, что мне худеть надо! Преимущество в весе иногда очень полезно.

— Я буду кричать!

— Кричи, кричи, — посоветовала я. — Мне есть что рассказать народу, который на твои крики соберется. Как же, подающая надежды аспирантка — и чужие письма ворует!

Марта сквозь зубы процедила ругательство. Это придало мне сил, и я протиснулась в комнату.

Девушка отскочила к окну, где находился письменный стол.

— Не подходи! — закричала она, выставив руки в защитном жесте, но мне было не до голубых огоньков, вспыхивающих на кончиках ее пальцев.

Я подползла к стулу и попробовала разогнуться и встать на ноги.

— Что с тобой? — опешила противница.

— Не пойму, — сказала я, борясь с собственным телом, — почему ты так агрессивно настроена против несчастного инвалида?

— Это ты-то инвалид?

— А что, не видно? — огрызнулась я, пытаюсь понять, почему у меня такое чувство, что правая нога выпала из таза и болтается, как разваренная макаронина.

— Пить меньше надо, — заявила Марта, опуская руки.

— Да, я в курсе, — пробурчала я. — И зарядку по утрам делать. Только не хочется.

— И вот этой развалюхе Ирга письма пишет! — закатила глаза провидица.

Я вернула подчинение себе всего тела, села на стул и вспомнила, зачем пришла.

— Да, пишет. И я бы хотела их получить.

— Ты их недостойна!

— Ну это совсем наглость! — возмутилась я. — Тебе не кажется, что такие вещи решаются только между мной и Иргой?

— Ты недостойна Ирги!

— Ничего себе заявочка! Это еще почему?

— Потому что у него должно быть все самое лучшее, в том числе и девушка!

— А не на себя ли ты намекаешь? — спросила я.

Марта скрестила руки на груди с непреклонным видом.

— А откуда ты знаешь, что я не лучше тебя? — закипела я. — Тоже мне нашлась умница-красавица!

— Да уж поумнее тебя!

— Настоящему мужчине особо умные не нужны!

— Нужны!

— Да вот смотрю, ты популярностью так и пользуешься, — ядовито заметила я.

Марта покраснела:

— Я берегу себя для единственного...

— ...который уже давно и прочно занят.

— Он тебе нужен только поиграться, а мне он — судьба на всю жизнь!

— Следующую жизнь, — уточнила я.

— Послушай, Ола, — миролюбиво сказала Марта, — мы обе прекрасно знаем, что такой мужчина, как Ирга, достоин самой лучшей женщины, которая бы не помешала ему делать успешную карьеру и не позорила бы его.

— В каком смысле? — удивилась я. В таком аспекте я об Ирге и себе не думала.

— Его женой должна быть аккуратная, хозяйственная, воспитанная, умная женщина. Которая тоже делает карьеру, подчеркивая величие мужа.

— И на эту роль ты определила себя?

— Да, — с достоинством ответила провидица. — Я учусь в аспирантуре, из приличной семьи, верная, хорошо воспитанная... У меня масса достоинств! Я все рассчитала, мы с Иргой прекрасно подходим друг другу.

— Он хочет быть со мной, — сказала я, осторожно шевеля конечностями и разглядывая комнату.

В чем-то Марта была права. Она действительно была аккуратнее меня, даже занавесочки на окнах висели ажурные, чистые, выглаженные. Нигде не стояло чашек с плесенью, все дышало порядком и чистотой. Но некромант никогда не обращал внимания на тот бардак, который творился в моей комнате! Во всяком случае, мне так казалось.

— Детка, — сказала Марта, поправляя безупречно уложенные волосы, — брак — это не только желание. Это союз двух равных личностей. А ты не ровня Ирге.

— Это решать только ему, — возразила я, чувствуя, как почва уходит у меня из-под ног.

— Ты когда за письмами пришла? — спросила у меня Марта, намекая, что с момента пропажи первого письма прошло уже больше месяца. — Вот видишь, это еще одно доказательство твоего несерьезного отношения к делу.

Я разозлилась:

— Чего ты прицепилась к Ирге? Вокруг еще уйма достойных молодых людей, а ты заладила: Ирга, Ирга... Ирга мой!

— Ты совершенно ничего не понимаешь. — От покровительственного тона провидицы меня покорило.

— Тоже мне идеал нашелся! — заявила я. — Просто Ирга — единственный парень, который на тебя когда-то смотрел, вот ты и возомнила о себе неизвестно что. Аккуратная и хозяйственная! Синий чулок и ничего более!

— А ты стерва! Жирная, неухоженная, глупая алкоголичка-стерва!

— Что?! — заорала я. — Это уже слишком!

Сорвавшись со стула, я кинулась на девушку.

Вцепившись друг другу в волосы, мы упали на пол. Выдирая белобрысые космы, я старалась укунить негодяйку за нос, она же, постанывая от боли в обожженных Иргиным заклинанием руках, пыталась приложить меня головой об пол. Я быстро вывернулась, сев на девушку сверху, и, отодрав ее руки от своей прически, прижала их к полу.

— Слушай ты, дрянь, — начала я, но почувствовала, как активизируются защитные артефакты. Девчонка-то не промах! Пытается магией воздействовать.

Я выпустила ее левую руку и со всей силы хлестнула Марту по щеке. Та, завизжав, наметилась было выколоть мне глаза, но я ловко перехватила ее ладонь зубами.

— Отпусти, сучка! — заорала она. — Не кусайся!

От ее рывка у меня чуть не вылетели все зубы, но отпускать руку я побоялась. Пока Марте больно, колдовать она не будет. Я схватила ее за волосы и попыталась стукнуть головой об пол. Провидица, являя неожиданную силу для такого тщедушного тела, брыкалась подо мной лучше кобылы, покрывая меня такими эпитетами, которые я даже в кабаках не слышала. Мне стало обидно. Выплюнув ее руку, я сказала:

— Отдавай письма, а то...

— И что же ты со мной сделаешь? — Марта перестала брыкаться, переводя дыхание.
— Я... я... я... — Ёшкин кот, что же придумать?
— В глаз ты получишь, а не письма! — сказала довольная противница.
— Хорошо же! — сказала я. — О некроманте мечтаешь? Так вот, я распространю о тебе такие слухи, что Ирга побоится в твою сторону даже посмотреть!

— Он не поверит!
— Милая моя, я столько лет шатаюсь по злачным местам, что смогу придумать что-то очень правдоподобное и страшное.
— Глупости! Тебе Ирга все прощает, и вряд ли ты сможешь придумать для меня что-то такое, что его испугает.

Я закатила глаза. Марта была права, но чем припугнуть ее, я не знала.
— Я за то, что принадлежит мне, — внушительно сказала я, — буду драться до последнего. Я испорчу тебе всю жизнь! У меня времени много, пары я и так сачкую, так буду проводить свободное время с пользой. И ты еще узнаешь, на что я способна!

Провидица резким движением вырвалась и вцепилась мне в щеки острыми ногтями. От боли у меня выступили слезы на глазах, я опять вцепилась ей в волосы, желая содрать скальп. Мы визжали и пинались, катаясь по полу и сбивая вещи.

— Хватит! Хватит! — Отто и Трохим с трудом разодрали наш клубок.
В распахнутые двери заглядывали любопытствующие.
— Девочки, что вы, как базарные бабы! — с упреком сказал Трохим. — Вы же маги! Устроили бы поединок по правилам, цивилизованно и красиво.

Я окатила бывшего одноклассника злобным взглядом. Он что, издевается? В поединке мне ни за что не выстоять против ментальной магии Марты.

— Отдай ей письма, — сказал Отто провидице. — Иначе о твоём противоправном воздействии на почтальона узнает руководство Университета, и ты вылетишь из аспирантуры.

Девушка сникла. Вот как ее пугать надо было! А я придумать не могла!
— Подавись! — кинула она мне пачку писем.
Я даже не сделала попытки ее поймать — только проклятия мне для полного счастья не хватало.

Письма разлетелись по полу белоснежными треугольничками. «Оле Ляхе» — значилось на каждом аккуратным почерком Ирги. Я наклонилась и стала бережно собирать послания, проверяя каждое на вредоносное заклятие. Марта вдруг завывала, обхватив себя руками:

— Ирга должен быть мой! Так суждено! Тебя я ненавижу! Ненавижу! Почему ты, а не я? Почему?

Любопытствующие испарились, Отто и Трохим стояли со смущенными лицами. Я подобрала последнее письмо и сказала:

— Я тоже тебя не люблю, Марта. И прошу больше в мою жизнь не влезать, а жить своей. И избрать другой объект для поклонения. Ирга — мой!

— Он тебе не нужен, — продолжала быть провидица. — А я без него жить не могу!
— Прекрати устраивать сцены, — посоветовала я, выходя в коридор.
— Не думал, что ты такая черствая, — сказал осторожно Трохим.

Я пожала плечами:
— Все должно быть в меру. А это мания, лечиться нужно.
Отто вдруг фыркнул:
— А как ты за Иргу дралась! Жаль, он этого не видел!
— Тебе этого не понять, — сообщила я. — Сейчас хорошие мужики — дефицит, поэтому за них бороться надо.

— Я тоже хороший мужик, — сказал Отто. — Но за меня никто не дерется.
— Может, и дерутся, просто ты об этом не знаешь, — предположила я.
Полугном открыл рот, закрыл, опять открыл, закрыл и задумчиво молчал всю дорогу до

общежития.

Глава 3 ПРОСНУТЬСЯ ЗНАМЕНИТОЙ

— Кто там? — мрачно отозвалась я на стук в дверь.

— Илисса.

— Какая еще Илисса?

— Сестра Ирги.

Странно. Она учится в Университете уже три месяца, но никогда не давала о себе знать. Впрочем, я и не стремилась завязать с ней отношения, мне не хотелось вспоминать обстоятельства, при которых мы встретились. Тогда я решила, что Ирга завел себе новую девушку, а меня бросил. Когда выяснилось, что это его сестра, я уже выглядела в ее глазах полной душой.

— Заходи, — осторожно ответила я.

— Привет! — Темноволосая девчушка весело улыбалась мне с порога. — Я тебе печенье к чаю принесла. Ирга говорил, что ты именно такое очень любишь.

— А что еще Ирга говорил? — спросила я.

— Много чего говорил, — сказала Илисса. — А что?

— Ничего.

В своих письмах Ирга старательно обходил тему сестры. Скорее всего, надеялся, что мы как-нибудь сами между собой разберемся, и не хотел меня подталкивать к общению с Илиссой. Как бы там ни было, надо налаживать отношения с будущей родственницей. Тихо порадовавшись тому, что у некроманта всего две младшие сестры, а у меня аж четыре — значит, ему придется тяжелее, — я пошла ставить чайник на кухню.

Когда я вернулась, Илисса беззастенчиво разглядывала бумаги у меня на столе.

— Тебя родители не учили, что неприлично заглядывать в чужие документы? — спросила я, подавив раздражение.

— А что, ты обиделась? — удивилась та. — Я не думала, что у тебя тут какие-то секреты.

В этот миг я поняла, что старшая сестра — это на всю жизнь. И куда бы я ни бежала от этой почетной обязанности, она меня найдет и даст по голове, чтобы не расслаблялась.

— Скажи мне, Илисса, только честно, почему ты пришла? Мы учимся в одном Университете уже довольно давно, но ты как-то не стремилась возобновить наше общение.

— Я была занята, — ответила девушка, нескромно поедая печенье. — Знакомилась тут со всем и всеми. А теперь дошла очередь и до тебя.

— Польщена, — сказала я. — А почему именно сейчас?

Сестра некроманта помялась и ответила:

— Да народ спрашивает о тебе, а мне и сказать толком нечего.

Я кивнула. В принципе я догадывалась, что так оно и есть, но радости мне это не прибавило. Никогда не думала, что нести бремя славы будет так тяжело.

Про мою бравую победу над зомби в Рорриторе мы с Отто решили никому не говорить, чтобы не придавать себе излишней популярности в кругах задиристых боевых магов и придирчивых преподавателей. Причем последнее нас пугало куда больше, чем возможные вызовы типа «а со мной потягаться слабо?». Беф был немногословен и ограничился докладом декану. Но шила в мешке не утаишь. Вчера приехали первые студенты по обмену из Рорриторского Университета. Поселившись в общежитии практиков, рорриторцы сразу поинтересовались моей скромной особой.

Узнала я об этом сегодня утром, когда застала на общей кухне Ряка, вечного студента-практика, смачно пожиравшего из чьей-то кастрюли борщ.

— О, — сказал он, торопливо прожевав и спрятав за спину ложку. — Это не твоя кастрюля?

— Нет, — ответила я с завистью. Моих кухонных усилий на борщ никогда не хватало.

— Это хорошо, — обрадовался Ряк, продолжая завтрак. — А что ты натворила в Рорриторе?

У меня похолодело где-то в кишках.

— А что?

— Тамошние приехали вчера и такое рассказывали! Будто ты голыми руками разорвала десяток зомби. Наши, конечно, усомнились, но рорриторцы в показаниях не расходились.

— Ряк, а ты недавно в участке городской стражи отсидел?

— Откуда ты знаешь?

— Да так, — улыбнулась я, — догадалась. И что практики?

— В общем, ребята решили у тебя сегодня все подробности выяснить. Сама понимаешь, ведь это же рорриторцы рассказали! С одной стороны, врать они не будут, но с другой стороны...

Я все понимала. Студенты из Рорритора для наших практиков были недостижимыми идолами. Ведь даже самый паршивый тамошний первокурсник имел за плечами хотя бы одну боевую вылазку! А наши изучали повадки нежити в основном на лабораторных образцах, несчастных и затюканных нелегкой подопытной жизнью.

Когда я явилась в мастерскую, там уже поджидали первые любопытствующие. Они вежливо поздоровались, не сводя с меня глаз и шушукаясь между собой. Отто приобнял меня за талию и прошептал:

— Что происходит?

— Рорриторцы вчера приехали и рассказали, как я зомби уничтожила. Вот практики и явились узнать подробности.

— Ага, — обрадовался полугном. — Зависть давит! Сами-то небось, хе-хе... Ничего им не говори.

— Что ты придумал?

Отто поднял вверх палец:

— Любая информация денег стоит.

— Ладно тебе! Не будут они за такую ерунду платить.

Полугном хитро улыбнулся и приступил к работе.

Практики молча наблюдали за нашей работой какое-то время и не выдержали:

— Э-э-э, Ольгерда!

— Что, ребятки, артефакты нужны? — спросил Отто. — Мы быстро, вы только закажите.

— Да нет, мы тут у Ольгерды хотели спросить, а правда ли, что она в Рорриторе десять зомби одним махом уничтожила?

— Не одним махом... — начала я, но Отто меня перебил:

— Знаете, когда Ола голодная, она такая неразговорчивая! Вы тут спрашиваете, а девушка, между прочим, еще не обедала.

— Какой обед? — удивились практики. — Утро же!

— Значит, не завтракала.

Студенты посмотрели на меня с сомнением. Я, недавно съевшая две миски гречки с колбасой, попыталась изобразить муки голода. Видимо, это получилось неубедительно, потому что один из практиков, пошарив в кармане, достал медную монетку и протянул ее Отто.

— Что? — возмутилась я. — Да я даже полкружки пива себе на эти деньги купить не смогу, не то что поесть.

— Ты не выглядишь такой уж голодной, — объяснил студент.

— Я на последней стадии отошания... то есть истощения... — взыграла у меня жадность. — Вам предъявить в доказательство мои ребра?

Практики радостно закивали.

— Э, нет! Так дело не пойдет! — обломал их надежды полугном. — За стриптиз еще

надо бы доплатить.

— Какой стриптиз? Она сама предложила.

— Вот видите! У нее от голода вообще ум за разум заходит! Разве может приличная девушка предложить такое бесплатно?

— Как раз приличная девушка такое бесплатно и предлагает, — заикнулся рыжеволосый студент.

Отто фыркнул с таким видом, будто был матерью-настоятельница монастыря.

— Нам не о чем с вами разговаривать!

— Эй, — возмутился хозяин медяка. — Верни монетку!

Полугном прикинулся глухим и повернулся к наковальне.

Практики вполголоса нецензурно выразили к нам свое отношение и ушли.

— Вот видишь, — сказала я. — Мы теперь ничего не получим вообще! Не надо было жадничать.

— Ничего! — отмахнулся полугном. — Мы только интерес подогрели.

Он оказался прав. За время нашей работы в мастерскую заглянуло еще несколько жадных делегаций и одна не очень жадная. Ссыпав в карман мелочь, принесенную не очень жадными студентами, Отто важно изрек:

— Да.

— Что «да»?

— Вы спросили, правда ли то, что Ола в одиночку убила десять зомби. Я и ответил: да, правда.

У практиков загорелись глаза:

— А как?

— Что-то горло пересохло, — сказала я.

Практики злобно посмотрели на нас и попробовали схитрить:

— Ну и не говорите! Мы сами все у рорриторцев узнаем.

— Узнавайте, — пожал плечами Отто. — Но с зомби сражалась Ола, и только она знает все подробности.

Практики долго совещались, но ушли, так ничего нам и не добавив.

— Отто, — сказала я, — что ты несешь? Какие подробности? Я не помню ничего, кроме ужаса и того, что надо бежать, чтобы успеть начертить чертеж, а потом мне руку вывихнули, а потом я заклинание забыла...

— Видишь, сколько ты всего помнишь! А все остальное можно придумать.

Когда мы заявили на пары, то в Университете нас ждали заинтересованные взгляды и шепотки за спиной. Как назло, мы натолкнулись на профессора Партика, моего преподавателя некромантии.

— Ольгерда! — обрадовался он. — Я слышал, вы в Рорриторе отличились. Почему вы мне ничего не рассказали? Я знал, я всегда знал, что у вас большой некромантский потенциал! Я знал это еще тогда, когда вы сдали блестящую практическую работу по некромантии. Она до сих пор у нас на кафедре служит образцом для студентов. Вы бы не хотели поменять специализацию?

— Нет, профессор, — быстро ответила я. — Извините, нам надо идти.

— Хороший у тебя некромантский потенциал, — не удержался Отто, знающий, что эту блестящую работу написал за меня Ирга. — В Рорриторе сейчас диссертацию пишет. Будешь писать письмо, не забудь упомянуть, что практическая, которую он написал, до сих пор популярна. Ему будет приятно.

— Многие работы Ирги служат образцом для студентов, — огрызнулась я. — И ничего страшного, если одна из них подписана моим именем. Я, между прочим, за эту практическую могилу копала.

«Добрый» некромант тогда согласился мне помочь только взамен на физический труд на кладбище. Поэтому пока он искал вдохновение, я рядом раскапывала могилу. Брр, как вспомню, как у меня после этого болело натруженное тело, так вздрогну.

— Ты точно не хочешь сменить специализацию? — продолжал издеваться полугном. — Представь, семейка некромантов! Можно романтические вечера устраивать, не отходя далеко от работы. Тихое кладбище, красивые надгробия, вы с вином и розочками удобно расположились в чьем-то склепе...

— Ты не пробовал романы писать? — разозлилась я. — Тебя ждет блестящая карьера!

— Ладно, ладно, — примиряюще сказал Отто. — Пойдем лучше к Бефу, узнаем, что нам делать. Вдруг твоя битва с зомби — это государственная тайна?

— Ты эту государственную тайну продать хотел совсем недавно.

— А зачем еще нужны государственные тайны, как не для продажи? — удивился полугном. — На чем тогда зарабатывать бедным госслужащим?

— Тебе однозначно нельзя работать в государственных структурах, — сделала я вывод, стуча в двери кабинета Наставника.

— Вы можете рассказывать все, что хотите, — сказал Беф, выслушав наш доклад о происходящем. — Декан и ректор давно все знают, программа по обмену успешно начала работать. Это все, что нам нужно. А твои подвиги, Ольгерда, — это твои подвиги.

Я посмотрела, как загорелись глаза у Отто, и поняла, что для меня было бы лучше, если бы Беф посоветовал нам молчать.

После занятий предприимчивый полугном побежал собирать деньги с желающих узнать подробности произошедшего в Рорриторе, а я пошла домой. Я вовсе не считала, что совершила что-то, чем стоит гордиться, хотя бы по той причине, что повторить свой подвиг я не соглашусь ни за что, да и успех был обеспечен скорее удачным стечением обстоятельств, нежели моим непревзойденным умением сражаться с живыми мертвецами. До сих пор я просыпалась ночью от ужаса, когда снился тот бой. Да, быть боевым магом — задача не для слабых нервов.

В коридоре общежития мне попался Ряк.

— Что-то в последнее время я тебя слишком часто вижу, — буркнула я в ответ на его приветствие.

— Я только хотел спросить, правда ли то, что ты зубами отгрызла голову у зомби и сказала, что так будет со всяким практиком, который осмелится тебе перечить?

— Что?! — поразила я. — Я отгрызла голову зомби?

— Да и я не поверил, — кивнул Ряк.

Мне вдруг стало обидно:

— Почему это ты не поверил?

— Потому что тебя трудно заподозрить в таких странных гастрономических пристрастиях. Зомби очень невкусные, наверно. Мертвая плоть все-таки. Хотя если учесть, что у тебя иногда в кастрюлях плавают...

— Ты лазил в мою кастрюлю! — возмутилась я. — Я же тебя предупреждала!

— Я только заглянул, — оправдался Ряк. — У меня были сомнения, что это твое, но как только я увидел содержимое...

— Тоже мне великий гурман! — Я задумалась, как бы уколоть здоровяка пообиднее. — И вообще, а не пора ли тебе уже закончить учиться? Отстающий.

— А мне нравится учиться, — ничуть не обиделся Ряк. — Почему бы и нет? Тут и жилье предоставляют, и развлекают. И на своем курсе я самый умный!

— Наверное, потому, что ты этот курс прослушал уже раза три, — предположила я.

— Почему три? Четыре! — хохотнул практик. — Я теперь пятый раз учусь на четвертом курсе.

— Чем бы дитя ни тешилось... — пробормотала я, захлопывая перед вечным студентом двери.

Впрочем, отдохнуть мне не дали. До самого вечера Отто водил экскурсии в мою комнату.

— Вот здесь живет светило теоретической магии, — вещал он простодушным первокурсникам. — Для нее не составит никакого труда за пару мгновений разорвать на

части несколько зомби! В этой хрупкой оболочке невинной беззащитной девушки скрывается настоящий боевой маг, не знающий пощады и сомнений!

Наивные хлопали глазами и удивлялись, а «хрупкая оболочка» злилась.

— Отто, — схватила я полугнома за грудки, когда очередная группа интересующихся удалилась, — я тебе что, диковинный зверек в зоопарке?

— Почти, — восторженно ответил лучший друг. — Еще никто из наших теоретиков, более того — практиков женского пола, не был замечен в подобных деяниях. Я рассказываю подробности твоей славной битвы всем желающим, и они хотят с тобой познакомиться!

— Почему-то со мной хотят познакомиться только младшекурсники, — подобрела я, забирая свою часть прибыли.

— Потому что старшекурсники тебя все знают или, во всяком случае, наслышаны. Если честно, то они слабо верят во всю эту историю.

— Слава Небесным Силам! А то я уже начала бояться, что меня на дуэль вызовут.

Отто спрятал глаза. Я похолодела от нехорошего предчувствия.

— Что?

— На самом деле они хотели вызвать тебя на дуэль...

— Что? Что?! Я предупреждаю тебя: если ты примешь вызов, то сам и будешь сражаться!

— За кого ты меня принимаешь! — возмутился полугном. — Как я могу решать за тебя такие вещи! Я всего-навсего организовал тотализатор.

— Можешь ставки не принимать! — разъярилась я. — Я ни с кем сражаться не буду!

— Почему? Возьмем еще пару артефактов...

— Потому что я боюсь! Понял, дурья твоя башка? Я боюсь! Я не боевой маг и не маг-практик! Мое дело — магическую энергию направлять, а не живым мертвецам головы откручивать!

— Отгрызай, — поправил Отто. — Отгрызай зубами. Ходит такая байка.

— Я слышала уже! И чтоб никаких больше экскурсий! А то я за себя не отвечаю!

Я заперлась в комнате и принялась строчить письмо Ирге, жалуясь на всех и вся. Хотя чаще всего вдохновение писательства покидало меня уже через три кое-как нацарапанных строчки, но это совсем не относилось к жалобам. Страдать о своей невинно загубленной жизни я могла часами и на многих страницах.

За этим занятием меня и застала Илисса...

— Так что нашим рассказать? — догрызая последнее печенье, прервала она затянувшееся молчание.

— Что ты очень похожа на своего брата, — сказала я. — Он тоже как приходил в мою комнату, так и съедал все, что плохо лежит. А потом находил то, что хорошо лежит, и тоже съедал.

— А что у тебя еще есть? — заинтересовалась Илисса.

— Ничего, — ответила я, радуясь, что девушка не такого высокого роста, как ее брат, и заглянуть на верхний шкафчик не сможет.

— Хорошо, — смирилась сестра некроманта, помялась и сказала: — Я подумала... Если ты и правда убила тех зомби, то, наверное, ты все-таки достойна моего брата.

— А что, были сомнения?

Она кивнула, заливаясь краской.

— Понимаешь, после того как ты ворвалась в квартиру Ирги, разнесла его буфет и устроила истерику, я подумала: ну что за дура! А теперь понимаю, что первоначальное впечатление было немного ошибочным.

Хоть меня и обидело это «немного ошибочным», я не могла не почувствовать симпатию к Илisse.

— Спасибо за честность, — сказала я. — Я бы еще не то подумала, если бы меня с утра разбудили вопли какой-то сумасшедшей.

Девушка заулыбалась:

— Ну что, мир? Будем общаться?

— Будем. Только без всяких вопросов о зомби.

— Хорошо, я все равно у Ирги могу разузнать подробности.

Я пожала плечами:

— Это дело ваше, просто надоело чувствовать себя экспонатом выставки.

— Я знаю, — сказала Илисса серьезным тоном, погладив меня по руке. — Из-за Ирги и папы. Их до сих пор попрекают смертью Ириады.

Я изумленно уставилась на девушку. Как же я не подумала об этом! Какими жалкими сразу мне показались мои жалобы некроманту на всеобщую известность! Это ему жаловаться надо, а не мне.

Я тепло попрощалась с девушкой и порвала письмо Ирге. Надо писать другое, но это как-нибудь потом.

Утром по дороге в мастерские меня встретил знакомый пятикурсник из магов-практиков — уверенный в себе красавец, отличившийся на поле битвы с Лунной нежитью.

— Привет, уничтожительница зомби, как дела?

— Извини, Торон, спешу.

Практик пошел рядом со мной.

— Мы с ребятами тут обсудили ситуацию и решили, что стоит посмотреть на тебя в деле.

— Смотрите, пожалуйста, — ответила я. — Вон моя мастерская, практически каждое утро я там.

— Да нет, зачем нам твоя мастерская, мы хотим посмотреть, как ты с живыми мертвецами управляешься.

Я думала над возможными вариантами ответа всю ночь, поэтому быстро ответила:

— Торон, управляться с живыми мертвецами — ваша работа. А я — мастер артефактов.

— Ола, а как же рассказы рорриторцев? Неужели ты не хочешь поддержать свою репутацию? Народ может подумать, что ты трусишь.

Я заколебалась. Быть звездой, всеобщей любимицей, которой восхищаются и которой завидуют, — это, конечно, хорошо. Но меня быстро отрезвили воспоминания о том, как зомби выкручивал мне руку, как отвратительно воняло лучшее платье в моей жизни, когда на него попали куски уничтоженного в летней стычке живого мертвеца.

— Моя репутация, — объяснила я Торону, — это репутация Мастера Артефактов. Я просто хотела доказать рорриторцам, что не только грубой силой можно управиться с нежитью. И все. Мне это удалось. Но больше я не хочу.

— Трусишь, — констатировал пятикурсник.

Собрав в кулак всю силу воли, я кивнула.

— Ты как мыльный пузырь, — презрительно сказал практик. — Красивый снаружи, а как тронешь — сразу лопается и ничего не остается.

— Считаю как хочешь, — сказала я и побрела в мастерскую.

Там меня поджидал раздосадованный полугном.

— Ты мне вчера такую лавочку прикрыла, — обиженно сказал он мне. — Я же для тебя, между прочим, старался! Кто мне столько лет рассказывал, что хочет быть великой, знаменитой, популярной, чтобы люди в рот заглядывали и ловили каждое слово? Вон вчера весь первый курс был готов тебя на руках носить. Так нет, надо было кричать, дверями хлопать.

— Отто, — сказала я, еле сдерживая слезы, — я не думала, что это будет так... Понимаешь, я, наверно, хотела не такого... Ну какой из меня убийца зомби, а?

— Не хуже, чем другие, — отрезал лучший друг.

— Я боюсь их, боюсь. Я поняла, что популярность требует постоянного подтверждения статуса. А еще раз столкнуться с ними лицом к лицу — увольте! Я хочу тихой и спокойной жизни, которая не предполагает постоянный риск своей шкурой.

Отто посмотрел в мои полные слез глаза и смягчился:

— Просто ты так хотела этого, что я не думал...

— И я не думала. Конечно, мне приятно, когда младшекурсники готовы меня на пьедестал возвести, но ведь старшекурсников это бесит! Для них скоро, после выпуска, это будет повседневной обязанностью, за которую не то что на пьедестал — никто спасибо не скажет. Типа ты же практик, ты обязан избавить нашу деревеньку от этого чудища! И только попробуй сработать плохо, еще и на вилы поднимут!

Полугном подергал себя за бороду и глубокомысленно произнес:

— Это уже кто на что учился. Я бы восхищался тем боевым магом, который делает артефакт лучше меня.

— Ой ли? — усомнилась я.

Отто задумался.

— Да, ты права, — медленно сказал он. — В таком случае я был бы возмущен. Я был бы в ярости. Как это — какому-то паршивому боевому магу удалось то, к чему я шел столько лет!

— То-то и оно.

— Хорошо, — признал правоту моих слов полугном. — Если тебя эта ситуация напрягает, то что ты собираешься делать?

Я не знала, но время подумать у меня было. За несколько дней история о том, как я уничтожила десять зомби, обросла такими подробностями, что я просто диву давалась.

Доконала меня полная издевки фраза, кинутая мне вслед одним из практиков:

— Никогда не думал, что умертвие можно упокоить одним щелчком пальцев и улыбкой. Попробуешь, Ольгерда, этот способ на мне?

Решение пришло на скучной лекции. Растолкав мирно дремавшего полугнома, я заставила его записывать бормотание профессора, а сама разодрала на странички свой конспект и принялась строчить объявления. После пар мы развесили эти бумажки во всех вестибюлях корпусов Университета и общежитий.

— Я бы написал лучше, — ворчал полугном.

— Я верю, — сказала я, созерцая свой труд. — Но писать лекцию скучнее, чем объявления.

— Всегда мне достается черная работа, — пробурчал Отто, перечитывая мое творение.

«Я, Ола Ляха, пребывая в Рорриторе, действительно в соревновании с местным практиком уничтожила девять зомби и одно умертвие. Сделано это было исключительно с целью продемонстрировать мощь и пользу артефактов, изготовленных в нашем Университете. Я не хотела доказать, что я крутая истребительница зомби, или выпендриться перед своими коллегами. Я боюсь зомби. Я боюсь вообще любую нежить и нечисть, включая даже домовых. Я теоретик. Хотите узнать мое мнение по поводу артефактов или начертательной магии — милости прошу. Хотите вызвать меня «на слабо», чтобы я доказала свое умение боевого мага, — мне слабо! Я боевую магию сдала с трудом, меч в руках держать не умею, зато могу угостить арбалетной стрелой каждого, кто будет задавать идиотские вопросы. Всем спасибо за внимание».

— Глупый текст, — сказал Отто. — Ты себя этим позоришь.

— Наоборот, — сказала я довольно. — Я покрыла себя неувядающей славой честного человека! Это в наши дни еще большая редкость, чем теоретик, отгрызающий собственной вставной челюстью шею живого мертвеца.

— Не знал, что у тебя вставные зубы, — удивился полугном.

— Так народ считает. Просто натуральные бы такого издевательства над собой не выдержали.

Полугном задумался.

— Только не надо опять водить ко мне экскурсии! — подозрительно сказала я.

— Я не про экскурсии думаю, — рассеянно ответил Отто, что-то прикидывая на пальцах. — Я пошел, дела зовут.

Вечером ко мне в гости опять пришла Илесса. Она весело тархтела про новую

распродажу в магазинчике возле студгородка, но когда я потеряла бдительность и ушла на кухню за чайником, то сестра Ирги показала свое истинное лицо. Вернувшись, я застала девушку стоящей на табуретке и с увлечением шарящей на верхней полочке.

— Что ты делаешь? — возмутилась я.

— Ирга написал, что все самое вкусное ты прячешь там, — покраснела она.

Я порадовалась тому, что она еще может краснеть, потому что прожорливый некромант, чье воспитание наложило такой отпечаток на невинное дитя, никогда не краснел, уничтожая мои запасы.

— У Ирги, — сказала я сладким тоном, — устаревшие сведения.

— А-а-а, — разочаровалась Илесса. — Просто он говорил, что у тебя всегда есть такие вкусняшки, которые в простом магазине не купишь. И он по ним очень скучает.

— Ирге — большой привет, — сказала я. — Как только он начнет скучать не по моим запасам продовольствия, а по мне, я вышлю ему этих лакомств.

Когда парой минут позже ко мне в комнату ввалился счастливый полугном, Илесса уже вовсю изображала из себя благовоспитанную девушку, давясь твердокаменными сухарями, которые я не пожалела и достала с полочки с надписью «НЗ».

— Вот! — ликуя сказал лучший друг, протягивая мне нечто. — Сувенирная продукция. Поставим на поток! Заработаем много денег.

Он держал на ладони вставную челюсть довольно угрожающего вида с надписью: «Ола рекомендует. Лучшее средство от зомби. Применение: подойти к зомби и перегрызть ему глотку данным предметом».

— Я сейчас на твоей глотке это опробую! — возмутилась я.

— Ладно, допишу противопоказания, — засмеялся Отто. — «Противопоказано использовать на гномах». Зато смотри какая вещь!

Он ловко раздробил челюстью на крошки самый древний сухарь и не погнушался собрать их все и отправить себе в рот.

— Отто, — простонала я, — только через мой труп.

— Это легко устроить, но согласись, что идея — блеск! — ответил полугном, увлеченно уничтожая мой НЗ.

Глава 4 ДЕЛОВЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Отто застал меня подозрительно нюхавшую содержимое кастрюльки.

— Что ты делаешь? — удивился он.

— Пытаюсь определить, прокис суп или нет. Только что слопала полкастрюли, и вдруг закралось подозрение... — ответила я.

— Не переживай, — сочувственно сказал Отто. — Ну посидишь немного в местечке уединения... Зато кишки почистишь.

— Да, тебе хорошо говорить! А если меня на улице припрет? Зима на дворе, в кусты не сходишь — холодно!

— Нельзя с таким трепетом относиться к своему мягкому месту, — нравоучительно заметил полугном. — Не лютые морозы, потерпишь, а если что, то я тебя прикрою от нескромных глаз.

Я представила себе эту картину и содрогнулась.

— Не надо, я лучше какой-нибудь Лирин порошок выпью, — сказала я, скользнув взглядом по полке с запасом лечебных снадобий моей соседки по комнате, будущего целителя.

— А самолечение вредно...

— Что это тебя на мораль потянуло? — спросила я, роюсь в лекарственных запасах.

— Просто, — вздохнул полугном, — я волнуюсь. Блондин прислал письмо. Приглашает на деловую встречу.

Я закашлялась, отчего горький порошок пошел «не в то горло».

— Встречу?..

— Настоятельно советовал нам прийти и обсудить перспективы развития алкогольной коммерции. — Лучший друг протянул мне письмо.

— Я знала, что рано или поздно этим закончится, — помрачнела я. — Он же еще на Летнем балу предупреждал о своем интересе в нашем деле. Что предпримем?

— На встречу пойдем, — сказал полугном. — Но позиции сдавать не будем. Сама знаешь, сколько на нас завязано.

Я кивнула, читая безукоризненно вежливое послание Блондина. Аристократ, закончивший недавно Университет, активно искал свою нишу. Во время студенчества Блондин Лим сколотил себе банду, которая обижала тех, кто не мог дать сдачи. У нас с богатеем была нелюбовь с первого взгляда — я посмела не только противостоять его агрессии, но и огрызаться в ответ. Отношения обострились с момента женитьбы Ирги, которого Блондин ненавидел. Лим несколько раз неудачно пытался нас уничтожить, но ничего не вышло. Однажды Блондин хитростью заманил нашу компанию на кладбище, на котором промышлял сумасшедший маг — коллекционер зомби. Как раз в тот день я наотрез отказалась сотрудничать с аристократом, чем привела его в бешенство. Потом противник хотел очернить репутацию Отто в глазах наших поставщиков, но, по счастливой случайности, это не удалось.

Сейчас мы были посредниками между владельцами кабачков и мелкими производителями различных алкогольных напитков. Гномы-поставщики никогда не стали бы иметь дело с Лимом или еще с кем-то из аристократов. Отец Блондина был слишком хорошо известен своими высказываниями типа «всех гномов — в резервации, и молоты им в руки», «эльфов — запереть в Сумеречных горах, пусть стреляют там в нежить на пользу людям».

— Почему он прицепился именно к нам? — спросила я, борясь с желанием чихнуть. Проклятый порошок! Прав был Отто, самолечение вредно. — Не мы одни занимаемся поставками алкоголя. Тем более что наши клиенты — это капля в море.

— Ну насчет капли ты преуменьшаешь, — обиделся полугном. — А насчет всего остального я уже думал. Мы самые слабые — это раз. У нас нет команды, которая бы стала за нас грудью; все наши поставщики находятся далеко отсюда, а перевозчики товара не будут вмешиваться в распри. Мы занимаемся мелкими партиями редкого спиртного — это два. Уверен, что Блондин прикупил себе какую-то пивоварню и хочет занять нашу нишу. Или кто-то из его дружков не знает, куда сбыть свой товар.

— Так пусть идет и договаривается с владельцами кабачков! Здоровая конкуренция им только на пользу.

— Конечно, но договариваться — это не аристократическое дело. Лучше прийти на все готовенькое. К тому же что может сравниться с гномьим алкоголем? Разве люди могут гнать такой самогон?

— Люди еще не то могут, — хмыкнула я, вспомнив свою соседку, жившую рядом с нами. Она умела превратить в крепчайший самогон все, что угодно: от вполне съедобных продуктов до содержимого мусорника. Капитала соседка на этом не сделала, потому что продукт моментально распивался ею же самой и ближайшими собутыльниками. Тем не менее факт изобретения чудо-аппаратов для самогонотварения остается фактом.

— И три, — сказал Отто серьезно. — Он тебя не любит...

— Это не новость, — отмахнулась я. — Тебя он тоже не любит.

— Согласен, — сказал полугном и покраснел, видимо вспомнив, как Лим пытался подпортить его деловую мужскую репутацию. — Но тебя он не просто не любит. Ты вызываешь у него злость и зубовный скрежет.

— Это с чего же такие бурные эмоции? — спросила я.

— Ты ему не дала, — просто объяснил Отто. — Ты много знаешь девушек, которые бы отказали Блондину? Да еще в грубой форме? Да ему нас раздавить — дело чести!

Я схватилась за голову, поняв, в какую ситуацию мы попали.

— Может, — предположила я, удивляясь собственным словам, — отдаться Блондину? Тогда он от нас отстанет, как ты думаешь?

Лучший друг вытаращился на меня, как на чудо природы.

— Вот уж не ожидал... — пробормотал он.

— Что? Я не хочу спать с Блондином! — разозлилась я. — Я просто пытаюсь спасти наше дело доступными для меня способами.

— Даже не думай об этом, — отрезал полугном. — Этот способ для тебя недоступен. Тем более, — продолжил он, помолчав, — если Блондин тебя... э-э-э... подомнет, то наше дело эта участь будет ждать со стопроцентной вероятностью.

Я поняла, что на самом деле Отто уже обдумал вероятность того, что я пересплю с Блондином, чтобы он от нас отстал. Ну да, на войне любые методы хороши.

— Мужчины... — сказала я с покорностью судьбе. — И почему у вас все мозги набекрень?

— Просто у нас мозги не в ту сторону набекрень, в какую у вас, — объяснил полугном и подмигнул. — Ты пока посиди тут, а я поговорю кое с кем. На встречу пойдем подготовленными.

Я какое-то время просидела в комнате, слушая, как бурчит мой живот. Потом мне резко поплохело, и стало понятно, что в моем случае самолечение действительно только навредило.

— Порошки и прочие лекарства, — сказала я своей бледной физиономии в зеркале, — ерунда! Лучшее средство лечения от всех хворей — стаканчик качественной водки с нормальной закуской. Дезинфекция прежде всего!

Подавив зарождающееся возмущение в желудке, я пошла в ближайший толковый кабачок, где и заказала себе самое лучшее лекарство, которое придумали существа с развитым интеллектом.

Желудок затих где-то на третьем глотке обжигающей перцовки. Довольно выдохнув, я закусила огурчиком. Хорошо-то как!

Но тут дверь кабачка с треском распахнулась, и внутрь вальяжно вошел Блондин собственной персоной. Вместе со свитой.

— Они будут проходить этой дорогой, поэтому ты следи за окнами здесь, а ты — здесь, — отдавал распоряжения он. — Я буду их ждать в «Вензеле», и чтоб я точно знал, какую поддержку они с собой приведут!

— Блондин, — сказал Ряк, — насколько я знаю Олу и Отто, они придут вдвоем...

— Заткнись! — рявкнул Лим, оглядываясь. И тут его глаза полезли на лоб: — Ола?!

Я вылезла из-под стола, куда неудачно пыталась спрятаться, и постаралась улыбнуться Блондину. Вот попалась так попалась!

Прихлебатели аристократа быстро освободили кабачок от посетителей, несмотря на слабые протесты хозяина заведения, и заперли двери.

— Нам надо поговорить, — сказал Блондин, садясь напротив.

Я пожала плечами и допила водку. Помирать — так с музыкой!

— Не смотри на меня так, — попросил парень. — Я хотел поговорить с тобой лично и о личном.

Я осторожно кивнула. Кажется, водка и Лирин порошок вступили в моем желудке в какую-то подозрительную реакцию.

— Ты, наверное, догадываешься, что уже давно нравишься мне, — сказал Блондин с такой улыбкой, будто лизнул сахара с дурман-травой. — Так вот, чтобы долго не размусоливать, я предлагаю тебе отношения!

Я поморщилась. Война в желудке разворачивалась нешуточная.

— Ты меня неправильно поняла, — по-своему истолковал мою гримасу Блондин. — Я прекрасно понимаю, что ты девушка серьезная и на всякие интрижки несогласна. Поэтому я предлагаю тебе серьезные отношения.

Я так удивилась, что меня даже перестало тошнить.

— Лим, если ты забыл, то напоминаю: я — невеста Ирги.

Аристократ скривился:

— Я не предлагаю тебе замужество. Сама должна понимать, что это был бы скандал. Я предлагаю тебе отношения на основе любовной и деловой связи. В основном, конечно, любовной.

— Любо-о-овной, — протянула я. — Понятненько.

Блондин торжествующе улыбнулся:

— Я могу дать тебе все: драгоценности, уважение и связи в аристократических кругах... И конечно, любовь. Я, детка, не самый последний мужчина в этом городе. Я такое могу, что твоему худосочному некроманту и не снилось!

— Меня тошнит, — перебила я Лима, стремительно выбегая из-за стола.

Он схватил меня за руку, но увидел мое лицо и отпустил. Я добежала до туалета и захлопнула за собой дверцу.

— Ладно, — пообещала я себе чуть погодя. — Никогда больше я не буду совмещать два разных метода самолечения.

Прополоскав рот, я осторожно прижалась ухом к щели в двери. В кабачке было шумно и весело.

— Клянусь Небесными Силами, — услышала я голос Ряка. — Ее действительно стошнило! Вот так Блондин! Вот так красавчик! Вот уж не думал, что на тебя так женщины реагируют!

— Заткнись! — прорычал Блондин. — Все заткнитесь! Не злите меня!

Его соратники честно попытались прекратить смеяться, но это удавалось им с трудом.

— Ее от водки стошнило, — попробовал восстановить свой авторитет Лим.

— Олу? — переспросил кто-то. — От стопки водки? Не смейся, Блондин! Ты же сам знаешь, как и сколько она может выпить.

Судя по звуку упавшего стула, Блондин в бешенстве вскочил. Я поняла, что это самый подходящий момент для бегства. Оглянувшись, я мысленно обругала жадного хозяина кабачка — окошко в туалете было такое, что туда могла пролезть только моя рука. Осторожно выглянув из-за двери, я наметила кратчайший путь к отступлению. Подобрала юбку и на четвереньках поползла под столами к выходу, прикидывая варианты спасения. Силы у меня хватят аккуратно на то, чтобы откинуть от двери двух приспешников аристократа и сбежать. Про остальных я не думала.

— Я вам покажу! — исходил пеной Лим, задетый за живое. — Я вам докажу! Я ее сейчас тут, на этом столе... И ей понравится! Увидите!

— Блондин, — осторожно сказал Ряк, — Ирга тебя за это по голове не погладит...

— Плевал я на этого проклятого некроманта! Мне никто не помешает! Слишком давно эта девчонка выпендривается!

— Знаешь, Блондин, я не с тобой. Мне пока жить хочется, да и посмертие хорошее не помешает... — сказал Ряк, и несколько человек пробубнили что-то, соглашаясь с ним.

— Ах вы... — С трудом узнав голос Блондина, настолько он изменился от ярости, я активнее заработала руками и ногами, пробираясь к выходу и стараясь не шуметь. — Приволочь мне мерзавку! — приказал Лим.

Хлопнула дверь туалета.

— Лим, ее здесь нет.

— Как нет?

— Да вот она!

Я поняла, что меня обнаружили, выпрямилась во весь рост и рванула к двери, шепча заклинание. Шпилька в волосах нагрелась, значит, сейчас в меня полетят магические удары. Парочку энергетических Щит выдержит, а потом... «Потом» будет потом.

Кто-то схватил меня за юбку, но я лягнула ногой в тяжелом ботинке гномьей работы и метко попала по чему-то мягкому. Сил и времени, чтобы прорваться через двери с помощью магии, не было, поэтому я просто выхватила шпильку из волос и с решимостью смертника

ринулась на охраняющих выход.

— А-а-а!!! — заорала я на всю мощь легких. — Убью!

Молодой темноволосый парень с ужасом отшатнулся, пропуская меня. Но как только я схватилась за ручку, дверь резко распахнулась и чуть не вырвала мою руку из сустава. Тогда я отпрыгнула назад, в чьи-то не слишком любезные объятия.

— Стой, куколка, — прошептали на ухо. — Попалась!

— Ола! — заревел появившийся с секирой в руках Отто. — Ты где?

— Ёшкин кот! — выругался поймавший меня парень, закрывая мне рот рукой. — Гномье отродье!

Я недолго думая укусила его за руку и закричала:

— Отто!

Парень кинул меня куда-то в сторону и ринулся на Отто.

— А ну заткнись, — прошипел в ухо Блондин и приложил лбом об стол. Мир померк...

Глаза открылись уже на свежем воздухе. Блондин тащил меня куда-то, перекинув через плечо. Резкого движения хватило, чтобы мы оба полетели в мутную жижу, покрывавшую скользкий переулок.

— Ну что это такое? — почти мирно спросил Лим, вытирая лицо.

— Грязь. — Сообщая это, я уже успела подняться и прижаться к стене ближайшего дома, приготовившись к обороне.

Грязь, которая при хорошей погоде должна была быть снегом, стекала по моему когда-то чистому полушубку. Меня мучило и качало, но сдаваться я не собиралась.

— Только попробуй ко мне прикоснуться, — сказала я, поднимая руки. — Порву! Серьезно говорю.

Лим поднялся на ноги и угрюмо посмотрел на меня.

— Только не рассказывай, что ты сможешь меня победить.

— Не смогу, — согласилась я. — Но потрепать тебя, и потрепать сильно, смогу.

— Наслышан о твоих подвигах, — криво усмехнулся аристократ.

— Блондин, давай поговорим, — предложила я. — Нормально поговорим. По делу.

Лим кивнул, что-то соображая.

— Я понимаю, — продолжала я, — что тебе хочется иметь свое дело. Ты решил сделать своим делом наше с Отто. Это гоже понятно. Но при чем здесь я? Почему ты ко мне прицепился? Тебе баб мало?!

Блондин помолчал, а потом грустно спросил:

— Я действительно тебе настолько противен, что тебя стошнило от моего предложения?

— Прости, — совершенно искренне извинилась я. — Суп несвежий съела.

— Кому ты теперь это докажешь, — махнул рукой Блондин.

— Но я тебя действительно не хочу. Ты ко мне относишься, как к человеку низшего сорта.

— А как еще я должен к тебе относиться? — удивился Лим. — Ведь ты — никто, простая девица со вздорным характером.

— И именно поэтому ты хотел меня изнасиловать сегодня на столе в кабаке?

— Я предлагал по-хорошему. Мои ребята никак не поймут, зачем я с тобой церемонюсь.

— Твои ребята не поймут, если ты перейдешь дорогу Ирге, — сказала я и осознала, что мой язык, как всегда, сослужил мне плохую службу.

— Мне плевать на Иргу! — рассвирепел Блондин. — Только и слышно: Ирга, Ирга, Ирга! Везде этот Ирга! Все лучшее ему. Даже мой отец хотел пригласить его к себе на работу. Его, а не меня!

Не спуская глаз с Блондина, я бочком потихоньку передвигалась в ту сторону, откуда раздавались громкие голоса. Аристократ достал из кармана платок, вытер им лицо и хищным движением кинулся на меня.

Я не успела среагировать иначе, кроме как упереться руками ему в грудь. Схватив меня за волосы, Блондин впился поцелуем мне в губы. Горько сожалея о потерянной в кабачке шпильке, я одновременно укусила нахала за губу и ударила ногой в пах. Лим охнул и согнулся, дернув меня за волосы так, что я уже попрощалась со своим скальпом.

— Не тронь парик, он дорого стоил! — рывкнула я и, пнув Блондина ботинком по ребрам, намерилась бежать.

— Дрянь, — прошипел аристократ, хватая меня за юбку. Я рванулась с такой силой, что ткань порвалась.

«Спасибо мне за жадность, — подумала я, ломясь в маленькую неприметную дверь. — Купила бы юбку не на барахолке, а в фирменном магазине — валялась бы теперь в грязи под Блондином».

Дверь открыл перепуганный и трясущийся... хозяин кабачка, из которого меня недавно так бесславно вынесли. Если бы я раньше знала, что в этом заведении есть еще одна дверь!

— Запасной выход может стать и входом, — сказала я хозяину и прошла в зал. Там, среди раскрошенных практически в щепки столов и стульев, мирно общались банда Блондина и несколько гномов.

— Ола! — Лучший друг сорвался с места и крепко обнял меня. — Цела? Я хотел бежать тебя искать, но меня удержали. Я так надеялся, что с тобой ничего не случится!

Полугном вытер мне своим рукавом лицо.

— Ты цела или нет?

— Практически. — Я схватила друга за руку и решила, что не отпущу его даже под страхом смертной казни. — Что тут произошло?

Отто сунул мне шпильку и сказал:

— Выясняли, кто тут главный. Поэтому меня и не отпустили на твои поиски. Без меня это была бы просто драка, а так — драка со смыслом.

Я присмотрелась к его довольному лицу, отмечая багровую отметину под глазом и вспухшую губу.

— И кто кого?

— Блондина ждем, тогда и поговорим, — сказал Отто.

Лим не заставил себя долго ждать. Он ввалился в кабачок, сжимая в руке кусок моей юбки.

— Блондин! — заорал Ряк. — Ты что?

— У меня на такую мымру не встал, — объяснил аристократ, бросая на меня злобный взгляд.

Отто попытался выступить вперед, но я удержала его.

— А никто и не обещал, что там будет все красиво и эротично, — нахально заявила я Лиму. — Мы сами не аристократия, к изяществу не приучены.

Отто снова попытался встрять в разговор, но я наступила ему на ногу. Присутствующие в кабачке ошеломленно затихли. Блондин кинул кусок ткани на пол и холодно начал:

— Я понял, что тебе до женщины...

— Я в курсе, — перебила я, показывая всем своим видом, чтобы он не зарывался.

Блондин предупреждению внял и быстро сменил тему:

— Что здесь делают эти... гномы?

— О! — оживился Отто и перестал дергать меня за юбку. — Позволь представить тебе, Лим, семейство Хонкадаров. Они регулируют поставки спиртного в город, которые затем осуществляются мелкими производителями.

— Все? — спросили в один голос мы с Блондином.

— Все, — твердо сказал полугном. — Включая те, которыми занимались мы с Олой. Видишь ли, нам учиться надо. Как-никак — последний курс. Вот мы и решили продать наше дело.

Блондин сжал губы и посмотрел на меня. Я, внутренне закипая от возмущения и одновременно раздираемая любопытством, внешне спокойно кивнула.

— Ты знала об этом? — процедил сквозь губы аристократ.

— Конечно! — захлопала я ресницами и с нажимом добавила: — Отто никогда ничего не делает в нашем общем деле, не посоветовавшись со мной.

Лучший друг вздрогнул и торопливо добавил:

— Поэтому все вопросы о деле ты можешь задавать непосредственно десяти братьям Хонкадарам. Или пятидесяти их ближайшим родственникам.

Лим позеленел.

— А мы, пожалуй, пойдем, — добавил Отто, подбирая свою секиру. — У нас домашней работы задано много.

В полном молчании мы вышли на улицу.

— Ну и видок у тебя, — заметил друг. — Хорошо, что на улице уже темно...

— Ты с темы не прыгивай, — угрожающе сказала я. — Что еще за братья? Что с нашим делом?

— А я говорил тебе сидеть дома? — возмутился вдруг полугном. — Какого демона тебя понесло прямо Блондину в руки? И что это за история со «встал — не встал»?

— А я знала, что ему попадусь? — огрызнулась я. — Мне выпить хотелось, а дома ничего не было. Сказать, кто выжрал все мои запасы?

— Запасаться надо лучше, — буркнул полугном. — Хорошо еще, что мы услышали твои крики и зашли.

— Вломились, — уточнила я. — Я уже почти спаслась.

— Почти не считается. Тем более что мы хорошо кулаками помахали. Мы сделали этих пацанов! Вот что значат гномы!

Он помолчал и сказал возмущенным тоном:

— Это ты с темы не прыгивай. Что у вас с Блондином было?

— Пока вы махали кулаками, — ядовито сказала я, — я защищала свою честь доступным мне способом.

Отто угрожающе засопел.

— Ничего не было. Я просто решила подыграть Блондину в кабачке. Теперь спасен его авторитет. Надеюсь, на этом он отстанет.

— А, — сказал лучший друг. — Понятно. Ты — молодец.

— Эй, — проговорила я добреньким голосом, — гном! А что там все же с нашим делом?

— Я его продал.

— Как это — продал? — возопила я. — А на что я буду жить?! Покупать себе новые шмотки? Питаться? На стипендию?!

— Вот он, твой эгоизм, — ответил Отто. — А про меня ни слова! Я ведь тоже кушать иногда хочу... Ну ладно, ладно, не бушуй. Мы не можем потянуть все это сами, пойми. Ты еще скажи, что я был неправ, утверждая, что нам надо учиться.

— Как я буду жить? — стонала я. — И сколько труда насмарку! Я что, зря часами разговаривала с владельцами кабачков, налаживала деловые связи, уговаривала, просила, льстила?..

— Ничего не зря, — возразил полугном. — Деловые связи всегда останутся при тебе. Умение договариваться — тоже. А Хонкадары заплатили хорошую цену, твою половину я честно положил тебе на банковский счет. Тем более что мы всегда сможем вернуться к изготовлению и продаже коктейлей, если тебе вдруг будет угрожать голодная смерть.

Я задумалась.

— Зато, — добил меня лучший друг, — Блондин теперь нас трогать не будет, а гномов щипать побоится. А что, он и вправду...

— Ты опять?! Ничего, о чем ты думаешь, не было, — отрезала я. — Я его укусила и стукнула. А этот хам мне юбку порвал. С-скотина...

— А-а-а, — успокоился полугном. — Ну ничего, ему зачтется. А то я уже задумался, какой же доступный способ защиты чести ты выбрала. Я давно знал, что ты отнюдь не

нежная и не хрупкая девушка! Кто-то бы к совести воззвал, а ты — кулаком.

Я закатила в ответ глаза и махнула рукой:

— Ему величие Ирги жить не дает. А я так, под руку попалась.

— Величие Ирги, — хмыкнул полугном. — Хорошо ты примазалась к великому!

Я отвесила Отто подзатыльник.

— Ты чего? — обиделся он.

— Тебе хорошо зубоскалить, а мне нужно полушубок стирать и юбку новую покупать.

Пока мы шли к общежитию, лучший друг напряженно думал.

— Скажи мне, — прорвало его у самых дверей моей комнаты, — зачем тебе новая юбка? У тебя ведь полный шкаф шмотья?

«А то, что не поместилось, — под шкафом, под кроватью и под Лириной кроватью тоже», — мысленно добавила я.

— Ничего ты не понимаешь, Отто! — вдохновенно произнесла я. — Шкаф-то, может, и полный, но нового ничего нет...

Полугном озадаченно почесал затылок и сказал:

— Никогда этого не понимал. Ладно, как только Ирга пришлет письмо, скажи мне. Посмеяться хочу.

Я вздохнула. Что до некроманта дойдет эта история, я даже не сомневалась. Но писать самой мне было лень...

«Милая моя!

С удивлением узнал, что моя будущая жена не только не привлекательна как женщина, но еще и очень некрасива в интимных местах. Не могу сказать, что этот факт меня очень огорчил, — это значит, что, кроме меня, на тебя никто не польстится. Но что твои «достопримечательности» обсуждает весь город, мне очень не понравилось.

Ирга

P.S. Надеюсь, Блондин хорошо получил за то, что покусился на тебя? Отто — привет!»

«Дорогой Ирга!

Ола передает свою искреннюю радость оттого, что ты все равно собираешься на нее польститься, поскольку она не готова всю свою жизнь провести в гордом одиночестве. И еще она говорит, что лучше противный некромант, чем скучная старость. Также, как свидетель, могу сказать, чтобы ты не расстраивался и что Блондин пострадал достаточно. «Достопримечательности» Олы никто не обсуждает, потому что она пообещала, что ты напслешь на всех, кто об этом заикнется, проклятие.

Твоя невеста написать тебе не может, так как валяется на кровати и ноет, потому что вывихнула руку, пытаясь утрамбовать в шкаф новые шмотки. Шкаф пострадал больше — он развалился.

Отто »

Глава 5 ХАЛЯВА

— Я говорил, — спросил Беф, — что рад тому, что вы наконец-то взяли за ум? Польщенный Отто улыбнулся, а я обиделась:

— Наставник! Мы давно взяли за ум, а не только в последнее время.

Беф вздохнул:

— Иногда мне кажется, Ольгерда, что у тебя две натуры. Одна — чтобы сводить меня с ума и заставлять объясняться с начальством Университета по поводу новой шалости «этих двоих», а вторая — составляющая успешной пары Мастеров Артефактов. Жаль только, что своему Наставнику поводов для гордости ты предоставляешь куда меньше, чем проблем.

Для гордости? Это что-то новенькое! Я наострила уши. Беф настолько редко меня хвалил, что на мгновение я подумала, что у меня слуховые галлюцинации. Но, посмотрев на раздувшегося от гордости Отто, я поняла, что все услышала правильно... Надо же!

— Хотя я должен сказать, что ваше примерное поведение на протяжении последних месяцев вызывает у меня подозрение. Я чего-то не знаю? Вы затеваете что-то грандиозно ужасное?

Последняя реплика убедила меня в том, что с Бефом все в порядке, поэтому я весело ответила:

— Куда уж ужаснее: нам грозит дипломный проект!

— Профессор Свингдар говорит, что у вас там не все так страшно, как можно было бы ожидать. Как я уже сказал, ваше рвение в учебе радует. Хотя, не скрою, и настораживает одновременно.

— Больше заняться нечем, — сказал Отто.

Я кивнула. Когда прибыльное дело, занимавшее кучу времени, продано, «личная жизнь» пытит над диссертацией на другом конце страны, а культурная жизнь в городе притихла, потому что у короля траур по безвременно отравленной соперницей фаворитке, ничего не остается, кроме как учиться. Тем более что наша работа действительно увлекательна — ничего похожего на обычные дипломные проекты, повторяющиеся из года в год. «Добрый» и «заботливый» Наставник расстарался, и мы с Отто трудились над универсальными артефактами защиты от нежити. Конечно, такие артефакты были не очень мощными, но мы разрабатывали модификацию для обычных путешественников, которым «посчастливилось» встретить на своем пути неприятность. Тут главное было оглушить (чтобы успеть самому сбежать), а не уничтожить нежить. Этой идеей и отличался наш артефакт от имеющихся аналогов.

Полугном работой увлекся. А поскольку ему самому в мастерской было скучно, то и меня он заинтересовал. Я сопротивлялась недолго — все лучше работать, чем тратить деньги, шатаясь по лавочкам и рынкам в надежде развеяться. К тому же занудный Ирга в каждом письме интересовался, как продвигается моя дипломная работа и чем я вообще сейчас занимаюсь.

— Нечем заняться? — переспросил Наставник и наморщил лоб.

— Что вы, — поспешила ответить я. — Мы каждый день заняты в мастерской. А еще — прошу это учесть — мы даже пары не прогуливаем!

— Готов выписать Отто премию, — сказал Беф. — Я уверен, что без его влияния тут не обошлось.

Я раскрыла рот. Наставник шутит? Наставник хвалит? Что же нас ждет в будущем?

— Мы решили аттестовать пары наших будущих Мастеров Артефактов, — продолжал Беф, — по международной сертификации.

— И?.. — спросила я, подозревая, что нам это заявление несет только неприятности.

— И вы тоже будете сертифицироваться в числе прочих студентов. Чтобы мы могли наши изделия экспортировать.

— Кому?

— Тому, кто купит. Эльфам, например.

— Эльфы будут покупать наши артефакты? — удивился Отто. — С какой стати?

— Эльфийская наука отличается от нашей, — пояснил Беф. — Наша более успешно борется с нежитью. А эльфы в последнее время от нежити очень страдают.

Он прошелся по кабинету туда-сюда. Мы молча наблюдали за Наставником, пытаясь

понять, что для нас это все означает.

— Вот примерный список знаний и умений, которые вы должны будете показать на сертификации. — Беф сунул в руки Отто кипу листов. — Не подведите.

— А если... — заикнулась я.

— «Если» не будет, — спокойно заметил Беф.

— А у нас сессия на носу, — сопротивлялась я.

— Постарайтесь и тут, и там успеть, — порекомендовал Беф и выставил нас из кабинета.

— Что это все значит? — спросила я у лучшего друга.

— То, что Университет собирается на нас нажиться, — рассеянно сказал Отто, просматривая листы. — Тут учить и учить. Поделим пополам. Ты будешь искать ответы на эти вопросы, я — на эти. Умения будем отрабатывать вместе.

Я скривилась, забирая у полугнома свою часть задания.

— Давай откажемся, а?

— Нет, золотце, это нам пригодится в будущем.

— А если не пригодится? А вдруг я надумаю выйти замуж и стать примерной домохозяйкой? Зачем тогда мне международная сертификация Мастера Артефактов?

— Ладно, — согласился Отто, забирая у меня бумагу. — Если ты сможешь продержать свою комнату в порядке неделю, то я подготовлю ответы на все вопросы. Только учти, что к шкафу это тоже относится.

— Ха-ха-ха, — кисло сказала я, выхватывая листы. — Встретимся в библиотеке.

— А как же желание стать идеальной домохозяйкой?

Я промолчала. Легче сдать международный экзамен, чем навести порядок в моем шкафу, который не разбирался уже почти пять лет.

— Ола, это же наш шанс! — сказал Отто. — Шанс показать всем, чего мы стоим как Мастера Артефактов. Неужели ты не хочешь утереть нос нашим соученикам? Вот уж не верю! И разве мнение Бефа для тебя ничего не значит?

— Ему, что я ни сделаю, все плохо, — буркнула я.

— Неправда, и ты это прекрасно знаешь.

Я вздохнула. Умеет же полугном найти мотивацию! Увидеть восхищение и одобрение в глазах Бефа мне хотелось больше, чем съесть сдобную булку после жесткой диеты.

Засев за учебу, я поняла, что прогулянные в свое время пары сильно аукаются. Впрочем, на сожаления о собственной лени и халатности времени не было. Мне действительно хотелось сдать международный экзамен и одновременно не провалить сессию. О, как же мне этого хотелось!

Хотелось наконец снять с себя ярлык прогульщицы и лентяйки, недостойной Великого, Умного и Талантливого Ирри. Хотелось, чтобы Беф посмотрел на меня так... ну так... уважительно. Внимательно. Как на перспективную личность, а не как обычно — со вздохом великомученика. А что будет, если я не сдам?! Это будет кошмар и катастрофа. Отто подведу, Беф подведу, себя подведу... И самое страшное — Ирри расстроится.

Эти мысли теперь постоянно крутились у меня в голове, подстегивая налегать на учебу. Поэтому я зарылась в учебники и забыла обо всем остальном.

Как-то утром, через неделю после начала усиленных занятий, мне совершенно не захотелось вставать. Я целый день провалялась в постели, то трясясь в ознобе, то обливаясь потом. Не было сил даже встать, чтобы налить себе воды. А вечером в комнату ворвался полугном и, увидев мое состояние, начал в сердцах вызывать ко всем богам. Я заснула на середине его речи, обличающей несправедливость мира.

Разбудили меня прикосновения прохладных рук Лиры. Рядом с ней стоял Отто и нервно теребил бороду.

— Это грипп, — сказала подруга, тяжело вздохнув. — Сейчас эпидемия, у нас Дом Исцеления переполнен.

— Откуда грипп? Где она его взяла?

Лира пожала плечами:

— Да где угодно! Чихнул на нее кто-то по дороге в библиотеку — и все.

— Почему именно на нее? Почему именно сейчас? — застонал Отто, выдирая из бороды целый клочок волос. — Вылечи ее!

— Если бы это было так просто! — огрызнулась Лира. — Мы не можем вылечить грипп одним щелчком пальцев! Мы можем только облегчить симптомы и помочь организму больного самому справиться.

— Тоже мне целители!

— Скажи спасибо Сумеречным горам! Этот вирус — их порождение, — обиделась подруга. — Мы и так делаем все, что в наших силах. Покой, постельный режим и микстуры. Я буду к тебе забегать. Ты уж прости, но жить в этой комнате в ближайшее время мне опасно.

— Забери меня в Дом Исцеления, — прохрипела я.

— Переполнен, — махнула рукой Лира. — Мы новых заболевших на дому лечим.

— А учиться ей можно? — с надеждой в голосе спросил лучший друг.

— Можно, — ответила целительница и добавила: — Если хочешь, чтобы она ослепла. Грипп — штука коварная. Малейшее перенапряжение — и все, тяжелейшие осложнения.

— Я ей вслух учебники читать буду, — не сдавался полугном.

— Да, да. — Лира взбалтывала в чашке жидкость с мерзким запахом. — И ты сляжешь рядом. Кстати, у гномов заболевание проходит тяжелее. Вот, дорогая, пей маленькими глоточками. Я скоро зайду.

Даваясь невероятно гадостным лекарством, я слышала, как по коридору удаляются завывания Отто:

— Мы пропали! Пропали!..

— ...Я пропала, — страдала я, когда меня отпустил грипп и выяснилось, что до сессии и международного экзамена остались считанные дни.

— Только не вешайся! — предупредил полугном, подсовывая свои конспекты. — Учи!

— Я не могу выучить сразу столько! Не могу!

— Через «не могу», — отрезал Отто. — Только не вздумай опять заболеть, а то я тебе голову откручу и скажу, что так и было. Законсервированная, она больше болеть не будет.

Я засела за учебу, проклиная грипп, свой хилый организм, экзамены и весь мир в целом. Все пропало... Разве что мне очень-очень повезет с билетами на всех экзаменах... Но даже Госпожа Удача не могла мне в этом поспособствовать, слишком уж это неосуществимо.

Вечером навестить меня пришла Илисса.

— Чего ревешь?

— Я не реву. Это у меня мозги так вытекают. От усилий...

Илисса выслушала рассказ о моих злоключениях и сказала:

— В принципе твоему горю можно помочь. Если это для тебя очень важно.

— Куда уж важнее, — мрачно заметила я.

— Можно вызвать Халяву, — сообщила Илисса. — Только в том случае, если это действительно очень важно. Это черная магия.

— Важно! Мне сейчас наплевать, пусть это будет призыв о помощи хоть самого Ёшки! Мне необходимо блестяще сдать этот международный экзамен! Да и сессию нужно сдать хорошо. Только разве магия такого рода не запрещена на экзаменах любого уровня?

— Э, тут все не так просто! Это заклятие не отслеживается, даже если ты будешь защищать докторскую диссертацию перед всеми архимагами королевства! Его придумал один талантливый маг, специально чтобы экзамены сдавать.

— А почему я до сих пор об этом заклятии ничего не слышала?

— Потому что оно запрещенное и вычеркнуто из всех источников.

— А ты его где взяла?

— А ты вспомни, из какой я семьи, — рассмеялась девушка. — Нашла в одной из старинных книг моего отца и переписала себе на всякий случай. Видишь, пригодилось.

— Как ты думаешь, — спросила я, пока мы шли к общежитию Илиссы за закланием, — Ирга его тоже использовал?

— Не думаю, — покачала Илисса головой. — Слишком он для этого правильный.

— А ты, значит, нет?

— А ты? — рассмеялась сестра некроманта.

Мы понимающе переглянулись.

Заклание оказалось довольно сложным. Два дня я собирала необходимые материалы и запасалась силой. Полночь перед экзаменом застала меня в Гаю Влюбленных, где на большой поляне я разложила по кругу дары Халяве — бутылку лучшего эльфийского пива, брусок хьюдорского шоколада, новые карандаши с позолотой и толстенную книгу — сборник непристойных анекдотов. Как ни странно, последнее раздобыть было легче всего. Глубоко вдохнув, я закричала, стараясь выдохнуть вместе с криком магическую энергию:

— Халява, приди! Халява, приди! Халява, приди!

На меня пахнуло холодом, и из темноты вышла невысокая розовощекая девушка в темном и очень простом платье.

— Э-э-э... — озадачилась я.

— Звала? Я — Халява. — Девушка окинула взглядом разложенные предметы, улыбнулась, и дары исчезли. — Номера билетов? Желаемые вопросы?

Я торопливо бросила в сторону Халявы листочек с предварительно выписанными данными. Бумага моментально исчезла. Через мгновение исчезла и Халява. Я была слегка разочарована простотой совершившегося действия. Все-таки черная магия. Я думала, что будет что-то более грандиозное. С искрами, вспыхивающими огнями, страшными завываниями...

...Международная сертификация прошла блестяще. Попавшиеся мне билеты на экзаменах во время сессии также не оставили сомнений, что Халява действует...

И вот последний экзамен сдан. После вечеринки в честь окончания сессии я растянулась на кровати с чувством выполненного долга. Завтра нам с Отто предстояла встреча с Бефом, на которой — я была в этом уверена — он нас похвалит. Предавшись сладким мечтам, я пролежала довольно долго, прежде чем сообразила, что сон так и не пришел.

Списав все на нервное перевозбуждение, я поплелась к буфету. Стараясь не разбудить мирно сопящую Лиру, поискала молоко. Горячее молоко с медом — проверенное средство от бессонницы — на этот раз не сработало. До утра я перепробовала все — считала просто овец, овец, прыгающих через забор, овец, спаривающихся в разнообразных позах. Ничего не помогало.

Что делать, я не знала, потому что никогда не страдала бессонницей. Более того, что бы ни случилось, всегда быстро засыпала. Отто утверждал, что это потому, что моя совесть тоже спит крепким сном, пробудиться от которого ее заставить практически невозможно.

На встречу к Бефу я пришла с красными от недосыпа глазами и раскалывающейся головой.

— Хорошо погуляли? — спросил Беф.

— Не спалось, — призналась я.

Отто удивленно вылупился на меня, но ничего не сказал.

— Попробуй на ночь почитать учебник, — улыбнулся Наставник.

— Зачем? Ведь сессия же закончилась!

— Рад, что присущая тебе лень никуда не делась, — сказал Беф. — А то без нее ты не целостная натура. Я думаю, читая учебник, да еще и просто так, без необходимости, ты заснешь очень быстро.

— Наставник... — смутилась я, понимая что Беф прав. — И как мне это самой в голову не пришло?..

— Я доволен вами, — сказал Наставник, одаривая нас одобрительным взглядом и поощрительной улыбкой. — Более того, я *очень* доволен вами. Вы показали, на что

способны!

Я почувствовала укол не вовремя проснувшейся совести, который помешал мне наслаждаться похвалами.

— Но! — продолжал Беф. — Я уверен, что вы могли и лучше. Намного лучше! Поэтому вот вам задание. Мы его разработали вместе с профессором Свингдаром.

— Какое задание? — завопила я. — Каникулы же!

— А нам за это заплатят? — спросил более практичный Отто, прочитав задание. — Я так понимаю, что эти артефакты пойдут на продажу.

— Не заплатят, — ответил Беф, игнорируя мое возмущенное сопение. — Это в рамках вашей практики. Все, аудиенция закончена.

— Ну вот, я так и знал! — сокрушался полугном. — Нашими руками денежки себе загребают. Конечно, это же артефакты, сделанные Мастерами с международной сертификацией! Их дорого загнать можно. «В рамках практики, в рамках практики», — передразнил он Бефа.

— У нас еще нет дипломов, — напомнила я. — Официально мы не имеем права изготавливать артефакты на продажу.

— Конечно! И я уверен, что дипломы нам дадут как можно позже! — бурчал полугном.

Я была с ним согласна, но поддерживать не хотела, потому что чувствовала себя разбитой.

— Отто, я пойду прилягу, хорошо?

— А почему ты не выспалась? — поинтересовался лучший друг. — Я чего-то не знаю?

— Просто не спалось, — призналась я. — На нервной почве, скорее всего.

— Выпей успокоительного, — посоветовал Отто.

Но успокоительное не помогло. Я лежала на кровати, подумала... и выпила еще полбутылки. Глаза слипались, голова гудела, но сон не шел.

Я попыталась читать учебник. Перед закрывающимися глазами все буквы сливались в одну, но заснуть мне не удавалось.

Я страдала до прихода Лир и, как только она появилась, кинулась навстречу:

— Я заснуть не могу!

— Выпей успокоительного, — посоветовала целительница.

— Я выпила полбутылки!

— Переборщила. Прими теплый душ, выпей молока с медом, расслабься, и сон придет, — отмахнулась подруга и завалилась спать.

Ничего не помогло. Утро после второй бессонной ночи застало меня меряющую шагами общежитский коридор в надежде так устать, чтобы отключиться.

— Я не заснула, — пожаловалась я Лире, собирающейся в Дом Исцеления.

— Да? — Она с тревогой посмотрела на меня. — Если днем поспать не удастся, вечером будем думать.

Весь день я провела как в каком-то мареве. Ближе к ужину в комнату зашел Отто, что-то говорил, но я уже ничего не соображала, способная только тихо плакать. Перепуганный полугном отволоч меня в Дом Исцеления.

— Не могу понять, почему ей не спится, — призналась Лира после досконального исследования меня, моей ауры, висящих на мне артефактов и даже моей одежды.

— После пяти-шести дней без сна человек умирает, — вдруг сообщил полугном.

Я тоскливо посмотрела на лучшего друга, уже не зная, что лучше — умереть прямо сейчас или мучиться так еще три дня.

Лира привела старшую целительницу. После долгих пассов руками та сказала:

— За вами тянется какой-то слабый след черного заклятия. Это единственная возможная причина бессонницы.

— Опять Марта шалит? — возмутился Отто.

— Очень сильный маг? — осведомилась целительница.

— Медиум.

— Нет, никто из выпускников этого факультета на такое не способен. Только сильный практик.

Лира и Отто озадаченно посмотрели на меня. Я молчала, зная, что за след тянется за моей аурой. Но признаться в этом означало упасть в глазах лучших друзей. Да уж, теперь пришлось на своей шкуре узнать, что такое бесплатный сыр в мышеловке.

— Я бы посоветовала вам обратиться к хорошему магу-практику, чтобы он отцепил хвост заклятия. Потом только к нам. А так мы ничего сделать не сможем. наших сил не хватит, даже если обратиться к лучшему целителю города.

— Пойдем к Бефу, — потащил меня за руку Отто.

— Нет! — завопила я, выдираясь. — Мне нельзя к Бефу!

— Ты!!! — заорал лучший друг, прижимая меня к стене и упирая мне в грудь палец. — Ты во что-то опять вляпалась? Куда тебя на этот раз занесло?

— Отто! — испуганная Лира попыталась оттащить разъяренного полугнома, но легче было сдвинуть с места скалу. — Ты же ее так убьешь!

— Какая разница, сейчас она дуба даст или через три дня?

— Ну, — сказала Лира неуверенно, — я бы могла продлить ее жизнь...

— Разве это жизнь? — расплакалась я. — И вы еще ругаете, вместо того чтобы поддержать...

— Беф поддержит, — огрызнулся Отто.

— Я как лучше хотела!

— Во. Что. Ты. Влезла? — угрожающе спросил полугном. — От чего тебя спасать?

— Не скажу! — завывала я. — Моя глупость! Я вообще помощи не прошу!

— Ладно! — решительно сказала Лира. — Выяснением подробностей займемся потом, сейчас надо решать, что делать. Ола, успокойся. Отто просто за тебя очень сильно волнуется!

— Не надо за меня волноваться, сама разберусь, — закусила удила я.

— Ну и хорошо, — буркнул полугном и отошел, но недалеко.

— Стоп! — сказала Лира. — К кому из наших практиков ты можешь пойти?

К тому, кто достаточно силен, чтобы избавить меня от заклятия черной магии и не донести «куда следует»? Что-то я такого не припомню. Я зарыдала в голос. Умирать сейчас, когда я даже не примерила свадебного платья... Не въехала торжественно на белом коне на родное подворье... Не получила выстраданный диплом о высшем образовании... Не переспала с Иргой, в конце концов!

— Прекратить истерику! — крикнула Лира.

Наверное, целителей специально обучали этой фразе, тону, с которым она должна быть произнесена, потому что я мгновенно заткнулась.

— Ни к кому ты обратиться не сможешь, — констатировала она. — Плохо. Но поправимо. Езжай к Ирге.

— Если так будет продолжаться, она умрет раньше, чем до него доберется, — сказал Отто, старательно демонстрируя полное равнодушие к моей судьбе.

— Не умрет, это я беру на себя. А ты сейчас же купишь ей билет на экспресс до Рорритора.

Полугном моментально испарился. Лира тоже куда-то убежала, а я сидела на скамейке в коридоре и ругала саму себя. Вот тебе и легкая сдача всех экзаменов! Вот тебе и одобрительный взгляд Бефа! Вляпалась так вляпалась. Теперь понятно, почему это заклятие относится мало того что к черной, так еще и к запрещенной магии.

— Вот, — сказала запыхавшаяся Лира. — Стимулятор. Создадим у твоего организма иллюзию, что он сам спать не хочет, а не то, что ему не дают.

Я понюхала содержимое склянки.

— Это же запрещенный напиток.

Целительница ухмыльнулась:

— А баловаться черной магией не запрещено? Мы это пьем, когда пациент очень тяжелый и отлучиться от него нельзя. Только никому не говори, что это я тебе дала.

— Как им пользоваться? — спросила я.

— Пей по маленькому глоточку, когда совсем будет плохо. До Рорритора протерпишься. Только предупреждаю: потом реакция будет такая, что умереть захочется.

— А у меня есть выбор? — буркнула я. — Так — умрешь, так — захочется умереть. Оба варианта мне одинаково нравятся.

Лира снарядила меня в дорогу. Они с Отто погрузили меня в карету, и я поехала за спасением от собственной глупости.

Рорритор встретил меня слякотью и мокрым снегом. Из кареты я вылезала в состоянии полной прострации: уже начались слуховые галлюцинации, руки тряслись, нижняя губа дрожала, левый глаз дергался. Поддерживая тяжеленную мокрую юбку и замечая, как шарахаются на улице от меня люди, я добрела до общежитий Рорриторского Университета магии. Поймав за руку первого попавшегося студента, я прохрипела:

— Где живет Ирга Ирронтто?

— Я не думаю, что ты ему понравишься... — начал было студент.

Я вонзила ногти ему в руку и наступила тяжелым ботинком на его тонкий сапог.

— Где?

— Эй, а я тебя знаю, — сказал студент испуганным тоном. — Ты та психованная из Чистякова, которая Ридера победила!

Я зарычала.

— Сейчас проведу, — правильно понял рорриторец.

Всю дорогу я цеплялась за несчастного паренька не потому, что думала, что он сбежит, а потому что у меня подкашивались ноги.

— Второй этаж, пятая комната, — пролепетал студент.

Подавив желание вскарабкаться по лестнице на четвереньках, я медленно дотащилась до жилища Ирги. «Если его не будет дома, — думала я, — просто умру на пороге».

Толкнув дверь, которая оказалась не запертой, я ввалилась в комнату к некроманту. Сидящий за столом Ирга оторвался от чтения толстого тома и уставился на меня так, будто увидел привидение.

— Ирга, — сказала я, оседая на пол, — я умираю.

Через мгновение я почувствовала, как сильные руки поднимают меня, а знакомый до боли голос, привычно растягивая гласные, решительно произносит:

— Ты не умрешь, пока я тебе этого не разрешу. А я не разрешу. По крайней мере, до тех пор, пока у нас не появится десять правнуков!

Некромант осторожно снял с меня шубку, сел на кровать и, убаюкивая в объятиях, ласково спросил:

— Что ты натворила?

— Я вызывала Халяву, — сказала я, боясь открыть глаза.

Ирга вздрогнул.

— Ты сможешь с этим справиться? — тоскливо спросила я, не дождавшись ответа.

Парень молчал. Я открыла глаза и, увидев его печальное выражение лица, поняла, что надеяться мне действительно не на что. Пришлось признать, что моя непутевая жизнь подходит к концу.

Что ж, мне положено последнее слово, разве не так? Замечательная возможность рассказать Ирге о моих чувствах. Какая я была дура, что не сделала этого раньше! И как жаль, что у нас ничего не получится. Конечно, Ирга всегда сможет сделать из меня прекрасного зомби... Но я не думаю, что сделанный из меня зомби ему будет нравиться так же, как я живая.

— Ирга, я...

— Конечно, справлюсь, — перебил меня некромант, решительно встряхнув головой, отчего длинная челка упала ему на глаза. — Как ты могла во мне сомневаться? Просто мне нужно время, чтобы подготовиться.

Я подавилась нежными словами.

— У меня нет времени, — сообщила я жениху. — Я уже шесть суток не сплю! Держусь только на стимуляторе.

— Где ты взяла это заклятие? — спросил Ирга, перекладывая меня на постель.

Я сочла нужным признаться:

— Мне его Илисса дала.

— Понятно, — кисло сказал некромант, начиная рыться в огромном книжном шкафу.

— Она его переписала из книги твоего отца, — уточнила я.

— Я знаю, — раздался приглушенный голос Ирги. — Вот она, эта книга. А теперь помолчи.

Он углубился в изучение книги, иногда встряхивая головой, чтобы челка не мешала читать. Я лежала на кровати и думала, что ради какого-то ерундового экзамена я могла потерять это все — объятия сильных рук, улыбку тонких губ, насмешливый и любящий взгляд голубых глаз. Да один поцелуй Ирги стоит десяти международных сертификатов! Какая же я все-таки дура!

«Если я выживу, — сказала я себе, — то я больше никогда...» Обещание пришлось прервать, потому что я вспомнила, сколько таких «никогда» было в моей жизни. Точнее, было желание, чтобы «никогда» не повторилось. М-да...

— Крепись, — произнес наконец некромант. — Я скоро.

— Я умру? — окликнула его я, стараясь не слушать нарастающий звон в голове.

— Нет, — твердо ответил Ирга. — Я на это разрешения не давал.

Я лежала на кровати обожаемого мужчины и не чувствовала ничего, кроме желания умереть побыстрее. Уж очень мне было плохо. Но стоило окончательно погрузиться в мир бредовых видений, как меня тут же бесцеремонно стащили с уютного ложа, напялили шубку и поволокли на улицу. Я спотыкалась и пыталась упасть, но Ирга удерживал полумертвое тело в более-менее вертикальном положении. Периодически очередная лужа, заливаясь в ботинки, приводила меня в почти человеческое состояние, я поднимала глаза на лицо Ирги с упрямо сжатыми губами и снова проваливалась в бред.

Когда мы остановились и некромант наконец отпустил меня, я без сил упала на землю и свернулась в клубок, закапываясь в мокрый снег. Смерть сейчас была самой желанной гостьей.

Сколько я так пролежала, не знаю. Через разные голоса, звучащие у меня в голове, я изредка слышала, как Ирга что-то кричит, как вокруг завывает ветер и раздаются протяжные стоны... Впрочем, вполне вероятно, что стоны эти были мои.

Очнулась я, когда Ирга, тихо ругаясь, пытался стащить с меня мокрую одежду.

— Что?..

— Тихо, спи.

— Уже можно?

— Нужно!

Я проснулась оттого, что мне стало тесно. При попытке потянуться руки уперлись во что-то твердое и теплое. Открыв глаза, я с удивлением увидела перед своими глазами бледную кожу. Дальнейший осмотр показал, что я лежу, упершись носом в подмышку Ирги.

— Проснулась? — спросил некромант откуда-то над моей макушкой.

— Угу, — буркнула я.

— Жаль, а то я только лег.

— Еще сегодня? — удивилась я.

— Нет, уже утро послезавтра.

— Ничего себе я поспала! А ты что же, все это время не спал?

— Почему же, спал. Просто ты ничего не чувствовала, тебя можно было как бревно туда-сюда по кровати ворочать.

— Как бревно? — обиделась я.

— Да, — согласился Ирга напряженным тоном.

— Что случилось? — уловив изменения в его тоне, я насторожилась. — У тебя

получилось меня спасти?

— Конечно, получилось. Ты во мне сомневалась?

— А почему ты тогда таким тоном говоришь?

— Тебе не понять.

— Ну скажи-и-и!

— Ты когда-нибудь попадала в ситуацию, когда тебе в под мышку дышит полуголая и бесконечно желанная девушка?

— Нет, — сказала я, подумав. — Мне вообще в подмышку никогда не дышали. А почему полуголая?

— Ты мне уже один комплект белья своей мокрой грязной одеждой испортила. Перед тем как укладывать тебя спать, пришлось позаботиться о чистой постели и о чистой тебе.

— Ты меня раздевал?! — возмутилась я, кое-что припоминая из своих видений.

— А ты предпочитаешь проснуться в высохшей луже? — огрызнулся Ирга. — Клянусь, на твою девичью честь я не посягал.

— А почему? — ляпнула я прежде, чем успела подумать.

— Я некромант, а не извращенец. Хотя некоторые эти понятия путают. Но уверяю, полудохлая девушка меня не возбуждает.

— А совсемдохлая? — спросила я, кляня себя за длинный язык.

— Предлагаешь тебя убить и попробовать?

— У тебя был шанс, — сообщила я, приподнимаясь на локте и заглядывая Ирге в лицо.

Если я хоть что-то понимала в мужчинах, то в глазах некроманта читалось то, что в любовных романах поэтически называется «всепожирающий огонь страсти». Мои губы зачесались от предвкушения поцелуя. Я поерзала, наклонилась над мужским телом. Парень затаил дыхание.

— Ирга, — спросила я шепотом, — а где здесь туалет?

Некромант сморщил нос и, казалось, готов был заплакать.

— В конце коридора справа, — сказал он печально. Молча вытерпел, пока я неуклюже перебиралась через него на пол, и только после этого уточнил:

— Ты собираешься идти по коридору в этом?

Я оглядела себя:

— Ты думаешь, я в твоей рубашке плохо выгляжу? Правда, черный цвет мне не особо идет.

— Я думаю, что ты в одной рубашке слишком хорошо выглядишь. Твоя юбка на спинке стула висит.

— Ты постирал мою юбку? — поразились я, рассматривая это нечто и сомневаясь, что это моя теплая юбка. Такой чистой она была разве что в день покупки. — Как тебе это удалось?

— У меня две младшие сестры, — напомнил Ирга. — Я, когда они были маленькими, помогал со стиркой. Но учти — это первый и последний раз, когда я за тебя стираю!

Я лучезарно улыбнулась и убежала по своим делам. Вернувшись, я застала некроманта в той же позе на кровати.

— А покушать есть? — жалобно спросила я.

— В буфете на верхней полке, — ответил Ирга. — Мне одному кажется, что в наших отношениях что-то не так?

Я решила не отвлекаться от еды для ответа на провокационные вопросы.

— Лучше расскажи, почему я не могла уснуть, — прочавкала я.

— Потому что сложились два бестолковых члена уравнения. Одна бестолковая девица переписала из книги черной магии заклятие, а вторая его исполнила, не озаботившись проверить безопасность этого заклятия.

Я не обиделась на нелестную характеристику. Ирга был прав.

— Халява забирала твои ночи. Ведь ты, готовясь к экзаменам, должна была, по идее, за учебой не спать ночами, а ты мирно дрыхла. Запомни — черная магия всегда требует с тебя

плату! Всегда!

— Но я же заплатила...

— Ты заплатила только за вызов, а не за услугу.

— А Илисса не знала?

— Думаю, нет. У вас с ней одинаковая манера — никогда не читать внимательно и до последней строчки! Скорее всего, она переписала только заклятие, не потрудившись заглянуть на соседнюю страницу. Илиссе простительно, она еще совсем бестолковая магичка, но вот о чем ты думала?

— О сдаче экзамена любой ценой, — сказала я. И, помявшись, призналась: — Мне так хотелось, чтобы ты меня уважал за то, что я даже международный сертификат получила.

Ирга нежно улыбнулся. Где-то в районе желудка что-то потеплело, растаяло и потекло вниз к копчику. Я постаралась откусить от котлеты побольше, чтобы романтическое настроение не успело испортить мне аппетит.

— Милая моя, я тебя и без международного сертификата уважаю.

Я улыбнулась, постаравшись не открыть рта, под завязку заполненного котлетой.

— Неправильно осуществленное заклятие связало тебя с Халявой, — продолжил рассказ Ирга, верно истолковав мой любопытный взгляд. — Я эту связь разорвал. Это было довольно трудно, поэтому есть предложение — следующий раз, прежде чем что-то подобное учинить, посоветуйся со мной.

Я закивала, постаравшись изобразить на лице собачью преданность.

— А теперь ты набила живот и опять захочешь поспать, — со вздохом сказал некромант, глядя, как я вылизываю тарелку.

— Угу.

Ирга приподнял одеяло, я быстро стянула с себя юбку и нырнула в уютное тепло, прижавшись к боку парня. Он что-то сказал, но я уже не слышала, погружаясь в приятный сон.

Пробуждение было менее приятным. Оказалось, что во сне я практически полностью залезла на Иргу и отдала на его костях себе все формы. И почему он такой худой? Нет, конечно, он очень мускулистый, но такой твердый! Почувствовав мои шевеления, некромант сразу же проснулся.

— Ирга, — сказала я задумчиво, — мы тут лежим, такая хорошая парочка. Поцелуй так и проситесь...

— Но... — подсказал некромант.

— Наверное, у меня изо рта воняет, — смущенно призналась я.

— Извини, — ядовито сказал Ирга. — Для тебя зубной щетки не припас. Хочешь мятную конфетку?

— Хочу.

— Возьми в буфете.

Я потянулась и обнаружила, что вставать мне не хочется. Но поцелуя хотелось, поэтому пришлось идти на хитрость.

— Ирга, а ты хочешь меня поцеловать?

— И не только поцеловать, — с готовностью откликнулся некромант.

— Тогда принеси мне конфетку. И не надо на меня так смотреть!

— Лучше бы я тебя убил, — сказал Ирга. — Лежала бы сейчас тихая, смиренная...

— Холодная, липкая, и запах изо рта конфеткой не перебивается, — продолжила я.

— Умеешь найти убедительные слова, — вздохнул парень и пошел к буфету.

Я полюбовалась его фигурой в лучах заходящего солнца, льющих из окна, и подумала, что Марта бы сейчас умерла от зависти, если бы узнала, чем мы тут занимаемся. Впрочем, я всегда могу донести до нее эту информацию. Я улыбнулась собственным мыслям.

— Рад, что ты улыбаешься, — нежно сказал Ирга, присаживаясь на кровать.

Мне было стыдно признаться в том, о чем я думала. Поэтому я просто еще раз

улыбнулась и засунула в рот конфету.

Некромант лег рядом и начал медленно меня гладить. Неужели сейчас, сейчас произойдет *это* ?! И как это будет?

— А мне что делать? — любопытствовала я и поперхнулась.

Ирга постучал меня по спине, дождался, пока я откашляюсь, и серьезно сказал:

— Молчать.

— А... — начала было я.

Он прижал палец к моим губам:

— Просто молчать. Доверься мне.

— Ирга...

— Молчи, женщина!

— Я не женщина!

— Сейчас станешь!

Я мимикой изобразила все, что я думаю по поводу этого предложения. Ирга засмеялся и повалил меня на подушку.

«Да, — размышляла я через некоторое время, — вот так Лира спросит меня: а как это было? И что я отвечу? Что это было как ласковый ураган, полностью сносящий крышу? А существуют ласковые ураганы? Такое чувство, будто принадлежишь человеку безраздельно, а он так же полностью принадлежит тебе. Никогда не думала, что возможно такое слияние душ и тел. Что бывает такое удовольствие. Что бывает такая нежность. Что бывает так хорошо. Теперь я точно принадлежу ему вся, а он весь принадлежит мне». Потом мои мысли приняли совсем другое направление.

— Ирга, — сердито сказала я.

— М-м? — спросил лежащий на мне некромант.

— Ты мне ногу отдал, и она онемела. Потом болеть будет. И вообще слезь с меня, ты тяжелый и твердый.

Возлюбленный молча сполз к краю кровати.

— Ирга!

— Мм?

— Я есть хочу. — На это заявление он никак не отреагировал. — Я есть хочу!!! Вот так, — пробурчала я, убедившись, что некромант бессовестно игнорирует мои просьбы. — Стандартное мужское поведение. Удовлетворил свои потребности — и на боковую. А ты, дорогая, как хочешь.

Я перелезла через бесчувственное тело, попробовала вытянуть из-под него свою рубашку, услышала треск и решила, что поесть можно и голышом. Оказывается, любовь такая энергозатратная штука!

Ирга подал признаки сознания, когда я приканчивала съестное в его буфете.

— Всегда мечтал проснуться и увидеть тебя в своей комнате обнаженной... — Он подошел к буфету и оглядел поле боя. — Но вот твоя прожорливость в мою мечту не входила. Ты все съела?

— Все, что смогла найти, — уточнила я, стараясь не пялиться так откровенно на голое мужское тело.

Ирга перехватил мой взгляд и удивился:

— Ты чего?

— Ничего, — покраснела я.

— Ты смущаешься? — еще больше удивился он.

— Да, а что здесь такого? — возмутилась я. — Разве не так ведут себя приличные скромные девушки после любви? Тем более после первой ночи... точнее, вечера любви.

— Кто из нас двоих приличная скромная девушка? — поинтересовался Ирга.

— Ну знаешь! — Я обиженно засопела и демонстративно отвернулась.

На самом деле я не знала, как себя вести. Во всех прочитанных любовных романах этот момент стыдливо опускался. Или, как вариант, главные герои после первой любви

лихорадочно срывались с ложа и куда-то скакали, спасаясь от злодеев. Тут уж не до смущения.

Некромант пошарил по полкам буфета за моей спиной и удрученно сказал:

— Ну вот, придется идти за продуктами, потому что даже бутерброд не из чего на работу сделать. Зачем ты сгрызла мои сухари?

— Можно подумать, что ты на работе сухарями питаешься, — огрызнулась я. Моя обида на Иргу быстро росла. Мог бы подойти, обнять, сказать, как ему понравилось, поцеловать, приласкать... А не о сухарях беспокоиться!

— Я их нищим собирался отдать, — сказал некромант, одеваясь. — Тебе купить что-нибудь?

— Нет, — буркнула я.

— Не надо дуться. — Ирга погладил меня по голове и попытался заглянуть в глаза, но я зажмурилась. — Я приду, и мы поговорим, хорошо?

Я подавила всхлип и кивнула.

Как только за парнем закрылась дверь, я заплакала. Разве все должно было быть так? Куда подевался нежный, внимательный и заботливый Ирга? Сухари его беспокоят!

Всхлипывая и чувствуя себя глубоко несчастной, я принялась одеваться. Никогда я не чувствовала себя такой... использованной и выброшенной.

— Домой, домой, к Отто. Может, хотя бы он объяснит мне, что происходит, — вслух сказала я.

Собирая рассыпанные по кровати шпильки для волос, я старалась не вдыхать остатки особенного запаха, свидетельствующего о том, что недавно двоим было хорошо. Хорошо...

Мне уже не хотелось плакать — мне хотелось рыдать в голос. Настроение требовало выхода, поэтому я быстро написала записку и ушла.

На мое счастье, я застала отправляющуюся вечернюю карету в Лолль. Хоть путь в Чистяково и значительно удлинился, я, не раздумывая, купила билет.

Всю дорогу домой я мрачно смотрела в окно, чувствуя себя самым несчастным существом в мире. Или мрачно спала, видя исключительно мрачные сны. Да, не так я себе это все представляла. Любящий мужчина, желанная женщина, сногшибательное удовольствие — и упрек по поводу сухарей!

По прибытии я, несмотря на раннее утро, побежала к Отто. Громогласно храпящий полугном проснулся только тогда, когда я забралась к нему в постель.

— Молот и Наковальня! Ола! Ты что здесь делаешь? Ты как?

От неподдельного участия лучшего друга мне опять захотелось плакать.

— Что вообще происходит? — спросил Отто, вытирая мне слезы. — Я получил наемни письмо от Ирги, но ничего не понял. Кто из вас двоих с ума сошел? Что вообще происходит?

Используя бороду полугнома в качестве носового платка, я, захлебываясь слезами, рассказала про свою поездку в Рорритор.

— И он пошел в магазин за сухарями, а меня бросил, — закончила я, икая от рыданий.

— Теперь я точно знаю, что вы друг другу подходите, — сказал Отто, грустно рассматривая то, во что превратилась его борода. — Потому что оба ведете себя как идиоты!

— Мне простиительно, а вот ему...

— И ему простиительно, — оборвал меня Отто. — Что ты ему в записке написала, что бедный парень вешаться собирается?

— Не помню, — призналась я.

— Сейчас процитирую. — Полугном достал из ящика стола письмо. — «Я тебя ненавижу. Прощай».

— Гм... да? — озадачилась я. Кажется, переборщила. — А чего он? И вообще, ты мой друг, а не его!

— Я и его друг, — сказал Отто, зевая. — И вообще, вы меня со своей любовью уже достали. Зачем все так усложнять, а? На, читай, кажется, это письмо больше тебе

предназначено, чем мне. Не мешай досыпать. И утром с тебя за-а-автрак...

Света из окна для чтения явно не хватало, но у меня так тряслись руки, что только с третьего раза удалось слепить пристойный огонек.

Я глотала строчку за строчкой и не узнавала Иргу. Где ровный, почти каллиграфический, слегка наклонный почерк? Где четкость и безукоризненное построение фраз?

«Отто, старый друг.

Кажется, я совершил самую большую ошибку в жизни. Я не знаю, что теперь делать, как мне вернуть Олу?

Я испугался, смутился. Я не знал, что делать и как быть, что говорить и как смотреть ей в глаза, чтобы она не подумала, что я ее использовал...

Я даже не знаю, понравилось ли ей!

Для меня это было фантастически, сказочно прекрасно, я так долго мечтал об этом. А потом все сломалось. Я повел себя как дурак! Но я не знал, чего она ждала от меня, и испугался. Мне надо было собраться с мыслями, а она ушла и написала «Я тебя ненавижу, прощай». Я не знаю, как сказать, что я люблю ее больше жизни! Что мне никто не нужен, кроме нее!

Я никогда ни к кому такого не испытывал. И никогда ни с кем мне не было так хорошо. Не знаю, как убедительно сказать ей об этом... Что она мне нужна любая, что бы она о себе ни думала... А то, что случилось между нами, было самым прекрасным в моей жизни.

Мне не хочется без нее жить, но я сам все испортил.

Дружище, что же мне делать?

Ирга »

— Отто! Отто! — смеясь и плача одновременно, тормошила я полугнома.

— Что еще стряслось?

— Он меня любит!

— Это что, новость? Да об этом даже профессор Партик знает, с тех пор как твои работы по некромантии прочитал.

— Не новость! Но ему хорошо со мной! Все время хорошо, в каком бы состоянии я ни была! Почему он мне об этом не говорил?

— А тебе мало, что он твою задницу регулярно спасал?

— Ну я думала...

— Чистый альтруизм не в моде, — сказал Отто и зевнул так, что хрустнуло что-то в челюсти. — Эй, ты куда?

— В Рорритор!

— Стой! Это ты шляешься неизвестно где столько времени, а Ирга уже третий день у твоих дверей сидит. Ждет. Бледный, несчастный, страдающий...

Последнее, что я услышала, выбегая в коридор и стремясь к возлюбленному, был обиженный вопль лучшего друга:

— А как же мой завтрак?!

Глава 6 ЖЕНСКОЕ СЧАСТЬЕ

Праздник Весеннего равноденствия я по традиции встречала дома, в окружении любящих родственников. За праздничным столом разговор, как обычно, плавно перетек к обсуждению моей личной жизни.

— Когда ты обзаведешься мужем? — спросила мама, недвусмысленно кивая на колечко, которое я не снимала с безымянного пальца.

— Скоро, — пообещала я.

— А когда ты познакомишь нас со своим избранником?

— Скоро.

Привезти Иргу домой было равнозначно немедленному походу к алтарю Богини Рода — без обручальных колец нас из города бы не выпустили. Конечно, я хотела замуж, но когда-нибудь потом.

— Что значит «скоро»? — возмутилась мама. — Мне людям в глаза стыдно смотреть! Старшая дочь — и никак свою судьбу не устроит. Все твои одноклассницы уже вышли замуж.

— Так уж и все? — усомнилась я.

— Почти все, — не дала себя сбить с толку мама. — Даже Стефа недавно нашла себе мужа.

— Что? — поразились я.

Стефа была воинствующей феминисткой. Все здравомыслящие особи мужского пола старались к ней не приближаться. Впрочем, не здравомыслящие мужчины исчезали из поля зрения моей лицейской одноклассницы уже через несколько минут после знакомства. Они смывались с увядшими ушами (действие Стефиной магии) и безумным выражением глаз (результат ее лекции о равноправии).

— Да, — вмешалась в разговор бабушка и поделилась последней сплетней: — Только молодые от родителей съехали, поселились в домике на окраине и в гости не зовут. Стефина мама очень возмущена подобным поведением.

— А за кого она замуж вышла?

— Приезжий кто-то, я о нем ничего не знаю, — расстроенным тоном сказала бабушка.

Я удивлялась все больше и больше. Сам факт того, что лучшие городские сплетницы ничего не знали о муже Стефы, был поразительным.

— Это все связано с ее работой. Дело-то деликатное, — сказала Зария, третья по старшинству сестра.

— Какое?

— Стефа занимается увеличением груди. С помощью магии, безболезненно и результативно.

Я выронила ложку из рук. Увеличить грудь магическим путем пытались несколько поколений магичек, но дальше иллюзии никто так и не двинулся. В конце концов эта процедура была признана эффективной только с помощью хирургического вмешательства.

— Результативно с помощью магии? — переспросила я.

— Да, — ответила Зария. — А ты что, не заметила? Я же грудь увеличила!

Я присмотрелась к сестре повнимательнее.

— И правда. Но зачем?

— Замуж хочу!

— Большая грудь не гарантирует замужества. Вон Дария летом вышла замуж и без изменения внешности.

— У Дарии грудь на полразмера больше моей, — надулась Зария, но быстро повеселела. — Была больше моей!

— Зария мечтает выйти замуж за эльфа, — неодобрительным тоном сказала мама.

— Все эльфы — извращенцы, — уверенно заявила бабушка.

Я взглянула на матриарха нашего семейства, но любопытствовать не стала. Кто знает, насколько бурной была ее молодость.

— Бабушка! — возмутилась сестра. — Мы сколько раз уже это обсуждали! Я хочу замуж за эльфа. Эльфы такие сексуальные!

Я покосилась на младших. Они напряженно внимали.

— Все эльфы — извращенцы, — тоже поделилась я опытом.

Бабушка посмотрела на меня сочувствующе.

— А мне мама не дает грудь увеличить! — прохныкала Лария.

— Мала еще, — отрезала мама. — И не вздумай клянуть, сестра все равно тебе денег не даст. И тебе тоже! — предупредила она вопрос самой младшей.

— Не дам, — подтвердила я.

Лария и Тария сникли.

— А ты откуда знаешь, что эльфы — извращенцы? — спросила Зария.

— Девочки! — не выдержал отец. — Может быть, свои женские темы вы будете у себя в спальне обсуждать?

Вечером я постучалась к Зарии в комнату. Мне не терпелось узнать подробности способа увеличения груди.

— Стефа дает зелье, приготовленное специально для меня. Его надо пить строго отмеренными глоточками каждый день, а когда закончится, прийти за новой порцией. Грудь увеличивается после первого глоточка, а потом только эффект поддерживаешь, и все. Ты только посмотри, пощупай, какая она упругая!

— Я воздержусь. — Отказавшись от этого сомнительного удовольствия, я проверила бутылочку с зельем.

Даже моего скудного знания зельеварения хватило, чтобы понять, что в бутылочке нет ни капли магии. Обычная настойка из различных трав; от нее могло укрепиться здоровье, но никак не вырасти грудь.

— Странно, — вслух сказала я. — Надо бы наведаться к старой знакомой.

— Тоже хочешь грудь увеличить?

— Не совсем, — сказала я, пробуя жидкость на язык.

— Что ты делаешь! — закричала Зария. — Здесь каждая капелька на вес золота, а ты... Мне теперь придется раньше за зельем идти! А у меня денег нет.

— У меня тоже, — сказала я, сбегая к себе в комнату.

Однако вечером следующего дня мне все-таки пришлось раскошелиться, иначе дорогая сестра никак не хотела меня проводить к Стефе, а блуждать самой по городским закоулкам как-то не хотелось.

— Вообще-то сегодня она выходная, — бурчала Зария, переступая через лужи. — Но может быть, тебя она примет. По старой дружбе.

— Выходная, потому что праздники?

— Нет, она пару дней в месяц всегда выходная и просит, чтобы к ней никто не ходил. Готовится колдовать.

Готовится колдовать? Это что же за магия такая, которая требует нескольких дней подготовки? Желание повидаться со Стефой стало просто нестерпимым.

— Ну вот, почти пришли, — сказала сестра и вдруг издала какой-то невнятный хрип.

Я подняла голову от дороги, на которой выбирала место, куда можно ступить без опаски, что зальет ботинок, и обмерла. Прямо перед нами стоял на задних лапах оборотень. Огромный, поросший бурой шерстью, с клыков капала слюна, а глазищи отражали свет луны.

— Сделай что-нибудь, — прошелестела сестра, пялясь на чудище.

— Бежим! — заорала я, подхватывая юбку и дергая Зарию за руку.

«Да что же это за жизнь пошла? — думала я на бегу. — Постоянно бегаю, да еще и в такой неудобной одежде!»

За нашими спинами раздался рык, что придало нам обеим ускорение. Наконец мы добежали до освещенных улиц с патрулями городской стражи и без сил прислонились к чьему-то забору. К моему удовольствию, выглядела я не такой запыхавшейся и обессиленной, как сестра, хоть она и младше меня. Видимо, примерный образ жизни в последнее время давал о себе знать.

— Я просила, чтобы ты что-то сделала, — едва отдышавшись, возмутилась Зария. — Ты же маг! А ты!..

— Что — я? — приходилось спасать свой авторитет как мага и как старшей сестры. — Я нас спасла!

— Это каким же образом?

— С места тебя дернула и закричала «бежим!». А то ты так бы и стояла, пока оборотень

тебя бы не съел.

— Это был оборотень? — прерывающимся шепотом уточнила сестра.

— Оборотень, точно знаю. — Эту лекцию я не прогуляла, потому что нам обещали показать чучело настоящего оборотня. Эффект был достигнут: на пару явилась вся группа, но насчет чучела обманули. Из-за обиды на преподавателей мне почему-то описание оборотня очень хорошо запомнилось.

— И что нам теперь делать?

— Тебе — домой идти. А я пойду уточню, что известно об оборотне, который тут гуляет беспрепятственно.

— У меня грудь уменьшится! — всхлипнула Зария. — А все из-за того, что ты глоток моего зелья выпила.

— Подложи сложенные тряпочки в белье, — посоветовала я.

— Ты так делаешь? — удивилась сестра.

— Видела, как другие делают, — уклонилась я от прямого ответа. — Иди домой.

— Я боюсь!

— В людное место оборотень не двинется, он не дурак. Так что ты в безопасности.

Дремавший в Магическом управлении дежурный маг поднял меня на смех. Ни о каком оборотне, бродящем по западной окраине города, никто не слышал.

— Тебе показалось, дорогуша.

— Зрительными галлюцинациями я еще не страдаю, — холодно ответила я.

— Пусть он кого-то сожрет или, на худой конец, укусит, — зевнул маг. — Тогда и будем принимать меры. А ты, между прочим, даже и не практик.

— Вы считаете, что только практики могут увидеть оборотня?

— Я считаю, что только практики могут отличить оборотня от, скажем, большой собаки.

— Очень смешно, — сказала я, но больше ничего сделать не могла. Вот если бы у меня с собой были доказательства существования этого самого оборотня...

Плюнув на все, я пошла домой. Уже подходя к калитке, я поняла, что никак не могу оставить все как есть. В конце концов, на эту окраину периодически навещается моя сестра, а дай волю, и обе младшие пойдут, чтобы хоть одним глазком посмотреть, как превращаются в грудастых. Да еще и шляться по закоулкам жаждущим красоты приходится в темноте. Конечно, я понимала Стефу, которая принимала своих посетительниц исключительно в сумерках — дело действительно деликатное. Не думаю, что кто-то из клиенток захочет, чтобы все знали, что ее грудь немного... хм... ненастоящая.

Я посмотрела на небо и вздохнула — сейчас полнолуние. Силы Небесные, я даже не могу установить, рожденный это оборотень, оборачивающийся по своему желанию, или укушенный, оборачивающийся только в полнолуние. Что за напасть!

Приготовив на всякий случай несколько огоньков, я поплелась по лужам на окраину. Подбадривая себя мыслью, что я почти дипломированная магичка, я жалась к заборам, стараясь не думать о том, как я буду выглядеть, разделанная оборотнем на субпродукты.

Дом Стефы стоял в самом конце улочки, определяемый по слабому магическому фону. Его окружал новый крепкий забор из ровных, как на подбор, досок. Я вспомнила покосившуюся ограду родительского двора и позавидовала: женские прелести определенно приносили хороший доход. Постучав в кованую калитку, я прислушалась. За забором царила тишина. Я постучала еще раз. Потом еще раз, но уже ногой.

— Никого нет дома! — Я узнала голос Стефы.

— Не оригинально! — крикнула я. — Стефа, открывай, это Ольгерда!

— Ольгерда в Чистякове!

— Да, — согласилась я. — Это мой фантом к тебе стучится. Только он через забор перелезть не может, больно он у тебя гладкий и высокий.

Раздался какой-то шум, и калитка открылась. Стефа стояла на крыльце, направив на меня арбалет.

— Э-э-э... Стефа, клянусь всем, чем угодно, я не за коммерческими тайнами пришла. Мне поговорить надо.

— Говори!

— Ты об оборотне, который тут шляется, что-то знаешь?

— Оборотень? — Арбалет в руках дрогнул. — Здесь нет никаких оборотней!

— Своими глазами видела.

— Тебе показалось.

Поведение Стефы наводило на мысль, что здесь явно нечисто.

— Ну ладно! — сказала я, поворачиваясь. — Было приятно свидеться.

— И что ты собираешься делать? — спросила бывшая одноклассница.

— Оборотня поискать. Не могу допустить, что у меня были галлюцинации.

— Ольгерда, погоди, — окликнула Стефа. — Правда, что ты одним махом десять зомби убила?

— Да, — согласилась я, не оборачиваясь. Дело принимало интересный оборот.

— А твой жених — успешный некромант?

— Не успешный, а самый лучший!

Интересно, кто же это на родине распространяет обо мне новости?

— Заходи.

— Что?

— В гости заходи.

— Я, пожалуй, пойду... — Я собралась шагнуть за ворота, но звук взводимого арбалета заставил меня быстро переменить мнение. — Давно я в гостях не была.

Идти в гости к Стефе, так странно себя ведущей, не хотелось, но получить болт в спину мне не хотелось еще больше.

Подбадриваемая оружием, я была сопровождена в кухню и усажена на стул.

— Чаю? — неожиданно миролюбиво предложила Стефа, кладя арбалет на стол.

— С ядом? — уточнила я.

— Зачем же с ядом? Просто травяной чай.

— После такого любезного приглашения в гости я уже что угодно могу предположить...

Стефа смущенно улыбнулась:

— Ситуация требует.

— Стефа, — спросила я напрямик, — ты — оборотень?

— Что ты! — совершенно искренне рассмеялась ведьма. — Нет, конечно!

— Тогда что происходит?

— Просто... Хочешь выпить?

Я, перестав вообще что-то понимать, кивнула.

Стефа открыла бутылку дешевого вина и разлила его в чашки. Одним махом выпив свою порцию, она налила себе еще. Потом еще. Я молча смотрела. Пить эту гадость мне не хотелось, голова нужна была трезвая и свежая. Пока Стефа пила третью порцию вина, я осторожно отодвинула от нее арбалет, а потом и вовсе положила его себе на колени. Гостеприимная хозяйка, погруженная в свои мысли, этого не заметила.

— Я замуж вышла, — нарушила молчание Стефа.

— Поздравляю.

— Тебя это не удивляет?

— А почему это должно меня удивлять?

— Как будто ты не знаешь, что меня иначе чем «мужененавистница» не называли!

Я дипломатично пожала плечами.

— Конечно, я сама виновата! Но я думала, что мужчины клонут на сильную и уверенную в себе женщину. А эти трусы... Не пойму, кто им вообще нужен. Вот твой некромант, что он в тебе нашел?

— Не знаю. — Данный вопрос интересовал не только меня, но и армию поклонниц

Ирги, девиц, в основном выглядевших как иллюстрации к слову «красавица».

— А почему ты за него замуж до сих пор не вышла?

— А зачем? — удивилась я. — Мне и так неплохо живется.

— Потому что каждая порядочная женщина в твоём возрасте должна быть замужем!

— Это кто сказал?

— Люди так говорят.

— А-а-а... Ну и пусть говорят.

— И тебя это не угнетает?

— Собака лает — ветер носит, — блеснула я знанием народного творчества.

— А меня угнетало, что я была одна! Недоженщина прямо какая-то. — Стефа стукнула чашкой по столу. Я проследила за полетом осколков и решила уходить. — погоди! Ты ведь про оборотня хотела узнать?

Я кивнула.

— Так вот, оборотень — мой муж!

Я как стояла, так и села, пораженно уставившись на Стефу. Это же надо так мужика хотеть!

— А что? — с вызовом спросила ведьма. — Он только три дня в месяц такой... мохнатенький. А все остальное время — нормальный муж. По хозяйству помогает.

— Так вот почему ты на отшибе поселилась, — догадалась я. — Ещё бы, с таким-то мужем!

— Ничего ты не понимаешь! Не бьет, вредных привычек не имеет...

— Да уж, — хмыкнула я. — Каждый месяц становиться... мохнатеньким — это не вредная привычка. Это образ жизни.

— Как будто человек, по ночам копающийся в трупах, лучше! — обиделась Стефа.

— Во-первых, не каждую ночь. Во-вторых, за это деньги платят. Ты лучше расскажи, как вы познакомились-то? Не каждый день на улице оборотня встретишь.

— Я его соблазнила! — гордо поведала одноклассница. — Специально поехала в соседний город, взяла с собой приворотное зелье. Смотрю, сидит в кабачке такой себе симпатичный одинокий мужчина. Ну я ему в пиво зелье и подсыпала. Потом оказалось, что он оборотень, но жениться не против. И я не против! Хоть плохонький, да свой.

— И что, теперь каждый месяц он по округе бегать будет?

— Он не опасный, — махнула рукой Стефа. — Я его так мясом закармливаю, что ему есть долго не хочется.

Я задумалась. Действительно, когда мы встретили оборотня, моя шпилька в волосах не подавала никаких сигналов. Но это ещё ничего не значит. В *тот* момент зверь был неопасен, а в другой?

— К тому же, — продолжала ведьма, — в эти дни я специально устраиваю себе выходные. Чтобы никого опасности не подвергать.

— Послушай, — как можно мягче сказала я. — Я тебя понимаю. Но я не могу допустить, чтобы оборотень гулял по улицам моего родного города. Да, пусть сейчас он мирный и сытый. Но это же зверь! Все равно зверь, что ты с ним ни делай!

— Я открылась тебе, — заплакала Стефа, — а ты моего мужа убить хочешь?

— Не убить. И я не донесу в Магическое управление, если ты мне пообещаешь посадить его в подвале на цепь.

— Я своего мужа на цепь сажать не буду! Ни за что! Ведь есть же какие-то зелья, сдерживающие агрессивность? — сказала Стефа.

— Есть, — согласилась я, порывшись в памяти. — Но они значительно укорачивают длительность жизни.

— Лучше быть вдовой, чем одинокой!

Я вздохнула. Логика железная.

— Стефа! Чтобы сварить такое зелье, нужно быть не только первоклассным специалистом, но и иметь довольно редкие и безумно дорогие ингредиенты. Поверь, тебе это

не по карману. Не говоря уже о том, что тебе не хватит квалификации. Ты же не хочешь, чтобы твой муж скоропостижно скончался в страшных муках?

Одноклассница зарыдала, размазывая слезы руками. Я немного подождала, пока пьяная истерика не пошла на убыль, и окатила женщину ледяной водой.

— Ссспассибо, — икнула ведьма.

— Так что решаем?

— Сажаем на цепь. Только когда он обернется, ты с ним разговаривать будешь!

— Привет семье! Чей он муж?

— А идея чья?

— Стефа, я просто не хочу, чтобы это милое мохнатое существо грызнуло какую-нибудь из моих сестер. Пусть это звучит грубо, но мне нет дела до ваших семейных проблем.

— Цепь нужна серебряная?

— Сойдет и обычная, но покрепче. От серебряной ему может быть больно.

Стефа куда-то ушла и вернулась с толстенной цепью, заканчивающейся крепким железным ошейником.

— Предыдущие хозяева орочьего волкодава держали.

Я волкодавов, которых вывели степные орки, видела только на картинках. Огромных, с молодого бычка размером, злющих животных мало кто рисковал держать в качестве домашнего любимца.

— Хорошие хозяева.

— Гномы. Что с них возьмешь? За каждую копейку готовы удавиться. Небось хранили тут свои сбережения.

За гномов мне стало обидно, но я промолчала. Как подсказывал мне мой нюх, в этом доме гномы гнали самогон — спиртовыми испарениями пропитались все стены, а уж я этот запах учую всегда. Самогонование наверняка было нелегальным, и собачка надежно отваживала незваных посетителей.

Я несколько раз глубоко вдохнула. Дело сейчас предстояло нешуточное, требующее всей моей смелости и решительности.

— Я буду его звать с куском мяса в руке, — сказала Стефа. — А ты, когда он отвлечется, накинешь на него ошейник. Достаточно попасть по шее, он самостоятельно застегнется. Гномья магия!

Я поежилась:

— Давай наоборот? Я зову, ты кидаешь.

— Ты думаешь, мой муж возьмет мясо из чужих рук?

Мне казалось, что обычный мужчина возьмет еду из любых рук, но свое мнение я оставила при себе.

Стефа вышла на крыльцо и, помахивая куском мяса размером с полсвиньи, позвала:

— Руперт! Руперт! Иди кушать, мой котик!

Я поперхнулась. Котик?

Знакомый по встрече в переулке «котик» скоро появился, легко перемахнув через забор. Я приготовилась кидать в него ошейником, надеясь только на благосклонность Госпожи Удачи. В то, что я попаду ошейником так, чтобы он наделся на шею чудовища, мне не верилось, но вдруг?

— Руперт, Руперт! — ласковым голосом говорила Стефа.

Я помолилась и, размахнувшись, кинула ошейник. Он не только не попал по шее оборотня, но даже до него не долетел.

— Ёшкин кот!

Следующая попытка оказалась удачной. Видно, Ёшкин кот не любил представителей собачьего рода. Виляющий хвостом оборотень бросил мясо и крутнулся на месте. Вот тут-то я и поняла, где слабое место нашего плана! Мы не додумались закрепить цепь хоть на чем-нибудь, и я держала ее в руках, не представляя, что дальше делать.

От движения Руперта меня сдвинуло с места. Но когда оборотень, обнаружив себя в

ошейнике, рванулся в сторону, я поняла, что пришел мой смертный час — меня поволокло к забору. Самое худшее состояло в том, что разжать руки на проклятой цепи мне не удавалось — от страха пальцы намертво вцепились в железо.

— Мама-а-а! — взвыла я, глядя, как стремительно приближается ровный ряд досок. Я понимала, что у оборотня хватит сил пробить моим телом забор и поволочь дальше, но что тогда будет со мной?

Хрясь! В глазах у меня померкло...

— ...Ольгерда! Ольгерда!

Я открыла глаза, в голове шумело, все тело ломило. Болело все и везде, причем очень сильно. Мокрая одежда противно липла к телу. Я лежала около забора, а Стефа с причитаниями лила на меня холодную воду.

— Ты жива?

У меня были некоторые сомнения по этому поводу, а после попыток пошевелить конечностями сомнения перешли в твердую уверенность.

— Я умираю.

Стефа выронила кувшин и схватилась за голову. Я полежала еще немного и спросила:

— Что это за звуки?

— Цепь за забор зацепилась, — сказала Стефа. — И Руперт вырваться пытается.

— Получится?

— Не знаю! Этот забор еще гномы делали.

— Значит, не получится.

— Ольгерда, а ты ведь разговариваешь.

— Да. И?..

— И это значит, что ты не умираешь.

— Нет, — прохрипела я. — Это мои последние предсмертные слова, которые ты будешь помнить всю жизнь.

Стефа закрыла лицо руками:

— Я так виновата перед тобой!

— Да. А как ты грудь девушкам увеличиваешь? — Я не могла умереть, не узнав эту тайну.

Ведьма заколебалась, но взгляд на мое тело, лежащее у забора в неестественной позе, решил дело.

— Это увеличивающее заклятие, имеющее определенный радиус и срок действия.

— А зелье?

— Обычная настойка на травах. Просто я отмериваю по глоточкам, сколько дней действует заклятие. Когда приходит срок, клиентки возвращаются, и я им обновляю эффект. Сложность в индивидуальном подходе — на каждую девушку заклятие действует на разный срок, все зависит от личной сопротивляемости магии.

— А-а-а, — протянула я. Вот так молодец! — И как же это у тебя с заклятием получилось?

— Я долго экспериментировала на себе, — призналась Стефа. — Ты уже умираешь?

Я прислушалась к ощущениям.

— А ты так хочешь, чтобы я поскорее умерла? Лучше помоги мне подняться, передумала я умирать. Вот сотрясение мозга заполучила и руку я сломала, это да. Больно-то как!

— Ты выпытала у меня профессиональный секрет!

— Стефа! Я действительно думала, что вот-вот умру — так мне было плохо. Тем более я не знаю, каким именно заклятием ты пользуешься и как ты добиваешься такого эффекта. А заниматься опытами у меня нет желания, я специалист другого профиля. Помоги мне подняться, еще не хватало, чтобы я простудилась ко всему прочему.

На кухне выяснилось, что моя одежда не только в грязи, но и в крови. Когда мы избавились от остатков пальто, то я принялась задумчиво изучать шикарный открытый

перелом, а Стефа молча хлопнулась в обморок. Допив остатки мерзкого вина, я попыталась вспомнить обезболивающее заклятие. Руперт за забором продолжал жалобно выть — жизнь не только мне казалась мерзкой, и это хоть немного, но согревало душу.

Дождавшись, когда одноклассница придет в себя, я спросила:

— А соседи не поинтересуются, что за вой тут раздается?

— Тут очень нелюбопытные соседи, — ответила ведьма, кидаясь заваривать мне обезболивающий сбор. — А половина домов вообще без хозяев.

Я выпила сбор, со стонами и слезами переоделась в Стефину юбку (моя годилась только на половую тряпку), накинула ее полушубок и поплелась к целителям, оставив одноклассницу саму разбираться со своим мужем. Уходя, я взяла с нее обещание, что больше «котик» никогда не будет разгуливать по улицам. Правда, для закрепления успеха я пообещала в случае чего донести на нее «куда следует». За оборотня в городских пределах у ведьмы вполне могли отобрать лицензию на магическую деятельность и обложить непомерным штрафом, не говоря уже о том, что Руперта в таком случае ждала бы незавидная судьба.

Когда, ближе к утру, я заявила домой, меня ждала вся семья.

— Зария сказала, что ты пошла сражаться с оборотнем, — сказала мама, протягивая ко мне дрожащие руки.

— Да, — сказала я, одаривая сестру многообещающим взглядом. Она что, не могла соврать, что я загуляла у подружки? — Мама, все нормально! Я только руку сломала.

— Только! — всхлипнула мама, оглядывая мое расцарапанное лицо с шишкой на лбу, чужой полушубок, сидящий криво из-за перебинтованной руки, и коротковатую юбку необычно скромной для меня расцветки.

— Я уже была у целителей. Все нормально, не беспокойся обо мне.

Мама долго смотрела мне в глаза, глядя по щеке рукой. Но после того как родительница убедилась, что я явно не буду помирать в ближайшее время, она начала возмущаться:

— А обо мне кто побеспокоится? Кто? Я чуть не поседела, пока тебя ждала! Ты неблагодарная дочь! Неужели кто-то другой не мог заняться оборотнем?

Мамины вопли пролились бальзамом на мою душу. Если она ругается, значит, она уже успокоилась. Я показала Зарии кулак и удалилась в свою комнату.

Утром ко мне наведлась бабушка.

— Ты когда-то связывалась с эльфом? — поинтересовалась она.

— Да не особо. А ты?

— Было дело в молодости, — призналась бабушка. — Я думаю, что ты такая взбалмошная в эльфа пошла.

— У меня есть эльфийская кровь? — поразила я.

— Нет, — с сожалением сказала старушка. — Скорее, последствия эльфийской магии. Он мне пообещал, что через поколение она проявится, это был его прощальный подарок... Ведь ты единственная в семье, кто обладает магической силой. А сам он был таким...

Глаза старушки мечтательно затуманились.

— Бабушка, — мягко сказала я, — магия таким путем не передается. Скорее всего, твой эльф был предсказателем и просто предугадал мое рождение.

— Все равно, не связывайся с эльфами, — предупредила бабушка. — Они такое вытворяют, что у тебя даже фантазии не хватит предположить.

У меня-то, может, фантазии и не хватит, но на свете не зря существуют эльфийские любовные романы.

— Я уже сделала свой выбор, — ответила я.

И мысленно похвалила себя. Мой любимый, при всех его недостатках, по крайней мере, не будет становиться «мохнатеньким».

Глава 7

ВЕСЕННИЙ ГОН

Как только зажила моя рука, сломанная в нелегкой борьбе с оборотнем, я решила заняться спортом.

Хотя необходимость в этом назрела очень давно (наверное, с того момента, как я начала устойчиво держаться на ногах), окончательное решение сформировалось в один прохладный весенний день, когда я наблюдала за боевыми магами во время их утренней пробежки.

Блестящие от пота и утреннего тумана мощные накачанные торсы, ноги в облегающих кожаных штанах, удаляющиеся в лучах нежного весеннего солнышка красивые, как на подбор, фигуры... Что может быть приятнее утром, чем наблюдение за привлекательными мужчинами?

Вот и стимул для занятия спортом! Я явилась в мастерскую в приподнятом настроении.

— Что случилось? — удивился Отто, уже приготовивший заготовку будущего артефакта. — Я думал, что столь раннее пробуждение тебя не обрадует, а ты улыбаешься. Мне уже начинать бояться?

Конечно, он был прав. Сегодня я просыпалась со стонами и причитаниями и зарождающейся ненавистью к лучшему другу. И почему он решил поработать на рассвете? Сам же любит поспать не меньше меня!

— Я видела, как боевые маги пробежку устраивают, — мечтательно сказала я.

— И что? — удивился полугном, но потом понял: — Засиделась, девка, без мужика. Весна!

— Вот именно что засиделась. Я теперь по утрам вместе с ними бегать буду.

— Ну-ну... — протянул Отто, но от дальнейших комментариев воздержался.

После занятий в Университете я залезла в глубины своего одежного шкафа. Утренние пробежки требовали соответствующего наряда, а как же иначе! Желание купить новые штанишки было соблазнительным, но я решила проявлять силу воли во всем. Вставать рано по утрам, бегать, завтракать овсяными хлопьями, не покупать лишнего шмотья, не лопать шоколад килограммами... Стоп, тут я, кажется, с обещаниями переборщила.

— Ты чего? — удивилась вернувшаяся из Дома Исцеления Лира, переступая через разбросанную по комнате одежду.

— Подходящие штаны ишу. Я буду бегать по утрам, — похвасталась я.

— Я тебя будить не буду, — сразу подстраховалась подруга.

— Не надо! Я сама буду вставать.

— Ты так решительно настроена?

— Конечно! Физкультура полезна для здоровья. Когда же ею начать еще заниматься, как не весной?

— Похвально, — сказала Лира, рассматривая валяющиеся на полу вещи. — А почему у тебя три одинаковые юбки?

— Э-э-э... Наверно, потому, что мне очень понравилась эта юбка. Вот я и решила обзавестись сразу тремя.

— Что-то я ее на тебе ни разу не видела, — удивилась подруга. — А вот эта блузочка? Она же тебе мала!

— Собиралась ее младшей сестре подарить на день рождения, — сказала я. — Да и забыла. Подарю потом. Да, знаю, что я ужасная шмотница.

— С другой стороны, поход по лавкам и магазинам тоже может быть приравнен к занятиям физкультурой, — утешила меня верная подруга.

Лира помогла мне отобрать подходящие для занятия спортом штанишки и затолкать остальные вещи обратно в шкаф. Преисполненная решимости завтра выйти на пробежку, я легла спать.

Утром шел мелкий холодный дождик. Порывы ветра бросали колючие капли в лицо. Постояв на крыльце общежития, я решила вернуться в тепло комнаты — начинать великое

дело нужно по хорошей погоде.

— И как успехи? — поинтересовался Отто на лекции.

— Ты же видишь, какая погода сегодня.

— А Практический факультет бегал, я специально смотрел.

— Ты не равняй! Они с первого курса каждый день бегают. А я — нет.

Отто скептически хмыкнул.

Дождливая погода стояла целую неделю. Желание бегать по утрам таяло с каждым днем, пока я не поняла, что если я завтра не побегу, то заставить себя еще раз принять такое решение уже не получится.

Промозглым серым утром я вышла на улицу и пошла к спортивному полю. Там разминались студенты-практики. Я, подражая им, помахала руками и ногами и, присоединившись к небольшой группе девушек, побежала вместе с ними. Однако скоро я стала задыхаться. Из последних сил я поддерживала темп бега, удивляясь тому, что студентки еще и переговариваться между собой умудряются. Начало колоть в боку. Я отстала и, сгибаясь пополам, поплелась к ближайшему дереву, чтобы отдышаться, прислонившись к холодному мокрому стволу. Пришлось признать, что с практиками мне не бегать. Легкой трусцой я побежала обратно в общежитие, раздумывая над дальнейшей перспективой своих спортивных занятий.

В коридоре учебного корпуса меня поймал Трохим.

— Прошел слух, что ты сегодня занималась пробежкой.

— Кто тебе сказал? — насторожилась я.

— Однотруппницы, ты с ними начинала бежать, а потом куда-то пропала.

— Конечно, пропала. Куда мне до них, быстроногих.

— Ничего, — приободрил друг, — начнешь заниматься ежедневно, скоро догонишь и перегонишь.

— Скоро — это когда?

Трохим неопределенно махнул рукой.

— Главное — регулярно заниматься. Вот я, например, уже десять лет бегаю каждый день, по любой погоде, несмотря ни на самочувствие, ни на настроение.

— Так уж и каждый день, — усомнилась я, вспоминая совместные пьянки.

— Уела, — рассмеялся Трохим. — Каждый день, кроме дней Большого Похмелья и после Бурной Ночи. В такие дни организму и так тяжело.

Отто никаких вопросов не задавал, но я была уверена, что друзья между собой уже обсудили мои спортивные достижения.

На следующее утро обнаружилось, что вчерашние студентки поджидают меня на спортивном поле.

— Ты ведь с нами бегаешь, да?

— Нет-нет, я сама.

— Самой скучно, побежали с нами! Мы ради тебя даже маршрут сократили, мы же понимаем, что тебе привыкнуть сначала надо.

Предложения, сделанные с таким участливым видом, всегда заставляли меня искать в этом подвох, но отказаться было неудобно, и я, проклиная мерзкое утро и свое воспитание, требующее, чтобы я была вежливой, присоединилась к их группе. Сегодня бежать было ничуть не легче, чем вчера. Даже тяжелее — мышцы болели больше. Девушки, лукаво переглядываясь, постепенно ускоряли темп бега. Я поняла, что мне устроили проверку — не зря же на нашем пути то и дело попадались студенты-практики мужского пола, провожающие нас внимательными взглядами. Конечно, на фоне моего задыхающегося тела с заплетающимися ногами девушки смотрелись очень выгодно. Если про меня можно было сказать, что я трясла жирком, то при виде того, как колышутся и подпрыгивают упругие изящные формы моих спутниц, хотелось взять кувалду в руки и что-то им сделать. Сцепив зубы, я старалась не отставать. Главное — равномерное дыхание, равномерное дыхание, равномерное... хых... хых... хых... Я смогу, смогу, смогу! Удивляясь собственной силе

воли, я закончила пробежку вместе с вредными практиками, почти не отстав. Меня хватило даже на то, чтобы вежливо улыбнуться и помахать рукой на прощание. Рот я не открывала — боялась, что через него вывалятся легкие. В общежитие я возвращалась долго, шатаюсь и охая, стараясь не попадаться на глаза знакомым, а тем более незнакомым, особенно если они были похожи на студентов-практиков.

Не раздеваясь, я повалилась на кровать. Если до сих пор физкультуру я не любила, то сейчас я ее просто ненавидела. Если бы у меня не так сильно болели все мышцы, я бы жалела себя. А так моих сил хватало только на ненависть к спорту и вредным студенткам.

В дверь тихо постучали, и лучший друг осторожно заглянул в комнату.

— Ты это... в мастерскую идешь?

Я молча посмотрела на Отто, постаравшись вложить во взгляд все обуревавшие меня чувства.

— Нет? Я так почему-то и подумал, — сказал полугном и ретировался.

На лекции я все-таки пришла, стараясь держаться как королева и мило улыбаясь всем встречным. При виде поджидающих меня у корпуса знакомых по пробежке студенток мне пришлось приложить значительные усилия, чтобы улыбка не превратилась в оскал. Надеюсь, я их разочаровала своим цветущим видом.

— Вечером к тебе зайду, — прошептал мне Отто, одновременно перечерчивая с доски в тетрадь сложную схему.

Я вопросительно посмотрела на друга.

— Ты же собираешься завтра бегать? Ну не надо на меня смотреть с таким ужасом! Ты должна! Иначе решат, что ты слабачка.

— Кто решит?

— Девчонки с Практического факультета. И прочие всякие. У них там пари, выдержишь ты или нет.

— Откуда ты знаешь?

— Трохим донес.

— Интересно, почему они ко мне прицепились?

— Просто ты первый теоретик, решивший бегать по утрам, да еще и вместе с практиками.

— Я не хотела бегать вместе с практиками! Оно само так получилось, — прошипела я. — И я не единственный теоретик, занимающийся спортом.

— Ты единственная, кто бегаешь по утрам, — возразил Отто. — Если не собираешься сдаваться, я зайду, сделаю тебе массаж. Иначе ты завтра не встанешь.

— Мне Лира массаж сделает, — сказала я, погружаясь в мрачные раздумья.

Вечером я лежала на кровати и продолжала размышления на тему «Почему мне не везет и что с этим делать».

— И почему я вечно становлюсь объектом для самоутверждения всяких... всяких... в общем, всяких, — подумала я вслух.

— Плата за популярность. Никто не любит конкурентов, — сказала Лира. — А уж тем более девицы Практического факультета. Их там мало, вот они и хотят, чтобы все мужское внимание было приковано к ним.

— А я чем мешаю?

— Ну как же? «Ола — представляешь, да, та самая Ола — решила бегать по утрам».

— Ты считаешь, что я именно «та самая»? — польщено спросила я.

— Конечно. Ты личность довольно известная. И признайся: почему ты решила бегать?

— Ну... потому что... спорт — это вообще полезно... да и давно пора...

— Кажется, в вашем учебном корпусе есть спортзал специально для теоретиков?

Я замялась. Перед моим мысленным взором промелькнули прекрасные полуобнаженные фигуры будущих боевых магов.

— То-то же, — сказала Лира, понаблюдав за мной. — В причинах всех твоих поступков нужно искать мужскую составляющую.

— Что в этом плохого?

— Ничего. Просто ты живешь, следуя велениям инстинктов.

— Это же очень хорошо! — обрадовалась я диагнозу. — У меня самая правильная жизнь, максимально приближенная к природе.

— Я надеюсь, распевать песни на крыше ты не будешь? — осведомилась подруга.

— Зачем? — не поняла я.

— Коты тоже живут максимально близко к природе. И сейчас каждую ночь орут на крыше. Должна сказать, они поют намного мелодичнее, чем ты, — язвительно сказала Лира.

— Просто, когда я пою, я всегда немного выпивши. А тогда как-то наплевать на качество пения, главное — душа требует, — пояснила я.

— Так вот, — вернулась к теме Лира. — Студентки боятся, что ты вышла на пробежку с единственной целью — подцепить себе какого-нибудь парня. А парни хорошие в дефиците, а ты еще и самого лучшего выберешь.

— У меня, между прочим, официальный жених имеется. Тоже практик.

— Ола, никто не знает, где твой официальный жених и с кем он там имеется. Наше общество Иргу видело довольно давно, а ты вот каждый день под носом у перспективных парней крутишься. А сейчас не просто крутишься, а в облегающих штанишках.

— В них бегать удобнее.

— И мужчин соблазнять тоже.

— Глупости. Они что, действительно так думают? Откуда ты знаешь?

— Все-таки этим летом я получу диплом целителя, — улыбнулась подруга. — Какой же я целитель, если в душах не разбираюсь. Поставь себя на их место: общеизвестная противница спорта вдруг утром выходит на пробежку. Зачем?

Я задумалась. Потом до меня дошло:

— Потому что девушка, так старательно бегущая и так трогательно уставшая, вызовет у боевых магов желание опекать, защищать, оберегать. Они же там все помешаны на благородном отношении к страждущим.

— Вот именно, — подтвердила Лира. — Поэтому они и превратили твою пробежку в соревнование. Соревнование мужскую половину интересует совсем не в плане оберегать-помогать, а в плане «кто победит» и «я поставлю на эту лошадку». Извини.

— Вот козлы! То есть козы! — обиделась я. — Такую идею испортили! Не быть мне подтянутой и физически крепкой.

— Что тебе мешает ходить в ваш спортзал?

— Принцип, — мрачно ответила я и полезла за шоколадной заначкой. Прожевав плитку, я приняла решение: — Я буду бегать. А эти красавицы у меня еще посмотрят.

На следующее утро я отправилась не на спортивное поле, а в мастерскую, где старательно имитировала бурную деятельность до прихода лучшего друга.

— Это что еще за новость? — удивился он, заходя в помещение. — Напомни мне, когда ты последний раз приходила сюда раньше меня?

— Ни разу, — сказала я. — Но надо же когда-то начинать.

— А как же твоя пробежка?

— Я ее перенесла на вечер. И ты подтвердишь всем желающим, что мы по утрам очень заняты.

— Умно придумано, — одобрил полугном. — А что, если твои любимые студентки перенесут свою пробежку тоже на вечер?

— Ха! Я посмотрела, у них вечером тренировки по фехтованию.

— И ты каждое утро будешь приходить так рано?

Я вздрогнула от этого вопроса. Все время рано вставать? Кошмар!

— Нет, только эту неделю, — ответила я, — чтобы доказать, что мы очень заняты.

— И вечером ты не будешь сидеть с нами в кабачке?

— Почему не буду? Что мне мешает после пробежки выпить кружечку-другую пива?

— Сомневаюсь я в пользе такой пробежки, — сказал полугном.

— Без пива мой организм перестанет получать необходимые ему витамины и загнетса в страшных мучениях, — закончила я обсуждение.

В учебном корпусе меня остановили мои несостоявшиеся партнерши по бегу.

— Что, испугалась? — с издевкой спросили они.

— Чего? — делано удивилась я. — Просто у меня дела по утрам в мастерской. Не успеваем мы все закончить до лекций, приходится раньше вставать и усиленно работать. Мы же не какие-то там практики — мечом раз-другой махнул, и все сделано. Наша работа требует ума и кропотливости.

— Попробовала бы ты мечом так махнуть, — скривилась темноволосая студентка, которую я определила как лидера этой группки.

— Махала, — равнодушно сказала я. — Ничего сложного.

Да, ничего сложного, если не считать того, что при виде меня с мечом преподаватель боевых искусств хватался за голову. Поэтому он не сильно возражал, когда я на занятия не являлась, ссылаясь на болезни одна ужаснее другой. Все-таки для успешного владения мечом нужны развитые мускулы и большая настойчивость в тренировках. Ни тем, ни другим я не обладала.

Темноволосая открыла рот, намереваясь что-то сказать, но я бесцеремонно ее перебила:

— Извини, дорогуша, спешу. Удачных утренних пробежек.

Бегать по вечерам оказалось намного приятнее, чем по утрам. Никто не мешал — народ либо учился, либо сидел по кабачкам или по укромным закоулкам, пользуясь первыми по-настоящему теплыми вечерами. После пробежки я присоединялась к друзьям в кабачке, возвращая утраченные калории с помощью пива.

— Я знаю, почему Ола бегаёт по вечерам, — однажды глубокомысленно произнес Трохим.

— Почему? — заинтересовалась я.

— Потому что никто не мешает тебе подглядывать за целующимися в кустах парочками.

— Вовсе нет! — обиделась я. — Я бегаяю возле Гаю Влюбленных только потому, что там дорожки утоптаные.

— И молодая листва ничего не скрывает, — добавил друг. — Бегать становится интересно.

— Не надо на меня примерять свои собственные сексуальные фантазии! — сказала я. — Делать мне нечего, как за другими подглядывать! Тем более что темно и все равно ничего не видно.

— А ты огонек засвети.

— Ага, чтобы мне кто-то потом в глаз засветил! Нет уж, я буду заниматься спортом ради здоровья, а не ради удовлетворения низменного интереса.

— Почему низменного? — удивился Трохим. — Это для людей естественно — подглядывать за другими. Интересно же!

— Заметь, — вмешался Отто, — что это естественно только для людей.

— Ну конечно! Видел я ваши барельефы на эротические темы!

— Это тяга к прекрасному!

— Вот и у людей такая тяга, только она не так выражается.

Я вполслуха слушала их перепалку, раздумывая над тем, стоит ли воспользоваться советом Трохима и начать подглядывать за парочками в Гаю Влюбленных. Меня не очень-то интересовало, что и каким образом они там делают, зато кто и с кем — очень даже. Такого рода информация могла оказаться очень полезной. С другой стороны, только клейма извращения мне для полноты моего гнусного образа в глазах других и не хватало.

Борьба морали и любопытства продолжалась и на следующий вечер, когда я начала пробежку. Сегодня я бегала исключительно между корпусами общежитий — от греха подальше. Однако, против воли слушая звуки, доносящиеся из открытых окон, я узнала много нового. Нет уж, лучше подглядывать, чем давать возможность воображению

нарисовать картинку услышанного.

— Ольгерда! — окликнули сзади, и со мной поравнялся симпатичный парень.

Я окинула его заинтересованным взглядом и приветливо улыбнулась.

— Ты ведь можешь хранить тайны? — поинтересовался парень.

— За определенную сумму денег я могу все, что угодно.

— Ты мне нужна... — начала парень и замялся.

— Как женщина? — радостно поинтересовалась я.

— Нет, как Мастер Артефактов.

Ах так! Ну и нахал! Теперь что бы он ни попросил, цена будет в два... нет, в три раза выше!

— Слушаю.

— Мне нужен такой амулет... такой... ну для мужчин... ты понимаешь... чтобы...

Даже в сгущающихся сумерках было заметно, как покраснел парень. Я остановилась и с сочувствием к нему присмотрелась. Скорее всего, будущий боевой маг — вон как мышцы бугрятся. Жалко, такой молодой, а уже импотент. Вот до чего тяжелые физические нагрузки доводят. Может, мне стоит бегать не каждый день? Я, конечно, импотентом не стану, хотя кто ее знает, эту загадочную физкультуру?

— Извини, друг, — сказала я. — Но с этой проблемой тебе надо обратиться к целителям. Ты еще молодой, они что-то придумают.

— Я уже обращался. Они сказали, что мне может помочь только амулет!

— Пойди к лавку артефактов, купи себе амулет с корнем мандрагоры.

— Зачем мне корень мандрагоры? Мне сказали, что в этом случае только индивидуальный подход нужен.

— Толку с этого индивидуального подхода, за него только деньги дополнительные возьмут. Все равно амулет будет на основе корня мандрагоры.

— Зачем мне амулет на основе мандрагоры?

— Как же? Он помогает, если слаба мужская сила, — деликатно ответила я.

— Что это значит?

— Если ты импотент, то нужно или к целителю идти, или мандрагору кое-куда повесить! — прямо сказала я.

— Кто импотент? Я импотент? Да как у тебя язык повернулся! — разъярился вдруг парень. — Я к ней за помощью, а она меня импотентом называет!

Я испуганно отступала от потрясающего кулаками боевого мага.

— Ты разве не с этой проблемой ко мне пришел? — пролепетала я.

— Я похож на импотента? — рявкнул парень.

— Похож, — прокомментировали из окна рядом стоящего общежития.

— Вот! Теперь все будут говорить! А все из-за тебя! — Эта гора мускулов замахнулась на меня кулаком, я в ужасе присела, закрывая голову руками. Вот и пробежалась, вот и оздоровилась...

Удара не последовало. Я приоткрыла глаза и снизу вверх посмотрела на парня. Он удивленно меня рассматривал:

— Ты что, думала, я тебя ударю?

— Нет, — нашлась я, — просто у меня такие упражнения для улучшения фигуры. Приседания одновременно с махами руками.

Я лениво помахала руками и пару раз присела, а потом легкой рысцой побежала дальше.

Парень догнал меня и на ходу стал объясняться:

— Я очень застенчивый, вот моя проблема. Меня девушки не любят.

«Поменьше кулачищами махать надо», — подумала я, но постаралась придать своему взгляду сочувствие.

— И мне целители сказали, что мне поможет амулет специальный, который противоположный пол притягивает.

— Мм... И подавляет волю?

— Нет, — испугался парень. — Зачем волю подавлять? Просто девушки должны увидеть, какой я привлекательный!

— Как по мне, ты и так достаточно привлекательный, — сказала я.

— А почему тогда другие этого не замечают?

— Ладно, — пожалела я страдальца. — Приходи завтра утром в пятую мастерскую, что-то придумаем.

Утром я рассказала Отто о вчерашнем происшествии.

— Одного не могу понять — почему он мне все это рассказал? Я бы постеснялась свои проблемы чужому человеку, тем более противоположного пола, выдавать.

— Ты для него не противоположный пол, — задумчиво сказал Отто, листая справочник. — Ты для него как целитель — бесполое существо, способное решить его проблему. Ничего найти не могу! Есть артефакты для подавления воли, различного ментального воздействия, а для повышения привлекательности нет! Может, дать ему наводящий морок артефакт?

— Не нужен ему артефакт, изменяющий внешность! Он красавчик, каких мало — мускулы, волосы волнистые... сам увидишь.

— Я не спец в мужской красоте, — проворчал Отто, доставая еще один справочник. — Сколько он согласен заплатить?

— Мне кажется, сколько попросим. Но если у нас ничего не получится... У него такие кулачищи!

— У меня не меньше, — ответил Отто. — Что-нибудь придумаем.

— Можно? — В мастерскую заглянул давешний парень.

Отто подмигнул мне и расплылся в широкой улыбке:

— Заходи, заходи! Как тебя зовут?

— Артур.

— Очень хорошо, — сказал Отто, доставая из кармана складной метр.

Полугном разыграл перед Артуром целое представление. Казалось, не было ничего, что бы он не измерил — бедному парню даже пришлось высовывать язык и, стыдливо отвернувшись от меня, расстегивать штаны. По ходу дела Отто сыпал непонятными даже для меня терминами, задавал массу вопросов, на которые сам же и отвечал. Я тихо исполняла роль мебели.

— Ола, — вдруг обратился ко мне полугном, — выйди, пожалуйста. У нас мужской разговор будет.

Я кивнула и вышла, сгорая от любопытства. Через какое-то время из мастерской вышел донельзя довольный Артур, а Отто, выглянув за дверь, поманил меня пальцем.

— Ну что?

— Он согласился заплатить двадцать золотых, если ситуация исправится, — траурным тоном сказал лучший друг.

— Сколько-сколько? Вот это да! А почему же ты мрачный такой? Ведь на эти деньги столько всего можно купить!

— Если мы их упустим, я себе этого никогда не прощу. Но я не могу придумать, что сделать! — чуть не плача, сказал Отто.

— А о чем вы разговаривали?

— О том, как ему одна девица, которую он любил, сказала, что он ужасен, и с тех пор у него с женским полом не клеится.

— Ему всего-навсего нужно повысить самооценку, — сказала я.

— «Всего-навсего», — передразнил Отто. — А ты знаешь, как это сделать?

— Нет, — сказала я, отгоняя видение того, как я трачу заработанные деньги по распродажам, — но я что-то обязательно придумаю.

— Может, ему специальную девушку нанять, чтобы она у него комплексы сняла?

— Я, конечно, не специалист в этих вопросах, но мне кажется, что эта «девушка»

влетит нам в приличную сумму.

— Я об этом не подумал, — признался полугном. — Ладно, у нас есть целая неделя, чтобы что-то придумать.

И мы стали думать. Думали-думали-думали... Я думала не только на лекциях, но даже на пробежке. Артур периодически попадался нам с Отто в переходах учебных корпусов и просяще заглядывал в глаза. Отто в таких случаях делал важное лицо и уверенным тоном говорил:

— Твоя проблема близка к устранению!

Парень улыбался, а полугном хватался за бороду.

— Надо просить помощи, — сказала я.

— Придется деньгами делиться.

— Лучше получить хоть часть денег, чем совсем ничего.

— Это с каких пор ты стала такой мудрой? — спросил Отто.

— Это временное явление. — Я поспешила отказаться от звания светочи мудрости.

Бесцельно шатаясь по коридорам общежития в поисках кого-нибудь, подходящего как специалист по вопросам взаимоотношения полов, я наткнулась на Ряка, занимающегося привычным делом — инспекцией чужих кастрюль на кухне.

— Ряк!

Вечный студент выронил крышку кастрюли и испуганно повернулся на мой голос.

— Тьфу ты, Ольгерда! Я уж думал, хозяин кастрюли объявился.

— Когда-нибудь тебе за это по физиономии дадут, — напороочила я.

— Пока же не дали. Не пойман — не вор, — пожал плечами Ряк, вылавливая из кастрюли кусок мяса. — Все нормальные студенты сейчас в Университете. А ты сачкуешь.

— Я не сачкую, а занимаюсь научными исследованиями, — ответила я. — Почему тебя девушки любят?

Ряк так задумался, что даже прекратил жевать.

— Ну потому, потому... потому что я такой... такой... В общем, я такой!

— Какой *такой* ?

— А зачем тебе?

— Говорю же — научные исследования.

— Дурацкие какие-то исследования. Меня всегда девушки любили — и точка. А почему — это тебе у них надо спросить.

Я признала логичность предложения и, выяснив имена последних Ряковых пассий, отправилась на их поиски.

Ответы девушек удручали своей похожестью, не давшей мне никакого толчка к разрешению проблемы Артура.

— Мы любим Ряка, потому что он такой... Он настоящий мужчина!

Как сделать из Артура настоящего мужчину, я не представляла, но записывала все необходимые для этого качества, называемые девушками.

Вечером, составив список качеств настоящего мужчины, которого любят девушки, я приуныла. В списке соседствовали «грубый-нежный», «бережливый-щедрый», «разговорчивый-молчун» и так далее. Одно только совпадало: настоящий мужчина должен быть сильным. Но Артур обладал силой и без моего вмешательства.

— Лира, — обратилась я к подруге, устало жуящей бутерброд после напряженного учебно-рабочего дня, — если бы твоего пациента женщины не любили, что бы ты сделала?

— А парень толковый?

— Обычный. Не плохой и не хороший. Будущий боевой маг.

Лира помолчала, раздумывая, и честно ответила:

— Я бы его полюбила.

— Почему? — удивилась я.

— Потому что на работе так устаешь, что не до поисков толкового парня. А тут — уже готовый, более того, женским вниманием не избалованный, да и конкуренции не будет.

— Лира! — возликовала я. — Ты гений! Как же я раньше не догадалась! У вас же девчонок на факультете большинство, правильно? Слушай, помоги мне, пожалуйста! Я приведу к вам парня, а вы его вниманием окружите, ага? С меня конфеты!

— Да можно и без конфет, — сказала подруга. — Мы и так рады будем. К нам парни редко заходят, их чаще заносят, увы.

Следующим утром мы с Отто сделали амулет, повышающий жизненный тонус. Полугном украсил вещицу картинками, срисованными не иначе как с книжки «Сравнительная характеристика поз, применяемых в любовной игре различными народами». (Читала, было дело. Только из интереса!) Да и форма амулета была соответствующая.

— По его меркам делал! — гордо сказал Отто, поймав мой заинтересованный взгляд. — Эй, эй! Слюнки закапали! У тебя свой есть!

— Мой далеко, — обиженно сказала я. — Жадина.

— Он нам — клиент. А клиент — это не человек. Это для нас открытый кошелек, — поучительно сказал полугном.

Когда пришел Артур, я уговаривала Отто, чтобы он велел клиенту раздеться — якобы для проведения ритуала. Полугном отказывался — как я подозревала, исключительно из мужской солидарности и мужской же вредности.

— Я должен буду носить это? — спросил Артур, густо краснея.

— Да, — сказал Отто, — под одеждой. Только старайся его девушкам не показывать. Сейчас Ола тебе объяснит принцип действия амулета, она у нас за работу магии отвечает, я только с материалом работаю.

— Пойдем прогуляемся, — предложила я.

Рассказывая парню по памяти статью из учебника «Основы психологии рас», я целенаправленно вела его в сторону учебного корпуса целителей.

— Привет! — Нас догнала запыхавшаяся Лира. — Как дела?

Она окинула Артура заинтересованным взглядом. Тот сжался, опустил плечи и стал похож не на красавца боевого мага, а на избитого ослика. Я толкнула парня в бок.

— Амулет действует! — прошептала я ему.

Артур тут же распрямил плечи, стал чеканить шаг, хотя взглядом с Лирой все еще боялся встретиться.

— Какой парень! Познакомишь?

— Лира — Артур, Артур — Лира.

Подруга лучезарно улыбнулась Артуру. Возникла пауза.

— Артур — боевой маг, — спасая ситуацию, сказала я.

— Правда? О!.. У тебя, наверное, много шрамов?

— Да, — гордо ответил парень.

— А где? Долго заживали? Нагноения не было? — профессиональным тоном сказала подруга.

Я сделала страшные глаза, подавив желание схватиться за голову. Лира намек поняла и тут же исправилась:

— Тебе, наверное, больно было? Ты такой мужественный!

— Да.

Я испугалась того, что у Артура словарный запас резко сократился до одного слова, и пыталась придумать, как его разговорить. В этот момент мы уже подошли к корпусу факультета Целительства. Из дверей выбежали несколько девушек.

— Ой, привет! — Они захихикали.

Артур попытался спрятаться за меня.

— Амулет! — прошипела я, толкая горе-любовника к целительницам.

Лира взяла его за руку и повела знакомить со своими соученицами, кивнув мне.

С чувством выполненного долга я вернулась в мастерскую за своей частью денег — мне не терпелось их потратить.

— Ты мне скажи, — спросила я у Отто, — ты зачем ему амулет в такой форме сделал?

— Тактическая хитрость, — ухмыльнулся он. — Теперь стоит это хоть одной девице увидеть, как она подругам разболтает. А они сами будут его раздевать, чтобы только посмотреть. Я же не зря ему сказал носить амулет под одеждой и стараться девушкам не показывать. А все, что запретно, очень интересно. Это мне папа посоветовал.

Отто подумал и добавил:

— Наверное, он сам этим приемом по молодости и пользовался.

— Да, отец у тебя знатный, — сказала я и отправилась по магазинам — только посмотреть, не покупать, ни-ни!

Следующие несколько вечеров меня мучило желание подсмотреть, чем занимаются студенты в кустах. Предложение Трохима запало мне в душу и все время мучило своей запретностью и неприличностью. Наконец я решила, что если я разок подсматриваю, то урона моим морали и воспитанию не будет. Приготовив маленький огонек, я побежала по тропинке вдоль овражка, где в кустах регулярно раздавались охи и стоны.

Вот и искомые кусты, мерно покачивающиеся, несмотря на отсутствие ветра. Я направила огонек к кустам и вытянула шею. А-а-а-а...

К сожалению, мои глаза не были приспособлены для того, чтобы смотреть в разные стороны. Как только я успела рассмотреть два полуголых тела, как споткнулась о какой-то корень и кубарем полетела вниз в овраг, скользя по прошлогодней листве.

Ну вот, мало того что грязная с ног до головы, так еще и ногу подвернула. Поделом мне, не зря мама говорила, что подсматривать нехорошо.

Я всхлипнула от жалости к самой себе и наложила обезболивающее заклятие. Ёшкин кот, жаль, что оно не всю боль блокирует. Хромая и постанывая, я попробовала вылезти из оврага. Слишком скользко! К тому же я боялась давать полную нагрузку на ногу — может быть, я ее не подвернула, а сломала? И кости сдвинутся так, что потом света белого от боли не увижу.

Парочка, судя по всему, была так увлечена своим делом, что моего падения они даже не заметили.

— Эй, кто-нибудь! Помогите!

Вряд ли протяжный стон сверху можно было считать ответом. Стоять на дне овражка было мокро и противно. Я попробовала вылезти еще раз, но опять съехала вниз. И почему я не научилась левитировать?

— Помогите! Помогите! Умираю! Помогите же! Все, почти умерла!

Ну до чего народ черствый! Собственное удовольствие дороже человеческой жизни.

— Я тебе говорил, чтобы ты не смела умирать без моего разрешения?

— Ирга?.. — Мне показалось, что я ослышалась.

— Он самый. — Огонек осветил овраг, и я рассмотрела веселую физиономию под длинной черной челкой.

И почему перед своим возлюбленным я всегда предстаю в самом гнусном и грязном виде?

— Ну и видок у тебя! — сказал Ирга.

— Я ногу подвернула, — сказала я мрачно. — И вылезти отсюда не могу.

— И я должен буду тебя отсюда вытащить? — спросил некромант, ловко спускаясь в овраг.

Он оглядел меня и овраг и велел:

— Становись-ка на четвереньки.

— Что, прям здесь? — возмутилась я.

— Что за мысли, панна? — рассмеялся Ирга. — Ползи давай, я сзади толкать буду.

Таким образом мы потихоньку выбрались наверх.

— Да-а, — протянул Ирга, ощупывая мою ногу. — Я мечтал тебя затащить в постель, а придется тащить к целителям.

— Что ты вообще здесь делаешь?

— В гости приехал, — сказал Ирга. — Соскучился по твоей грязной мордашке.

— Сколько ни сталкиваюсь с практиками, — размышляла я вслух, уютно устроившись на руках у некроманта, — они все оказываются со странностями.

— Сейчас брошу, и пойдешь сама, — пропыхтел Ирга.

— Я же говорю — со странностями, — сказала я, покрепче обхватывая возлюбленного. — Кому еще придет в голову бросить невесту.

— Я бы вообще мог тебя не нести, а поддерживать, а ты бы шла сама, — обиженно заметил Ирга.

— Не обижайся, — примиряюще сказала я. — После лечения мне обязательно нужно будет соблюдать постельный режим. Ты мне в этом поможешь?..

Через несколько дней я грустно сидела за столиком кабачка, попивая пиво. Ирга уехал, оставив после себя гору шоколада и мои слезы при расставании.

— Ола, ты что тут сидишь? А как же пробежка? Потихоньку себя нагружать надо.

— Какая пробежка, — ответила я полугному, пододвигая к нему вазочку с солеными орешками. — Никакой пользы от этой физкультуры, одно расстройство для здоровья.

— Это потому, что системы не было. Я вот тут систему придумал, будем заниматься вместе.

Посмотрев на полного энтузиазма лучшего друга, я пожалела, что не лежу с гипсом на кровати. Впрочем, при желании это всегда можно было исправить.

Глава 8 ВЕСЕЛАЯ ЯРМАРКА

Городской голова решил отметить начало лета грандиозной трехдневной ярмаркой. Две недели на пустыре за городом мастеровые стоили торговые ряды; гостиницы и постоялые дворы срочным образом увеличивали количество комнат, а простые обыватели копили деньги.

Пришлось выдержать две недели суровой покупательской диеты для экономии денег, чтобы на ярмарке оттянуться вовсю. Я еще не знала, что хочу себе купить, но что этого будет много — в этом была уверена.

— Отто, — поинтересовалась я как-то утром в мастерской, — ты пойдешь на ярмарку?

— Конечно! — сказал полугном. — Судя по слухам, там будет несколько интересных продавцов артефактов, надо будет посмотреть, что они предлагают.

— Это хорошо! — обрадовалась я. Мне хотелось использовать лучшего друга в качестве носильщика для покупок, и ничто не будет мешать мне потратить немного денег, пока Отто будет разыскивать продавцов артефактов.

— Если ты собираешься купить какое-то тяжелое барахло и взвалить его на меня, то я заранее отказываюсь, — сообщил полугном.

— Как ты догадался? — удивилась я.

— Все вы, бабы, одинаковые. Я что, никогда по рынку с матерью и сестрами не ходил? — Лучший друг машинально потер левое плечо. Туда его однажды цапнул детеныш виверны, купленный матерью Отто, Валиной, на рынке в качестве ручной зверюшки. Пока полугном дотаскивал вырывающуюся, кусающуюся и плюющуюся ядом виверну до дому, то успел возненавидеть всех экзотических животных и птички рынки с нагло улыбающимися продавцами, которые подсовывают легковверным женщинам «милых и улыбчивых» зверьков.

— Ну и ладно, ну и ладно. Вот надорвусь, умру, и ты пожалеешь!

— Найми носильщика, если боишься надорваться, — посоветовал Отто.

Я надула губы и отвернулась. Носильщик денег стоит, а полугнома можно было бы нагрузить бесплатно.

— Не дуйся, — ласково сказал лучший друг. — Я тебе подарочек на ярмарке куплю!

Я тут же перестала обижаться и задумалась над тем, какой подарок мне купит полугном. В том, что это будет нечто необыкновенное, я не сомневалась.

— Можно? — В мастерскую заглянула светловолосая студентка. — Я — Молла с

факультета Провидцев. Наша инициативная группа собирает подписи против проведения ярмарки.

— Зачем? — поразилась я. — Разве ярмарка — это плохо?

— Конечно! — убежденно сказала Молла. — Во-первых, поле, на котором будет проводиться ярмарка. Для выпаса скота оно будет потеряно — тысячи людей его вытопчут! Во-вторых, городская инфраструктура не выдержит такого наплыва гостей. В-третьих, посетители оставят горы мусора. А кому его убирать? В общем, ярмарка приведет к экологической катастрофе местного масштаба.

— Ерунда! — возмутилась я. — Я это подписывать не буду!

— Экологическая катастрофа — это серьезно, — сказал полугном. — Почему бы не подписать?

— Отто! Ярмарка — это прекрасно! Магазины, распродажи, новые товары, развлечения, люди, симпатичные маль... ладно, тебе это неинтересно.

— Почему бы и не подписать? — повторил Отто, ставя на обращении аккуратную подпись.

Молла просияла.

— А почему у вас тут так мало подписей? Народ не проникся возможностью экологической катастрофы? — ядовито спросила я.

— Увы, — печально ответила студентка. — Людям деньги глаза закрывают. На глобальные проблемы всем плевать.

— Глобальные проблемы далеко, а возможность покрасоваться в новом платье — рядом.

— Ты приземленно мыслишь, золотце, — сказал Отто. — Общественные начинания надо поддерживать.

Я пожалала плечами. На общественные начинания мне было плевать. Особенно на те, которые угрожали долгожданному развлечению. Полугном тем временем расписывался за десяток своих знакомых.

— Ты зачем подделками занимаешься? — спросила я.

— Я знаю, что ребята не были бы против поставить здесь свою подпись, просто у них нет такой возможности, — спокойно ответил Отто.

— А мою подпись ты подделать сможешь?

— Смогу, если постараюсь — уж очень у тебя почерк кривой.

— Он не кривой! Сколько тебе раз говорить — мой почерк характеризует творческую и талантливую натуру!

— Хорошо, хорошо, — не стал спорить Отто. — Вот что, талантливая натура, ты над душой не стой. Тебе нужно пояснительную записку к диплому писать. Твори!

Умеет же лучший друг испортить настроение! Пока он там с Моллой флиртует, я должна над дипломом страдать!

Я села за стол, придала лицу умное выражение и задумалась об ярмарке.

— Хватит мечтать! — хлопнул меня по плечу лучший друг. — Уже на лекции пора.

Удивительно, как быстро бежит время в приятных раздумьях!

Утром, в день начала ярмарки, Отто зашел за мной в общежитие.

— Ты что тут сидишь? Мы же договорились о встрече!

— Меня гложет плохое предчувствие, — сказала я.

— Тебе напомнить, что у тебя в зачетке по предсказаниям стояло? — хмыкнул друг.

— Я сама знаю. — Ради оценки «удовлетворительно» мне пришлось пополнить библиотеку кафедры большим количеством дорогостоящих фолиантов. — Просто предчувствие...

— Бросай ерундой заниматься, пойдем. Я встречу назначил с перспективным человеком, нельзя опаздывать.

Я понуро плелась вслед за полугном. Нехорошие мысли одолевали меня с вечера, сначала я не могла заснуть, потом мне приснился кошмар, а утром настроение и вовсе упало.

Хотя предсказатель из меня никакой — скорее даже антипредсказатель, но отделаться от гнетущего чувства я никак не могла.

После встречи с «перспективным» человеком, который заказал нам несколько десятков мелких боевых артефактов в обход университетской кассы, я уселась в маленькой забегаловке под открытым небом и мрачно уставилась в одну точку.

— Ты чего? — спросил полугном.

— Предчувствие!

— Ладно, допустим. И ты собираешься так сидеть и ждать, когда тебя неприятности найдут?

— А вдруг не найдут? Ошибутся поворотом и пройдут мимо?

— Неприятности? Когда это они проходили мимо? Нет, проблемы надо встречать лицом к лицу и играть, так сказать, на опережение.

— Хорошо, — согласилась я. — Куда идем встречать проблемы?

— А что тебе предчувствие подсказывает?

Я задумалась. Предчувствие говорило, что все плохо, но конкретного направления не указывало.

— Направо, — решила я.

Мы успели пройти несколько рядов, как вдруг полугном сдавленно сказал:

— Попросишь преподавательницу предсказаний тебе оценку исправить.

— Что такое? — Я проследила за направлением его руки и тихо застонала.

Все мое семейство, возглавляемое мамой, шествовало прямо на нас. Позади разноцветной женской процессии уныло плелись уже увешанные сумками с покупками папа и муж Дарии Лешек. У меня не промелькнуло даже мысли о том, чтобы скрыться, — мама, как надрессированная ищейка, мой след уже не потеряет.

— Здравствуй, мама! — Как ни странно, мне полегчало. Все-таки не зря меня мучило плохое предчувствие. После встречи с любящими родственниками ничего хуже случиться уже не могло.

Не услышав голоса Отто, я обернулась. Лучшего друга и след простыл. Предатель решил, что ему и своего семейства, которое собиралось приехать на закрытие ярмарки, вполне хватит, и оставил меня без моральной поддержки.

— Ольгерда! — обрадовалась мама. — Как хорошо, что мы встретились! Мы на денек выбрались, хотели остаться еще, но в гостиницах все номера заняты. Мы как раз с девочками обновляем гардероб. И тебе не мешало бы одеться поприличнее, все-таки ты уже совсем скоро станешь дипломированной магичкой!

— Да, — уныло согласилась я. Мое понятие «одеться поприличнее» от маминого очень отличалось.

— Дай денег, — дернули сзади меня за юбку.

— Не дам, — как можно тверже сказала я, не оборачиваясь.

— Тебе что, для родных сестер жалко? — заныли младшие.

— У меня нет.

— Ты всегда так говоришь, а у тебя всегда есть! Как старшая сестра, ты должна поддерживать младших.

— Всех, кому должна, я прощаю, — милостиво кивнула я.

— Ты умеешь левитировать вещи? — спросил у меня папа.

— Нет, — призналась я.

— И чему вас там в Университете учат? — пробурчал папа, вытирая пот.

— Если ты прикроешь мое исчезновение, я тебе облегчу жизнь, — предложила я.

Папа согласился. Остановившись у ближайшей лавки артефактов, я купила несколько вещичек, облегчающих вес тяжелых покупок, — подобными предметами запаслись практически все торговцы на ярмарке, предлагая их по двойной цене своим клиентам. Но в специализированной лавке я могла их купить за бесценок, намекнув, что я специалист. Я отдала свои приобретения папе, объяснила, как с ними обращаться, и затерялась в толпе.

Потеряв из виду семейство, я сосредоточилась, сжав в руке маленький артефакт — определитель местонахождения. Вторая часть артефакта мною была прицеплена к папиной одежде. Он был слабенький, работал на небольшие расстояния, но уберечь меня от еще одной неожиданной встречи с любящими родственниками был в состоянии.

Отто я нашла водном из летних кафе, спокойно накачивающегося пивом в компании с Трохимом и Васом, своим соседом по общежитию.

— Ага! — сурово сказала я, присаживаясь за их столик.

— А что я? — сразу стал оправдываться полугном. — Можно подумать, если бы я попросил тебя пройти с моими сестрами по рынку, ты бы согласилась.

Нельзя было не признать правоту лучшего друга, поэтому я только тяжело вздохнула, заказывая себе пиво. Трохим углубился в программу развлекательных мероприятий.

— О! Сегодня будет турнир! Победитель получит денежный приз и ювелирное изделие торгового дома Фонбеков.

— Что-то я о таком и не слышала.

— Я знаю этот торговый дом, он гномам принадлежит, — сказал Отто. — У них замечательные украшения и очень дорогие. Фонбеки как раз собираются выходить на наш рынок, видимо, решили устроить рекламную кампанию. Я буду участвовать в турнире. Какой вид оружия?

— Подушки.

Полугном сразу поскучнел, но, поразмыслив, воспрянул духом:

— Ола...

— И не думай! Я не собираюсь драться на подушках! Я никогда в жизни этого не делала и не буду выставять себя на позорище!

— Ничего, я знаю секрет, как победить, — сказал Трохим, потирая руки. — Тебе обязательно надо поучаствовать.

— Да, выйдет против меня какой-нибудь тролль, и останутся от меня рожки да ножки.

— Ножек не останется, — «утешил» Трохим. — Тролль с удовольствием ими подзакусит.

— Не слушай его, — сказал Отто. — В турнире две категории — женская и мужская. Ты знаешь, что минимальная цена украшения от Фонбеков — пять золотых?

— Ого, — сказала я, представляя, как выгодно такое дорогое украшение будет на мне смотреться.

— Значит, согласна, — с удовольствием заключил Трохим. — Тогда не пей и отдыхай. Соревнование вечером. Кстати, на допинг проверять не будут, ты это учти.

— Я допинг употреблять не буду, — ответила я. — Выпьешь микsturку, а она и перестанет действовать в самый неподходящий момент.

— А ты подороже снадобье купи.

— Буду я еще на такую ерунду деньги тратить, ты же секрет знаешь. И что мне вообще там нужно делать?

— Двое дерущихся становятся на широкую доску, стоящую на двух бочках. Проигрывает упавший с доски. Секрет победы прост: не смеяться, уклоняться от ударов, поменьше замахиваться, чтобы сила инерции не свалила с доски.

— Какая еще сила инерции? Подушки же легкие!

— Это тебе только кажется, что легкие. На самом деле стандартная подушка не такая уж и легкая, тем более что замахнуть подушкой — это тебе не мечом замахнуть. Мечом куда легче.

Я вспомнила свои замахи мечом и решила, что хуже уже не будет. Поэтому я с легким сердцем договорилась встретиться со своей группой поддержки, которую обещал собрать Трохим вечером, и мы с Отто отправились инспектировать лавки артефактов.

Солнце клонилось к закату. Мы направлялись к ближайшему кабачку перекусить, довольные собой донельзя — на одном из лотков я заприметила довольно дорогой и качественно сделанный артефакт. Продавался он за сущие гроши, потому как был сломан.

Убедившись, что поломка незначительная, мы купили вещь, прикидывая, сколько серебрушек заработаем на перепродаже после ремонта. К тому же торговец оказался обладателем клада, ценности которого он не понимал, — он скопил целую коллекцию поломанных артефактов, которые сбывал доверчивым крестьянам. Мы купили сразу все, и теперь полугном тащил увесистый мешок с сокровищами, а я прикидывала, как заняться выгодной перепродажей и не попасться на глаза никому из университетского начальства.

— Вы — Ольгерда Ляха? — дернули меня за рукав.

Я с трудом вернулась в окружающую действительность и окинула взглядом говорившего. Передо мной стоял удивительный парень с длинными волосами, заплетенными в эльфийские косички, сплошь покрытый татуировками и пирсингом, одетый в дорогие кожаные штаны гномьей работы.

— Я, — сказала я осторожно. — И что?

— Вы мне должны два золотых.

— Ничего себе! — возмутилась я до глубины души. — Это с какой радости я должна вам такую огромную сумму? Да я вас в первый раз вижу!

— Что случилось? — подошел поближе полугном, перехватывая поудобнее мешок.

— Да этот... пан требует от меня два золотых!

— Я вполне законно требую! — повысил голос парень. — Тария Ляха — ваша сестра?

— Моя, — сказала я мрачно. Вот только узнаю, куда влезла моя младшая, так оттаскаю за косы, что мало не покажется.

— Она сделала у меня татуировку и сказала, что вы заплатите. Что вас все здесь знают. Что вы ответственный человек. Вот расписку написала.

Совершенно ошеломленная, я протянула руку за клочком бумаги. Татуировку? Какую еще татуировку?

— Какую татуировку? — спросил Отто, удивленный не меньше меня.

— Орочью татуировку Зен-Та.

— Что это еще за Зен-Та?

— Татуировка орочьей девушки, означающая, что она готова выйти замуж. Потом, когда девушка замуж выходит, к татуировке добавляется несколько штрихов.

— Готова выйти замуж? — взвыла я. — Какой замуж? Какая татуировка? Вы с ума сошли! Да ей же всего тринадцать лет!

— Мне, главное, чтобы деньги заплатили, — сказал парень. — И могу вас заверить — татуировки я делаю на высшем уровне. Вот реклама! — Он выпятил грудь.

С трудом оторвавшись от рассматривания мускулистой груди, сплошь покрытой рисунками, я прочитала расписку, написанную корявым почерком со всевозможными ошибками. В «Розписке» говорилось, что Ольгерда Ляха обязана заплатить за Тарию Ляху два золотых, иначе ей грозит долговая тюрьма.

— Ладно, — процедила я, залезая в кошель. — А сколько стоит у вас свести эту татуировку?

— Пять золотых, — довольно ответил парень. — Только это будет очень больно. Не больно — шесть золотых.

— А за четыре вы очень-очень больно сделаете? — спросила я, кипя от злости.

Скрипя зубами, я с помощью артефакта определила местонахождение своего семейства и побежала туда, боясь, что если помедлю, то уже не буду настолько злой. Отто чуть задержался и теперь догонял меня, шумно пыхтя. До расположения семейства я не добралась, по дороге наткнувшись на сестрицу.

Тария вовсю флиртовала с молодым степным орком, спрятавшись в полумраке торговой палатки. Каким чудом я их увидела, я не знаю, но упускать такую возможность не стала.

— Ага! — рывкнула я, разрушая романтическое уединение.

Тария пискнула и спряталась за орка.

— А ну пошел вон! — рывкнула я на него.

— Послушай! — возмутился орк. — Это что такое?

— Это — несовершеннолетняя бестолковая девица, — ткнула я пальцем. — Это — тот, кто получит от ее отца за соvrращение. А это, — показала на себя, — очень злая старшая сестра этой несовершеннолетней, обедневшая на два золотых.

— Я тут при чем? — спросил орк. — Посмотри, — он поднял правую руку Тарии, — тут что? Татуировка!

— С этим мы еще разберемся, — прорычала я. — Давай двигай отсюда!

— Не уходи, — пискнула Тария, — цепляясь за рукав орка. — Не оставляй меня с ней! Я боюсь!

— Теперь я вижу, что ты маленькая, — сказал парень, поворачиваясь к ней. — Взрослые женщины, готовые к замужеству, сами решают свои проблемы.

Орк отвесил мне ироничный полупоклон и ушел.

— А-а-а! — пискнула младшая, сжимаясь в комочек в углу палатки.

— Я... я... я не знаю, что я тебе сейчас сделаю! — рывкнула я. — Что это еще за мода?

— Ты видела, какой он красивый? — прохныкала Тария.

Конечно, я видела. Орки — ближайшие родственники общепризнанных красавцев эльфов, только намного смуглее и не такие гонористые. Их идеально правильное лицо с большими темными глазами немного портил крючковатый нос, зато фигура была значительно крепче и крупнее эльфийской. В наши края орки забредали довольно редко — их Степь находилась в другом конце королевства. Интересно, как моя сестрица умудрилась найти здесь орка, да еще и так оперативно? Они, наверное, приехали своих собак продавать. Охота посмотреть!

— Я хочу замуж за орка, — сказала сестра, принимая мой задумчивый вид за прощение ее поступков.

— Это в тебе гормоны играют, — сказала я сердито. — Ты на лошади скакать несколько часов без перерыва сможешь? Нет? А у орков это основной способ передвижения. И домов у них нет, они в юртах живут. Так что об ежедневном душе можешь забыть. Да, и сладости из магазина в Степи недоступны.

— Ну и что! — со слезами на глазах закричала Тария. — Я хочу уехать далеко-далеко!

— Но почему?

— Потому что вы мне надоели!

— Эх ты, маленькая глупышка! Иногда так случается, что на семью смотреть противно, но поверь, ближе нас у тебя никого нет.

— Вот, — заплакала Тария, — я для вас всего-навсего глупышка! Маленькая! А мне надоело быть младшей! Я хочу сама принимать решения и не хочу, чтобы мне кто-то говорил «ты еще маленькая». Я уже не маленькая! Я уже выросла, понятно тебе?

— Понятно, — сказала я, вполне понимая Тарию. Мы так все привыкли, что она — самая младшая, несмышленный ребенок, что и не заметили, как ребенок вырос. Но что же со всем этим делать?

— Я все равно уйду из дома, слышишь, все равно. — Сестра размазывала слезы по щекам, пока я напряженно думала. — Мне надоело, что мной все командуют! Я не девочка на побегушках, я личность! Я все равно убегу, даже если вы меня привяжете! Перегрызу веревки и убегу!

— Подожди, не пори горячку, личность, — спокойно сказала я. — Иногда, чтобы доказать свою взрослость, нужно подчиниться старшим. Сделаем так: хочешь выйти замуж за орка — выходи. Более того, я тебе буду всячески в этом способствовать, но с одним условием.

— С каким еще условием? — буркнула Тария, с интересом глядя на меня.

— Ты готовишься к жизни в Степи — учишь язык орков, занимаешься верховой ездой, изучаешь экономику и обычаи жизни в Степи. Через год поговорим.

— Через го-о-од? — протянула сестра, вновь собираясь заплакать.

— А ты думаешь, ты справишься быстрее? Справишься — вперед! Или ты хочешь

попасть в Степь неподготовленной? Чтобы к тебе относились еще хуже, чем дома? Ведь там каждый малыш знает, что нужно, а что не нужно делать в той или иной ситуации. А ты не знаешь ничего! И будешь постоянно ставить себя в глупое положение.

Этот аргумент на Тарию подействовал, она подумала и спросила плаксивым голосом:

— А что же с моей татуировкой делать?

— Пусть остается.

— А маме я что скажу?

— Вот и будет твой первый шаг ко взрослой жизни — объяснение с мамой. Только не советую ей признаваться, что означает эта татуировка.

Девочка засопела, а потом призналась:

— Я боюсь.

— А ты думала, быть взрослой легко? — спросила я и добила: — Кстати, деньги за татуировку ты мне остаешься должна.

— Так это же огромная сумма! — застонала Тария.

— Солнышко, я с тебя еще за моральный ущерб не беру, — ласково сказала я.

— Я твоя сестра! — возмутилась младшая.

— Сестра, — согласилась я. — Но каждая личность должна отвечать за свои поступки.

Ты знаешь, сколько нервов мне последние полчаса стоили?

Тария нахмурилась. Видно, взрослая жизнь ей уже перестала казаться такой заманчивой, как раньше. Мы вышли из палатки. Ни Отто, ни орка нигде не было видно. Я решила проводить Тарию к остальной семье — как бы она еще чего по дороге не натворила.

По дороге нас встретила встревоженная мама.

— Тария! — накинулась она на сестру. — Ты где пропадаешь? Я же волнуюсь!

Сестра посмотрела на меня просящим взглядом. Я ободряюще улыбнулась ей, но выручать не спешила.

— Ольгерда, — мама перенесла на меня внимание, — а куда ты утром ушла? Мы такой костюм тебе присмотрели! И не пообщались совсем, а мы ведь уже собираемся уезжать домой.

— Я была занята, — туманно ответила я. — Извини, мам.

— Ола! — заорал вынырнувший откуда-то Отто. — О, здравствуйте, пани Ляха! Ола, мы же опаздываем!

— Куда?

— На турнир!

Я хлопнула себя ладонью по голове. Как же я могла забыть! Украшение Фонбеков!

— Какой еще турнир? — крикнула нам вслед мама.

— На подушках! — прокричала я, несясь среди рядов за полугномом.

Мы успели к окончанию регистрации участников. Когда я вошла в турнирный шатер — временно занятый цирк-шапито, — меня оглушило. Огромное количество жующих и пьющих людей, гномов и эльфов требовали начала зрелища.

— Это что?

— Зрители, все хотят посмотреть на интересное состязание, — сказал Отто. — Вон наши, видишь?

Я проследила за направлением его руки. На трибунах сидели знакомые и незнакомые мне студенты, над ними трепетало под магическим ветром полотнище с кривыми буквами «Наша Ола — лучше всех!».

— Э-э-э... — озадачилась я.

— Трохим же обещал группу поддержки, — сообщил Отто. — Вот и привел.

— Могли бы транспарант и покрасивее нарисовать.

— Ребята сначала обмыли твое участие, а уж потом рисовали, — гадко хихикая, сказал лучший друг и отправился на свое место — болеть.

Я внимательно следила за поединками мужской части участников турнира, прикидывая тактику. Когда победителю — вертлявому мужичонке — вручали приз, я чуть не подавилась

слюной от зависти. Чудные запонки с бриллиантиками и жемчужная заколка для галстука мне были не нужны, но от них все равно не отказалась бы. Наконец объявили начало женских состязаний. Трибуны взревели — большинство пришло посмотреть, «как бабы дерутся».

Первая моя соперница выбыла практически моментально — она замахнулась подушкой и упала под гогот зрителей. Мои болельщики заорали и запустили несколько фейерверков. Вторая соперница была слегка выпившей — я просто придала ее движению нужно направление. Третья была посерьезней, я уклонялась от ее ударов, и вскоре она запыхалась и последовала за подушкой, влекомая силой инерции.

— Финал! — объявил ведущий.

Как финал? Уже?

Моей соперницей оказалась гномка, больше похожая на куб, чем на женщину.

— Кетрин Ван Хольц против Ольгерды Ляхи! — прокричал ведущий.

Гномы заорали так, что я пригнулась, боясь, что обрушится шатер. Мои соученики поднатужились, применили магию и переорали-таки бородатых.

Я выходила на арену, серьезно подумывая о том, а не сдать ли мне сразу. Удар этой тумбочки меня не только сбросит с доски, но и размажет по полу в тонкий блин. Все же у меня был весомый довод не отказываться от поединка сразу — гномье украшение однозначно на мне будет смотреться лучше!

От первых ударов мне удалось уклониться. Однако такое везение не могло продолжаться долго, а гномка, судя по ее невозмутимому виду, могла бесконечно долго махать хоть скалкой, хоть киркой, хоть подушкой. Я размахнулась и со всей силы стукнула соперницу. На мой удар она обратила внимания не больше, чем на укус комара. Что же делать, что делать?

Вспомнились слова нашего преподавателя боевых искусств: взбешенный противник — это полпротивника!

Пользуясь тем, что я была значительно выше гномки, я размахнулась и по касательной проехала по ее голове подушкой. Несчастная постельная принадлежность не выдержала и порвалась, зацепившись за острые заколки. Зрители засмеялись. Гномка остановилась и, слегка покачиваясь от моих ударов, достала из кармана зеркальце.

— Моя прическа! — закричала она. — Ах ты, стерва!

Действительно, после моего удара ее волосы, аккуратно заплетенные в косы, растрепались, и в них застряли куриные перья. Кетрин стала похожа на полуоципанную курицу, которую продает на рынке нечистоплотная торговка. Что ж, желаемого я добилась — противница разозлилась.

...А-а-ах!

На меня словно упала крыша дома. Я свалилась с бревна, ощутило приложившись об пол.

— Победительница — Кетрин Ван Хольц! — объявил ведущий.

Я отплевалась от опилок, которыми был обильно посыпан пол, и поднялась. В голове шумело. На трибунах моя группа поддержки запустила вверх огоньки, сложившиеся в неприличное слово, характеризующее Кетрин. Гномы молча полезли драться. Церемония награждения никого уже не интересовала — началась всеобщая потасовка.

Я поняла, что этот праздник жизни не для меня, и побрела к выходу вдохнуть свежего воздуха.

— Вы Ольгерда? — раздался за моей спиной вкрадчивый голос.

Я обернулась и увидела высокого, очень симпатичного молодого человека.

— Да, — несмотря на шум в голове, кокетливо ответила я.

— Замечательно! — сказал молодой человек. — Вам помочь?

Я оперлась на предложенную руку, меня отвели подальше от шума, царившего в цирке, и, вежливо улыбаясь, стукнули по голове...

...Сознание возвращалось урывками. То мне чудился знакомый голос Ирги, то

виделось звездное небо, то казалось, что я лежу в узком ящике на очень неровной и твердой поверхности. Наконец в моих мозгах забегали более-менее внятные мысли, я потрясла головой и услышала:

— Очнулась? Это хорошо!

— Ирга? — усомнилась я.

— Он самый.

Я открыла глаза и в неясном лунном свете увидела склонившегося надо мной Иргу.

— Вот так сюрприз! А где мы?

— В могиле.

— Ёшкин кот! Я, конечно, хотела умереть с тобой в один день, но никак не думала, что это будет так скоро.

— Мы живы. Пока, — сообщил Ирга. — Слезь с меня, пожалуйста.

Я поерзала и обнаружила, что лежу на ногах возлюбленного. Услышав, как он застонал, я живенько уползла в противоположный конец могилы и сжалась там в комочек. Ситуация нравилась мне все меньше и меньше. Щелкнув пальцами, я зажгла огонек, и он послушно подлетел к некроманту. Рассмотрев, во что превратился парень, я ойкнула, огонек погас, но я, на всякий случай, закрыла глаза, чтобы больше этого не видеть.

— Что, красавец? — хрипло спросил Ирга.

— Кто это с тобой сделал? — спросила я.

Лицо возлюбленного превратилось в месиво. Сломанный нос свернут набок, под глазами огромные темные круги синяков, губы разбиты, все лицо в крови. Руки скрещены на груди, левая осторожно баюкает правую с переломанными пальцами. Судя по всему, и ребрам, и ногам Ирги тоже досталось.

— Полагаю, что тот, кто тебя сюда кинул.

— Ничего, — бодро сказала я, щипая себя за руку, чтобы еще раз не закричать. — Сейчас я отсюда вылезу. У меня же ничего не сломано.

— Не вылезешь, — спокойно сказал Ирга. — Яма сверху накрыта защитным пологом, который никого не пропускает. Надежнее, чем крышкой.

— Нас убьют? — поинтересовалась я.

— Не хочется тебя расстраивать, но, скорее всего, да. Но чуть попозже. Убивать некроманта ночью — до такой глупости Лойд еще не дошел.

— Я-то не некромант, меня можно когда угодно убить, — пробормотала я и завывала, колотясь головой об стенку могилы.

Ирга молчал.

— Ладно, — вскоре спокойно сказала я, вытряхивая из волос землю. — Тебе же больно, наверное?

— Наверное, — сказал некромант. — На самом деле не так сильно, как вначале. Я пытаюсь исцелиться, ночь же моя стихия. Вот только колдовать полноценно я не смогу, они мне пальцы на обеих руках сломали.

— Кто — они? — спросила я, но тут же сама ответила: — Стоп! С ними потом разберемся.

Я со всей силы укусила себя за тыльную сторону ладони, пока не почувствовала, как рот наполняется кровью. Боль прогнала остатки истерики, я сплюнула кровь и пробурчала:

— Гадость какая, и как ее вампиры пьют?

Ирга фыркнул.

— А ты не фыркай, — сказала я. — Выберемся отсюда — я тебя сама убью. С особой жестокостью.

Я быстренько наложила на возлюбленного обезболивающие заклятия и почувствовала, как быстро у меня заканчивается магическая энергия.

— Да, — ответил Ирга на мой невысказанный вопрос. — Этот полог при попытке использовать магию выпивает энергию. Поэтому колдовать можно только по мелочи.

— Очень хорошо, — пробормотала я, — просто замечательно. Нет, я была права.

Когда мы отсюда выберемся, я не только убью тебя с особой жестокостью, я еще и на твоей могиле станцую. Голой. А ты этого уже не увидишь, вот и мучайся.

— Эй, Ирронтто! — крикнули сверху.

Мы подняли головы — в яму заглядывал тот парень, который так любезно помог мне выйти из палатки, где был турнир.

— Как тебе мой подарочек? — спросил он.

— Спасибо, Лойд, — ответил Ирга. — Очень даже приятный.

— Если не согласишься на наши требования, ты знаешь, что мы с ней сделаем?

— Догадываюсь.

— А можно и мне рассказать? — спросила я. — Ведь речь идет обо мне.

— Скорее всего, под утро мы начнем отрезать от тебя по кусочку, — любезно ответили мне.

— А может быть, вы меня отпустите? — без особой надежды спросила я. — Я-то тут ни при чем. И вообще, я своего соседа по могиле первый раз вижу.

— Ирронтто, — спросил Лойд, — твоя девушка что, дура?

— Нет, — сказал Ирга, немного подумав.

Но пауза перед ответом мне совершенно не понравилась.

— В общем, счастливо оставаться, голубки. Подумай хорошенько, Ирронтто! У тебя осталось немного времени.

— Так, — сказала я, — что я пропустила? Давай рассказывай, а то я тебя отсюда не вытащу.

— Это Лойд, — сказал Ирга. — Возлюбленный моей сестры Илиссы.

— Ничего себе! Ты ей так надоел, что она решила от тебя избавиться?

— Нет, все дело в наследстве. Эта дурочка без ума от Лойда, и в прошлом году было решено ее отправить учиться сюда, в надежде на то, что она его забудет.

— А, это от него она была беременна?

— Не была она беременна! Ты думаешь, я бы позволил себе убить ребенка моей сестры, даже если он размером с фасолину? Нет, это были очень умело наведенные чары. Лойд думал, что отец сдастся и выдаст Илиссу замуж, а вместо этого он отправил ее ко мне. Я выяснил, в чем дело, немного вправил сестре мозги и думал, что на этом все закончилось.

— А почему Лойд не приехал за ней?

— Потому что он, по некоторым причинам, не мог надолго покидать Рорриторский округ.

— Поэтому ты и поехал туда писать свою диссертацию? — догадалась я.

— Вовсе нет, меня давно приглашали, а я колебался. Но когда всплыла эта история с Илиссой, то принял решение поехать. И мы целый год с Лойдом следили друг за другом.

— А откуда он узнал обо мне?

— Ты единственная девушка, которая жила у меня несколько дней.

— А остальные что, жили меньше?

— А остальных не было.

Мне было очень приятно это услышать, но я решила не расслабляться.

— Что за наследство?

— Моя мама из очень древнего магического рода. И я, как единственный ее потомок мужского рода, получил во владение довольно большое количество ценных и уникальных артефактов. Помнишь, я тебе когда-то об этом говорил? Часть артефактов я подарил тебе, например, те сережки, которые ты вплавила в шпильку. Судя по твоей прическе, ее украли?

— Нет, — похвасталась я. — Я ее дома оставила, мне предстоял турнир, и я побоялась, что она меня поранит.

— Что за турнир? — удивился Ирга.

— Потом расскажу, — отмахнулась я. — Все равно дело не выгорело.

— Лойду очень хочется заполучить эти артефакты. Поэтому он и строил глазки Илиссе, а теперь решил принять кардинальные меры. Если он меня убьет, Илисса станет моей

наследницей. Но с другой стороны, он боится, что я спрятал артефакты, вот и пошел на решительные действия — схватил тебя в надежде на то, что угроза мучений любимой заставит меня разговориться.

— Заставит?

— Заставит.

— Ну уж нет! — сказала я. — Все твои сокровища должны достаться мне, как законной супруге. Надо отсюда выбираться!

— Что только люди не сделают ради денег, — иронично сказал Ирга. — Даже собственную жизнь спасут!

— Молчи и не мешай мне думать, — сказала я, осторожно вытирая кровь, выступившую из лопнувшей губы Ирги. — Копи силы.

Я села и задумалась. Как вылезти отсюда, если выход надежно закрыт магическим щитом, а ни одного инструмента для его ликвидации у меня нет? Чтобы привести разбегающиеся мысли в порядок, я осторожно постучала головой о стенку могилы. Думай, Ола, думай! Тебе еще этого горе-богача из могилы вытаскивать, если хочешь стать обладательницей его сокровищ. Стоп! Если я хочу стать его женой, то... что у меня на пальце? Маленькое золотое колечко! Колечко-артефакт! Я попыталась снять кольцо с пальца. Но почти за год оно там так хорошо угнездилось, что сниматься категорически не хотело. Я засунула палец в рот, пытаюсь снять его так. Ирга с некоторой опаской следил за моими действиями. Я вцепилась зубами в неподдающийся ободок и тянула изо всех сил.

— Что ты делаешь? — не выдержал некромант.

— Не мефай, — промычала я. — Есть!

— Что ты делаешь?

— Нас спасаю. Придется тебе немного потерпеть.

Кольцо, как и любой артефакт, накопило в себе энергию.

Раз уж я не могу пользоваться силой, придется довериться металлу. Я быстро чертила на стенках схему, стараясь свести потери энергии к минимуму. При этом я периодически задевала Иргу, который скрипел зубами от боли, но молчал.

— Есть, — сказала я, вытирая пот. — Щита больше нет. Вопрос следующий: где мы?

— На кладбище, — сказал некромант.

— Ха-ха. Я в курсе. На каком именно кладбище?

— Откуда я знаю?

— Ты же некромант! Ты должен в лицо знать каждое кладбище!

— Извини, милая, но я очень редко смотрю на кладбище, так сказать, изнутри.

— Давай думать логически, раз это яма для могилы, значит, на этом кладбище хоронят...

— Значит, это не старое кладбище, — понял мою мысль Ирга. — К тому же тебя забрали с ярмарки, значит, это недалеко оттуда — не будут же Лойд и компания тащить твоё тело через весь город. Ага, это Склепинское кладбище.

— Чудно, — сказала я, лепя магического вестника. — Надеюсь, Отто нас найдет. Иначе я тебя сама из могилы не вытащу. Очень уж ты тяжелый.

— Кожа да кости, — сказал Ирга.

— Весишь ты все равно больше мешка с сахаром.

— А ты таскала мешки с сахаром?

— Приходилось, — сказала я, с ностальгией вспоминая время нашего с Отто алкогольного предприятия.

— Не знал, что ты такая сильная, — сказал некромант.

— Я не сильная, я жадная. Не хотелось никого нанимать — а вдруг бы сахар подъели? Вот мы сами с Отто мешки и таскали. — Я не стала упоминать, что «мы таскали» ограничилось для меня одним мешком, после которого я улеглась на кровать и стала изображать из себя принцессу при смерти.

— Ну не скучай, — сказала я и попыталась вылезти из могилы.

Это оказалось не так легко, как я думала: высоко, края осыпаются. Жаль, что в свои пробежки я не включила подтягивания. Тут поневоле посочувствуешь мертвецам, поднятым жестокими некромантами. Для них, конечно, потеря одного-двух сломанных ногтей — пустяк, но все равно вылезать тяжело.

— Подсадить?

— Сиди уже, инвалид.

— Все не так плохо, — сказал Ирга. — Я очень быстро восстанавливаюсь.

— Регенерируешь? Слушай, а может, ты уже нежить? — испугалась я.

— Не нежить, просто я уроки целительской магии не прогуливал.

— Я тоже не прогуливала, — пробурчала я, — я просто на них спала.

Я подумала немного и стала снимать мешающую мне юбку. На лице Ирги, несмотря на раны, было написано блаженство. Зажав юбку в зубах, я опять полезла наверх. На этот раз попытка вышла удачной. Я лежала немного на холодной земле, слушая далекие звуки веселья на ярмарке и поглаживая содранные локти и колени, и решила двигаться за помощью. Отдавая дань инстинкту самосохранения, я поползла по-пластунски, не выпуская юбку из зубов и стараясь не думать о том, во что превратится мое нижнее белье.

И только я хотела встать, как услышала голоса. Притаившись за свеженьким могильным холмиком, я увидела, как к нашей общей с некромантом могиле приближается Лойд с компанией.

«Интересно, — подумалось мне, — что они сделают с Иргой, увидев, что меня нет? Убьют сразу или дадут мне возможность попросить оставить это для меня?»

— Ирронт! — рявкнул Лойд. — Где твоя баба?

Ответа Ирги я не услышала.

— Ну все, готовься умереть. Нет, не боюсь, да и что ты мне сделаешь?

— Подождите! — заорала я, выскакивая из-за горы цветов и венков.

— Гляди, Лойд, — хихикнул один из злодеев. — Голая баба!

— Я не голая, — возмутилась я, размахивая юбкой, как щитом. — Я полуобнаженная.

А ну отстаньте от Ирги!

— И что ты нам сделаешь? — спросил кто-то.

— Пока не знаю, — призналась я. — Но что-то очень страшное!

Парни заржали.

— Лойд, можно, я ее?.. — спросил один.

— Можно, — разрешил несостоявшийся зять Ирги королевским тоном.

Бандит двинулся ко мне, широко расставляя руки:

— Цып-цып-цып...

— Вот тебе, а не цып! — крикнула я, кидая в «птичника» венком с могилки.

— Колючий! — обиделся он, а я уже бежала, петляя как заяц, между холмиков и склепов.

«Если упаду, — соображала я, — конец и мне, и Ирге. Ради пары-тройки дорогуших артефактов Лойд пойдет на все. Госпожа Удача! Помогите, а то не останется в живых твоей верной жертводавательницы!»

— Лови ее! — заорал Лойд. — Уйдет, стерва!

Судя по топоту, вся шайка кинулась в погоню. Меня окружали. Завертевшись от отчаяния на месте, я опять схватила юбку, которую так и не выкинула, в зубы и полезла на высокий склеп. Мне аккуратно хватило времени, чтобы окружить себя Щитом и приготовить несколько крупных огоньков.

— Слезай, — миролюбиво предложили снизу. — Договоримся. Слово чести!

Я осторожно измерила взглядом высоту от крыши склепа до земли и поняла, что у меня остается один выход — сидеть наверху до последнего, потому что слезть со строения я не смогла бы при всем своем желании.

— А что мне будет, если я слезу? — решила я потянуть время, надеясь, что подмога скоро придет.

— Ты уговоришь Ирронтю отдать нам все артефакты, а я пообещаю больше не трогать ни его, ни тебя, ни его сестру.

— Ты разбил Иллисе сердце. — Во мне разыгралась женская солидарность.

— Если бы ты знала, сколько стоят сокровища твоего хахаля, ты бы разбила все, что угодно, — сказал Ллойд. — Или ты с ним именно из-за этого?

Я гордо промолчала, решив не отвечать на провокационные вопросы.

— Вот видишь! — обрадовался злодей. — Ты тоже не веришь в любовь до гроба! Слезай, вместе мы составим чудесную пару.

— Ты что, озверел? — поразила я. — Ты что несешь?

— А что тут такого? Мне очень пригодится такая спутница жизни, которая голыми руками может взломать магический полог пятого уровня.

«Ну не голыми руками», — подумала я, но своих секретов раскрывать не стала. Как бы там ни было, похвала была мне приятной.

— Мне не идет бандитский имидж, — поделилась я.

— Ллойд, хватит трепаться, — не выдержал один из его соратников. — Выстрели в нее чем-то.

— Не могу, — с досадой сказал мой потенциальный спутник жизни. — У нее очень мощный Щит.

— Тогда давай я полезу и сниму девку. Ты же говорил, что она из себя ничего не представляет!

— Я так думал! — рявкнул Ллойд.

Ах так! Ну я вам покажу! Я быстро прошерстила свою память на предмет могущих пригодиться заклинаний. К сожалению, я так и не удосужилась восполнить свой пробел в боевых заклетах, а полезных артефактов, как назло, на мне не было — что могло произойти на ярмарке? Разве что пьяный бы толкнул. Вот кошелек от воров я зачаровать не поленилась.

Первого нападавшего я столкнула простой волной воздуха. Когда злодеи полезли с обеих сторон, то были смыты потоками воды. Ллойд периодически проверял мой Щит на предмет прочности. Магическая энергия быстро истощалась. Я уже подумывала над тем, чтобы возобновить переговоры, как услышала голос:

— Ола, держись!

— Отто! — заорала я. — Быстрее сюда, меня убивают!

Снизу выругались.

— Уходим, быстро! — приказал Ллойд.

— Они убегают! — закричала я. — Лови!

Теперь оставалось лишь ждать да слушать отдельные выкрики, топот и треск в кустах.

— Ола, — через некоторое время сказал снизу лучший друг, — слезай. Ребята занимаются твоими обожателями.

— Почему обожателями? — спросила я, снимая Щит и садясь на край крыши. Ноги меня не держали.

— Ну как же? — хмыкнул Отто. — Стояли тут, любовались твоей фигурой на фоне лунного неба. Ты, кстати, хорошо смотрелась. Как памятник самой себе.

— Буду помирать, — решила я, — закажу себе такой склеп. С изваянием в полный рост.

— Слезай.

— Я не могу, — призналась я. — Я ума не приложу, как я сюда залезла! Стена-то почти ровная, без уступов и барельефов.

Отто попрыгал, попробовал залезть и авторитетно сказал:

— Это ты от страха. От страха чего только не сделаешь. Будем ждать Трохима, он практик, ему положено всякие препятствия преодолевать.

Я зябко закуталась в юбку — под утро похолодало.

— А где Ирга? — спросил лучший друг.

— В могиле.

— Скорблю вместе с тобой, — со слезой в голосе сказал Отто.
— Подожди скорбеть-то, может, еще живой.
— А что он делает в могиле?
— Изучает жизнь подопечных, так сказать, изнутри.
— Странные люди эти некроманты. А мы так хорошо дрались, как вдруг твой вестник: «Помоги, мы в беде на Склепинском кладбище». Пришлось народ уговаривать бросить веселье и к вам на помощь бежать.

— А на чьей стороне ты дрался? — поинтересовалась я. — И за наших, и за ваших? И студент и гном в одном лице.

— А я пару минут подождал, пока драка студентов против гномов не превратилась в драку «все против всех». Фонбеки должны быть довольны — знатное развлечение получилось. Только шатер цирка разнесли в клочья.

— Вы чего сидите? — спросил подошедший Трохим. — Ола, почти всех твоих друзей поймали, можешь слезать.

— Она не может, — сообщил полугном. — Тебя ждем, чтобы ты ее снял.

— Я что вам, скалолаз-ударник?

— Ты мой спаситель! — сказала я голосом трагической актрисы.

Трохим обошел вокруг склепа, подумал и сказал:

— Бросай сюда свою юбку.

— Зачем? — испугалась я.

— За шкафом. Бросай!

Я с тяжелым вздохом рассталась с любимым предметом одежды. Трохим и Отто растянули юбку и скомандовали:

— Прыгай!

Юбку было жалко, но себя было жалче еще больше, поэтому я прыгнула. Под моим весом ткань затрещала и порвалась, но все обошлось благополучно.

— Пошли Иргу из могилы вытаскивать, — сказала я, обматываясь несчастным куском материи.

— Ола, мне тебя искренне жаль, но, может, пусть он там лежит? Будешь цветочки иногда приносить, оградкой обнесешь...

— Он живой еще, — сказал Отто.

— Ух ты! — восхитился Трохим. — У вас там было романтическое свидание? А это мысль!

— Там неудобно, — поделилась я своими впечатлениями. — Тесно.

— Зато как запомнится!

Мы подошли к месту нашего заключения. Ирга сидел в той же позе, в какой я его оставила, и не отзывался. Мое сердце замерло на минуту, а потом застучало как бешеное. Неужели мы опоздали? Неужели Лойд сначала его убил, а потом уже погнался за мной?

— Ирга! — закричала я и спрыгнула в могилу. — Ирга!!!

Я тормошила возлюбленного за плечи, пока он не застонал и не открыл глаза.

— Ола, — прошептал он, — дай мне спокойно умереть.

— Обойдешься, — сказала я, начиная плакать. — Я тебя сначала вылечу, а потом сама убью. Долго и мучительно.

Мы извлекли слабо трепыхающегося Иргу из могилы и потащили к целителям. Всю дорогу я плакала, пока у меня не началась истерика. Когда мы вошли в Дом Исцеления и положили Иргу на кушетку, Трохим с садистской улыбочкой залепил мне такую пощечину, что в моей голове зашумело, а потом быстро прояснилось. Истерика благополучно закончилась.

— Не люблю, когда девушки воют, — объяснил мой друг, поймав мой злобный взгляд.

— Это я еще не начинала выть, — предупредила я, потирая щеку. — Мог бы и воды попросить у целителей, а не бить.

— Так быстрее, — пожал плечами Трохим.

Целители унесли стонавшего Иргу, а мы пошли в отделение городской стражи давать показания.

Лойд со товарищи сидели за силовым Щитом в камере.

— Они хотели убить меня и моего жениха, — сообщила я дежурному магу под Заклятием Правды. — Ни я, ни мой жених не причиняли им вреда, способного вызвать желание нас умертвить.

— Хорошо, — сказал маг, снимая с меня закливание.

— А что им за это будет? — спросила я, пока Отто и Трохим давали свидетельские показания.

— На рудники отправят, — равнодушно сказал охраняющий злодеев страж.

— Я не хочу на рудники! — завопил Лойд.

— А нечего было на мои ноги бесплатно плясать. И на все остальное, что тебе там снизу видно было, — злорадно сказала я.

— Сука, — с чувством сказал Лойд. — А я тебе еще совместное будущее предлагал!

— У сук с козлами не бывает совместного будущего, — просветила я его в зоологии. — И вообще, жадность — это плохо.

— На себя посмотри, — буркнул Лойд.

— Я не жадная, — сказала я с некоторым сомнением и вышла на улицу, раздумывая над свойствами своей натуры.

Когда мы шли назад, Трохим спросил:

— А как ты воешь?

— Что? — удивилась я, вырванная из своих мыслей.

— Ты сказала в Доме Исцеления, что ты еще не начинала выть. Так как ты воешь?

— А! — обрадовалась я поводу выплеснуть переживания. — Сейчас покажу!

— Не надо! — испугался полугном, но я его уже не слушала.

— А-а-а, у-у-у, о-о-о, у-у-у! — завывала я от всего сердца.

— Хватит! — заорал Трохим, зажимая уши.

Я отбежала от него подальше и продолжала завывать, пока из окна ближайшего дома не выплеснули какую-то гадость. Помои на меня не попали, но настроение ухудшилось.

— Надо же! — удивилась я, немного послушав ругательства. — Люди еще спят?! Утро на дворе!

— Утро, — проворчал полугном. — Когда я пытаюсь тебя в это время разбудить, ты пинаешься и заявляешь, что еще ночь. Ты сейчас к Ирге? Ну а мы — спать.

Я пришла в Дом Исцеления, чувствуя, как слипаются глаза. Целитель укоризненно поцокал языком, не ободряя моего рвано-грязного внешнего вида, но в палату к Ирге проводил. Некромант спокойно спал. Я свернулась клубочком в кресле для посетителей и заснула.

Проснулась я от ломоты во всем теле. Все-таки спать в кресле — это вам не на кровати. В могиле и то было лучше — там хоть распрямиться место было. Смачно потягиваясь, я услышала голос:

— А как же не спать возле кровати умирающего любимого, проливая горькие слезы?

— Горькие слезы я уже пролила, ты все пропустил, — ответила я, рассматривая Иргу. — Выглядишь ты лучше, чем вчера.

— А вот ты — хуже, — честно признался некрмант.

— Я бы могла выглядеть как картинка, — сказала я. — Да вот только пожертвовала душем и переменной одежды для того, чтобы сидеть тут, караулить твоё дыхание.

— Так уж и караулить. Я уже час не сплю, целитель уже несколько раз заходил, а ты все спала.

— Ну ты же дышал, — возразила я, пытаюсь расчесать пятерней волосы. — Значит, смысла просыпаться и кричать «Помогите, скопытился!» не было. Ладно, уговорил. Я пошла приводить себя в человеческий вид.

— Ты и сейчас выглядишь вполне по-человечески, — попытался меня удержать Ирга.

— Нет уж, я выгляжу, как зомби. Полночи — в могиле, полночи — на склепе. Ты не мог себе другую профессию выбрать? Например, садовника! Я бы тогда полночи на цветах провела.

— Это я тебе и так могу устроить, — сказал Ирга.

— Сначала выздоровей. А потом видно будет.

Я плелась по городу, размышляя о том, что ярмарка для меня выдалась совсем не такой уж и веселой.

— Милочка, — вдруг обратился ко мне молодой, ухоженный парень.

Я постаралась ему лучезарно улыбнуться — не каждый день ко мне обращались на улице такие симпатяги!

— Нельзя же себя так запускать! — сказал парень, протягивая мне монетку. — Возьмите, пойдите в общественную баню, поешьте нормально, купите себе приличную юбку.

— Засунь себе эту деньгу знаешь куда! — возмутилась я. Он что, принял меня за нищенку? — Да у меня денег больше, чем у тебя! Впрочем, нет... Давай сюда. Пригодится.

Парень захлопал глазами, а я выхватила у него из рук медяк и быстрым шагом удалилась в ближайшую подворотню — вдруг передумает.

«Наверное, я все-таки жадная», — сделала я неутешительный вывод, опуская медячок в свой кошель, полный денег. Вчера мне свои сбережения так и не удалось потратить, я только ходила и присматривалась к товарам.

Приведя себя в приличный вид, я бодро зашагала на ярмарку — успокаивать расшатанные ночным происшествием нервы.

Через несколько рядов и всего пять покупок обнаружилось, что мой кошелек сперли. Мой любимый, заговоренный от воровства кошелек! Видимо, воры тоже времени не теряли и обзавелись всякими антимагическими штучками.

На проклятой ярмарке мне явно было больше нечего делать. Постанывая от жалости к самой себе, я поплелась в Дом Исцеления. Там я застала душераздирающую сцену: Илисса громко рыдала у постели Ирги.

— Это я виновата... Я... Из-за меня тебя чуть не убили!

— Меня тоже, — сказала я, обиженная невниманием к своей особе и решая, что две рыдающие девушки у кровати одного парня — это перебор. — И это я, между прочим, спасла твоего братца от смерти.

— Ола! — обернулась ко мне Илисса. — Ола, откажись от своих показаний!

— Что? Как?

— Его же отправят на рудники, и там он умрет! У него такое слабое здоровье!

— Ты о ком?

— О Лойде.

— Послушай, Илисса, — сказала я, делая вид, что не замечаю знаков, которые подавал мне Ирга с кровати. — А может, тебя по голове хоть раз хорошенько стукнуть? Чтобы твои мозги на место стали. Этот парень хотел из-за пары побрякушек убить твоего брата!

— Не из-за пары побрякушек, а из-за любви! Он любит меня, а Ирга с отцом не дают нам пожениться.

— Мне кажется, — пробормотала я, — что где-то на Небесах, сотворяя младших сестер, им явно недодали мозгов.

— Я сам разберусь, — сказал некромант.

— Да уж разберешься, — язвительно сказала я. — Что, давно в могиле не лежал?

— Я сам разберусь! — повторил некромант с угрозой в голосе. — Больше тебя никто не потревожит.

— Потревожит! — сказала я с горечью. — Куда уж больше меня тревожить! Сначала в могилу положили, теперь вот все деньги украли.

Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы. Как же жалко было все покупки, которые я запланировала, но так и не осуществила!

— Давай я тебе чуть позже посочувствую, — сказал Ирга, поглощенный выяснением семейных отношений и не обращая на меня внимания.

Вконец разобиженная, я выклянчила у целителей «что-нибудь от нервов». С удовольствием вылакав бутылочку сладкой настойки, я отправилась в общежитие заедать душевные раны шоколадом.

Отто пришел поздно вечером, вполне довольный собой и жизнью.

— Я тебе подарочек принес, вот. — Он протянул мне упаковку. — Новая юбка взамен той, которая вчера пострадала.

Я не хотела новую юбку. Я хотела, чтобы мне вернули кошелек. Я хотела украшение от Фонбеков. Я хотела, чтобы побыстрее зажили все мои ссадины и царапины после ночи на кладбище. Я хотела, чтобы при следующей встрече мама не задавала мне вопросов про татуировку моей младшей сестры. Я хотела, чтобы младшая сестра Ирги не ввязывалась в неприятные истории и внимание некроманта принадлежало только мне. Я хотела еще вкусной целительской успокаивающей настойки, но подозревала, что больше мне ее не дадут.

— Отто, — сказала я, — когда следующий раз объявят об организации ярмарки, я первая пойду собирать подписи против ее проведения!

Глава 9 ПРОВЕРКА НА ПРОЧНОСТЬ

Утром нашу мастерскую посетили сразу оба наших Наставника — профессор Свингдар и Мастер Беф. Это явление нам с Отто по определению ничего хорошего нести не могло. Быстро припомнив все наши поступки за последний месяц, я окончательно утвердилась в мысли, что сейчас нас ожидает какой-то гадостный сюрприз, потому что ругать нас вроде бы было не за что.

— Итак, дорогие наши дипломники, — торжественно начал профессор, попыхивая трубкой, из которой вырывался удивительно вонючий дым, — мы пришли вас порадовать.

Я чуть не схватила за голову. Порадовать! А кто бы сомневался! Взглянув на Отто, старательно изображавшего улыбку, я поняла, что он того же мнения.

— Насколько мы знаем, ваш дипломный артефакт уже готов?

— Да.

— Очень хорошо. Через два дня мы посмотрим, как он работает на практике.

— В каком смысле?

— Выпустим вас на учебный полигон практиков, дадим в руки артефакт и посмотрим, как на него отреагирует нежить.

Мы с Отто переглянулись. Конечно, мы испытывали наш артефакт на зомби, костяках и умертвиях. Но это были вялые, измученные студентами образцы из лабораторий Практического факультета, тем более что нас с ними разделяла толстая решетка. До сих пор испытания дипломных работ Мастеров Артефактов проходили только в лабораторных условиях. О том, чтобы выпустить теоретиков на боевой полигон, никогда и речь не шла. Когда мы брались с Отто за наш диплом, то никак не думали, что нам придется его защищать в таких условиях. Выйти один на один против нежити... Брр...

— Это не мы придумали, это новое распоряжение Министерства образования, — сказал Беф.

— Простите, Наставник, — сказала я, — против нас выпустят настоящую, живую нежить?

— Если так можно выразиться по отношению к уже мертвым существам, то — да. Для вас будет симитирована типичная ситуация применения вашего дипломного проекта. Лес, дорога и все виды нежити, которые могут встретиться в нашем регионе.

— Почему все? — спросил Отто, хватаясь обеими руками за бороду.

— А как написано в пояснительной записке к вашему диплому? «Оглушение и

временное замедление нежити, встречающейся на просторах Чистяковского региона».

Мы переглянулись. В глазах лучшего друга я прочитала все, что он обо мне думает — ведь пояснительную записку писала именно я! Что мне стоило ограничиться Чистяковым и пригородом, где отродясь ничего, кроме зомби, не водилось (если не считать нашествия Лунной нежити в прошлом году).

— Защита теоретической части диплома состоится позже, — сказал профессор Свингдар, — после того как мы убедимся, что ваш артефакт работает.

— А если он не подействует на нежить? — спросил Отто.

— Лучше, чтобы подействовал. Кстати, все остальные артефакты дипломная комиссия попросит снять.

— Пора писать завещание? — поинтересовалась я.

— Готовьтесь, — туманно ответил на мой вопрос Беф, а профессор Свингдар ободряюще улыбнулся.

— Надо же, — сказал Отто, провожая взглядом преподавателей, — только раннее утро, а уже какой паршивый день начался.

— Это еще не паршивый, — сказала я, примериваясь к стенке, чтобы побиться об нее головой. — Вот через два дня будет паршивый.

— Через два дня будет нам полный финиш, если артефакт не сработает.

— Должен сработать, за теоретические выкладки я ручаюсь.

— За работу я тоже ручаюсь, — проворчал Отто. — Но вот что у нас в итоге получилось и как это сработает...

— Должно сработать, должно, — сказала я, пытаюсь убедить саму себя. — Мы же с тобой проверяли.

— Да, проверяли, — кисло сказал полугном, терзая бороду. — Но мы же в полевых условиях его не проверяли.

Он пошарил под лавкой и достал оттуда увесистую бутыл. Откупорил, понюхал — я в это время осторожно двигалась к двери — и спросил злобным голосом:

— А кто это мне самогон на воду заменил?

— Мне надо прогуляться, — быстро сказала я, выбегая из мастерской.

— К нотариусу пошла завещание писать? — крикнул вслед Отто.

Именно я была причастна к тому, что первоклассный гномий самогон таинственным образом улетучился из бутылки. Впрочем, почему таинственным? Самогон пошел на благое дело — подкуп продавца одной лавчонки, куда в скором времени обещали завезти эксклюзивные эльфийские украшения. Все модницы города стояли на ушах, записавшись у владельца лавки в очередь на приобретение цацек. Я в очередь не успела — слишком поздно узнала о грядущем событии. Но зато я знала, что продавец — а ведь от него зависело распределение вожаемых сокровищ — большой ценитель гномьего алкоголя. Произведя с заначкой Отто нехитрые манипуляции, я волшебным образом стала первая в списке покупательниц украшений. Жаль, конечно, что я совершенно забыла предупредить Отто об исчезновении самогона. Думаю, ближайшее время лучше мне не попадаться полугному на глаза.

Я направлялась к квартире Ирги, чтобы пожаловаться ему на жизнь. Несмотря на то что некромант вернулся в город уже давно, толком мы не виделись — он был страшно занят, да и я перед защитой диплома убирала все свои «хвосты» в Университете.

Постучав в двери квартиры и не получив ответа, я нагло вломилась к возлюбленному в комнату. Ирга мирно спал на кровати в своей любимой позе на спине, накрывшись одеялом по нос.

— Ирга! — затрясла я некроманта. — Подъем!

Некромант открыл один глаз и сказал:

— Отвянь, женщина!

— Я тебе дам женщину! — возмутилась я. — Меня кто ею сделал? Еще и обзывается!

Некромант молча отвернулся к стенке.

— Ирга!

— Я всю ночь был на ногах! Мне сегодня еще отчет писать и опять ночь работать, — взмолился возлюбленный. — Отстать от меня, я спать хочу!

— Ладно-ладно, — сказала я, садясь на кровать. — А меня убить хотят.

— Тебе полегчает, если я тебя сейчас убью? — пробурчал Ирга, накрываясь одеялом с головой.

Ах так!..

Я встала с кровати и решительно направилась к буфету. Не получу морального утешения, так хоть поем. Так, что у нас тут? Это я не ем, это я не хочу... О, кексик с изюмом! Ням-ням!

— Ола, — сказал Ирга не вылезая из-под одеяла, — перестань есть мой ужин.

— Утро за окном, какой ужин?

— Был бы ужин, — вздохнул некромант, — если бы кое-кто не пришел и не разбудил меня. Я бы мирно спал до вечера, а потом бы съел кексы и пошел на работу. А теперь я злой, голодный и спать хочу.

— Не будите во мне зверя, а то хомячок такой прожорливый, — пробормотала я себе под нос.

— Что-что? — переспросил Ирга.

— Извини, что разбудила, говорю.

Некромант потянулся со сладким зевком и, хитро улыбнувшись, спросил:

— А кто говорил «я тебе дам женщину»? Давай!

— Скоро может не оказаться женщины, — сказала я, придав голосу трагичности.

— Что опять случилось?

— Мы диплом защищать будем в полевых условиях.

— И что?

— В условиях, максимально приближенных к боевым, — объяснила я. — Это значит, что на меня напустят зомби. А я должна буду от них защищаться с помощью своего изобретения.

— Не понимаю причины твоего волнения, — сказал Ирга. — Ты что, первый раз в жизни столкнешься с нежитью? Опыта у тебя — хоть отбавляй.

— Если ты считаешь, что каждая встреча с этими созданиями доставляет мне радость, то ты глубоко заблуждаешься. У меня нервы слабые. И вообще их мало. И вообще...

— Хорошо, хорошо, — сказал Ирга, зевнув. — Я все понял. Неужели ты думаешь, что на этом испытании Наставники позволят, чтобы с вами что-то случилось? Припугнут — и делу конец.

— Припугнут! Легко тебе говорить!

— Милая, тебе напомнить, как я диплом защищал?

— Э-э-э... — Кажется, он когда-то что-то мне по этому поводу рассказывал, да я прослушала.

— Мне нужно было создать зомби и держать его под таким контролем, чтобы это тупое создание исполняло приказания комиссии, — сказал Ирга, пригласительно поднимая одеяло.

— Ты сам избрал себе специализацию, — упрямо сказала я. — А я свои нервы гробить несогласна на таком испытании!

— Милая, — некромант, видя, что я не собираюсь вставать со стула, гордо закутался в одеяло и сделал вид, что так изначально и задумывал, — почему ты не думаешь о тех, кому с твоим артефактом в руках придется столкнуться с реальной нежитью? Да к тому же не на учебном полигоне в окружении опытных магов? Я рукоплещу этому решению Министерства образования! Ты хоть представляешь, сколько магов-практиков погибло из-за того, что изделие, идеально работавшее в лабораторных условиях, в боевых отказывало?

Я почесала голову. Такой аспект проблемы я не рассматривала — мне было важно, чтобы моя драгоценная шкура не подвергалась лишним испытаниям, а о тех, кому, собственно, предназначался мой труд, я как-то не подумала.

— И что, много народу погибло? — робко спросила я.

Ирга кивнул.

— Понимаешь, большинство Мастеров Артефактов никогда не бывали в боевой обстановке, да что там говорить — они-то и нежить видели хорошо если два раза в жизни, и го на курсе по некромантии. А ведь часто от артефакта зависит жизнь не только мага, который еще может как-то выкрутиться, но и простого человека, которому больше не на что надеяться.

Я задумалась, и вдруг до меня дошло. Почему я никогда не рассматривала свою работу в мастерской не только как очередной шаг к получению заветного диплома, но и как возможность усовершенствовать свое умение помогать людям, которые надеются на мои изделия? Мне стало стыдно за всех артефактников. Почему никто и никогда мне не говорил об этом? Ни один преподаватель не акцентировал внимание моих соучеников на том, что от нас, библиотечных крыс, часто зависит жизнь тех, кто сталкивается с противником не только на страницах книг. Они надеялись, что мы сами догадаемся? Нет, конечно, я знала, что изготавливаю вовсе не игрушки, но то, что моя недоделка может обернуться для кого-то смертью, до сих пор мою совесть не тревожило.

— Ты должна знать еще кое-что, — со вздохом сказал Ирга. — Только учти, что эта информация является закрытой. В нашем королевстве в этом году трижды появлялась Лунная нежить. Уже несколько отдаленных поселков стерты с лица земли. Я думаю, именно с этим связано ужесточение правил дипломирования Мастеров Артефактов.

— Лунная нежить? Насколько мне помнится, она появляется очень редко.

— Появлялась, — уточнил Ирга. — А теперь появляется часто.

— И никаких следов? А почему это секретная информация?

— Чтобы не было паники. Представляешь, каждое полнолуние города погружаются в хаос!

— А почему студентам не сказали?

— Чтобы не разболтали.

— А слухи...

— Пресекаются любыми методами, — жестко сказал Ирга.

— Теперь мне значительно легче, — ответила я. — Теперь я знаю, что в полнолуние меня могут сожрать мертвяки, и значительно меньше волнуюсь о предстоящем испытании.

— Я рад, что смог тебя утешить, — зевнул некромант. — Если тебе будет от этого легче, я обещаю прийти на твою защиту и проследить, чтобы ни один мертвец не коснулся своими лапами моей милой. А теперь я немного посплю, хорошо?..

Я немного посидела на стуле, задумчиво почесывая спину. Ирга заснул (или сделал вид, что заснул). Все вкусное в его буфете закончилось. Идти обратно в мастерскую и ругаться с Отто мне не хотелось, а покупать ему самогон вместо растраченного было жалко. Почесав в поисках умных мыслей затылок, я решила идти в Университет, чтобы узнать последние новости и повидаться с Бефом — вдруг строгий Наставник поделится какой-нибудь информацией.

В главном корпусе Университета в центральном холле царил столпотворение. Студенты-выпускники что-то бурно обсуждали, размахивая руками и перекрикивая друг друга. Разобрать что-либо в этом галдеже не представлялось возможным. Я попрыгала возле толпы, определила центр возмущения и стала пробиваться туда, бесцеремонно расталкивая народ локтями.

— Пропустите! Пропустите! Мне тоже интересно! А ну пропустите беременную девушку! Я тебе наступлю на ногу! Ай! Пропустите инвалида!

Добравшись до цели, я уткнулась носом в листочек с приказом по Университету, прикрепленный к доске объявлений.

Быстро пробежав его глазами, я потрясла головой, чтобы упорядочить мысли, и прочитала приказ вдумчиво. Каждый его пункт был хуже предыдущего.

1. Объявить недостаточной подготовку специалистов по практической магии и Мастеров Артефактов.
2. Продолжить срок обучения студентов вышеупомянутых специальностей на один год.
  1. Ввести обязательный практический экзамен по каждому выпускному предмету.
  2. В дополнительный год обучения предоставить студентам место работы для отработки навыков.
  3. Обязать каждого выпускника перед получением диплома пройти полевую практику сроком не менее трех месяцев.

Дальше я не успела дочитать — кто-то нагло оттер меня от листочка. Я пробралась из толпы в свободную часть коридора и, сев на подоконник, загрустила. Я пока не знала, к каким последствиям приведет этот приказ, но что мое торжественное возвращение домой как дипломированного, хорошо оплачиваемого специалиста откладывается на неопределенный срок — это факт.

— Вот она, вражина, рассиживается, — прервал мою печаль голос Отто.

Я склонила свою проштрафившуюся голову перед лучшим другом и спросила:

— Ты приказ читал?

— Какой приказ? Ага, понял! — Полугном круглой бочкой врезался в толпу студентов и через некоторое время протолкался обратно мрачнее тучи.

— Ну и как тебе?

— Все интереснее и интереснее, — признался он, присаживаясь рядом.

Я воспрянула духом. Пока Отто думает о последних учебных нововведениях, ему не до разборок со мной.

— Что будем делать? — спросила я.

— А что остается, — угрюмо ответил лучший друг. — Не бросать же дело у самого финиша! Придется сдавать экзамены, а потом идти работать куда пошлют. А потом еще эта полевая практика... Вот уж не было печали!

— И что теперь?

— Это дело надо отметить, — сказал Отто. — Ничего лучше не выводит из мрачного настроения, чем кружка хорошего вина. Только ты платишь, надо же как-то возместить мне ущерб от потери первого класса алкоголя.

— Он испарился! — душевно поделилась я своей версией. — Пробка была плохо пригнана. Вот алкоголь и испарился, одна вода осталась.

— Да ну? — удивился полугном. — Тогда у тебя есть шанс выловить драгоценные пары из воздуха.

— Ты издеваешься?

— А ты?

Я перебрала в кошельке наличность и сказала:

— Ладно, пойдем уж ловить пары. Хорошее вино не обещаю, но на пиво, по крайней мере, у меня хватит.

Отто несколько мгновений поколебался, видимо прикидывая, как ему уговорить меня раскошелиться на большую сумму, но в итоге принял предложение, решив, что за чаркой будет виднее.

Конечно, мы напились. Во всяком случае, я некрепко стояла на ногах. А как же — такую подлянку со стороны Министерства образования и Университета следовало подсластить горячительным. Мы шли по улице, крепко держась друг за друга. Я мурлыкала под нос грустную песенку о голодных студентах, а Отто подпевал, делая мое мурлыканье еще более немзыкальным:

Каждый студент вам ответит, как есть,
Полезно и выгодно каждое утро поесть.
Колбаска не вредит знаниям,
Ням-ням-ням-ням-ням...

- Стоп! — сказал вдруг Отто. — Там что-то лежит!
- Где?
- Под забором.
- Ну и пусть себе лежит, тебе-то что?
- Ни один нормальный гном не пройдет мимо чего-то, что бесхозно лежит. А вдруг там что-то нужное?
- Нужное бы так просто под забором не лежало, — ответила я. Мне было лень наклоняться и смотреть, что там лежит под забором в бурьянах. А потом еще и помогать это тащить в общежитие.
- Ты никогда не разбогатеешь, — напоролил Отто. — Медячок к медячку — вот и полный кошель.
- Я фыркнула.
- Зря ты так, — пожурил полугном, направляясь к бурьянам. — Между прочим, состояние моего отца началось с одного медяка, который ему дедушка подарил.
- Да?
- Ага. Папа выгравировал на нем розу и продал одной лопухой за серебряный.
- Кому? — переспросила я, садясь в теплую дорожную пыль. Стоять не хотелось. Хотелось лечь и полюбоваться на звездное небо, но я здраво рассудила, что Отто не порадует вид меня, лежащей посреди дороги.
- Эльфийской туристке. Представь, подходит такой милый розовощекий малыш и предлагает сувенирчик на память. — Тут голос лучшего друга внезапно изменился. — Ты знаешь что, а точнее, кто тут лежит?
- Ну? — проявила я заинтересованность.
- Блондин!
- Э?..
- Блондин, точно, — сказал Отто, сотворив хиленький огонек — мой лучший друг никогда не был силен в практической магии.
- Живой?
- Живой. Но без сознания. Ты можешь его водой обрызгать?
- Я неопределенно помахала руками в воздухе, что должно было значить «вряд ли у меня сейчас получится сотворить дождичек».
- Понятно, — сказал полугном и завозился в зарослях.
- Я поднялась, отряхнула юбку от пыли и пошла любопытствовать.
- Под забором в бурьянах действительно лежал Блондин. Выглядел он не ахти — порванная рубашка, разбитые губы, очень бледное лицо. Лим слабо дышал, веки у него подрагивали. Мой лучший друг ощупывал его конечности на предмет переломов.
- Отто, — сказала я, — можно я его пну?
- Зачем?
- А просто. Он у меня много крови попил.
- Ола, пинать поверженного и беззащитного недруга — подло.
- Он меня изнасиловать хотел, — напомнила я, горя жадой мести.
- Но ведь не изнасиловал, — возразил Отто. — Только хотел. Вот и ты только хоти его пнуть.
- Ты считаешь, что это равноценно? — возмутилась я. — Никогда не думала, что ты — шовинист!
- Я правдолюб, — с достоинством ответил полугном. — Бери его за руки — и

понесли.

— Куда это еще?

— К целителям.

— Ты предлагаешь мне его тащить к целителям? — возмутилась я.

— Ну не бросать же его здесь.

— Это не мы его здесь бросили.

— Имей хоть капельку доброты, — сказал полугном, решительно беря Лима за ноги.

— Добрыми делами прославиться нельзя, — пробурчала я, хватая Блондина за руки. —

Учти, что мы совершаем ошибку.

— Если мы этого не сделаем, то меня будет мучить совесть. А тебя — нет?

— Не знаю, — честно ответила я, пытаюсь разыскать внутри себя признаки существования совести.

Блондин оказался очень тяжелым, особенно если принимать во внимание тот факт, что я сама слегка покачивалась. Мы выволокли бесчувственное тело на дорогу и немного пронесли, после чего я уронила свою половину. Голова Блондина стукнулась о землю с глухим звуком.

— Ты его добьешь! — сказал Отто.

— Слушай, а где у человека центр тяжести? — задумчиво спросила я.

— Не знаю, — озадачился полугном. — Наверное, где-то возле пупка.

Я шагами измерила тело Блондина и сказала:

— Ты бери его за руки. Там, где руки, там он тяжелее.

— Он везде одинаково тяжелый, — ответил Отто, поочередно пытаюсь поднять Лима и за руки и за ноги.

— Нет, — упорствовала я. — За ноги его нести легче. Вот я его и понесу!

— А не боишься, что из его ботинок вонять будет?

— Не будет, он же аристократ! Он носки каждый день меняет, — но на всякий случай наклонилась и понюхала.

— Я тоже каждый день меняю, хоть я и не аристократ, — обиделся полугном.

Мы снова взялись за конечности Блондина и потащили его в направлении Дома Исцеления.

— Извините, а что это вы делаете? — раздался за нами хрипловатый баритон с легким акцентом.

Я от неожиданности выпустила из рук ноги Блондина, Отто же аккуратно положил свою часть тела на дорогу и обернулся на голос.

— А, это ты, Живко! — обрадовался он.

— Кто это такой? — прошептала я.

— Ты что, не узнаешь? Это же орк, который к твоей младшей клинья подбивал.

Я зажгла огонек и присмотрелась. Действительно, он — крючковатый орлиный нос, большие миндалевидные глаза, жесткие черные волосы схвачены в высокий хвост.

— Извини, не признала. А ты что, его знаешь? — спросила я у полугнома.

— Да, — сказал тот. — На ярмарке и познакомились, когда ты его от сестрицы отогнала. Я подумал, что лишнее знакомство никогда не помешает.

Валяющийся на дороге Блондин издал тихий стон.

— Кто это? — спросил Живко. — И куда вы его тащите?

— На мясо мы его несем себе в кладовую, — ответила я. — На зиму запасаемся.

Орк ошеломленно уставился на меня, захлопав глазами. Это зрелище мне понравилось, и я решила дурачиться дальше.

— Не слушай ты ее, — начал Отто, но я перебила полугнома и сказала извиняющимся голосом:

— Ладно, я пошутила. На самом деле мы несем его в ближайший сарай, чтобы устроить там гнусную оргию.

Лучший друг ткнул меня в бок так сильно, что я согнулась.

— В Дом Исцеления мы идем, поможешь донести? Сам же видишь, помощник из Олы никудышный.

Я решила промолчать — ляпнула бы опять что-то, и мне бы пришлось дальше тащить отнюдь не легкого Блондина. Поэтому я молча пошла за парнями, ловко несущими постанывающего Лима.

— И кто это его? — спросил Живко.

— Не знаю, — ответил Отто. — Мы с ним очень давно не пересекались, и я не в курсе его дел. Может, не поделили что-то. Хотя не знаю, кто бы мог осмелиться поднять на него руку — у Блондина папаша очень влиятельный.

— Кто-то еще более влиятельный, — предположил Живко и улыбнулся мне.

От его улыбки, сверкнувшей в тусклом свете уличных фонарей, меня обдало жаром. Такой мужчина, а я, как всегда, выгляжу ужасно! Волосы растрепались, выпившая, еще и угораздило в пыль сесть! Эх! Я вспомнила Томну, факультетскую модницу, всегда аккуратную и ухоженную, как будто сошедшую с обложки журнала о жизни королевского двора. Мы подходили уже к Дому Исцеления, когда я приняла решение не показываться перед Живко в ярко освещенном приемном покое. Иначе никакой улыбки больше никогда я от него не дождусь — только гримасы ужаса.

— Отто, я вас здесь подожду, на лавочке. Не хочу я к целителям идти.

Полугном, шумно дыша, пожал плечами. Как хорошо, что нам встретился орк! Если даже Отто умаялся нести упитанного аристократа, что уж тогда говорить обо мне!

Я села на ближайшую лавочку и зябко обхватила себя руками — время было давно за полночь, стало холодать. Вот уж не везет так не везет! Из-за желания показаться Живко привлекательнее, чем я есть, приходится сидеть на холодной лавке, вместо того чтобы сидеть в тепле у целителей и пить горячий чай. Наверное, мужчины были созданы для испытания нас на прочность.

— Ола, вставай, простудишься и откосишь экзамен! Я что, сам отдуваться буду? — Оказалось, что я незаметно для себя задремала.

— Холодно, — сказала я, клацая зубами.

Отто молча надел на меня свою жилетку. Меня как будто придавило к земле.

— Ты там кирпичи носишь? — удивилась я тяжести одежды.

— Так, по мелочи, — уклонился от ответа полугном.

— Что там Блондин?

— Избили и ядом насильно напоили. Если бы мы его не нашли, то к утру точно бы дуба дал, — сказал Отто. — А так проваливается у целителей пару дней, и все будет нормально.

— Плохой был яд, некачественный, — вздохнула я.

— Да не в том дело, он, как и любой аристократ, каждый день яды по чуть-чуть принимал, чтобы организм приучить. Мне это целители рассказали, — сообщил лучший друг.

— А где Живко?

— Домой ушел, как только мы Блондина целителям отдали. Он человек деловой, это мы с тобой просто так по улицам ночью шлеяемся.

— Ничего не просто так, — обиделась я. — Мы шли с конкретной целью — домой попасть. Я, во всяком случае, так хотела. Это ты вечно по сторонам глазеешь.

— Ах так! — запыхтел Отто.

— Это еще не все, — разошлась я. — Ты почему меня под ребра стукнул? Чуть не сломал! И Блондина пнуть не дал, что ему, хуже бы от этого было?

— Замолкни, ты ерунду несешь! — возмутился Отто. — Тебе вообще пить вредно, ты злая становишься.

— А ты? Тоже мне правдолюбец нашелся! Нам экзамен послезавтра... уже завтра сдавать, а мы полночи из-за Блондина прошатались!

— А ты бесчеловечная и немилосердная! О Бездна, с кем я связался! — заорал полугном, пытаясь снять с меня свою жилетку.

— Кто из нас еще бесчеловечный! А раздевать бедную девушку посреди улицы у тебя совести хватает?

Отто от избытка чувств дернул меня за волосы, я же вцепилась ему в бороду. Ура, деремся! Напряжение дня с его плохими новостями и подзаборными явлениями, к которым присоединялось похмелье, начало немного уходить.

— Стоп, стоп, стоп! — Чьи-то сильные руки расцепили нас с Отто.

— Отстань, Ирга, не мешай выяснять отношения с этой... этой...

Я плюнула в сторону полугнома, но в темноте не было видно — попала или нет. Ирга легко поднял меня на руки, прижал к себе, удерживая от активных действий, и еще раз повторил:

— Стоп, ребята, вы чего? Хотите, чтобы сюда сбежалась вся ночная стража?

— Завтра поговорим, — прошипела я Отто.

— Жилетку отдай, — буркнул он. — И не забудь, что у нас завтра консультация перед защитой.

— Что ты здесь делал? — спросила я у Ирги.

— Шел с работы. А вот вы что тут делали посреди ночи?

Я рассказала Ирге о нашей находке в бурьянах.

— Как ты думаешь, кто это его? — поинтересовалась я.

Некромант пожал плечами:

— Блондин со своими методами «сотрудничества» многим перешел дорогу. Ну что, отвести тебя в общежитие или пойдешь ночевать ко мне? — Возлюбленный бережно укутал меня в свою легкую куртку.

— Я к тебе не пойду, у тебя есть нечего, — сказала я, пытаюсь вспомнить о собственных продуктовых запасах. Ладно, если ничего не найду, поживлюсь у Лиры в буфете.

— Почему нечего? Я вчера вечером купил продуктов, — ответил Ирга.

— Тогда пойдем к тебе, — сказала я, от усталости еле передвигая ноги.

Засыпая на ходу, в квартире Ирги я переоделась в его рубашку, выпила стакан молока с медом и отключилась, едва коснувшись головой подушки.

— Ола, милая, вставай!

— Отстань от меня. — Я попыталась спрятаться под одеяло, но жестокий некромант начал щекотать мне пятки. — Ирга! Ай, ну перестань!

— Ола, я был бы рад, если бы ты продолжала храпеть у меня под боком и дальше, но тебе пора на консультацию.

— Я не храпела!

— Хорошо, хорошо, мне слышалось. В любом случае — пора вставать.

Я поднялась и, чувствуя себя недоделанным зомби, поплелась к маленькому зеркальцу, висящему около буфета. О ужас! На меня смотрело нечто с мешками под глазами, опухшим лицом и всколоченными волосами — ни умыться, ни расчесаться я вчера, точнее, сегодня под утро так и не собралась.

— Ирга!

— Да, милая?

— Не смотри на меня, я такое страшилище!

— Что ты, я на работе вижу женщин, которые выглядят намного хуже тебя, — утешил некромант.

— Это на кладбище, что ли? — подозрительно уточнила я.

— Ну а где же я работаю? — дипломатично ответил Ирга.

Сам он выглядел свеженьким и бодреньким и даже успел побриться. Показав некроманту язык, я поплелась в ванную. Одежда моя выглядела не лучшим образом, впрочем, как раз для такого случая в недрах шкафа Ирги хранился запасной вариант — юбка и блузка, аккуратно сложенные на полочке. Грязную юбку я, воровато оглянувшись, запихнула в середину корзинки для грязной одежды в надежде, что Ирга ее не заметит среди

своих рубашек и случайно постирает.

В аудитории Университета я села подальше от Отто. Я уже не помнила, из-за чего мы поскандалили ночью, но мириться первая не хотела. Стоило профессору Свингдару начать рассказывать о предстоящем завтра мероприятии, как в дверь заглянул какой-то студент-младшекурсник и сказал:

— Профессор, Ольгерду Ляху и Отто дер Шварта вызывают по важному делу.

Мы переглянулись и вышли.

— Что ты натворила? — спросил Отто.

— Я? Ничего. Я спать вчера вечером пошла под конвоем Ирги, а ты?

— Спокойно дошел до общежития и тоже лег спать.

В коридоре нас ожидал стражник.

— Мы заплатили вчера за выпивку? — прошептала я, пока мы шли в городское управление стражи.

— Кажется, заплатили, — сказал Отто. — Но за неоплаченную выпивку в главное управление не тащат.

— Я боюсь.

Полугном вцепился в бороду и неуверенно сказал:

— Если совесть чиста, бояться нечего.

В главном управлении важный офицер стражи сказал:

— Я капитан Анксе Любме. Вы обвиняетесь в покушении на убийство Лима ня Монтера.

— Кого? — завопили мы в один голос.

— Лима ня Монтера, — несколько обескураженно повторил капитан.

— Это что, Блондин? — спросила я у Отто.

— Наверное.

— Послушайте, — обратилась я к стражнику, — что здесь происходит? Мы ни на кого не покушались. Наоборот, мы этому мерза... Лиму жизнь спасли. В Дом Исцеления доставили!

— Успокойся, — одернул меня Отто. — Сейчас пан капитан нам все объяснит.

— Вчера в Дом Исцеления двумя мужчинами был доставлен ня Монтер. В данный момент он не пришел в сознание, но характер нанесенных повреждений, а также применение яда позволяет предположить, что лишь счастливая случайность спасла жизнь пострадавшего.

— Мы — его счастливая случайность, — проворчал Отто, дергая себя за бороду.

— Говорила я тебе, что мы ошибку совершаем, — сказала я ему. — Лежал бы себе там под забором, а мы бы сейчас на консультации сидели.

— Тихо! — шикнул полугном.

— Итак, вы утверждаете, что вы доставили пострадавшего в Дом Исцеления?

— Да.

— А почему тогда в показаниях целителей указывается, что ня Монтера доставили двое мужчин?

— Потому что мы по дороге встретили нашего знакомого, и он помог нам тащить Лима, — объяснила я. — А я их у Дома Исцеления ждала, потому что не люблю лишний раз с целителями сталкиваться.

— Ага, значит, преступный сговор!

— С кем? — растерялась я.

— Молчи! — сказал Отто. — А скажите, в чем конкретно нас обвиняют?

— В покушении на убийство, — важно сказал капитан, подняв вверх палец. — Все опрошенные свидетели единогласно утверждают, что у вас с ня Монтером были длительные разногласия на деловой и личной почве.

— Были, — согласился полугном, — но мы их давно разрешили. Об этом вам сказали?

— Сказали, — скривился капитан. — Но это несущественно. Вы могли затаить злобу и дожидаться благоприятного момента для совершения мести.

— Да если бы мы хотели, мы бы давно его убили... ай! — Отто с силой наступил мне на ногу, и я решила больше ничего не говорить.

— Мы вас задерживаем до выяснения обстоятельств, — сказал капитан.

— У нас завтра защита диплома, — сказал Отто.

— Значит, ее придется отложить, — любезно сообщил Анксе Любме.

Нас развели по разным камерам — чтобы мы не выработали общие показания.

Женская камера была переполнена. Многочисленные девицы самого разного внешнего вида сидели и лежали на нарах, что-то шумно обсуждая. Я помялась у входа, не представляя, как нужно себя вести в уголовной среде, и решила, что элементарная вежливость — это лучше всего.

— Здравствуйте, девушки! — сказала я.

— О, еще одна! — воскликнула бойкая блондинка в открытом вечернем платье. — Хочешь, угадаю, за что ты здесь?

— Давай.

— За покушение на убийство Блондина Лима!

— Да, — удивилась я, — а откуда ты...

— А мы все тут — потенциальные убийцы Блондина, — сообщила блондинка. — Я, Блия, была заподозрена в том, что не ограничилась бурным расставанием с Лимом весной, а задумала убить его. Тяку, — Блия кивнула в сторону тихой девушки в аккуратном платье, скромно сидевшей в углу, — Блондин пытался опорочить, и она его заказала. Вон та купеческая дочь, извини, опять забыла, как тебя зовут...

— Селестиниадиранта, — прогудела крепкая краснощекая девица то ли с примесью великанской крови, то ли просто любительница хорошо покушать.

— Да, Селести... Селестин... короче, она не поделила с ним торговые интересы, а вон Витка — так она преследовала Блондина с целью женить его на себе последние полгода.

— А ей-то зачем было Лима убивать? — удивилась я, пораженная разносторонности Блондиновых интересов.

— Чтобы никому не достался, — охотно сказала тоненькая вертлявая девчушка. — А ты чего пыталась его убить?

— Да мы когда-то деловые сферы не поделили, к тому же я ему отказала в отношениях. И еще Лим очень не любит моего жениха.

— Добро пожаловать в семью, — хихикая, сказала Блия, освобождая мне место на нарах.

— Я не поняла, сюда что, сажают всех, кто был хоть как-то знаком с Блондином?

— Нет, кто имел хоть какую-то причину его убить, — сказала Витка. — Нас поначалу посадили в одну камеру с уголовниками, но потом пришлось выделить нам отдельное помещение. Все-таки мы в основном из приличных семей.

— Один, два, три... семнадцать, восемнадцать, — пересчитала я девушек, для верности тыкая в них пальцем. — Ах да! Я — девятнадцатая. И что мы здесь все делаем?

— Задержаны до выяснения обстоятельств.

— Абсурд какой-то!

— У Блондина папашка — начальник большой, — сказала Блия. — Надо же ему отчет предоставить о проделанной работе.

— Меня не одну взяли, с другом. Интересно, он с уголовниками сидит или тоже с такими же «до выяснения»?

— Да парней уже две камеры набили, — поделилась Витка. — Мне стражник по секрету рассказал.

Я вздохнула с облегчением, потому что волновалась за Отто. А если он сидит с такими же добропорядочными, как и он сам, то полугном найдет чем заняться. Будет заводить полезные знакомства и слушать последние сплетни.

— А у меня завтра экзамен — защита диплома, — пожаловалась я.

— Это еще что! Вот меня вытащили из постели одного красавчика, у которого я

осталась после вчерашней вечеринки, — весело сказала Блия. — Я надеялась, что у нас завяжутся серьезные отношения, но, видно, не судьба.

Теперь я поняла, почему ее платье было таким открытым и воздушным. Да, не повезло девушке!

На обед нам дали нечто, похожее на сероватый склизкий блин.

— Что это за гадость? — спросила Тяка.

— Овсянка! — радостно сказала я, понюхав варево. Впрочем, чтобы догадаться, что это, мне необязательно было нюхать. Овсяная каша, забытая на плите в большом количестве воды, всегда превращалась в подобную малоаппетитную массу.

— Я это есть не буду!

— Ну и зря, — сказала я, глотая кашу. На вкус она оказалась ничем не хуже моей собственной стряпни, в каше даже было масло. — До вечера больше ничего не дадут, будет у тебя желудок урчать.

— Не будет, я редко ем. Я питаюсь духовной пищей, — прошептала Тяка, вздыхая так, что грудь в ажурном платье стала похожа на работающие кузнечные мехи. — Вам, предпочитающим земную пищу, этого не понять.

— Куда уж нам, — согласилась я.

— Отдай мне свою порцию, — попросила купеческая дочь с непроизносимым именем.

Я почувствовала досаду — я тоже хотела еще каши, чего бы не набить желудок на дармовщинку.

— А кто хочет мою кашу? — спросила одна из девиц.

— И мой чай, он невкусный, без меда!

Слопав четыре порции каши и напившись чая, я почувствовала потребность прилечь — набитый желудок требовал горизонтального положения для процесса переваривания. Развалившись на верхней полке, я удовлетворенно срыгнула и подумала, что в тюрьме, в сущности, не так уж и плохо. Если бы еще пиво давали...

Вечером, плотно отужинав перловой кашей с малосольным огурчиком, я потребовала начальство. Начальство явиться не пожелало. Тогда мы с Виткой быстро организовали концерт — аккомпанировали тарелками и ложками тоскливым завываниям Тяки (которые назывались «душещипательные романсы о любви»). Стражники недолго выдержали демонстрацию высокого искусства и прислали небезызвестного капитана Анксе.

— Спокойно, девицы! — попросил он, вытирая пот с лысины.

— Мы требуем переговоров, — заявила я. — Иначе мы продолжим наш концерт.

— Нет, мы его усилим! — поддержала меня Блия.

Капитан вздрогнул:

— Каковы ваши требования?

— Вы дадите мне справочку, что я сидела в тюрьме, а не прогуливала экзамен? — спросила я.

— Мне нужна теплая одежда! Ночью холодно! — закричала Блия.

— Дайте нормальной еды!

— Подушки!

— Одеяла!

— Чаю с медом!

— Перинку!

— Расческу!

— Почему в камере нет зеркала?

Капитан стражи кивал, потом не выдержал и сбежал.

— Девочки, готовься! — скомандовала Блия. — Поем «Плач по загубленной молодости».

— Она длинная очень, я всех слов не знаю, — сказал кто-то.

— Ничего, будем петь, пока помним, а потом начнем сначала.

Через полчаса нам принесли подушки, теплые одеяла, полосатые фуфайки и огромную

кастрюлю картошки с мясом.

— Между прочим, наш ужин вам отдали, — бурчал стражник, раздавая нам подушки.

— Вы можете его забрать, — предложила я, — а мы споем песню голодных студентов.

— Не надо, — испугался стражник. — Мы потерпим.

— Вам не нравится наше пение? — грустно спросила Тяка.

— Что вы, что вы, — фальшиво заулыбался стражник. — Вы очень хорошо поете. Хоть в армию прочив нечисти в Сумеречные горы отправляй.

— Зачем? — удивилась купеческая дочка.

Стражник сбежал в коридор, закрыл за собой решетку и только после этого ответил:

— Чтобы вся нежить разбежалась, а та, что послабее, от ваших голосов вообще сдохла!

— Ах ты, негодяй! — закричала Тяка. — Да я три года пению училась!

«Бедный учитель!» — подумала я, прыгая на месте, чтобы перловка утрамбовалась в желудке и освободилось место для картошки.

Спали мы под трубный храп купеческой дочки. «А Ирга все-таки свинья! — успела подумать я, прежде чем заснуть. — Обвинять в том, что я храплю! Да мне никогда с этой Селести-как-там-ее не сравниться!»

Утро началось мрачно. Не привыкшие к дискомфорту девицы стонали и жаловались на жизнь, к туалету за занавесочкой выстроилась очередь, вода из крана текла ледяная. Закаленная суровыми общежитскими буднями, я чувствовала себя прекрасно, с нетерпением ожидая завтрака.

Однако вместо пищи телесной в камеру пожаловала пища духовная — мой Наставник. Вздвигнув от радости, я слетела со своей койки и кинулась к нему. Никогда ранее я не была так рада его видеть!

— Наставник! — счастливо прошептала я, хватаясь за его черную мантию, как утопающий за спасительный круг.

— Ну-ну, — сказал он, похлопывая меня по спине, — успокойся, Ольгерда! Пойдем, нам нужно спешить на экзамен.

Радость от встречи мгновенно потухла. Мы зашли за Отто, который выглядел вполне довольным жизнью, если не считать бороды, своим видом напоминающей воронье гнездо.

У входа в управление митинговала толпа разгневанных родителей, пытающихся извлечь из застенка своих дочерей. Капитан Анксе потел и краснел, стоя на ступеньках. Ему не давали вставить ни слова. Он проводил нас тоскливым взглядом и попытался успокоить горожан, по всей видимости собирающихся брать штурмом здание.

— Разные у меня были ученики, — говорил Беф, быстро шагая к Университету. — Но чтобы выводить их из тюрьмы перед защитой диплома — такого еще не было!

— Гордитесь, Наставник, — заметила я. — Мы такие у вас единственные и неповторимые!

Издав короткий смешок, Беф сказал:

— Я предпочитаю обычных учеников, с ними хлопот меньше.

— Зато с нами веселее, — не унималась я.

— Что да, то да, — согласился Наставник. — И седых волос больше.

— А нам придется возвращаться в тюрьму? — спросил Отто.

— Надеюсь, что нет, — ответил Беф. — Управлению стражи не с руки ссориться в Университетом. Тем более что ваша вина не доказана.

Наставник бросил на нас пронизательный взгляд.

— Надо было его добить, а не тащить к целителям, — пробурчала я, а Отто закатил глаза.

Времени переодеваться у нас уже не было, поэтому мы направились сразу к учебному полигону. На удобных стульях за массивными столами уже сидела экзаменационная комиссия, на скамьях для зрителей расположились защищающиеся. Все они были одеты в выглаженные мантии, на головах у девушек были аккуратные прически. Мы с Отто выглядели как помятые воробышки среди стаи ворон.

— Извините за внешний вид этих студентов, — обратился Беф к комиссии. — Просто пришлось их только что из тюрьмы вытаскивать.

— Я так и знал, что этим все закончится! — не сдержался декан.

— Мы как раз были ни при чем! — возмутилась я.

— Это было недоразумение, — подтвердил Беф.

На лице декана отразилось разочарование.

— Сдавайте свои артефакты, — сказал профессор Свингдар, вручая нам по нашему дипломному изделию.

Мы сели на крайнюю скамью, игнорируя любопытные взгляды соучеников.

— Ола! — раздался шепот.

Я обернулась и увидела Иргу, машущего мне рукой. Пришел! На лице возлюбленного читалось беспокойство и удивление, он указал на мою одежду и приподнял брови. Я улыбнулась и послала ему воздушный поцелуй, чтобы он не волновался.

— Хотя что-то хорошее сегодня случилось, — сказал Отто, пытаясь привести в порядок свою бороду. — Если Ирга рядом, то я не волнуюсь за свою сохранность. Если что-то случится, тебя он вытащит и меня за компанию прихватит.

— Не каркай!

— Отто дер Шварт и Ольгерда Ляха! — вызвал ответственный секретарь.

— Как? Мы же только пришли! — удивилась я.

— Пойдем, пойдем. — Отто успокаивающе пожал мне руку.

— Мы подумали, что вас нужно побыстрее отпустить, вы, наверное, поесть хотите и помыться, после тюрьмы-то, — сказал декан, елеинно улыбаясь.

— Отпустить нас хотят, пока зомби все еще свеженькие и от солнца не успели отупеть, — прошептала я полугному.

— Спасибо большое за заботу, — ответил он декану, дергая меня за руку. — Мы готовы.

— Это вас пришел Ирронто поддержать? — поинтересовался профессор Партик.

Я кивнула.

— Он лично проинспектировал всю нашу нежить, которую мы готовили для экзамена, — сказал профессор. — Нашел несколько недочетов. У вас будут просто первоклассные мертвецы!

Я кисло улыбнулась. Первоклассные мертвецы меня не воодушевили.

— Идите на полигон. Ваша задача — оглушить напавшую на вас нежить и достичь противоположного конца полигона, следуя за стрелкой, — сказал Беф, выколдовывая ярко-красную стрелку. — Удачи.

Я спокойно зашла в заросли, гордо подняв голову. Но как только мы скрылись из глаз комиссии, вцепилась в руку Отто.

— Спокойно, спокойно, — сказал лучший друг, хватаясь свободной рукой за бороду. — Я и сам боюсь.

— Спасибо, утешил. Есть предложение — сейчас опускаемся на животы и тихонько ползем к концу полигона.

— И много ты так проползешь? — скептически спросил полугном.

— Не знаю, а у тебя есть лучше предложение?

— Нету, — сказал Отто, ложась на землю.

Ползти оказалось довольно тяжело — острые сучки упавших веток, шишки и кочки впивались в живот, трава и листья набивались в рот, кусты постоянно цеплялись за волосы.

— Я так больше не могу! — наконец-то сдалась я. — Пусть лучше зомби сожрут.

Отто промолчал. Он сражался с колючим кустарником, в котором намертво запуталась его борода.

— Как ты туда попал? — удивилась я, помогая другу.

— Не знаю, — признался он. — Наверное, ветер подул или я обернулся на что-то посмотреть. И вообще, я не лесной житель, как некоторые!

— Ты хочешь сказать, что я — лесной житель? Да я столько деревьев вообще только в книжках на картинках видела, — возмутилась я, помогая Отто выпутываться.

— Я эльфов имел в виду, — сказал полугном. — О Молот и Наковальня!

— Что? — Я обернулась. — Зомби!

— Я вижу!

— Бросай бороду — и бежим!

— Как я ее брошу?! — взвыл Отто.

Я поняла, что все зависит только от меня. Я встала и, угрожающе размахивая артефактом, направилась к зомби.

— Пшел вон! А ну пшел!

— Что ты его как бродячую собаку отгоняешь? — раскритиковал Отто.

— Молчи уж, бородатый! Что мне к нему, на «вы» и по имени-отчеству обращаться?

— Пожалуй, по имени-отчеству не стоит, — разрешил полугном.

Зомби вежливо подождал, пока мы закончим разговаривать, и, издав утробный звук, кинулся на меня.

— А-а-а-а! — заорала я, тоже бросаясь на него. Чувствовала я себя как боец армии — за нами родные дома с женами и детьми, — то есть запутавшийся в колючках беззащитный полугном.

Артефакт блеснул и шарахнул зомби белым лучом. Мертвяк замер.

— Ёшкин кот! — восхитилась я. — Давай выпутывайся быстрее — и бежим, пара минут у нас есть!

— Знаешь, о чем я подумал, — вдруг печально сказал Отто. — Мы не просчитали, на сколько единиц нежити хватит нашего артефакта. Ты его в полевых условиях зарядить сможешь?

Мне захотелось побиться головой о ближайшее дерево. Вот мы бестолочи! Проверили, что артефакт парализует зомби, и на этом успокоились! А ведь изделие тратит на разные виды нежити разное количество энергии.

— Я не уверена, что я его смогу зарядить, — мрачно проговорила я, лихорадочно дергая полугнома за бороду, — но я уверена, что я смогу быстро бегать. А ты?

— И я смогу, какой вопрос, — сказал Отто, поднимаясь с земли. В бороде у него гордо торчало почти полкуста.

— В крайнем случае, кидайся на противника бородой вперед, — посоветовала я.

— Ты думаешь, зомби боятся колючек? — усомнился Отто.

— Вот и проверим, — сказала я, шустро петляя между деревьями.

Артефакта хватило еще на одного зомби и на костяка, неожиданно появившегося из-за куста и схватившего меня челюстью за юбку. Представитель нежити так и замер, зажав ткань в зубах.

— У нас есть два варианта, — сказал Отто, попытавшись выдрать мою юбку из цепкого прикуса. — Либо отламываем ему голову и идем дальше с таким украшением, либо рвем твою юбку.

— Рвем, конечно, мне еще такого счастья, как болтающаяся сзади чья-то голова, не хватало!

Полугном поднатужился, раздался треск. Юбку было жалко — она была качественной, из хорошей материи, и дырка на уровне бедер ее совершенно не красила.

— Мой артефакт сдох, теперь твоя очередь воевать, — предупредила я.

Отто кивнул и вооружился палкой покрепче.

— Зачем это?

— Когда оба артефакта разрядятся, будем отбиваться подручными средствами.

— Палка будет мешать при беге, — высказала я свое мнение.

— Палка меньше секиры, а я с секирой хорошо бегаю, — возразил Отто.

Мы шли за стрелкой, настороженно оглядываясь по сторонам, но все равно появление сразу двух умертвий стало для нас сюрпризом. Откинув артефакт, полугном с воинственным

криком кинулся на нежить, размахивая палкой. От удивления у меня отвисла челюсть, я на мгновение замерла, потом подобрала артефакт и кинулась на помощь.

— Ты что, озверел? — спросила я лучшего друга, когда мы убегали от недвижных умертвий.

— Да я как-то с перепугу забыл об артефакте, — признался Отто. — В руках что-то есть — и хорошо. Тем более ты сказала — бородой вперед...

— Всегда знала, что у мужчин инстинкты над разумом преобладают, — сделала я вывод. — Палку в руки, колбасу в зубы, женщину в... э-э-э... ну, в общем, вот и все, что вам для счастья надо.

— Но-но! Кто бы говорил! А у кого при виде шоколада мозги отключаются?

— Если они отключаются, значит, там есть чему отключаться, — с достоинством ответила я. — Давай быстрее отсюда выбираться, а то все наши покойнички уже ожили и идут по следу.

Почти перед самым выходом я споткнулась и кубарем полетела в овражек, уронив по дороге артефакты и раздавив в труху спокойно сидящего там костяка.

— Я же тебе говорил — надо хорошо кушать, — прокомментировал Отто, наблюдая, как я отряхиваю с себя остатки костей. — Была бы ты еще тяжелее, сейчас бы не цеплялась за твою косу чья-то рука.

Я взвизгнула и упала на спину. Раздался хруст.

— А теперь?

— Сойдет, — сказал Отто, подозрительно хихикая. Я решила поберечь свои нервы и не спрашивать, что там его так рассмешило.

Пока мы искали артефакты — возвращаться без них нельзя, — мне покоя не давал шум и треск, раздающийся в лесу.

— Они идут за нами! — прошептала я.

— А нечего было артефакты терять, — сказал Отто. — Нашел. Есть оба! Бежим отсюда!

Запыхавшиеся и мокрые, мы вывалились из леса и домчались до спасительной черты, отделявшей полигон от спокойного и мирного мира.

— Да-а-а-а, — дружно протянула комиссия, глядя на нас.

— Вы задержались, — строго сказал Беф.

— Это я виновата, я в овраг упала и артефакты потеряла, — повинилась я.

— Под ноги смотреть надо. — Наставник заглянул в ведомость и посветлел: — Все, идите и приводите себя в порядок, результаты вам сообщат.

Мы побрели к зрительским лавкам немного отдышаться.

— Ола, это что, новая мода? — спросил, хихикая, Вас.

— Какая?

— Носить заколку в виде костлявой кисти.

Я перекинула на грудь косу и увидела, что ее кончик крепко сжимают пальцы костяка, раздавленного мной в овраге.

— Да, это мода под стать моему драгоценному некроманту, — ответила я, испепеляя Отто взглядом. — Чтобы не сильно от него отличаться.

— А-а-а-а, — протянул Вас. — Муж и жена — два сапога пара.

— Вот именно, — подтвердил Ирга, обнимая меня сзади. Я оперлась о него, чувствуя, что ноги меня не держат. — Пойдем домой, милая.

Я погрозила Отто кулаком и поплелась к общежитию.

— Напомни, — сказал Ирга, избавляя мои волосы от «украшения», — когда я ходил с рабочим материалом по улицам?

— Ты о чем?

— Ну ты же сказала: под стать некроманту.

Я махнула рукой, не желая разговаривать.

— Я уменьшил агрессивность ваших экзаменационных мертвяков, а то декан

перестарался с ними немного, — сказал Ирга. — Мне за это будет благодарность?

— Живая и целая любимая, — буркнула я, — вот тебе благодарность. Разве этого мало?

— Я был бы рад, если бы кое-кого хоть чуть-чуть плохого настроения поуменьшилось. — Некромант ласково обнял меня и поцеловал в нос. — Пойдем домой, я знаю прекрасный способ лечения от стресса. «Накроватный» называется.

Вечером мы собрались в «Больше пей!» отметить наши отличные оценки и восстановить нервную систему после таких потрясений.

— Хочешь сухариков? — спросил Отто, который, заглаживая свою вину, был предупредительным и внимательным.

Я кинула сухарик в рот, захрустела им и тут же выплюнула.

— Что, не свежие?

— Нет, они хрустят, как тот костяк, тьфу!

— Ребята! — Ворвавшегося в кабак Трохима распирало от новостей. — Вы знаете, что Блондина убить хотели?

— Да уж, в курсе.

— Но вы не знаете, кто его убить хотел!

— И кто же?

— Владелец «Эльфийской стрелки». Блондин к его дочери в спальню залез, хотел совратить, а тут папаша некстати.

— А что ж он ему яд такой некачественный дал? И почему сразу не пришиб?

— Руки марать не хотел, он же эльф. А яд качественный, только он не знал, что Блондин к ядам, как и каждый аристократ-человек, приучен с детства. У эльфов так не принято.

— Откуда ты знаешь все это?

— Мариниэль, та самая несовершеннолетняя, в городское управление с повинной пришла, а у меня стражник есть знакомый, вместе пили. Он мне все за бутылку самогона и рассказал. Оказывается, строгий папаша бедной эльфийке вообще жизни не давал, она сама Блондина пригласила, теперь сидит у его постели в Доме Исцеления, ждет, когда выздоровеет, чтобы продолжить начатое. Теперь с вас пиво!

Мы с Отто немного поторговались взглядами, полутном проиграл и пошел к стойке делать заказ.

— А еще ходят слухи, что ты от Ирги беременна, — поделился Трохим.

Я подавилась пивом. Это что за новость и откуда у нее ноги растут?

— Народ уже ставки делает, кто у вас будет — мальчик или девочка, — сказал друг, хлопая меня по спине. — Ты правда беременна?

— Нет! — завопила я в ужасе.

— Ну-ну, — заботливо обнял меня Трохим, — тебе нельзя сейчас волноваться!

— Убью, — прошипела я.

— Что, утешаешь мою беременную любимую? — Ну, конечно, без Ирги не могло обойтись. — Которую я, узнав новость, жестоко избил?

Некромант сел на соседний стул и уставился на меня сердитым взглядом.

— Ирга, клянусь тебе всем, чем угодно! Я тут ни при чем! Я не знаю, что это за слухи.

И тут до меня дошло. Пробиваясь через толпу студентов к новому приказу по Университету, я, для ускорения процесса, кричала: «Пропустите беременную! Пропустите инвалида!» А что еще нужно сплетникам, чтобы раздуть новость века?

Ирга отследил на моем лице отразившиеся на нем мысли и сказал:

— Я так и думал, что это ты сама слухи распускаешь. Тебе так ребенка хочется?

При мысли о ребенке я вздрогнула. При наличии в доме такого количества младших сестер, за которыми приходится стирать пеленки, убирать, мыть и чинить, к младенцам перестаешь относиться с трепетом и восхищением.

— Я не хочу ребенка, Ирга. Это все — одно большое недоразумение. Скажи ему, Отто! Полутном поставил пиво на стол и подтвердил:

— Конечно, зачем ей ребенок? Нам еще целый год учиться. Но если тебе хочется потренироваться в самом процессе, то забирай ее сейчас.

Ирга поднялся со стула с тяжелым вздохом:

— Мне на работу надо, а так я бы с удовольствием.

— Может быть, вам дать пару советов? — нахально влез Трохим. — Чтобы процесс тренировки лучше проходил.

— Не надо, мы как-нибудь сами, — улыбнулась я, подавляя желание огреть кружкой каждого из парней. — У меня вообще сейчас настроения ни на что нет! Я потеряла свою любимую юбку, и блузку пришлось тоже выбросить.

Некромант сделал вид, что не слышал, и быстро ретировался, Трохим и Отто принялись заинтересованно обсуждать, зачем для тренировки в делании детей нужна юбка и блузка, а я задумалась над примитивностью духовной культуры мужчин, не понимающих наших многообразных потребностей.

Глава 10 СИЛА ТОЛПЫ

Я валялась на кровати, решая, что делать. А делать было решительно нечего. После защиты диплома внезапно появилось несколько недель свободного времени. Руководство Университета лихорадочно решало, что с нами, выпускниками-недовыпускниками, делать и куда пристроить сотню активных молодых людей так, чтобы они год занимались полезным делом, к тому же по учебной программе.

А пока мы были предоставлены сами себе. Ехать домой не хотелось — начиналась горячая пора заготовления припасов и консервов на зиму, а трудового энтузиазма у меня не наблюдалось. Ирга увяз в работе, и я его не видела, Отто укатил в вояж к родственникам, а Лира отправилась отдыхать — всех младших специалистов Дома Исцеления насильно вывезли на природу, потому что пациенты стали пугаться бледных целителей с темными кругами под глазами.

Да, делать было нечего; целый день я провалялась на кровати, и теперь болели бока. Вчера, правда, я немного развлеклась — перележала на пляже и весь вечер сосредоточенно мазала спину свежей простоквашей. Конечно, существовало какое-то заклятие для быстрого заживления кожи, но без верной соседки я не рискнула провести на себе целительский эксперимент, решила пользоваться бабушкиными методами.

Я придирчиво изучила паутину в углу комнаты. Если делать совсем нечего, значит, придется заняться уборкой, благо работы по приведению комнаты в порядок хватит надолго. А где у нас веник? Веник... веник... веник... Я точно помнила, что он где-то был! Раньше мы с Лирой пользовались бытовыми заклинаниями уборки пыли, но вскоре обнаружилось, что эти заклинания имели побочный эффект — вместе с пылью бесследно пропадала какая-нибудь нужная вещь. Выяснилось это далеко не сразу, ибо наша комната была под завязку забита всевозможными нужными вещами (которые всякие недальновидные люди гнусно обзывали «хламом»). Но однажды после уборки пропал Лирин любимый череп, до того момента смирно лежавший на полке. Поэтому пришлось обзавестись самым обыкновенным веником.

Искомый предмет обнаружился под столом. Он стыдливо прикрывал кучку мусора, которую Лира — во всяком случае, я не помнила за собой такого деяния — собиралась вынести, да забыла. Я принялась аккуратно подметать пол, стараясь не совершать резких движений, чтобы лишний раз не ощущать жжение в спине. Простокваша помогала плохо. Когда мусора образовалась приличная горка, мне в голову пришла идея. Достав потрепанный учебник по трансфигурации, я сотворила из кучки голема и приказала ему самому отправиться в мусорный бак в конце коридора, очень надеясь, что творение не развалится прямо посреди пути. Но в конце концов, если бы не новый указ, я бы была уже дипломированной магичкой, надо же начинать пользоваться привилегиями владения

магической энергией!

В дверь постучали. Я быстро забросила веник под кровать, готовая, если что, отказаться от авторства голема, если тот все-таки до мусорника не добрался.

— Кто там?

— Ряк.

— Заходи.

— Привет, Ола! Это из твоей двери нечто выбежало и возле мусорного бака развалилось?

Надо же! Добежал почти до финиша, наверное, сил не хватило в бак запрыгнуть.

— Не мое нечто, — сказала я с непроницаемым выражением лица.

— А, ну я так и подумал. Странно было бы предположить, что ты уборкой занялась.

Я взвесила про себя возможность обидеться — я что, уборкой заняться не могу? — и идти убирать остатки голема или промолчать. Лень, как всегда, победила — голем осиротел.

— Ты чего, собственно, пришел? Рассказать мне, какая я плохая хозяйка? Так я и сама это знаю.

— Не, я пришел сказать, что там наши протестовать собираются. Не хочешь присоединиться?

— Кто такие «наши» и против чего протестуют?

— Наши — это выпускники этого года. А протестуют против увеличения срока обучения еще на год.

— А ты каким боком при них? — удивилась я. — Тебе же нравится быть студентом. Ты сколько уже здесь учишься — лет десять?

— Около того, — согласился Ряк. — Мне надоело! А тут как раз протест...

— Так приказ по Университету вышел неделю назад, почему только сейчас решили протестовать?

— А народ дипломы защищал, а потом пили. Некогда протестовать было. Ну что, идешь?

— А форма одежды какая?

— Любая, чтобы драться удобно было.

— Драка намечается? Не-э-э, я тогда не пойду.

— Где ты видела мероприятие с большим скоплением народа, которое бы не заканчивалось дракой?

Я задумалась. Наверное, нигде. Даже свадьба моей сестры без драки не обошлась, хотя обе матери новобрачных целый месяц разрабатывали стратегии, как избежать побоища.

— Хорошо, я пойду. — Меня же никто в драке не будет заставлять участвовать, можно насладиться зрелищем, наблюдая из безопасного места.

На площадке перед общежитием практиков собралась огромная толпа народу. Здороваясь со знакомыми, я нашла группку теоретиков и присоединилась к ним.

— О, Ола! — обрадовались мне. — А чего ты не с артефактниками?

— Да их нет почти никого, — отмахнулась я. — Примете назад к себе?

И вправду, гномов в толпе я не увидела. Знакомые лица из потока Мастеров Артефактов были сплошь человеческими, и с ними я отношений не поддерживала — как-никак ближайшие конкуренты.

— Мы тут транспарант придумали, — сказал Птронька. — Поддержишь своей энергией?

— Конечно, хотя по мне, так лучше бы транспарант соорудить из подручных материалов, им драться удобнее.

— Будет драка? — оживился Ромек. — Это хорошо!

Этот теоретик поступил к нам после нескольких курсов Рорриторского Университета, разочаровавшись в практической магии, но подражать он был рад всегда и везде.

— Драка хороша только тогда, когда дерутся за девушку, — поучительно сказала Томна.

Она выглядела как обычно — одета по последней моде, аккуратный макияж, туфельки на высоком каблучке. Я отодвинулась от бывшей одногруппницы подальше, чтобы не было такого яркого контраста в ее пользу.

— Драка без повода — вот это хорошо, — набычился Ромек. — Такая драка дает возможность развернуться как следует.

Томна поджала губы. Ромек не обращал внимания на ее обаяние, и это страшно ее раздражало.

— Привет! — Трохим в своей обычной панибратской манере стукнул меня по плечу. — Хочешь транспарантик?

Я обернулась. Друг бережно прижимал к себе деревянные квадраты на длинных ручках.

— Бери на выбор. Вот есть «Долой!», «Протестуем!», «Доколе?», «Требуем дипломы», «Комендантов общежитий — на мыло!» и «Повысить стипендию!».

— Мне, пожалуй, про стипендию, — сказала я, рассматривая транспаранты. Что-то они мне напоминали.

— У дворника в каморке лопаты для уборки снега украл, — шепнул мне Трохим, правильно истолковав мой вопросительный взгляд.

Организаторы протестного шествия — студенты-практики и, к моему удивлению, староста теоретического потока Зеник — построили народ, убедительно попросили вести себя прилично, и мы двинулись к главному корпусу Университета, скандируя хором:

— Не хотим учиться лишний год!

— Требуем выдать дипломы!

— Долой!

— Нет произволу!

Благодаря наличию в руках транспаранта я попала в начало колонны — не в первые ряды, но было все прекрасно видно. Томна держалась рядом. Протестовать оказалось делом увлекательным: так здорово чувствовать себя частью единого организма, испытывать такие же эмоции, как и люди рядом, знать, что ты не один! Действо увлекало, я с энтузиазмом махала лопатой и кричала во все горло. Рядом бодро шагала Томна, покрасневшая и веселая.

На высоком крыльце главного корпуса нас уже ждали. Ректор, сложивший руки на внушительном животике, являл собой воплощенное спокойствие. За ним толпились преподаватели, изредка перешептываясь. Наше шествие остановилось в двух шагах от ступенек.

— Прежде чем вы начнете, — сказал ректор, — я хочу напомнить, что организованные массовые беспорядки запрещены и могут привести к наказанию всех участников.

Толпа заволновалась. Про этот запрет никто не знал.

— А у нас вовсе не массовые беспорядки, — успокоил Зеник. — У нас протест!

— Хорошо, — сказал ректор. — У вас есть письменное обращение? Есть? Давайте.

В рядах организаторов случилась заминка. Обращение было, но никому не хотелось идти к ректору под холодными взглядами преподавателей и отдавать написанное. А вдруг испепелят на месте? Или, еще хуже, в жабу превратят? То хоть помрешь смертью храбрых, а так квакай в зооуголке, пока для опытов не заберут. Наконец более сильные практики выпихнули из толпы упирающегося, но слабосильного Зеника. Он неуверенно вскарабкался по ступеням, отдал обращение и стремглав скатился, споткнувшись на последней ступеньке и влетев кому-то в живот головой под смех всех остальных.

Ректор, не разворачивая бумагу, передал обращение секретарю и сказал:

— Что ж, ученый совет рассмотрит ваши предложения. Ответ сможете прочитать на доске приказов по Университету. Приятно было пообщаться. — Ректор развернулся и направился внутрь здания.

— И все? — вырвалось у кого-то из толпы.

— А что вы еще хотели? — обернулся ректор. — Как вариант могу предложить вам

пойти задуматься о своем поведении. Или подмести студгородок — дворницкий инвентарь, я смотрю, вы уже нашли.

Преподаватели скрылись в глубине здания. Народ недовольно заворчал и начал было расходиться, но выскочивший с криком на ступеньки студент-практик остановил процесс развала колонны протестующих.

— Ребята! — закричал он. — Это же свинство какое-то творится! Вы понимаете?

— Да! — закричали все.

— Нас разводят, как детей!

— Да!!!

Непонятно каким чудом мы вновь построились и, дружно скандируя «Долой!», «Протестуем!», направились в сторону общежитий. Там, между жилыми корпусами практиков и медиумов, была в незапамятные времена сколочена сцена — на ней планировалось проводить концерты, повышающие общий культурный уровень студентов. Когда же стало ясно, что они желают повышать культурный уровень, исключительно если обещают на концерте «обнаженку» и «халявное спиртное», от идеи отказались, но сцену так и не разобрали. Изредка ее использовали как огромный стол для грандиозных попоек; периодически студенческие самостоятельные группы пытались представить на народный суд свое творчество. Суд обычно заканчивался свистом зрителей и опять же пьянкой в качестве моральной компенсации.

Сейчас же на сцене выступали главные протестующие, рассказывающие о том, как плохо мы живем и что нужно делать, чтобы жилось лучше. Я откровенно не понимала, почему мы живем плохо, лично я жила хорошо, но энтузиазм и коллективное настроение меня так сильно захватили, что я махала своим импровизированным транспарантом и кричала вместе со всеми «Долой!». Что «долой» и куда «долой», я не знала, но это было неважно.

В конце концов выяснилось, что во всех бедах виноваты эльфы. С этим я была согласна, громко крича «да!» на все обвинения в сторону остроухих, раздававшиеся со сцены.

— Они живут дольше нас!

— Что им лишний год обучения!

— Ломиториэль никогда «отлично» не поставит!

— Они богаты и не делятся!

— «Эльфийская стрелка» подняла цену на входной билет!

— Пиво дорожает. Что им, они его не пьют!

— Бабы красивые, но не дают!

Остатками разума я пыталась понять, почему это мне обидно, что эльфийские девушки мне не дают, но меня дернул за руку какой-то незнакомый парень и закричал:

— Верно говорят, да?!

— Да! — согласилась я, глядя в его блестящие от возбуждения глаза.

— Эльфов нужно бить!

— Да! — взревела толпа.

— Мы идем бить гадких эльфов! — радостно подпрыгивала рядом Томна.

Толпа, хаотично размахивая транспарантами и выдирая колья из заборов, двинулась в сторону эльфийского квартала. На нашем пути закрывались двери и ставни, случайные прохожие забивались в подворотни, и это льстило. Вот какие мы сильные, как нас много и как нас все боятся! Как мы им всем сейчас покажем!..

Мы подошли к утопавшему в зелени эльфийскому кварталу, когда уже начало смеркаться. На нашем пути стояли старейшины квартала — тонкие, высокие. Прекрасные длинные волосы с множеством мелких косичек развевались на легком ветерке. Старейшины пытались что-то сказать. Толпа на миг остановилась, но в первых рядах закричали:

— Бегом, впере-о-о-од!

Эльфов просто снесло с дороги.

Я бежала, размахивая лопатой и что-то крича в едином порыве со всеми, как вдруг моя нога ступила во что-то липкое и теплое. Щелкнув пальцами, я зажгла огонек и посмотрела вниз. Вся моя сандалия была в темно-красном, на которое быстро налипала пыль. От осознания того, *что* это, мне на миг стало дурно.

Кровь.

Почему мирная демонстрация против увеличения срока обучения обернулась кровью на моей сандалиии? И что случилось с тем, в ком эта кровь текла?

Я попробовала остановиться, но это было невозможно. Толпа несла меня, как река щепку. Со всех сторон раздавались крики, кое-где уже завязались потасовки. Я схватила лопату наперевес и принялась пробиваться в сторону, поближе к забору. За мою юбку кто-то схватился. Я обернулась. Томна с выпученными глазами простонала:

— Не бросай меня здесь, пожалуйста!

— Держись за мной! — рявкнула я, расталкивая людей с помощью лопаты.

Мне наступали на ноги и толкали, пару раз очень сильно ударив; кто-то схватился рукой за блузку; я рванулась изо всех сил и выпала из толпы. За мою руку схватилась Томна, сжав ее так, что я вскрикнула от боли.

— Не отставай, — бросила я и двинулась в направлении движения орущей массы.

Возле первого же переулочка мы свернули и побежали подальше от этого ужаса.

— Стой! — шепнула я, услышав неподалеку свистки стражи.

Мы спрятались за деревом возле чьего-то ажурного забора. Стражники, сопровождаемые отчаянным лаем собак за заборами, промчались мимо, громя оружием. Томна мелко дрожала, схватившись за мою руку. Сквозь ее шумное дыхание прорывались всхлипы. Я молча оценивала повреждения. Идти было возможно, хоть и больно. Какая же я дура, что пошла протестовать! И чего мне дома не сиделось? Гномы, как всегда, самые умные. Из них в этой кутерьме никто не участвует. Сидят себе сейчас по кабачкам, пиво пьют, трубочками попыхивают. Дура я, дура!

— П-п-почему они т-т-так? — заикаясь, сказала одноклассница. Ее зубы стучали, она вся тряслась.

«Только истерики мне не хватало», — подумала я.

— Толпа, — сказала я вслух. — Томна, успокойся, все уже закончилось. Мы в безопасности.

— Д-д-да, — сказала она и вдруг зарыдала, раскачиваясь из стороны в сторону.

Я осторожно прислонила лопату к забору, удержавшись, чтобы не прикрикнуть на заливавшихся собак, и влепила со всей силы пощечину подруге.

Она проглотила рыдание, икнула и уставилась на меня.

— Ты что? — спросила она вполне нормальным тоном.

— Полегчало? — спросила я скорее у себя, чем у нее.

— Да, — кивнула Томна.

Мне тоже полегчало. Впрочем, я бы с удовольствием стукнула ее еще раз, чтобы успокоиться окончательно, но сомневалась, что такая возможность мне сегодня представится еще раз.

— Теперь с вами можно поговорить? — раздался в полумраке хриловатый баритон.

Томна взвизгнула, а я схватилась за лопату.

— Не стоит воевать, Ольгерда, это я, Живко. Помните меня? — Орк выступил из тени дерева и слегка поклонился.

Я увидела, как Томна блеснула глазами, что означало примерно «ах, какой красавчик!».

— А что ты тут делаешь? — спросила я.

— Живу, — лаконично ответил орк.

— А, так это твои собаки гавкают?

— Мои псы лают, — мягко поправил Живко. — А это твои соученики там бушуют?

— Мои, — призналась я. — А что ты делаешь в эльфийском квартале?

— Это орочья часть, — сказал парень. — Где же нам еще жить, как не возле эльфов?

— Я даже не знала, что у нас в городе живут орки, — удивилась я.

— Нас очень мало. Даже мы тут временно, пока не распродадим псов.

Я вздохнула. Оттоптаннные ноги ныли, я чувствовала, как на ребрах наливаются синяки, к тому же было чувство, что цеплявшаяся за мою руку во время бегства Томна ее вывихнула. Орк правильно истолковал мой вздох.

— Я сейчас успокою животных и проведу вас домой, — сказал он, бесшумно исчезая в темноте.

— Какой красавчик! — возбужденно прошептала Томна, пытаясь пятерней причесать волосы. — Эх, жаль, что сумочку потеряла. Кстати, он — мой!

— В смысле?

— Ты ему глазки не строй, я попробую его соблазнить.

— Да пожалуйста! Мне орки никогда не нравились.

— Ола, у тебя что, совсем глаз, ушей и женского начала нет? Да я готова прямо здесь под него лечь! Он же... ах!..

— Я готов. Вас к общежитию проводить? — спросил Живко, словно из воздуха появившись перед нами.

— Да, — сказала Томна, закатывая глаза. — Ах, что-то мне дурно! Ах!

Она очень ловко упала в обморок, расположившись в весьма сексуальной позе.

— Терпеть не могу девиц, падающих в обморок, — спокойно сказал Живко, доставая нож.

— Ты что собираешься делать? — испугалась я.

— Разрежу ей рубашку, чтобы было легче дышать.

Томна шумно задышала и открыла глаза.

— Кажется, я потеряла сознание? — слабым голосом спросила она.

— Кажется, — саркастически сказал орк, я же молча протянула ей руку, помогая подняться.

Томна шла рядом со мной, кусая губы и напряженно размышляя. Я брела, ни о чем не думая и волоча за собой лопату — бросить ее было жалко. Живко, демонстрируя степное воспитание, своей помощи в транспортировке лопаты не предложил. Я чувствовала, что он часто поглядывает на меня, и терялась в догадках, к чему бы это.

В городе было пусто. Перепуганные студентами горожане попрятались, ночные заведения закрылись. Из эльфийского квартала до сих пор раздавались крики и шум, ощутимо тянуло гарью.

На одной из улиц нас остановил вооруженный патруль стражи.

— Кто такие, почему ходим? В городе чрезвычайное положение.

— Извините, — сказал Живко, — мы не знали. Я девушек домой провожаю.

Стражник поднял повыше фонарь и внимательно нас рассмотрел.

— Студентки?

Мы кивнули.

— Вы арестованы.

— За что? — возмутилась я.

— За организацию массовых беспорядков.

— Вы хотите сказать, что мы — организаторы? — спросила я, наступая на стражника.

— Приказ. Всех студентов, замеченных сегодня вечером в городе, арестовывать. За погром в эльфийском квартале.

Я почувствовала, как за моей спиной задрожала Томна, и решила: будь что будет. В тюрьме я уже была, ничего там страшного нет, зато сейчас была прекрасная возможность поскандальить в свое удовольствие.

— Они целый день были у меня в гостях, — неожиданно сказал орк. — Если бы они участвовали в погромах, то должны были и меня избить как представителя расового меньшинства.

Стражник с сомнением покосился на мускулы Живко, которые не скрывала короткая

жилетка.

— А почему девица такая ободранная? — обвиняющим тоном спросил один из стражников, указывая на меня.

— Давайте, давайте, — сказала я, — арестовывайте меня за то, что я с собачками поигралась!

— Я торговец волкодавами, — поддержал мою версию Живко.

Стражники колебались. Вдруг один из них спросил:

— Вы Ольгерда Ляха?

— Да, — ответила я, удивляясь своей популярности.

— Это вы устроили шум в тюрьме две недели назад?

— Ну не только я, но я в том числе, — польщено ответила я.

Стражник что-то зашептал своим напарникам, я прислушалась и расслышала отдельные слова «кошмар», «пели», «просили есть», «с головой проблемы» и «Беф».

— Идите куда шли, — почти грубо сказал нам стражник с фонарем.

Я ласково улыбнулась узнавшему меня стражнику, и мы пошли дальше.

— Они даже не спросили, зачем мне лопата, — вздохнула я.

— Потому что они уверены, что у тебя с головой не в порядке и что ты спишь с полугномом, — проинформировал Живко.

— Я не сплю с полугномом! — возмутилась я.

— Надо же, какой у тебя слух хороший! — польстила ему Томна.

— В степи иначе нельзя, — сказал Живко, пристально глядя на меня. От взгляда его темных миндалевидных глаз мне стало не по себе. — Это правда, что ты — невеста некроманта?

— Правда, — ответила за меня Томна.

Орк не обратил на нее внимания.

— А это правда, что не стоит совать нос не в свои дела? — спросила я.

— Просто спросил, — пожал плечами Живко. — Я не знал, что это тайна.

— Это не тайна, просто не люблю лишнего любопытства.

— Я учту, — ответил орк, блеснув зубами в улыбке. Я услышала, как у Томны перехватило дыхание.

Улыбка действительно необыкновенно красила Живко. Я уставилась на него, вдруг поняв, что орки намного красивее эльфов. Эльфы были красивы какой-то неземной, божественной красотой, а вот орки были красивы... возбуждающе. При свете уличного фонаря смуглая кожа отсвечивала драгоценным бархатом, под ней перекатывались рельефные мышцы. Короткая жилетка Живко выгодно подчеркивала его плоский живот с порослью темных волос, уходящей под кожаные брюки. Мне ужасно захотелось провести по его груди рукой, дотронуться губами до его губ, зарыться лицом в густые жесткие волосы, собранные сейчас в высокий хвост. Хотелось, чтобы сильные руки обняли меня, прижали к горячему телу. Внизу живота возник горячий клубок, колени ослабели. Орк, улыбаясь, глядел на меня так, будто знал, какие мысли бродят сейчас в моей голове. Чтобы успокоиться, мне пришлось несколько раз больно дернуть себя за ухо, маскируя это под приведение в порядок волос.

Обругав себя за неуместные мысли и списав их на счет нервного потрясения, я сказала:

— Живко, надеюсь, ты проводишь Томну. Мне пора. Спасибо за алиби.

— Куда ты?

— По делам, — сказала я. Мы были недалеко от квартиры Ирги, а мне ужасно захотелось его увидеть.

— Ирге привет, — сказала Томна.

Орк помрачнел.

— Я не могу отпустить тебя одну, это опасно.

Ну кто тянул за язык эту дуру!

— Я уже большая девочка, — заверила я Живко. — Тем более у меня есть лопата.

— Пой! — Он протянул ко мне руку.

Я красноречиво уставилась на орка, надеясь, что в моем взгляде было только возмущение и ничего больше. Он опустил руку и ответил мне серьезным и немного злым взглядом.

— Спасибо за алиби и за компанию, — сказала я, не отводя глаз. — Мне пора.

Я развернулась и бодро потопала по улице, закинув лопату на плечо.

— А я боюсь ходить по улицам одна, — зашебетала Томна, но что ответил ей Живко, я уже не слышала, повернув за угол.

Конечно, Ирги не было дома. Я скинула с себя грязную одежду, ополоснулась, съела в буфете печенье и завалилась спать, завернувшись в черную рубашку некроманта. Я надеялась, что запах возлюбленного изгонит шальные мысли.

Проснувшись я от грохота и ругательства: прислоненная к стене возле двери лопата упала на вернувшегося с работы Иргу. Некромант минуту рассматривал мою фигуру на своей кровати, а потом сказал:

— Я никогда не считал себя дураком, но я не могу понять, что делает лопата для уборки снега в разгар лета в моей квартире?

— Это я принесла, — сообщила я.

— Теперь мне стало намного понятнее, — сказал Ирга и направился в ванную.

Я легла обратно, но ноющие ребра и ноги мне не давали уснуть. Кроме того, успокоившийся было теплый клубок в животе ожил при звуках любимого голоса. Я помаялась немного и тоже пошла в ванную. Дверь была не заперта, я прислонилась к притолоке и уставилась на Иргу. При свете большой лампы было прекрасно видно, как некромант стоит под потоком воды, упершись руками в стену.

Я смотрела, как капли стекают по коротко стриженным волосам, узкой мускулистой спине, ниже... Как я могла подумать, что орки возбуждающие? Куда крепко сбитому, большому орку до худощавой жилистости некроманта, до его почти эльфийского изящества. Мне было тяжело представить смуглую руку орка у себя на груди, но вот ладонь Ирги с тонкими длинными пальцами смотрелась на ней идеально. Я крепко сжала кулаки, борясь с желанием.

Ирга выключил воду, выжал длинную челку и отряхнулся. Капли воды, попавшие на меня, казались ледяными на пылающем лице. Некромант повернулся за полотенцем и замер, глядя на меня.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего, — с трудом выдавила я, облизнув пересохшие губы.

— Просто ты никогда не вела себя так.

— Как — так?

Ирга легко улыбнулся. Его совершенно не смущала собственная нагота, я же прилагала массу усилий, чтобы не отводить взгляд с его лица вниз.

— Скажем так, мы впервые в ванной вдвоем. Раньше я не замечал за тобой такого интереса ко мне.

— Какой там интерес, — сказала я, чувствуя, как полыхающее желание превращает все мои суставы в кисель, как бегают мурашки по спине и чешутся в желании поцелуя губы. — Что я там не видела?

— Так посмотри, — поддразнил Ирга.

— Возьми полотенце, простудишься.

— Так что случилось? — еще раз спросил возлюбленный, медленно вытираясь. Я отвела глаза и стала пристально изучать плитку на стене.

Ирга сделал быстрое движение, и не успела я пикнуть, как он подхватил меня на руки и прошептал в ухо:

— Ты ведь участвовала в студенческих возмущениях, да?

Я кивнула, прижимаясь к его груди.

— Я полночи ловил твоих соратников, — сказал Ирга, ногой захлопывая за собой дверь

в ванную. После яркого света мне показалось, что в комнате непроглядная темень. — Поэтому и пришел так рано и полон сил.

Я намеком поняла, но меня больше заинтересовало, как развивались ночные события.

— Почему ты?

— Я все-таки выпускник практического факультета, — прошептал Ирга, щекоча мне ухо. — При необходимости я могу быть боевым магом. А уж для того, чтобы поймать горстку перепуганных студентов, вообще не стоило напрягаться. Но на всякий случай всех магов-практиков подняли на ноги, мало ли что.

— И как охота?

Возлюбленный осторожно положил меня на кровать и сам лег рядом, поглаживая мою спину.

— Кто не спрятался, я не виноват. Думаю, ночь за решеткой заставит их подумать о своем поведении. Эльфы здорово пострадали. Некоторые бестолковые горожане присоединились к погромам, думаю, сегодня страже спать не придется. Ты как не попалась?

— Меня спас орк, — сказала я, уютно устраиваясь у Ирги под мышкой.

Его рука на миг замерла, но потом продолжила свое движение.

— Орк?

— Да, — сказала я, начиная чертить круги на животе Ирги, чтобы отвлечься от скользкой темы. — Знакомый Отто. Он покорила Томну с первого взгляда.

— А тебя? — обманчиво спокойным голосом спросил некромант.

Я скривилась; надеюсь, он это почувствовал.

— Первый раз, когда я его видела, он пытался соблазнить мою несовершеннолетнюю сестру. Второй раз мы вместе тащили умирающего Блондина. Третий раз я спасалась от толпы взбесившихся студентов. Думаю, он мне абсолютно не понравился.

Да, настолько не понравился, что для того, чтобы забыть, как выглядела его широкая грудь в вырезе жилетки и как блестела его улыбка при свете уличного фонаря, я, презрев все нормы воспитания, зашла в ванную, когда там купался Ирга.

— Орки очень красивые, — подначил меня некромант.

Я знаю. Спасибо, дорогой, что напомнил.

— Я уже сделала свой выбор, — как можно равнодушнее сказала я. — Мне нравятся парни со светлой кожей, а не со смуглой.

Я вспомнила легкую бесшумную походку орка, его плавные, скользящие движения, лицо Томны, с трудом удерживающейся, чтобы не накинуться на привлекательного парня, собственное желание, против моей воли рисуящее завлекательные картинки с участием Живко...

Нет, мое воображение меня погубит.

— Ты сегодня ведешь себя странно, — пробормотал Ирга, целуя мою макушку.

— Я просто испугалась, когда они все... мы все налетели на эльфов... кровь на моей сандалиии... Знаешь, это было так... неприятно.

Некромант крепко прижал меня к себе.

— Надеюсь, тебя не будут мучить кошмары и ты не будешь мешать мне спать?

— Спасибо за утешение, — пробурчала я.

— Каждый делает свои ошибки сам, только кто-то на них учится, а кто-то нет. Я надеюсь, ты больше не пойдешь протестовать?

— Не думаю.

Под моими пальцами живот Ирги покрывался мурашками, и мне это очень нравилось.

— Мне кажется, что мы находимся в неравном положении. А если я так сделаю? — спросил Ирга, пытаясь расстегнуть на мне рубашку. — И кто делает такие маленькие пуговицы, которые неудобно расстегивать?

— Это твоя рубашка, — хихикнула я.

— Завтра же отпорю все пуговицы, — пообещал возлюбленный, просто задирая на мне одежду.

— Все девушки будут твоими.
— А ты их лопатой отгоняй. — Ирга поцеловал меня в живот.
— А за что ты меня любишь? — спросила я, перебирая пальцами его волосы.
— За то, что ты необыкновенная, единственная и неповторимая.
— А я красивая?
— Милая, что случилось? Конечно, ты красивая!
— Просто хочется знать, есть ли у меня шансы или полагаться только на лопату? — отшутилась я.
Ирга приподнялся надо мной и заглянул в глаза.
— Ты — моя единственная, — сказал он.
— Да? — уточнила я, цепляясь за него ногами.
— Что ты делаешь?
— Пытаюсь тебя завалить на себя, — пропыхтела я.
— Милая, да я сам с радостью упаду, ты только попроси. А завалить ты меня не сможешь, силы не равны.
— Вот отъежусь, — пригрозила я.
— Буду тебя использовать не как женщину, а как подушку, — сообщил Ирга.
— Хватит болтать, — прошептала я, — давай не тратить зря время.
— А на что мы его потратим? — спросил некромант, расстегивая-таки пуговицы на рубашке.
— На зарядку, будешь двигаться туда-сюда, туда-сюда.
— А ты?
— А я буду лежать и мурлыкать.
— Хорошо, я согласен, все равно ты не выдержишь и примешь активное участие. А вообще мне нравится твое настроение, надо бы почаще тебе нервные потрясения устраивать.
— Неужели тебе кажется, что без этого я тебя не хочу?
— Хочешь, хочешь, — утешил возлюбленный, и после этого я уже была не в состоянии вести связную беседу.
— ...Ирга!
— Что, милая? Есть хочешь?
— Ну почему сразу есть? Я что, не могу хотеть чего-то другого?
— Давай повторим, — лениво сказал Ирга, прижимая меня к себе. — Просто после любви ты всегда хочешь есть.
— Давай повторим, но чуть попозже, хорошо? Когда я поем... то есть я хотела сказать, что мне поговорить с тобой надо.
— Говори.
— Мне интересно, а что ты сделаешь, если у тебя появится конкурент?
— Я его убью, — спокойно сказал Ирга.
— Как это убьешь? Совсем убьешь?
— Могу не совсем. Могу оживить и опять убить. Так ему и передай.
— Я просто спросила.
— А я просто ответил. — Ирга легко, почти не напрягаясь, перенес меня на себя. — Я так долго тебя ждал, что теперь никому не отдам. Только если ты сама от меня уйти не захочешь. Но если захочешь уйти, уходи сразу. Измены я не потерплю.
— С чего бы это я захотела от тебя уйти? — спросила я, ерзая на его ребрах. — Кто меня еще кормить будет?
Некромант засопел.
— Ты чего?
— Есть нечего, — признался он. — Я же не знал, что ты придешь.
— Надо всегда иметь запас на случай появления любимой, — нравоучительным тоном сказала я.
— Запас был, но я готов поспорить, что ты его уже съела.

— А тебе жалко?

Ирга тяжело вздохнул. Переложил меня обратно на кровать. Потянулся. Посмотрел на меня укоризненным взглядом. Почесался, потом опять тяжело вздохнул. Я внимательно изучала трещины на потолке.

— Неужели тебе совсем меня не жалко? Выгонять меня в такую рань на поиски еды!

— А тебе меня не жалко? Я тут лежу такая голодная, злая...

Последний аргумент оказался для Ирги решающим. Он быстро сбежал, а я завернулась в одеяло и сладко заснула — ведь ночью мне так и не удалось толком поспать.

Проснулась я оттого, что почувствовала на своем лице холодные, мерзкие, мокрые капли.

— А-а-а! — Я подскочила на кровати.

Надо мной стоял некромант с чашкой, намереваясь вылить на меня остатки воды.

— Завтрак подан, — церемонно сказал он.

«Ладно-ладно, я тебе этот холодный душ еще припомню», — подумала я, накидываясь на сладкие булочки.

— Кстати, ректор собирает выпускников, — сказал Ирга, сгребая на свою половину стола большую часть булочек.

— Зачем?

— Думаю, будет воспитывать. Насколько я понял из услышанного в булочной, эльфийская диаспора рвет и мечет. Они уже выставили Университету огромный счет за нанесенные убытки.

— Интересно, кто будет их возмещать, — пробормотала я.

— Уверен, что не Университет, а студенты.

Я перестала жевать и уставилась на Иргу.

— Не переживай раньше времени, — посоветовал он. — Ты ведь еще не знаешь, что скажет ректор.

— Ничего хорошего, — вздохнула я.

...Все оказалось намного хуже. В актовом зале, набитом выпускниками, ректор долго молчал, тяжело дыша и краснея все больше с каждой минутой. В зале стояла гробовая тишина. Студенты, многие из которых были сопровождаемы на собрание напрямую из тюрьмы, боялись пошевелинуться.

— Вы!.. — выдохнул ректор и опять замолчал.

«Сейчас будет ругаться матом», — подумала я, но многоуважаемому магу удалось справиться с собой, и он продолжал уже спокойнее:

— Вы нанесли непоправимый ущерб репутации Университета и посрамили гордое звание студента-мага. Эльфы выставили Университету огромный счет за нанесенные убытки. И знаете, кто его будет оплачивать? Вы! В следующем учебном году ни один выпускник не получит стипендии до тех пор, пока ущерб не будет возмещен.

— Ни один? — пискнул кто-то.

— Ни один! — твердо заявил ректор. — У нас круговая порука. Естественно, ваши смехотворные требования, которые вы осмелились выдвинуть вчера, будут проигнорированы, а зачинщики — наказаны.

После ректора выступал секретарь, который нудным голосом зачитал список разрушений. Я слышала, что смертельных случаев нет, и больше не слушала, думая о своей судьбе. Перспектива была мрачной. Нас всех — во всяком случае артефактников — отправят практиковаться к различным Мастерам. По идее вместо стипендии — мы должны были получать зарплату. Теперь эта зарплата будет выплачиваться в фонд помощи несчастным эльфам. А на что же я буду жить? Покупать себе новую одежду? Сладости? Питаться, в конце концов!

На сцене произошла ротация. Выступать вышел проректор магистр Бурик. Его речь была краткой:

— С завтрашнего дня студенты будут задействованы в ремонте эльфийского квартала

без применения магии.

Народ потрясенно застонал. Еще как-то можно было пережить потерю стипендии, но красить эльфам заборы... Вручную! А эльфы, эти высокомерные гордецы, не упустят возможности вдоволь поиздеваться.

Подождав, пока крайне раздраженные преподаватели выйдут из зала, мы тоже потянулись к выходу.

— Так нечестно! — простонал кто-то за моей спиной. — Эльфийский квартал вместе с нами громило еще полгорода, а студенты виноваты! Почему горожане ничего не платят?

Я обернулась. За мной стоял Трохим, украшенный здоровенным фингалом под глазом и держащий руку на перевязи.

— Мы были зачинщиками, — напомнила я ему. — А горожане не впервой бьются улица на улицу.

— Можно подумать, это студенты эльфов грабили! Да зачем нам нужны их цацки!

Я на миг пожалела, что не участвовала в грабеже — от «цацек» я бы не отказалась.

— А ты молодец, — похвалил Трохим. — Вовремя смылась.

— Я просто испугалась, — призналась я.

— Ола! — Мне помахала рукой Томна. — Иди сюда!

Она стояла в окружении девушек из своей компании — модно одетых, с красивыми прическами, на высоких каблуках.

— Ты можешь нас провести к дому своего красавчика? — спросила меня Томна.

— Зачем это? — насторожилась я. — Ирга гостей не любит.

— А зачем нам Ирга! Мы имели в виду Живко.

— Так ты же вчера была вместе со мной у его дома, — удивилась я.

— Была, — поморщилась Томна. — Только я не помню, как туда идти. А мне очень нужно его увидеть.

— Он же тебя вчера провожал, вот и договорились бы о встрече.

— После твоего ухода орк ни слова не сказал, — помрачнела Томна. — А я хочу стать его девушкой.

Насколько я поняла характер Живко, одnogруппнице ничего не светило, и меня это почему-то порадовало.

— А этих ты тоже с собой берешь? — прошептала я ей на ухо, кивая на разодетых студенток.

— Да, похвастаться своим орком.

Мне стало жаль Живко, и я разозлилась.

— Извини, — сказала я. — Я тоже не помню, как туда идти. Но если я случайно встречу орка, я ему скажу, что ты им заинтересовалась.

— Пожалуйста, пожалуйста! Он ведь такой красавчик! Ты помнишь — он мой.

— Я знаю, — сказала я и сбежала из круга красоток, пока чувство неполноценности не успело окончательно испортить мне настроение.

Пока я выходила из корпуса общежития, у меня созрела идея, как прожить этот год, не страдая без новых одежек. И я направилась к Ирге, не дожидаясь угасания решимости воплотить идею в жизнь.

Я открыла двери в квартиру возлюбленного и тут же заорала, получив чем-то тяжелым по голове.

— Ага, — сказал Ирга, откладывая книгу, которую он читал, лежа на кровати. — Теперь поняла, каково мне было ночью?

Я подняла с пола лопату и злобно посмотрела на некроманта:

— Ты ее специально так поставил?

— Нет, это ты ее забыла, а я просто поставил лопату так, как она стояла.

— Ты мстительная сволочь, — сообщила я. — Давай побыстрее поженимся.

Ирга широко открыл глаза от удивления и молча уставился на меня.

— Ты что, против? — спросила я, держа лопату наперевес и приближаясь к кровати.

— Я давно об этом мечтаю, — сказал возлюбленный, не спуская глаз с лопаты. — Просто хотелось узнать, почему ты вдруг загорелась этой идеей.

— Нас стипендий лишили, — пожаловалась я. — Я не хочу с голоду умереть, а муж мне этого не позволит.

— А-а-а, — с разочарованием протянул Ирга. — Так я и так тебя кормить буду, жениться для этого необязательно.

Мне не только еда нужна была, я еще хотела и по распродажам ходить, и новых украшений купить, и развлекаться.

— Так ты не хочешь на мне жениться?

— Если ты хочешь замуж, предлагаю сыграть свадьбу в следующем году, — сказал Ирга, отводя от своего лица лопату.

В следующем году мне уже не надо будет, тогда я уже на свои потребности сама смогу заработать! Но у меня хватило ума не сказать это вслух.

— А почему ты не хочешь сейчас? — спросила я.

— Мне твоя мотивация не нравится.

— А какая нужна?

— Ну например, такая: «Ирга, я тебя очень люблю и не могу без тебя жить».

— Ирга-я-тебя-очень-люблю-и-не-могу-без-тебя-жить, — протараторила я. — Так сойдет?

— Нет, — сказал Ирга и отвернулся от меня к стене.

Я посмотрела на его спину, выражавшую крайнюю степень обиды своей позой, и поняла, что переборщила. Я положила лопату на пол и залезла на кровать, тесно прижавшись к некроманту.

— Не хочешь жениться, не надо, — прошептала я ему на ухо.

— Дело не в женитьбе, — глухо сказал Ирга. — Дело в желании. Если ты боишься, что у тебя денег не будет на еду или на платья, я тебе помогу, только скажи. Но я хочу, чтобы ты действительно хотела стать моей женой, жить со мной вместе, вести хозяйство, родить детей от меня, каждое утро просыпаться и видеть мое лицо рядом.

Мне стало стыдно.

— Не обижайся на меня, глупую, — покаянно сказала я. — Ну хочешь, я даже носки тебе стирать буду?

— Пока ситуация обратная, — проворчал Ирга.

— Я не давала в стирку тебе носки! — возмутилась я.

— Большое спасибо! — саркастически сказал некромант.

— Я — свинья? — спросила я.

— Да, — убийственно честно ответил некромант и вдруг засмеялся, — но я всегда любил свинину.

— Ну знаешь... — не нашлась я, что сказать.

Он продолжал смеяться. Через несколько минут я не выдержала и спросила:

— Чего ты ржешь?

— Я никогда не думал, что меня будут, угрожая лопатой, принуждать жениться, — с трудом выдавил из себя Ирга, продолжая смеяться.

Я отодвинулась от него на край кровати и принялась размышлять, обижаться ли мне, или мы квиты.

— Милая! — Некромант повернулся ко мне и одним ловким движением усадил меня на себя. — Как же я люблю тебя, такую несносную!

— Правда? — заулыбалась я. — А ты пойдешь завтра со мной эльфийский квартал отремонтировать?

— Только в качестве моральной поддержки, — сказал Ирга и поцеловал меня в нос. — И только если ты здесь останешься ночевать. Я даже еще раз сходил, еды принес.

— Так бы сразу и говорил, что не ночевать, а... не спать.

— Как раз спать, — промурлыкал некромант, прижимая меня покрепче.

Я совершенно не была против его планов, и мысли об орке в этот день меня больше не преследовали.

Глава 11 СНОГСШИБАТЕЛЬНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Две бесконечные трудовые недели в эльфийском квартале подходили к концу. Я вяло махала кистью, пытаясь докрасить забор. Ушлые остроухие, пользуясь случаем, заставили студентов отремонтировать весь квартал, даже те улочки, на которые не ступала нога погромщиков. Парни мостили дороги, меняли заборы, приводили в порядок буйно растущие кусты и деревья, подметали и утилизировали мусор; девушки высаживали цветы, красили и белили. Сначала эльфы пытались привлечь нас к уборке дворов, но выяснилось, что из них таинственным образом стало пропадать все, что плохо и хорошо лежит, поэтому за заборы нас больше не пускали.

С каждым днем работающих студентов становилось все меньше — руководство Университета активно распахивало буйную молодежь по местам практики. Рядом со мной, лениво переговариваясь, работали четверо выпускниц-практиков. Меня в свои разговоры они не вовлекали, всячески подчеркивая свое превосходство над теоретиком. Впрочем, к такому мне было не привыкать, поэтому я молча двигала кистью, страдая от головной боли. Вчера я работала с очень вонючей краской — Университет поспешил на материалы, спала плохо и сегодня была в жутко раздраженном настроении.

— Ты очень неаккуратно красишь, — заметил за моей спиной хриловатый баритон с легким акцентом.

Я повернулась, взмахнув кистью. Живко даже не поморщился, хотя украсился россыпью мелких синих пятнышек.

— А мне за это не платят, — сказала я недовольно. — Тебе-то что до того, как я крашу?

— Я здесь живу, — сказал орк.

Ага, теперь я поняла, почему это место мне показалось таким знакомым.

— А-а-а, твой дом...

— Нет, я здесь в гостях у родственников, пока не закончу в городе торговые дела.

Как хорошо, что он здесь не остается жить! Я отвела взгляд, не позволяя ему попасться в плен больших карих глаз орка, и с удвоенной энергией принялась красить забор.

— Если тебе не нравится это занятие, можем пойти прогуляться, — сказал Живко.

Работающие рядом девушки притихли и замерли в ожидании моего ответа.

— Нет, спасибо, — холодно ответила я. — Что-то я не хочу гулять.

— Как знаешь, — сказал орк и в раздумье остановился перед калиткой.

Изящная дверца была покрашена так густо, что с ручки краска даже капала.

— И кто же это такой умный так покрасил дверь, что ни зайти, ни выйти? — Живко посмотрел на нас и остановился взглядом на мне.

— Это была не Ола, это я, — прощепетала одна из девушек, выпускница практического факультета, изящная, гибкая и мускулистая, как кошка. — Я никогда до этого не красила калитки.

— И как мне теперь зайти? — улыбнулся Живко.

У моей соседки вырвался восхищенный вздох. Я по себе знала, что улыбка орка может свалить с ног своим обаянием, поэтому воскресила в памяти то, как он заигрывал с моей младшей, и яростно ткнула кистью в ведро с краской.

— Я покажу. — Студентка взяла край кофточки в руку и открыла калитку.

— Вам же, наверное, нужно помыться теперь? — вкрадчиво спросил Живко.

— Да. — Красавица вздохнула.

Когда орк и студентка скрылись за калиткой, моя соседка пнула ведро.

— Почему Октавии всегда везет на красавчиков? — спросила она у меня. — Она, наверное, всех парней на факультете перепробовала, и все мало ей! Даже Иргу соблазнила.

— Да ну? — спросила я с интересом.

— Ой, я и забыла, ведь это ты теперь его девушка!

Забыла она, как же! Я мило улыбнулась, представив, как я поливаю краской Октавию, свою соседку, да и, впрочем, всех выпускниц факультета Практической магии заодно. Только краски надо много, если из расчета одна банка на человека, то...

— ...И он не был против, а потом Октавия рассказывала, какой он замечательный в постели, — развивала между тем тему постельных походов своей подруги магичка приглушенным голосом. Остальные двое внимали, с плохо скрытым злорадством поглядывая на меня.

— Ведь Ирга хорош в постели? — спросила меня — вот, вспомнила ее имя! — Лина.

— Смотря с кем сравнивать, — спокойно ответила я, внутренне вся закипая.

— Можно подумать, у тебя большой опыт!

— Достаточный, — лениво протянула я.

— Да что ты!

Я пожалала плечами. Весь мой опыт столкновений с насмешниками говорил одно: спокойствие, только спокойствие.

— Верить или не верить — дело ваше, но ни один из моих мужчин не будет в обиде из-за моей излишней болтливости, — гордо ответила я. — Ведь нормальные парни сплетниц ох как не любят!

— А ты специалист!

— В мою пользу говорит хотя бы тот факт, что Ирга мог поиграться с вашей подругой, но жениться тем не менее он хочет на мне, — внутренне торжествуя, сказала я.

Удар попал в точку. Несмотря на их красоту, на их изящество, на их боевую профессию и умение покорять парней у меня на пальце было кольцо, а у них — нет.

— Не в замужестве счастье, — сказала Лина.

Я была целиком с ней согласна, но вот знать ей об этом не следовало. Иногда наличие золотого ободка на пальце давало дополнительные преимущества.

— Да что ты, — с сарказмом сказала я и продолжала свою работу, не обращая внимания на девиц.

Они тоже молча взяли за кисти.

Вдруг в мою руку ткнулся магический вестник. Я раскрыла его и увидела лаконичный приказ срочно явиться на аудиенцию к Бефу. Это могло означать только одно: нам с Отто дали направление на практику! Вне себя от счастья, я побежала к студгородку, бросив ведро с краской посреди дороги. Надеюсь, кто-нибудь из эльфов или из практиков в него вступит.

Я мчалась к общежитию, придумывая, как быстро привести себя в порядок и не опоздать на встречу к Бефу. В коридоре на своем этаже я столкнулась с Зиной, девушкой, живущей в соседней комнате.

— Куда несешься? — спросила она.

— Мыться, Наставник вызвал!

— А воды горячей нет, демон опять сбежал.

— Ёшкин кот! — Мыться холодной водой я очень не любила.

Самое гадостное заключалось в том, что все жильцы недавно скидывались на визит демонолога, потому что огненный демон, в незапамятные времена прикомандированный к нашему корпусу для обогрева воды и помещений, отличался редкостным свободолюбием и регулярно сбежал. Впрочем, в этом были виноваты и мы: дежурные по общежитию периодически забывали его кормить. Хотя это не повод не исполнять свои обязанности. Вон демон общежития практиков, служащий, помимо всего прочего, подопытным кроликом для выполнения домашних заданий, живет в закутке подпола, никуда не дергается и вообще старается быть неслышимым и невидимым. А наш разбаловался слишком!

— Я недавно выучила одно замечательное заклятие, — поделилась Зина. — Экспресс-приведение себя в порядок! Результат замечательный, просто сногшибательный! Будешь как из салона на главной улице. На себе пробовала!

Терять мне было нечего, а бытовая магия никогда не была моим коньком.

— Давай, — сказала я и на всякий случай зажмурилась.

Что-то гроыхнуло, по шее разлилось тепло, и запахло паленым. Даже не открывая глаз, я поняла: что-то пошло не так.

— Гм, — сказала Зина подозрительно странным тоном, — интересный эффект получился в сочетании с твоими защитными артефактами.

Я открыла глаза и рванула в свою комнату к зеркалу. Зрелище было не для слабонервных. Мои волосы стояли дыбом, напоминая метлу дворника или воронье гнездо. Пригладить их не удалось — они стали жесткими, как проволока.

— Зато ты чистая, — жалобно сказала от дверей Зина, пока я с отвисшей челюстью рассматривала свою новую прическу.

— Да уж, — выдавила я. — Результат точно сногшибательный.

— А сверху можно платочком повязаться. — посоветовала соседка.

Я повязала. Прическа стала похожа на голый куст, украшенный ритуальной тряпочкой. Пришлось доставать из шкафа большую шаль, закутывать в нее волосы и идти в таком виде.

Под дверями Наставника уже стоял Отто, только-только вернувшийся от родственников. Выглядел он пополневшим килограмм на десять и очень обиженным на жизнь — видимо, уже успел узнать о последних университетских событиях.

— Ола! — вытаращил он глаза. — А что у тебя на голове?

— Это новая мода. Я тоже тебя рада видеть, Отто.

— Заходите! — раздалось из кабинета после того, как оттуда вылетел бледный и дрожащий первокурсник.

— Добрый... гм... — сбился с мысли Беф при виде меня, — ...день. У меня для вас новости. Вам назначен Наставник, направление на практику уже подписано, и до следующего травника вы будете жить и работать в Гнедине.

— Где? — в один голос переспросили мы.

— Это город на северо-востоке от Чистякова, — объяснил Беф, стараясь не смотреть на мою прическу. — Тамошний Мастер Артефактов единственный на всю округу, к тому же довольно стар. Даю вам три дня на сборы, документы заберете у секретаря.

Мы вышли от Наставника и, не сговариваясь, направились в библиотеку. Информационный справочник Чистяковского региона нас не утешил.

— Сутки езды от Чистякова, окружен лесами, протекает речка Грязнулька, население пятьсот человек, окружен лесными хуторами... — прочитал Отто. — Так, промышленность... лесопилка, производство древесного угля, мебели. Магия — Мастер Артефактов и целитель. М-да, не густо.

— Это вся информация? — спросила я, уронив голову на скрещенные руки.

— Угу, — печально сказал полугном. — Мы едем жить в дыру.

— За что? — всхлипнула я.

— Надо было дать декану на лапу, — вздохнул Отто.

— Пойдем к Бефу, — решительно сказала я. — Я не для того пять лет училась, чтобы потом в дыре сидеть.

Наставник, оказалось, нас ждал. Вместе с ним в кабинете находился профессор Свингдар, невозмутимо кутивший трубку. При виде меня почтенный гном поперхнулся дымом.

— Я надеялся, что вы придете возмущаться, иначе бы проиграл профессору золотой. И как вам Гнедино? — полюбопытствовал Беф, пока профессор откашливался.

— Почему, Наставник? — всхлипнула я. — Чем мы это заслужили?

— Тем, что вы одни из лучших выпускников, — сказал Наставник.

Мы разинули рты.

— Вы, наверное, слышали про нападения Лунной нежити в последнее время? — спросил Беф.

Мы кивнули.

— Так, — сказал Свингдар. — Ольгерда, понятно, в курсе, ей Ирронтто доложил, а ты откуда знаешь, Отто?

— Слухами земля полнится, — ответил полугном.

— Интересно, есть ли в этом государстве тайны? — пробормотал Беф и сказал громче: — Мы не можем оставлять без присмотра малые поселения, им нужна защита, поэтому мы направляем лучших выпускников в отдаленные городки.

— Наставник! — воскликнула я. — Как два артефактника могут противостоять Лунной нежити? Броситься им в зубы, чтобы подавились?

— Во-первых, вы можете заметить следы подготовки нежити к атаке по изменению магического фона, во-вторых, вовремя отправить магический вестник, в-третьих, организовать оборону. Как показывает опыт предыдущих нападений, группка нежити обычно небольшая. В-четвертых, сам декан настаивал именно на этом месте распределения для вас.

Мы с Отто переглянулись. Как всегда, полугном был прав. Надо было или задобрить декана, или хотя бы не так раздражать его на протяжении учебы.

— Скоро осень, — сказала я. — А потом зима, зимой нападений нежити нет, и нам можно будет вернуться в город?

— Зима в этом году будет очень теплой, — сообщил Свингдар. — Выкопать парочку трупов не составит труда.

И почему нам всегда не везет?

— Кроме того, — сказал Беф, — вы будете обязаны снабдить защитными артефактами всех жителей Гнедина и ближайших деревень.

Отто присвистнул, представив объем работы.

— Не всех сразу, — успокоил его профессор. — У вас на все будет не меньше полугода.

— А если работа пройдет успешно, то вы будете завалены государственными заказами как минимум еще на год, — подластился пилюлю Беф. — Конечно, после окончания практики вы можете вернуться и работать в Чистякове.

— На время практики вам будет выплачиваться зарплата в размерах тарифной ставки молодого специалиста на государственной службе, — сказал Свингдар.

На лице полугнома отразилось облегчение, а я перестала думать о сухарях и отсутствии обновок.

— Как правило, мы отправляем на практику пару теоретиков и боевого мага. Но у вас достаточный опыт борьбы с нежитью, а студентов на все городки у нас не хватает. Так что вам оказано особое доверие, — заметил Беф.

«К тому же, — прочитала я в темных глазах Наставника, — я уверен, что Ирронтто вас в одиночестве не оставит, а заполучить некроманта на границу с лесами — большая удача».

— Да, Ольгерда, — хмыкнул Беф на прощание, — в Гнедине существуют грузовые перевозки. Это на тот случай, если вы не разберетесь со своими вещами.

Грузовые перевозки! Можно подумать, у меня так много вещей! Хотя, хотя... если ехать в Гнедино жить, то это значит, что нужно тащить с собой не только одежду-косметику, но и посуду, постель, книги и прочую домашнюю утварь...

Я побрела к общежитию, прикидывая, что взять в первую очередь, а что может подождать. Койку за мной оставляют, поэтому пока можно взять только летнюю одежду, а потом приехать за зимней.

Постучавшийся через некоторое время в мою дверь Отто застал меня задумчиво созерцающей открытый шкаф.

— Золотце, — сказал лучший друг, — я тебе мешки на рынке купил.

— Зачем?

— Для упаковки. Не думаю, что твоих сумок хватит. А так можно упаковать вещи и на мешок ярлычок приклеить, например: «юбки», «юбки-2», «юбки-3»...

— Да ладно, не хватит у меня юбок на три мешка... Наверное, не хватит. А сколько ты

мешков купил?

— Десять. Если не хватит, принесу еще.

Я тяжело вздохнула и ринулась в шкаф, выгребая оттуда все подряд и сваливая шмотье в огромную кучу посреди комнаты.

— Ты не хочешь заняться благотворительностью? — поинтересовался полугном, оттесненный вещами к дверям. — Бездомные и нищие нескольких городов будут тебе благодарны.

— Да сейчас же! — сказала я. — Все мое, никому не отдам.

— Отращу себе еще пару ног и рук и буду во всем ходить, — пробормотал Отто. — Тебе помочь? Вот это, к примеру, — он двумя пальцами поднял какую-то тряпочку, — я бы выкинул.

— Положи на место! Не надо ничего выкидывать!

— Ты хоть проход к кровати соседки разгребь, — посоветовал полугном и ретировался.

Сортировка вещей меня увлекла, правда, кое-что таки пришлось выбросить. Я разгребала завалы до позднего вечера, куча не сортированного барахла уменьшалась, но не так быстро, как хотелось бы.

Совершенно обессиленная, поплелась к Ирге жаловаться на жизнь; к возлюбленному последние две недели я не заходила — так уставала, что еле доползала до общежития. Некромант, конечно, в это время был на работе, поэтому пришлось тащиться на кладбище.

— Ирга! — крикнула я, медленно идя между могил и склепов. — Ирга!

— Что ты кричишь? — раздалось сзади.

Я вздрогнула и обернулась. Незнакомые мне два парня медленно вышли из-за высокого склепа.

— Здесь кладбище, себя вести надо тихо-тихо, не мешай людям отдыхать.

Я решила не шокировать людей своими признаниями, чем я занималась на кладбище.

— Зачем тебе Ирга? — спросил один из парней.

— Хочу его укусить, — нежно сказала я. — Жажда замучила.

Парни углубились в дискуссию: вампир я или нет, а может, оборотень? Громко ругаясь, они раскрыли справочник, который достали из сумки, а я тем временем максимально бесшумно скрылась за склепом. Самым трудным было не смеяться вслух.

— А-а-а! Исчезла! Я же говорил тебе — вампир!

— Ребята! — раздался спокойный голос, слегка растягивающий гласные. — Почему вы шумите? Я вас за чем посылал?

— Мы вампира видели! Она тебя укусить хотела!

— Она? — заинтересовался Ирга.

— Да! А теперь исчезла! Укусить тебя хотела, стерва! Но мы тебя спасли! Она нас испугалась!

— Как она выглядела?

— В хламиде длинной, и на голове такое... такое... в общем, точь-в-точь как на рисунке, вот!

Зашелестели страницы книги.

— Ола! — Ирга так рявкнул, что я вздрогнула. — Ты что с собой сотворила?

— Это не я, — пискнула я из-за склепа. — Это Зина неправильно заклятие применила.

— Иди сюда, пока я сам тебя искать не начал.

Я осторожно вышла из-за склепа, пытаюсь пригладить свою прическу, правда, мне это не очень удалось. Ирга щелчком пальцев засветил надо мной огонек и долго молчал, разглядывая конструкцию у меня на голове.

— М-да, ребята, извините за недоверие... — в конце концов сказал он. — Она действительно выглядит как иллюстрация к справочнику нежити.

— А кто это?

Некромант вздохнул и признался:

— Моя невеста.

Я постаралась мило улыбнуться, и парни попяtilись.

— Милая, — сказал Ирга, — не пугай моих стажеров, они еще не привыкли к некоторым твоим привычкам. Пообещай не требовать их крови хотя бы в ближайшие два дня.

Я неопределенно пожала плечами, пытаюсь понять, что за игру затеял возлюбленный.

— Пойдем, пойдем, я покажу тебе уютную могилку, — проворковал некромант. — А вы бегом за инструментом!

Стажеров как ветром сдуло.

— И что это было? — пробурчала я.

— Воспитательный процесс, — занудным тоном сказал Ирга. — Молодежь больно борзая пошла, надо ее как-то укротить.

— Они же не из нашего Университета? — спросила я.

— Не, это из Лицея. Мальчики настолько «умные», что в Университет их не возьмут, а вот на кладбище инструменты носить — самое то. Рассказывай, что стряслось.

— Я уезжаю, — сказала я, прижимаясь к Ирге, и внезапно всхлипнула.

— Куда? — напрягся некромант, крепче прижимая меня к себе.

— В Гнедино, на практику.

— Это северная граница региона? — проявил осведомленность возлюбленный.

— Северо-западная.

— Не страшно, поживешь там, наберешься опыта.

— А как же я без тебя? — Я почувствовала, как от слез защипало глаза.

— Будем в гости друг к другу ездить, — оптимистично сказал Ирга, целуя меня в макушку. — А зимой у меня вообще отпуск, хочешь, я к тебе перееду!

— Да! — обрадовалась я, но потом подумала, что это автоматически повлечет за собой супружеские обязанности — не приятные, нет, заниматься любовью я была готова сутками, — а нудные, такие как готовка завтрака-обеда-ужина, стирка, уборка и — о ужас! — наведение порядка. Вряд ли чистоплотный Ирга согласится жить в бардаке, который спонтанно возникает рядом со мной.

— Что ты скисла? — чутко уловил смену моего настроения некромант. — Не приезжать?

— Да нет, просто я подумала...

— ...об уборке, — закончил мысль Ирга.

Я кивнула, сгорая от стыда.

— Не волнуйся, — вздохнул некромант. — Если уж так случилось, что я люблю тебя, приходится любить и твои недостатки тоже.

— Хорошо, — повеселела я и зевнула.

— Так что ты сделала со своей прической? — поинтересовался Ирга, обустривая мне на одной из могилки уютное ложе из веток и своей куртки.

— Что только я с ней не делала! — в сердцах ответила я. — Наверное, так и придется ходить, пока демон не вернется. Может быть, часовое стояние под кипятком заставит мои волосы лечь как полагается.

— Если ты меня дождешься, я попробую утром что-то сделать, — предложил Ирга. — Так что привело к такому результату?

— Я же сказала: Зина поэкспериментировала с заклЯтием.

— Может, руки оторвать этой Зине? — задумчиво спросил некромант, устраивая меня на импровизированной кровати и бережно обнимая.

— Не надо, это я ее попросила, обещался сногсшибательный результат, — пробормотала я, отчаянно зевая.

— Ну в этом она тебя не обманула, — хмыкнул Ирга. — Спи, я тебя разбужу.

— А что подумают... а-а-ах... твои стажеры? — прошептала я, изо всех сил борясь со сном. Все-таки сегодня я очень устала.

— Что нужно, то и подумают, — сказал некромант и тихо рассмеялся.

Выяснять у него причину такого веселья я не стала, потому что уснула...

— Ола, милая, — нежный голос вырвал меня из объятий сна, — пора вставать.

Я поехала на прохладном утреннем воздухе и открыла глаза.

— Ты не будешь ругаться? — смущенно спросил Ирга, как только мой взгляд приобрел осмысленность.

— Есть повод? — насторожилась я и быстро огляделась.

В руке у меня оказался зажат пучок цветов, в изголовье лежал белый веночек. Ложке, на котором я провела ночь, было живописно украшено ветками. Ну просто пасторальная картинка последнего приюта незамужней девушки!

— Это еще что такое? — спросила я, соображая, смеяться мне или злиться.

— Я сказал стажерам, что ты так любишь спать, — признался Ирга, кутая меня в куртку и избегая встречаться со мной взглядом.

— И что они? — поинтересовалась я.

— Зауважали тебя за храбрость, меня... хм... тоже. Они еще ни разу не видели девушку, любящую спать на могиле.

— Я тоже, до сегодняшнего утра, — язвительно сказала я.

— Пойдем тебе волосы в порядок приводить, — поторопился сменить тему Ирга.

Вопреки моим тайным надеждам ночь, проведенная на кладбище, экстравагантной прическе совершенно не повредила. Оставалось верить, что горячая вода сумеет усмирить торчащие дыбом волосы.

— Раздевайся — и в душ! — сказал Ирга, когда мы пришли к нему домой и я позавтракала.

Я посмотрела на гребень, который он держал в руках, и представила, как он запутывается в моих волосах.

— А может, не надо?

— Ты предпочитаешь стрижку под ноль?

— А у меня красивый череп?

Ирга окинул мою голову задумчивым взглядом и сказал:

— Красивый, но не настолько, чтобы блеснуть на солнце лысиной.

Я отогнала соблазнительное видение: раз! — и все проблемы с волосами решены надолго — и поплелась в ванную. Открутила горячую воду и покорно засунула под нее голову. Когда ее стаю клонить вниз от тяжести мокрых, но все так же упорно стоявших дыбом волос, появился Ирга. Он смело взмахнул гребнем и провел им по волосам.

— Ай! Ой! Ну отпусти! Больно же!

— А кому легко?

— Ай! Ну Ирга! Имей совесть!

— Это не я подставлялся под неизвестные заклятия. Будет тебе наука!

— А-а-а!

— Милая, если ты думаешь, что мне легко вот так видеть тебя обнаженную и заниматься совсем не тем, чем я хочу, то ты ошибаешься.

— Ты жестокий тип! Я тебя ненавижу!

— Подожди, вот расчесу тебя, еще спасибо скажешь.

Я притихла, а потом с подозрением спросила:

— Ты что, магию используешь?

— Да, — признался Ирга. — Пока ты отмокала, я книжку Илиссы посмотрел, она как-то у меня ее забыла. Ужас до чего много вам, женщинам, всяких ухищрений надо! Зачем?

— Да чтобы вам нравиться! Зачем же еще?

— Я думал, чтобы вызывать зависть подруг.

— Ну не без этого. Что поделать, если вы не замечаете наших усилий? Хочется же, чтобы оценили!

— А у тебя есть эта книжка? — поинтересовался Ирга. — Называется «Магия

красоты».

— Нет, я люблю себя такой, какая я есть.

Просто заклятия из этой книжки мне не дались, пришлось ее передарить. Лучше совсем не пользоваться магией, чем ходить красивой, но с прыщами на... одном месте.

— Ты молодец! — Ирга поцеловал мои лопатки, по спине пробежали мурашки.

— Ирга, — охрипшим голосом сказала я, — бросай ты эти волосы. Есть дела и поважнее.

— Например, стричь тебя налысо? — прошептал некромант, щекоча мне ухо.

Я задрожала.

— Я не позволю моей невесте выйти на люди в таком виде, — проговорил Ирга, целуя шею, плечи, спину.

— Ага. — Я постаралась собраться с силами. — Значит, на могилку меня укладывать можно было и цветочками украшать тоже, а с новаторской прической выйти на улицу нельзя, да?

— Да, — сказал Ирга, глядя мои лопатки. — Мне все можно.

Я резко вывернулась из его объятий и повернулась к нему лицом, крепко обняв и прижавшись лицом к груди.

— Как же я буду без тебя?

— Ты же не на край света уезжаешь, — сказал Ирга, заворачивая меня в пушистое полотенце. — Я буду приезжать, у меня накопилось достаточно выходных дней. А чтобы не зависеть от пассажирских карет, я куплю себе коня.

— Коня? — заинтересовалась я. — Ты умеешь ездить верхом?

— Я много чего умею! — самодовольно ухмыльнулся некромант, поднимая меня на руки и вынося в комнату. — Например, волосы девушкам расчесывать.

— Кстати о девушках, — нахмурилась я. — Ты знаешь Октавию?

— Не помню, — признался Ирга. — А что, должен знать?

— Она рассказывает о том, как ты хорош в постели.

— Хм... я точно могу тебе сказать, что с ней я не спал. Ты мне веришь?

— Да, — сказала я спокойно, — мне кажется, я видела всех твоих девушек за последние пять лет.

— Ну надо же было мне чем-то заниматься, пока я ждал, когда ты обратишь на меня внимание! — фыркнул Ирга. — Тебя на кровать как укладывать: на меня или под меня?

— На. Мы еще не договорили...

— Перестань ты думать об этих всяких Октавиях! Сейчас и в будущем для меня существует только одна женщина, и зовут ее Ольгерда.

— Все-таки неприятно, когда кто-то другой рассказывает о том, какой ты в постели. Я чувствую себя тогда полной дурой, — пожаловалась я, поудобнее укладываясь на твердом и теплом теле.

Ирга задержал дыхание, а потом выдавил из себя:

— Ну и ты рассказывай тоже.

— Я лучше буду рассказывать о том, какой ты ужасный в постели, — решила я. — Чтобы уменьшить немного ореол твоей безупречности.

— Тебе доказать, какой я? — зарычал Ирга, ловко перекидывая меня на подушки и устраиваясь сверху.

— Ой, боюсь-боюсь... ах... ну что ты делаешь, я сейчас просто с ума сойду!..

Когда я проснулась и лежала на кровати, сонно потягиваясь, то поймала на себе довольно странный взгляд возлюбленного.

— Что такое? — насторожилась я.

— Ничего, — улыбнулся Ирга, — просто ты у меня очень красивая.

Что-то в его тоне заставило меня насторожиться, поэтому я вскочила с кровати и прошлепала босыми ногами по полу к зеркалу.

— Не кричи, — сказал парень, закрывая мне рот рукой и целуя плечи. — А то соседи

подумают, что я над тобой издеваюсь. Ай!

Укусив некроманта за руку и тем самым избавившись от импровизированного кляпа, я прошипела:

— А это как называется? Не издевательство?

— Это называется «неудачно сработало заклинание».

Моя прическа представляла из себя идеально расчесанные, шелковистые волосы *зеленого* цвета.

— Это лучше, чем было, — защищался Ирга. — Думаю, если помыть голову еще раз, они вернут свой цвет.

— Я тебе уже говорила...

— Что ты меня ненавидишь? Говорила, но это звучало неубедительно.

Я сердито забурчала и направилась в ванную.

Когда я вернулась, Ирга помог мне высушить волосы и преувеличенно бодро воскликнул:

— Я же говорил, что все будет в порядке!

— Правда?

— Да, они только слегка отливают зеленым, — сказал некромант и быстро сменил опасную тему: — Тебе помочь собирать вещи?

— Давай! — обрадовалась я, вспомнив об огромной куче, ожидающей меня в комнате.

— Что, много вещей? У меня есть опыт переездов.

— У тебя есть опыт твоих переездов, а мне вещей нужно куда больше.

— Не забывай, у меня две сестры, и обе они учатся не дома.

— Ты им вещи собирал?

— Нет, — сказал Ирга мрачно. — Я их таскал, и, поверь, это был единственный случай в жизни, когда я жалел, что у меня не десять рук.

— Ты еще мою кучу не видел, — вздохнула я.

— Так в чем же дело? — Возлюбленный обрадовался, что я уже не возвращаюсь к цвету волос. — Пойдем, времени до отъезда осталось очень мало.

— А ты только и рад от меня избавиться!

— Конечно, — согласился Ирга. — Наконец-то мой буфет перестанет опустошаться прожорливой девчонкой. Идем-идем...

В моей комнате некромант окинул хозяйским взглядом завалы на полу, обошел кучу несколько раз, взял большую сумку и через полчаса сказал:

— Все, это возьмешь с собой, а остальное я могу привезти или Лира грузовой каретой передаст.

— Это что, все?! — поразилась я, заглядывая в сумку.

— Да. Две юбки, официальная мантия, рабочая одежда, домашняя одежда, пижама, теплая одежда, две смены белья, туалетные и косметические принадлежности, три блузки.

— Но этого мало! — Я попробовала поднять сумку и поразилась ее весу. — Все равно мало!

— Это на первое время, — напомнил Ирга. — Тебе хватит, а остальное барахло потом получишь.

— Это не барахло! — возмутилась я, заталкивая в шкаф рассортированные вчера по мешкам вещи. — Это моя одежда.

— Согласен, но от этого она не перестает быть барахлом.

— Забудь об этом, — сказала я, прижимаясь к некроманту. — Мне хочется провести с тобой побольше времени перед отъездом, но на кладбище я больше не пойду.

— Жаль, — сказала Ирга. — Я только что придумал новую шутку с твоим участием. Хочу отвратить своих стажеров от кладбища.

— И не думай! — возмутилась я. — Пусть себе лопаты таскают, а я не клоун!

— Жаль-жаль, — прошептал Ирга, целуя меня. — Но у меня есть шанс тебя уговорить?

— Посмотрим, — уклончиво ответила я, уже уносясь мыслями в неизвестный мне

городок, в котором придется провести так много времени вдалеке от любимого.

ПРЕДДИПЛОМНАЯ ПРАКТИКА

Глава 1 КАК СТАТЬ АВТОРИТЕТНЫМ МАГОМ

Дребезжащая и тряская пассажирская карета высадила нас с Отто посреди пыльного пустыря. Я окинула его взглядом, задержавшись на трех тощих курах, что-то сосредоточенно клюющих в большой мусорной куче, и бросилась вслед за каретой.

— Стойте! Стойте! — завопила я.

— Что-то забыли, панна? — спросил кучер.

— Нет, это вы забыли! Вы где нас высадили?

— Гнедино. Как и заказывали — центральная площадь.

— Центральная площадь? — выдохнула я.

Кучер кивнул, нетерпеливо постукивая себя рукояткой кнута по руке.

— Если хотите, я на обратном пути вас заберу.

— Хотим, — сказала я.

— Нам надо подумать. Если что — мы знаем ваше расписание, — сообщил полугном, оттаскивая меня от кареты.

— Отто, — простонала я, рассматривая маленькие домишки, окружавшие пустырь, — где мы?

— В Гнедине.

— Нет, я имела в виду — в какой ж... крайней точке мира мы находимся? Это еще цивилизация?

— Спокойно, — сказал лучший друг, подергав бороду. — Сейчас все выясним.

Мы подхватили сумки и пошли к домам.

Самое крупное строение оказалось кабаком «Лучший». Внутри нас встретили мухи и сонный хозяин.

— Скажите, — обратился к нему Отто, — как пройти к мастерской Мастера Фили?

— А вы кто такие будете? Студенты столичные?

— Не столичные, но студенты.

— Давненько к нам никого не присылали, — сказал хозяин и засмеялся, тряся огромным пузом. — Интересно, сколько вы у нас выдержите?

— Сколько надо, столько и выдержим, — нахмурился полугном.

Хозяин, все еще посмеиваясь, указал нам путь, и на прощание я не выдержала:

— Скажите, а ваш кабак — лучший или единственный?

— Единственный, но это не мешает ему быть лучшим!

Мы пошли в указанном направлении, сопровождаемые стайкой босоногих детишек, которые держались на расстоянии и не сильно шумели — видимо, боялись.

— Эй, студенты! — К нам приближался быстрым шагом толстый дяденька. Мы ждали пока он отдышится, недоуменно переглядываясь.

— Заходите ко мне в замечательное питейное заведение!

— Спасибо, — вежливо ответил лучший друг. — Мы там уже были.

— Нет, это вы были у Зака, а я Дан!

— Ваш приятель сказал, что у него единственный кабак в городе.

— В чем-то он прав, ведь у него кабак, а у меня — питейное заведение. Самое лучшее в городе!

— И называется оно «Самое лучшее»? — спросила я.

— Да, а откуда вы знаете?

— Догадались.

— Вы заходите, заходите! Я вам обещаю скидку десять процентов.

— Двадцать и на месяц, — сказал Отто.

— Десять!

— Двадцать, или мы пойдем к Заку.

— Десять и бесплатный завтрак.

— На месяц? — уточнил Отто.

Дан пожевал губами и согласился.

— Ты чего это торговлю развел? — поинтересовалась я, когда мы отвязались от прилипчивого хозяина питейного заведения и двинулись дальше.

— Наше появление в кабаке гарантирует полный аншлаг, потому что мы люди новые, интересно будет посмотреть и послушать. Так что хозяин внакладе не останется.

— Я не собираюсь работать выставочным экспонатом! — возмутилась я.

— Предпочитаешь сама готовить каждое утро завтрак?

Я скисла и признала правоту друга. Лучше уж потерпеть на себе любопытные взгляды, чем готовить! Тем более неизвестно, в каких условиях мы будем жить.

Мы добрались до дома, выгодно отличавшегося от всех остальных наличием каминной трубы и двух этажей. Рядом с дверями была прибита вычурная табличка: «Мастер Артефактов и прочих полезных вещей». Впрочем, по некоторому запустению было понятно, что дом видел и лучшие времена. Отто постучал, через минуту дверь приоткрылась.

— Чего надо? — раздался скрипучий старческий голос.

— Мы практиканты из Чистякова, нас к вам направили на стажировку, — сказал Отто.

— Мне никого не надо, — отрезал голос, и дверь захлопнулась.

Полугном, опешив, обернулся ко мне с растерянным видом.

— Попробуй еще раз, — посоветовала я. — Может быть, он недослышал.

Лучший друг опять постучал. Дверь снова приоткрылась.

— Мы — практиканты! — гаркнул Отто изо всех сил. — Вы писали заявку на выпускную молодежь? Вот мы и прибыли!

— Чего орешь? — взвизгнул старик. — Я тебя прекрасно слышу! Сам ты глухой! Сказано же — мне никого не надо. Не стучи больше, а то как дам топором по башке!

Я стала понимать причину смешков Зака.

— Пойдем к городскому голове, просто так мы вернуться не сможем, пусть отметку в дневнике практики сделает, — предложила я.

Мы пошли обратно, пытаясь понять, что происходит.

— Тетенька, а тетенька! — Я не сразу сообразила, что это ко мне обращаются.

Я посмотрела вниз и увидела девочку лет пяти, дергающую меня за юбку.

— Тетенька, а ты можешь в лягушек превращать?

— Гм... — Я задумалась и решила начать завоевывать авторитет у местных. — Могу.

— А в червяка?

— Это потяжелее, но тоже могу.

— А в козла?

— А в козла вот он может. — Я указала на давящегося смехом Отто.

— Правда? — Девочка посмотрела на полугнома с уважением.

— Да, — пробасил лучший друг. — А где у вас тут городской голова?

— Я покажу, а вы превратите в лягушку Диму? Нет, лучше в червяка! Нет, лучше в... а кто есть еще противный?

— Давай ты сначала решишь в кого, а мы потом посмотрим, — сказала я. — Веди к голове.

— А вот тут он живет. — Девочка указала на большой каменный дом, окруженный садом.

Это была самая приличная усадьба из всех, что мы здесь видели, что внушало надежду, что цивилизация все-таки коснулась этого убогого городишки.

Отто со вздохом постучался в двери. Нам открыл бородатый дядька, почесал спину и

спросил:

— Вы, что ли, студенты?

— Мы, — сказала я, — а вы, что ли, голова?

— Я! — Голова радостно засмеялся, поглаживая живот. — Меня зовут Ром Борич.

— Подпишите нам вот здесь, и мы поедем обратно.

— Э, не... Не пойдет. Нам толковые маги во как нужны!

— Понимаете, — вежливо сказал Отто, — Мастер Фил говорит, что мы ему не нужны, а ведь именно он является руководителем нашей практики.

— Дык он вас и не вызывал! Это я в Университет написал. У нас тут на город и десять хуторов одни вы и будете магами.

— А как же целитель?

— Сожрал его в лесу недавно кто-то, а Фил давно из ума выжил, никакого толку от него нет.

— Что я здесь делаю? — озвучила я свои мысли.

— На практику приехали, — широко улыбаясь, сказал голова. — Пошли с Филом разбираться.

— Скажите, а кто сожрал вашего целителя? — поинтересовался Отто, пока мы шли обратно к артефактнику.

— А пес его знает. Один посох и нашли.

— Может, он сбежал? — спросила я.

— Да не, он бегать не мог, ему еще три года назад какая-то зюка ногу откусила. И главное, совсем рядом с городом.

— А что такое зюка? — беззвучно спросил у меня Отто.

Я пожала плечами. Насколько мне известно, в «Реестре тварей, демонов и нежити» такого чуда нет. Ром Борич бодро топал впереди, расписывая красоты родного города, я его совсем не слушала — сумка, несмотря на использование облегчающих вес артефактов, с каждым шагом становилась все тяжелее и тяжелее, и с каждым шагом я все больше и больше ненавидела этот затхлый городишко, его голову, Мастера Фила, Бефа и себя. Но больше всех я ненавидела того, кто создал всю эту кутерьму вокруг Лунной нежити. Так бы и разорвала голыми руками!

— Подождите, я сейчас, — Ром огладил бороду и решительно постучался в дверь предполагаемого руководителя нашей практики.

Оказалось, что я за своими страданиями совсем не заметила, как мы пришли.

— Ты как? — участливо спросил полугном, пока я умищивалась поудобнее на сумке.

Я пожала плечами. Говорить ничего не хотелось, я копила в себе злость и обиду на жизнь.

— А мне здесь нравится, — сказал Отто. — Тут так тихо! И воздух свежий-свежий.

— Леса кругом, — буркнула я. — Лучше бы воздух был не свежий, зато цивилизация рядом.

— Нужно ценить то, что имеешь, — менторским тоном сказал Отто. — Разве ты ценила городскую жизнь, когда там жила?

— Я ее не ценила, я ею наслаждалась!

— Зато мы приобретем бесценный опыт, — вздохнул полугном, прислушиваясь к шуму из дома Мастера.

— Итак, я все уладил, — радостно заявил нам появившийся вскоре на крыльце Ром. Он потирал свежую ссадину на лице, а его борода была в довольно неприглядном виде. — Мастер Фил будет очень рад видеть вас завтра в девять у себя.

Пойдемте, я покажу вам, где вы будете жить. Мы вам в распоряжение целый дом предоставили! И мастерскую сделали, и даже занавесочки на окна бабы повесили — вот как мы вас ждали!

— А горячая вода есть? — не особо надеясь, спросила я.

— Конечно! Сколько нагреете в печи, столько и будет.

Мне захотелось кричать, но я решила отложить всплеск эмоций на потом. Мы подошли к дому, который оказался недалеко от жилища нашего руководителя. Вопреки моим ожиданиям дом выглядел неплохо: небольшой, аккуратный, за низеньким резным заборчиком. Во дворе возвышалась новехонькая, судя по валявшимся вокруг остаткам стройматериалов и стойкому запаху краски, мастерская. Отто бросил сумку во дворе и зашел в мастерскую. Голова побежал за ним, объясняя и волнуясь. Из строения они вышли довольные.

— Хорошо там, — сказал мне полугном. — Конечно, кое-чего не хватает, но в целом вполне пристойно, работать можно.

— Вы простите за беспорядок, — сказал Ром. — Мужикам сказал — построить, они и построили. А вот мусор убрать я забыл распорядиться. А теперь они все по делам разбежались, уже и не собрать никого.

Голова ввел нас в дом — тесная прихожая, большая комната с кухней, три спальни и закуток, гордо именуемый ванной, где стоял большой выщербленный таз.

— Удобства во дворе, — перехватил мой взгляд Ром Борич. — Но там очень аккуратный домик, туда даже тоже занавески повесили...

Он стусевался, почесал спину, но снова быстро обрел хорошее расположение духа.

— И мебель во какая добротная, наши мужики делали! В двух комнатках будете жить, а в третьей пациентов принимать.

— Каких пациентов? — подозрительно спросила я.

— Как это — каких? Вы же наши единственные маги! У кого-то зуб болит, кто-то разродиться не может...

— Разродиться?! — в ужасе спросил полугном. — Как это?

— Вестимо как! Баба ребенка родить не может и мучается.

— Мы не целители, — сказала я, потому что Отто судорожно глотал воздух в попытке выдавить из себя хоть какую-то фразу. — Почему вы не написали в Университет, что у вас целителя нет?

— Ну дык не уберегли мы его, а тут вас присылают... Ну мы и подумали...

— Немедленно напишите, вам кого-нибудь пришлют. Вы поймите — мы не имеем права лечить людей! Тем более принимать роды!

— Не кричи! — возмутился голова.

— Нет, я буду кричать! Если кто-то умрет от моего «искусства», кто будет отвечать? А? Мы — Мастера Артефактов, а не умельцы на все руки!

Отто осторожно обнял меня за плечи, заставляя замолчать.

— Постарайтесь решить вопрос с целителем как можно быстрее, — посоветовал он голове. — Иначе мы напишем в региональное управление, что вы не справляетесь со своими обязанностями.

Голова помрачнел:

— Я к вам со всей душой, а вы...

— Что — мы?.. — опять завелась я, но полугном легонько меня встряхнул, и я проглотила остаток фразы.

— И это... — Голова на всякий случай отошел к двери. — Вы бы не могли сказать Филу, что вы — муж и жена?

— Нет, — отрезала я. — Видите ли, у меня уже есть жених, и он будет сюда приезжать в гости.

— А жених — маг?

— Да.

— Как хорошо! Маги нам во как нужны! Он сюда переехать не хочет?

— И не надейтесь! — злобно сказала я.

— Тогда скажите Филу, что вы брат и сестра, пожалуйста! Так надо! А то слухи пойдут, нехорошо... Как это — двое молодых ребят живут вместе — и не родственники? Нам извращений в городе не надо!

Я зашипела, и голова испуганно порскнул за двери, но не удержался и заглянул в окно:

— А как вам обстановочка вообще и занавесочки в частности? Мы так старались!

Ответом ему послужил звон разбитого стекла — я не удержалась и запустила в толстую физиономию подвернувшимся под руку предметом «обстановочки».

— И окно разбила, и кувшин, — флегматично прокомментировал Отто. — Одни убытки.

Вся моя злость куда-то испарилась. Я села на лавку и вздохнула.

— Ныть будешь? — спросил полугном.

— Не ныть, — оскорбилась я, — а оплакивать свою погубленную в этой дыре молодость!

— Понятно. Так вот, перед тем как начать оплакивать, ты бы не могла выбрать себе комнату? Я бы уже пошел обустроиваться, пока ты тут горюешь.

Мысль мне понравилась, и я проинспектировала спальни.

— А что мы будем с третьей спальней делать, раз уж прием страждущих отпадает?

— Дрова зимой будем хранить, — сказал Отто, подумав. — Чтобы далеко за ними не ходить. Или ты хочешь, чтобы в ней жил Ирга, когда будет в гости приезжать?

Он что, серьезно? Я обернулась посмотреть на выражение лица лучшего друга. Оно было самым невинным, но его выдавало легкое дрожание щек от усилий сдержать улыбку.

— Нет, — буркнула я. — Он будет жить у тебя в комнате, а тут мы будем хранить дрова.

— Тогда я себе забираю ту, в которой кровать шире, — мгновенно сориентировался полугном.

Я согласно кивнула:

— Забирай.

— Странно, что ты такая покладистая.

Я не стала говорить Отто, что из окна его комнаты видны те самые «удобства», а вот из окна моей — дырка в заборе. В крайнем случае, в качестве развлечения можно будет понаблюдать за соседями.

— Да я вообще подарок! Странно, что ты этого не замечал раньше, — упрекнула я лучшего друга.

Отто в ответ виновато развел руками. Подождав, пока полугном занесет вещи в комнаты, я села на лавку и приготовилась рыдать. Как ни странно, что-то плакать перехотелось. На душе, конечно, было довольно мерзко, но не настолько, чтобы прослезиться. Я покрутилась так и эдак, ища удобную позу, в которой меня может настичь грусть. Все было напрасно. Плакать не хотелось. Хотелось есть.

— Отто, — позвала я.

Полугном осторожно выглянул из-за дверей.

— А где потоки слез? Помочь? Куда-то стукнуть для откупорки слезного протока? По руке, ноге, ребрам?

— Да подожди ты! Давай чего-нибудь поесть приготовим. Иди за дровами, во дворе поленища есть.

— Жарко дома будет, если тут печь растопить, — сказал Отто. — Наверное, придется в мастерской, пока тепло, готовить.

Я согласно кивнула, рассматривая на полках посуду. Горожане нас обеспечили неплохо, а в моей сумке хранился небольшой запас круп на первое время.

В двери осторожно постучали. Не успели мы ничего сказать, как в комнату зашла сухонькая старушка и чинно села на лавке.

— Добрый день! — сказал Отто.

— Добрый и вам, панове маги! Я соседка ваша, Нита. Пришла узнать, как вы тут.

— Спасибо, хорошо, — вежливо ответила я, по опыту зная, что ругаться с соседями, особенно если они представлены людьми в возрасте, не только не нужно, а даже вредно. — Я — Ола, а это... гм... мой брат, Отто.

Бабулька пожевала губами, разгладила юбку. Мы молча ждали продолжения.

— А как вам мои занавесочки? — спросила она.

— Хорошие занавесочки, — сказала я.

Дома я такими занавесочками разве что полы бы мыла.

Нита кивнула каким-то своим мыслям.

— Почему мой кувшин разбили? — горько спросила она.

— Вы извините нас, — покаялся Отто, — это Олу голова достал, так она в него и кинула, что под руку попало.

— А я думала, не понравился он вам. Целитель, покойник, бывало, часто кидался чем-то. А кухарка вам нужна?

Мы переглянулись. Пока наши предполагаемые доходы были очень невелики. Довольно внушительную сумму, которую требовалось выплатить Университету за погромы эльфов, мы заплатили из наших сбережений, которые после этого сбережениями уже назвать нельзя было. Так, каплей на черный день. Отсчитывая монеты в кассу, полугном чуть не плакал, мне было его очень жаль, но руководство Университета распределило выплату суммы на всех выпускников — одним в наказание, а другим — в назидание. После того как бухгалтер приняла у нас деньги, лучший друг поклялся, что никогда в жизни в массовых выступлениях участвовать не будет. Но даже эта выплата не избавила нас окончательно от долга перед Университетом, и, посоветовавшись, мы решили отдавать в бухгалтерию альма-матер половину зарплаты, чтобы поскорее разделаться с этим неприятным делом.

Поэтому мы не спешили с ответом приветливой бабушке. Ведь если дела пойдут плохо, то нам не только нечем будет платить кухарке, но и самим не за что будет купить продуктов.

— Вы не волнуйтесь, я хорошо готовлю. В столице бывала, знаю, как там кормят.

— Да мы не поэтому, — замялась я. — Денег у нас негусто.

— А вы натурой платите, — плотоядно облизнулась соседка.

Отто испуганно отшатнулся, сзади что-то с грохотом упало.

— Еще один кувшинчик, — грустно констатировала Нита.

— Я не виноват, что полки низко повесили, — оправдывался полугном, отодвигаясь еще дальше.

— В каком смысле натурой? — рискнула спросить я.

— Натурой? — переспросила бабулька, разглядывая черепки.

— Вы сказали — натурой расплачиваться.

— А-а-а, это... Может, вы мне артефактик какой-то без очереди и бесплатно сделаете? У меня зубы болят, и птицы все подсолнухи на поле выклевали, а я семечки страсть как люблю!

Я услышала, как сзади шумно выдохнул Отто.

— Мы согласны, обед и ужин можете нам готовить, — сказал он.

— А завтрак? Вы это... по-модному, худеете, да? — Нита окинула мою фигуру скептическим взглядом.

— О завтраке мы уже побеспокоились, — довольно сказал полугном.

Нита опять расправила юбку и вдруг быстро заговорила:

— Только вы Сату сюда не пускайте, Сата такая противная, она вам все испортит и сглазит к тому же.

— Э-э-э, — замялась я, — как бы вам сказать... мы ведь сглаза не боимся.

— А Сата такая, она может, она ведь ведьма, сглазит только так... И дочка ее, девка голоногая, бесстыдница...

— Кто такая Сата? — прервал поток откровений Отто.

— Соседка ваша справа. Я соседка слева, а она, змея подколотная такая, стерва, ведьма сглазливая...

— Хорошо, хорошо, мы поняли, только нас сюда направили оказывать магическую помощь всем жителям, а не только избранным.

— А зачем ей магическая помощь? Она сама ведьма. И девка ее ведьма, только еще хуже — голоногая!

Полугном подошел к соседке и вежливо взял ее за локоток:

— Я думаю, нам с вами стоит подробно обсудить наше сотрудничество на почве пищеварения, пойдемте.

Я благодарно улыбнулась лучшему другу и отправилась распаковывать вещи. Занятие настолько меня увлекло, что когда за моей спиной раздалось приветствие, то я подскочила на месте и испуганно обернулась к дверям. В мою комнату заглядывало остроносое личико в обрамлении ярких рыжих кудряшек.

— Я вас напугала? — радостно спросило явление.

— Да, — честно призналась я, — на вашем месте я бы больше так не делала, если не хотите лишиться волос.

— А что с ними случится?

— Я их сжечь могу ненароком, — сообщила я.

— Я Сита. Хочешь, помогу вещи разобрать?

— Сита?

— Да, ваша соседка справа.

— Дочка Саты, я полагаю? — уточнила я. Девушка мне уже категорически не нравилась. Во-первых, она не проявляла ко мне никакого уважения, во-вторых, этого было недостаточно, чтобы я ее невзлюбила сразу. В-третьих, с бюстом такого огромного размера просто неприлично выходить на люди! Особенно к тем, у кого эта самая выступающая часть в два раза меньше.

— А, к вам Нита уже заходила? Старая карга!

— Деточка, — злобно сказала я, — что ты вообще хотела?

— Я не деточка! — возмутилась Сита.

Я молча выжидающе смотрела на соседку, отмечая про себя непростительно короткое платье, в обтяжку сидевшее на грудастой фигуре. Нет, девица мне определенно не нравилась. Под моим суровым взглядом Сита смутилась, но, взмахнув головой, задрала нос кверху.

— Меня мать вообще-то послала узнать, как вам наши занавесочки.

— Ваши занавесочки? — озадачилась я. Странно, ведь совсем недавно другая соседка утверждала, что это ее занавески. — Хорошие занавесочки.

Рыжая молчала, жадно рассматривая содержимое моей раскрытой сумки. Я тоже молчала, всем своим видом выражая крайнюю степень неудовольствия. Как выгнать настырную посетительницу и вместе с тем не потерять свое достоинство мага перед провинциалкой, я не знала.

— Так вам помочь разобрать вещи? — нетерпеливо спросила Сита, жадно глядя на мои пожитки.

— Нет, но если ты хочешь поработать у меня горничной на общественных началах, то приходи завтра, — ответила я. — Постель застелить, пол подмести, посуду помыть.

— Я что, служанка? — взвизгнула девушка.

Я пожала плечами, начиная распаковывать тюк с книгами, надеясь, что соседку это не заинтересует.

— Я, наверное, пойду, — наконец сказала она.

— Иди, иди, — не оборачиваясь, сказала я.

Когда за Ситой захлопнулась входная дверь, я принялась зачаровывать двери комнаты от назойливых посетителей. За этим занятием меня застал Отто, бережно держащий в руках чугунок, из которого поднимался ароматный пар.

— А кто это от нас только что вышел? — спросил он, поставив еду на стол. — Вот это фигурка, так бы и обнял!

Я одарила полугнома злобным взглядом.

— Это наша соседка, дочка Саты.

— Понятно, — глубокомысленно ответил Отто.
— Что тебе понятно? — разозлилась я.
— Стандартная женская реакция: какая она гадкая, потому что ее фигура красивее моей.

— Ха-ха. С каких это пор ты стал специалистом в женской психологии?
— Значит, я прав, — сказал друг. Помолчал и заметил: — Ты в чертеже на дверях ошибку сделала.

— Без тебя разберусь, специалист! — буркнула я, пытаюсь открыть дверь.
Она не поддавалась. Я потянула на себя сильнее. Дверь словно выросла в косяк. Я пнула ее ногой и села рядом плакать. За столом Отто невозмутимо ел кашу.

Через несколько минут слезы иссякли — как можно полноценно рыдать, когда рядом кто-то с аппетитом лопают кашу со шкварками?

— Отто, — сказала я с укором, — ты бесчувственная скотина!
— Нет, — чавкая, ответил полугном, — я тебе искренне сочувствую, но очень кушать хочется. Ты плачь, плачь, мне каши больше достанется.

Я быстро поднялась с пола и кинулась за ложкой.
— Ты выел все шкварки! — закричала я, заглядывая в горшок.
— Не все, — возразил друг, роясь ложкой в каше, — смотри: вот, немного осталось. Вкуснотища!

Я торопливо ела, пытаюсь доесть самые лакомые кусочки прежде, чем Отто отправит их себе в рот. Жизнь проходила в борьбе, но все же налаживалась.

После еды мы взломали дверь — никакими магическими средствами она не открывалась, — и полугном, засучив рукава, взялся за топор.

— За что я тебя уважаю, — сказал он немного погодя, вытирая пот, — так это за то, что если ты колдуешь, так колдуешь крепко!

Я молча рассматривала то, что осталось от моей двери.
— Придется тебе переезжать в другую комнату, — сказал Отто. — Дверь я тебе вряд ли быстро отремонтирую, тут плотник нужен. Только советую хорошо подумать, прежде чем начнешь еще что-то делать, потому что свою спальню я тебе в случае чего не отдам.

Весь вечер мы занимались обустройством нового жилища, заперев входную дверь от любопытствующих горожан. Те же толпились у окон, с любопытством заглядывая и бурно обсуждая разбитое стекло и изувеченную дверь, но напрямую к нам обращаться боялись. Я хотела было разогнать любопытствующих, но так и не придумала, что я им скажу. Брысь отсюда, не мешайте нам? Так местные этого просто не поймут — в отсутствие развлекательных мероприятий наш приезд — это просто событие года! Впрочем, через какое-то время народ сам разошелся, не дождавшись больше ничего интересного.

Утром меня разбудил Отто. Я открыла глаза, почувствовав, как ожесточенно он тянет меня за ногу.

— Вставай, сегодня наш первый рабочий день. Просыпаться никак нельзя! Нам сказали в девять быть у Мастера!

— Рань какая несусветная, — пробурчала я, глядя в окно. На улице было пасмурно и серо.

— Я уже воды из колодца набрал, — слишком радостно для такого утра сообщил полугном. — Она ледяная! Так бодрит!

Я побрызгала кончиками пальцев себе в лицо водой и решила, что на этом мой долг перед гигиеной выполнен. Мы отправились в «Самое лучшее» завтракать. Несмотря на утро — время, не популярное для посещения питейных заведений, — кабака было полно. Хозяин услужливо подвел нас к единственному свободному столику и поставил две тарелки с яичницей. Народ молча смотрел, как мы едим, готовясь задавать вопросы. Как только Отто отложил вилку, кто-то, самый смелый, спросил:

— Вы надолго к нам?
— До травника, — ответил Отто.

— А вы будете очень заняты? — робко спросил крупный усатый мужчина, сидящий за соседним столиком.

— А что? — поинтересовалась я.

Народ замялся.

— Вот Мастер Фил, к нему как ни обратишься, а он все занят и занят. Заказы берет очень редко, и иногда за необходимыми артефактами аж в Чистяково приходится ездить, а там все втридорога, и дорога опять же, — пожаловались жители.

— К нам можно обращаться, — важно сказал полугном. — Мы все сделаем, скоро в нашей мастерской вы сможете увидеть наши расценки и получить консультацию по всем вопросам. А теперь нам пора, спасибо за внимание.

— Интересно, — сказала я, когда мы шли к дому Мастера Фили, — когда ты собираешься выполнять частные заказы? У нас и так дел невпроворот. Ты еще не забыл, что нам нужно обеспечить артефактами от нежити все население этого края?

— А жить ты на что будешь? Обеспечение артефактами — это наша официальная работа, и половину зарплаты мы должны отдавать. — Тут Отто издал душераздирающий вздох, впрочем, как всегда, стоило ему только вспомнить о денежных потерях. — А вот индивидуальные заказы — это индивидуальные заказы для индивидуального желудка, а не на благо университетской казны!

Мастер Фил ждал нас в своей маленькой, донельзя захламленной прихожей. Какие-то вещи, тряпки, стопки журналов, детали непонятных машин образовывали огромные кучи. Лишь в одном месте хлама было меньше всего, и здесь на чистом участке стены гордо висел диплом Университета.

— Садитесь, — приказал руководитель нашей практики.

Мы в растерянности оглянулись. Куда садиться? На кучи барахла? Чтобы в нем утонуть или испачкаться?

— Спасибо, — ответил Отто. — Мы лучше постоим из уважения к вам.

Фил подвигал своими кустистыми бровями, подумал и сказал:

— Брат и сестра, значит. Так-так... Что-то вы непохожи.

— Странно, не так ли? — пробормотал Отто.

— У нас отцы разные, — сказала я. — Вот такая вот грустная история.

— Понятно, понятно. Значит, так, если хотите, чтобы я подписал вам практику, ведите себя прилично. Каждое утро в десять будете у меня на пятиминутке, потом пойдете работать к себе в мастерскую. Насколько я знаю, Университет вам дал задание.

— Дал, — согласились мы.

— Хорошо, будете, значит, работать. За каждый полученный индивидуальный заказ будете платить мне двадцать процентов.

— За что? — спросил Отто.

— За общее руководство. Так, значит, алкоголя не пить. Почую утром запах перегара — не подпишу зачет.

Мы молча уставились на Фили, ожидая продолжения.

— Ты, — кривоватый палец Мастера указал на меня, — чтобы никаких шашней с парнями. Узнаю — запрю в чулане!

У меня отвисла челюсть.

— У нее есть жених, — сказал Отто.

— Жених? Официальный?

— Официальнее некуда, они уже день свадьбы назначили, уже родители благословили, — убедительно заверил полугном.

Я продолжала пребывать с отвисшей челюстью.

— Привести ко мне для знакомства.

Я сдавленно пискнула. Фил, видимо, расценил это как согласие и обратился к полугному:

— Ты!.. Девоч не портить.

— Это как? — удивился Отто.

— Это значит не пребывать с ними в прелюбодейских отношениях! — рявкнул Мастер. — Или тебе подробнее объяснить?

— Не надо.

— Так вот, так вот, ослушаешься — кастрирую!

— Что? — возмутился полугном. — Да что вы себе вообще позволяете?

— Молчать! — Хриплый старческий голос сорвался, мы подождали, пока Фил откашляется и уже тише повторит:

— Молчать! Я вам тут руководитель! Как отец родной! Вы меня слушаться должны, почитать и уважать! Все понятно? Пошли вон! За работу!

Мы в молчании прошли несколько домов, и я наконец сформулировала свою мысль:

— Как ты думаешь, он сумасшедший?

— Все может быть, но нам с этого что? Нам его терпеть надо. Руководитель!

— Давай напишем куда-нибудь и пожалуемся.

— Кому? Декану? Чтобы он посмеялся и сказал что-то типа: ах, бедные деточки, они не выдержали взрослой жизни! Конечно, там им не Университет, где их по головке гладили и все прощали, это взрослая жизнь, чего же они хотели! А вы, Беф, так их хвалили, так хвалили!

— Ты думаешь, декан знал, куда нас посылал?

— Конечно, — кивнул Отто. — Судя по дате на дипломе Фила, декан если не учился с ним, то определенно его знал.

К тому же, если помнишь, именно декан занимался нашим распределением.

— Вот зараза! — в сердцах сказала я.

— Нам остается только смириться и с честью вынести выпавшее нам испытание, — с пафосом сказал лучший друг.

— Ты на ночь торжественные речи читал? — поинтересовалась я.

— Эх ты... — махнул рукой Отто. — Пойдем искать заклинание, надежно избавляющее от запаха перегара.

Во всей этой ситуации радовало одно: судя по приветливым лицам встречающихся горожан, они были искренне рады прибытию новых магов. С нами часто заговаривали, останавливаясь на улице, и к тому времени, когда мы подошли к нашей мастерской, я уже могла отвечать на вопросы, не вслушиваясь:

— Да, надолго, до травника. Да, обращайтесь, мы работаем с индивидуальными заказами. Да, занавесочки понравились.

Дома мы сразу направились в мастерскую — нужно было определить фронт работ, чтобы выгодно совмещать и общественную работу, и труд себе на благо.

— Послушай, ты не в курсе, почему они все дружно прицепились к этим тряпкам?

— К каким? — рассеянно отозвался Отто, занятый печью.

— К занавескам. Все женщины об этом спрашивают!

— Не знаю, может, это особо ценные занавески из городского музея, которые лет двести назад по собственному почину удавили какого-то супостата, и теперь они перешли к нам? Так сказать, на всякий случай.

— Тогда я их сниму — на всякий случай.

— Не стоит обижать горожан недостойными дипломированного мага выходками, — нравоучительно сказал Отто.

— Я еще не дипломированный, — буркнула я, сделав в памяти заметку выяснить про таинственные занавески.

Неделя прошла спокойно. Каждое утро мы завтракали в «Самом лучшем», знакомясь с горожанами и набирая заказы. После была пятиминутка у Мастера Фила, во время которой он повторял свои предостережения относительно нашего образа жизни и делился воспоминаниями молодости, а потом мы работали, работали и еще раз работали. Местный кузнец и его подмастерья были загружены изготовлением наших заготовок, и Отто не

ленился пару раз в день забежать проконтролировать их качество, пугая мастеровой люд до икоты своими придирками.

В воскресенье я решила устроить себе день имени кровати. Вечером, убедительно попросив Отто не будить меня даже в случае конца света и приезда короля в эту глушь, что было равноценными событиями, я завернулась в одеяло и сладко заснула.

Мой прекрасный, упоительный, сладостный сон, в котором я выиграла главный приз на розыгрыше хьюдорской кондитерской фабрики — тонну шоколада и огромную повозку конфет и только-только приступила к их дегустации, — был грубо прерван взрывом смеха. Я зарылась глубже в одеяло, намереваясь досмотреть сон, но шоколад уже успел растаять, а конфеты испариться.

Я вскочила с кровати в ужасающе злобном настроении. Отто же знает, что я сплю! Я выскочила в гостиную с четким желанием порвать на мелкие кусочки тех, кто так нагло прервал мой сладкий сон. Я распахнула двери, и в глаза ударил яркий свет — в моей комнате окна были занавешены. Прежде чем я зажмурилась, я успела увидеть три фигуры, сидящие за столом.

— Сволочи! Почему вы не даете мне поспать? — заорала я.

— За что ты мне по утрам нравишься, милая, так это за любезность, — ласково сказал голос, вне сомнения принадлежащий Ирге.

Я приоткрыла один глаз, поморгала и уставилась на троицу за столом.

Отто, аккуратно причесанный, выстригивал ножом себе новую ложку. Рядом сидел Ирга, как всегда, элегантный и довольный жизнью. По правую руку от некроманта сидел удивительно упитанный парень, с хрустом объедавший жареную куриную ножку.

— Здравствуй, — сказал толстяк, проглотив кусок.

— Привет, — ответила я, мучительно размышляя, как я выгляжу для приема гостя — очень плохо или просто ужасно? Непричесанные после сна волосы, неумытая, в старой длинной рубашке, прорехи в которой мне все было недосуг зашить. Да уж, красавица... — Извините, я сейчас!

Я спряталась в свою комнату, раздвинула шторы и вздохнула. Почему именно я попадаю в такие ситуации? Если надо произвести первое впечатление, тут уж мне равных нет, это точно!

В дверь постучали. Я не хотела признаваться себе, как я соскучилась по этому аккуратному дробному стуку, поэтому буркнула, плюхаясь на кровать:

— Входи уж.

— Фыр-фыр-фыр, в каком ты настроении утреннем! — Ирга присел рядом, нежно меня обнял и поцеловал в макушку. — Хочешь, я тебе подарю новую ночную рубашку?

Прекрасно! Значит, он еще и рассмотрел мою одежду.

— Не надо, в старой лучше спится, мягче.

— Нужно вообще бросать эту привычку — спать в одежде, — сказал некромант, щекоча мне за ухом. — Нужно заводить новую привычку — спать со мной.

— Ты надолго к нам? — обрадовалась я.

— Увы, увы, только с инспекцией захоронений, — сказал Ирга, лукаво улыбаясь. — А у вас их много.

Я радостно взвизгнула и повисла у возлюбленного на шее.

— Как это тебе удалось?

— Очень просто. В связи с участвовавшими случаями нападений Лунной нежити некромантам было поручено проверить все кладбища на периферии — вдруг где-то обнаружатся следы деятельности неизвестных нам поднимателей трупов. Ну а получить направление именно сюда мне не составило никакого труда.

— Кого это ты с собой привез?

— Целителя!

— Ого! — сказала я, быстро приводя себя в порядок и стараясь не замечать плотоядных взглядов, которые бросал на меня Ирга. — Целитель — это очень хорошо, он здесь нужен.

— Он собирался поселиться с вами, вот только дверь соседней комнаты придется отремонтировать. Что с ней случилось? — спросил некромант.

Я заметила смешинку в его глазах, поэтому отвечать не спешила.

— А что вам Отто рассказал?

— Ничего особенного. Сказал, что это ты как-то бушевала.

— Я-а? Да я бы не смогла так эту дверь изувечить! У меня бы силы не хватило! — возмутилась я.

Ирга смотрел на меня и улыбался.

— Это все Отто меня подначивал, подначивал, а потом ему же пришлось дверь ломать. — Наябедничав, я почувствовала себя лучше.

— Пойдем, — сказал некромант, — мы вам завтрак привезли. А дверь мы отремонтируем. Плотника вызовем, да и все.

Целителя звали Варсонуфий. Намазывая огромный бутерброд маслом, он рассказал, что такое диковинное имя ему дала матушка, которой перед родами явился ангел и предрек, что ребенка ждет великая судьба, полная выдающихся деяний. Пока же Варсоня был знаменит только своим обжорством и тем, что его выгнали с четвертого курса факультета Целительства, но пожалели и пообещали дать звание младшего целителя, если он хорошо зарекомендует себя на двухлетней службе в Гнедине.

— Бедняга, — сказала я. — Ты тут застрял еще на дольше, чем мы.

— А что в этом плохого? — удивился толстяк. — Главное, что тут кормят хорошо и девушки есть свободные, а все остальное мелочи, без которых вполне можно обойтись.

— Не скажи. Я, например, не могу обойтись без водопровода с огненным демоном и центральной канализации, — возразила я.

— А магия тебе на что? — спросил Варсоня. — Подогрела котел воды одним щелчком — и купайся!

Отто зафыркал в бороду, но под моим злобным взглядом притих. Ирга вопросительно поднял бровь, но я молчала, а полугном продолжал как ни в чем не бывало вырезать ложку. Хотя я была уверена, что, улучив свободную минутку, предатель тут же доложит некроманту, что вон та железная лужица на печке — это остатки большой кастрюли, в которой я пыталась магией подогреть воду, но не рассчитала усилий.

— У меня с бытовой магией не очень, — поделился целитель.

— И у меня, — сказал Отто, — я все больше ремесленник, заклинания мне даются плохо.

Они оба посмотрели на меня. Я покраснела и пыталась придумать оправдание для теоретика, плохо знающего бытовую магию, которой владеют даже ведьмы-недоучки.

— А я привез вам много книг, — разрядил обстановку Ирга. — Среди них есть самоучитель по бытовой магии, будете вместе осваивать.

— А что ты еще привез?

Некромант кивнул на огромную стопку в углу комнаты.

— О-о-о! «Магия обольщения»! Какая прелесть! — воскликнула я. — Гм, то есть я хотела сказать, зачем ты ее привез? Мне она не нужна.

Ирга и Варсоня молча достали из кошелька по серебряному и отдали Отто.

— Что это значит? — подозрительно спросила я.

— Мы поспорили, — широко улыбаясь, сказал полугном, — на то, какую ты книжку увидишь первой. Ирга ставил на «Рецепты красоты», а целитель — на «Легкие блюда для идеальной фигуры».

Я не стала объяснять, что для тех, кто умеет обольщать, никакие другие рецепты не нужны. Разве мужчины могут понять такие тонкости?

— Раз вы все такие умные, то нагрейте мне воды для стирки, — посоветовала я.

— А кто стирать будет? — сразу заинтересовался Отто.

— А кто хочет?

Ребята быстро разбежались по своим делам, а я, наскоро позавтракав, вывалила в

корыто белье и принялась сооружать голема, который помог бы мне со всем этим управиться. Пока Отто ходил за плотником, Ирга и Варсоня быстро натаскали воды и принялись за приведение двора в порядок. Когда я вышла вывешивать белье во двор, то увидела картину, возмущившую меня до глубины души. Пока я горбатилась в душевной комнате, эта наглая девица Сита, раздетая до малюсеньких треугольничков, которые у нее обозначали нижнее белье, возлежала на плоской крыше сарая, выставя на последнее жаркое солнышко и на всеобщее обозрение свои прелести. Мои драгоценные мужчины конечно же такого пропустить не могли и усиленно делали вид, что работают, сняв рубашки и поигрывая мускулами. Я с шумом втянула в себя воздух и тут услышала:

— Ах, Ирга, вы такой красавчик, только вот почему вы такой бледный?

Некромант приосанился.

— Я редко бываю на солнце, — слишком любезно, как мне показалось, объяснил он.

— Ах, но почему? Неужели вам не нравится лежать на утреннем солнышке с какой-нибудь девушкой в обнимку?

— Утром я обычно сплю, — улыбнулся Ирга.

— Один? — томно спросила Сита, потягиваясь, как драная кошка, и я поняла, что мне пора вмешаться.

— Со мной, — сказала я, с силой ставя миску с бельем на лавку. — А на солнце он не бывает, потому что работает по ночам на кладбище. Он некромант, мертвецов поднимает.

Глаза девицы округлились, она испуганно отпрянула от края крыши.

— Надень, пожалуйста. — Я кинула Ирге его рубашку. — Сгоришь на солнце.

Некромант подхватил рубашку и невинно спросил:

— Да ты никак ревнуешь?

— Вот еще, я о тебе забочусь!

Я ревновала. Конечно, ревновала! Это мне нравится смотреть, как переливаются от физических усилий мускулы на узкой бледной спине, как пот бисеринками блестит на позвоночнике и висках, как Ирга резко взмахивает головой, избавляясь от лезущей в глаза длинной челки. Это зрелище должно быть только для меня, а не для всяких девушек, одевшихся в носовые платочки и считающих, что им теперь все можно.

— Ирга — мой жених, — задумчиво сказала я куда-то в небо. — И я превращу в лягушку любую, кто будет излишне настойчиво проявлять к нему свой интерес.

— А ты можешь? — спросил Варсоня с любопытством.

— Что именно?

— Превращать в лягушку.

— Могу.

— Но ведь это же одна из высших ступеней магического мастерства!

— Ты во мне сомневаешься? — спросила я, видя, как на крыше Сита вся превратилась в слух.

— Нет, но просто...

Я вздохнула. Я сомневалась, что я смогу кого-то превратить в лягушку, трансформация — дело очень нелегкое, но если я сейчас ничего не предприму, то наглая девчонка не будет Ирге давать прохода своими грудями. Эта мысль меня разозлила окончательно, и я принялась творить заклятие, с трудом вспоминая формулы из учебника по трансформации. Шарик энергии у меня в руках креп и увеличивался. Отто и целитель с интересом наблюдали, а Сита свесилась с сарая так, что чуть не падала. Я взглянула на того, кто был причиной всего этого. Ирга, сузив глаза, внимательно смотрел на мои руки. Как только я прицелилась, чтобы метнуть заклятие, он вдруг прыгнул, сбивая меня с ног. Сгусток энергии улетел куда-то вбок, я же больно ударилась спиной об валявшиеся на земле доски.

— Ты с ума сошел! — заорала я, с трудом сдерживая слезы от боли.

Ирга молча обнял меня, прикрывая свои телом. Гроыхнуло. Истошным голосом заверещала Сита, охнул Отто. Некромант с трудом поднялся, помог мне. Большей части мастерской как не бывало. Сарай соседей от взрыва покосился, Сита пищала,

распластавшись на крыше и боясь сделать хоть одно движение.

— Твое заклятие попало в артефакты, — мрачным тоном сказал Отто, рассматривая кровоточащие ранки на руках и животе. — В те заготовки, которые ты уже начала наполнять энергией. Нет у нас теперь ни мастерской, ни заготовок.

Он застонал, я не поняла отчего — то ли от боли, то ли из-за того, что столько труда пошло насмарку.

Варсонуфий помог спуститься с крыши Сите и побежал в дом.

— Ты сумасшедшая! — закричала девушка, надвигаясь на меня.

Я растерянно смотрела на нее, не двигаясь и готовая принять заслуженное наказание. Когда под воздействием вспышки гнева я лепила заклятие, я совершенно не думала, что это приведет к таким последствиям! Мне было очень стыдно.

Варсоня выскочил из дома, держа в руках целительский чемоданчик. Он ласково что-то заворковал, обрабатывая раны полугонома.

— Я спас тебе жизнь, — спокойно сказал Ирга Сите. — Ола действительно очень сильный маг, и мы с тобой были неправы, разозлив ее. Ты бы на самом деле стала лягушкой, и я совершенно не уверен, что кто-то смог бы тебя расколдовать, кроме Олы. Поэтому давай решим на будущее не испытывать ее терпение, хорошо?

Соседка кивнула, слова Ирги на нее подействовали, и девица теперь бочком отодвигалась от меня подальше. Я молчала — у меня до сих пор не было слов.

— Ирга, — сказал целитель, — у тебя вся спина в крови.

— Разберемся, — бросил некромант и потащил меня в дом. Я механически переставляла ноги. — Где ваша аптечка? — спросил он.

— Ты же не хочешь сказать, что я буду обрабатывать твои раны?

— Да.

— Я боюсь!

— Милая, каждое действие — каждое! — имеет свои последствия. И любой человек, прежде всего маг, облеченный силой, должен думать, к чему приведут его поступки.

Всхлипывая, я принялась обрабатывать раны на спине некроманта. Он терпеливо молчал. Мне же было больно за обоих. Нет, я не боялась крови, но видеть, как под твоими пальцами течет кровь любимого человека, и знать, что эту рану ты нанесла ему сама... ну не сама, но она появилась посредством твоих действий... это очень больно.

— О, какая сцена! — сказал вошедший в дом Отто. — Красавец и чудовище. Скажи мне, милое дитя, кто будет ремонтировать нам мастерскую?

Я всхлипнула.

— Сами отремонтируем, — примиряюще сказал Варсоня. — Тебе помочь, Ола?

— Не надо, — сказала я. — Это мне наказание такое.

— Я вот не понял, а ты действительно Ситу чуть не превратила в лягушку? — Целитель все же подошел ко мне и быстрыми движениями стянул края самых крупных ранок.

— Не думаю, — отозвался Ирга. — Но то, во что она бы превратила несчастную девушку, вошло бы во все учебники как неизвестное чудовище, которое невозможно вернуть в первоначальный облик.

— Все так плохо? — уныло спросила я.

— Насколько я понял, ты в заклятии допустила несколько грубейших ошибок, — безжалостно сказал Ирга.

— А ты откуда знаешь? — спросил Отто.

— Работа некроманта тесно связана с трансформацией, поэтому я и увидел ошибки в работе с энергией. Мне совершенно не хотелось, чтобы Ола села в тюрьму из-за какой-то грудастой девчонки, но я до последнего надеялся, что она не будет отправлять заклятие в цель.

Я чувствовала себя жалкой и несчастной. Молча закончив обрабатывать ранки, я возобновила обезболивание и ушла к себе.

Завалившись на кровать, я стала думать о своей грустной жизни. Вывод напрашивался

сам собой: устранять соперниц надо только проверенными физическими способами. Топить, травить, стрелять, резать. Никакой магии!

— Грустишь? — спросил Ирга, заглядывая в комнату.

— Ты выставил меня перед всеми душой, — отвернувшись, сказала я.

— Почему перед всеми? Для Ситы ты теперь великая магичка, она будет тебя бояться.

— А что обо мне подумает Варсоня?

— Он в восторге. Для него это просто недостижимые высоты магии. Он очень слабенький маг.

— Да, его даже выгнали из Университета, — кивнула я.

Ирга засмеялся:

— Его выгнали потому, что он ограбил университетскую столовую, — сказал он. — Магистр Бурик сказал, что ему хватило двух нарушителей университетских правил и больше он пренебрежения к альма-матер допускать не будет.

— Ну вот, — совсем расстроилась я, — оказывается, я еще виновата в том, что Варсоню выгнали из Университета!

— Ты тут ни при чем, ты же не тащила его силком грабить столовую. Просто для Бурика вы с Отто служите иллюстрацией того, «чего не надо делать в Университете». Он даже ругается вашими именами. Так и говорит: Олу и Отто вам на голову!

Я почувствовала себя польщенной.

— Надеюсь, тебе понравится, что для младших курсов вы с Отто пример для подражания, как нужно нарушать правила и при этом остаться учиться.

— Откуда ты это все знаешь?

— А мне молодняк на практику пригнали, от них и узнал, — улыбнулся Ирга. — Я теперь не просто Ирга Ирронтто, а «тот самый, который жених Олы».

Эта новость окончательно примирила меня с жизнью.

— Ну вот ты уже и улыбаешься, — обрадовался Ирга. — Обещаешь больше бездумно не колдовать?

— А ты обещаешь больше не красоваться перед другими девушками?

Некромант рассмеялся и присел рядом.

— А то ты превратишь меня в лягушку? — поддразнил он.

— Нет, в чудовище!

— Хорошо, я согласен. — Ирга взъерошил мне волосы, еще больше растрепав прическу. — Пойдем, там до сих пор белье не развешано.

Мы вышли в гостиную и увидели, как Отто с Варсоней увлеченно наблюдают за чем-то, глядя в окно.

— Что там? — заинтересовалась я.

— Народ собрался и обсуждает остатки нашей мастерской. Что мы им скажем?

— Что испытывали новое заклинание, и оно неудачно срикошетило, — предложил целитель.

— Поздно, — сказала я, глядя, как к толпе присоединилась одетая в сарафанчик Сита и принялась что-то увлеченно рассказывать, размахивая руками.

— Придется тебе идти восстанавливать нашу репутацию приемлемым объяснением, — сказал Отто.

— И что я им скажу? — жалобно спросила я.

— Что-нибудь, что соответствовало бы твоему облику почти дипломированной магички, — едко ответил полугном.

— Я тебя поддерживаю, — сказал Ирга, надевая новую рубашку.

Я вышла на крыльцо, уперев руки в бока — публика не должна была видеть, как они у меня трясутся.

— Вы... — Голос прервался, я прокашлялась и грозным тоном спросила: — Вы что-то хотели, почтенные?

— Вы, панна маг, зачем мою дочку заколдовать хотели? — спросила Сата, выступая

вперед.

— По личным мотивам, — надменно ответила я. — Очень мне не понравилось, как она перед моим женихом своими прелестями вертит.

Из толпы послышались одобрительные женские выкрики.

— Моя дочка перед кем хочет, перед тем и вертит, — сказала Сата гордо. — А если ваш жених такой слабохарактерный, что его любая юбка за собой уведет, так это не повод заклинаниями раскидываться.

— Мой жених — некромант, — сказала я, подчеркнув последнее слово. — Его все женщины, кроме меня, интересуют исключительно с профессиональной точки зрения. Наверное, он решил, что из вашей дочери получится хорошая служанка-зомби.

Толпа охнула и отшатнулась, а Ирга дернул меня за волосы, но ничего не сказал. Сата спрятала дочку за спину и дрожащим голосом сказала:

— Нам тут некроманты не нужны!

— А это, уважаемая, уже не вам решать, — сказал Ирга холодным голосом. — И впредь я бы не советовал раздражать магов, а то мало ли что.

Люди закивали и поспешно разошлись.

— Ну вот, они теперь тебя боятся, — сказала я, — и меня тоже. И это хорошо.

— Как ты думаешь, если я помогу тебе развесить белье, я не сильно уроню свой страшный образ в глазах твоих соседей? — спросил Ирга.

— Нет, конечно, они наверняка будут искать в твоих действиях какую-то таинственную подоплеку, — поспешила сказать я. — Что делают некроманты с мокрым бельем?

— Не знаю, — задумался возлюбленный. — Но я обязательно придумаю что-нибудь страшное и извращенское.

Мы мирно вешали белье, и я поймала себя на мысли, что если так выглядит семейная жизнь, то она мне нравится.

На следующее утро некромант пришел с нами к Мастеру Филу и попросил аудиенции. Я не знаю, о чем они там говорили, но через довольно продолжительное время Ирга вышел, явно довольный собой.

— Мастер дает вам неделю выходных, чтобы восстановить мастерскую, и со следующей недели вы можете ходить к нему на пятиминутки не каждый день, а через день.

— Ирга! — восхитилась я. — Как тебе это удалось?

— Секреты личного обаяния.

— А он случайно не снял запрет на девушек? — спросил Отто.

— Увы, увы... Зато он доволен, что его практикантка выбрала себе такого замечательного жениха!

— Какой ты скромный! — восхитилась я.

— У меня есть повод.

— Да, ты у меня просто прелесть, такой умничка, все умеешь и знаешь, — решила подольститься я. В моей голове созрел план, и требовалось претворить его в жизнь.

— Осторожнее, Ирга, она что-то задумала! — встрял Отто.

— Я что, не могу похвалить своего любимого просто так? — возмутилась я.

Конечно, в мою искренность никто не поверил. Парни выжидающе смотрели на меня.

— Ирга, — сказала я, решив говорить прямо, — а ты можешь призвать нам огненного демона, чтобы он воду грел? Так хочется по-человечески душ принять.

— А, вот оно в чем дело! Демона-то я, может быть, и попытался бы призвать, вот только где он будет жить и чем вы будете его кормить? И водопровод сделать нужно.

— Неужели, — горестно спросила я, — я теперь буду мыться под горячим душем только в гостях у мамы и у тебя?

— Осваивай бытовую магию, — посоветовал Ирга.

— Ничего, не переживай, золотце! Вот поживем здесь, и ты станешь замечательной женой для Ирги, — подбодрил Отто. — Все будешь уметь делать.

— Ты хочешь сказать, что если бы злобный декан не забросил нас в эту глушь, я бы

была Ирге плохой женой? Скажи ему, Ирга!

Но некромант промолчал. Ладно-ладно, я это тебе вспомню, когда ночью с обнимашечками полезешь!

— Я не хочу сказать, что ты бы была плохой женой, ты бы была нормальной женой, а так будешь замечательной, — сказал Отто.

— А я, может, после практики вообще ничьей женой не захочу стать, — ответила я, злорадно глядя, как меняется выражение лица Ирги. — Открою курсы бытовой магии.

— Замечательное занятие для Мастера Артефактов с международной аккредитацией, — заметил Отто насмешливым тоном.

— Что-то ты добрый сегодня какой-то.

— А это я вчера разворотил половину мастерской и отправил Ёшкиному коту под хвост результат недельной работы.

— Если бы меня не сбил с ног...

— Если бы тебя не сбил с ног Ирга, то тут бы уже была комиссия, расследующая магические преступления, и я бы тебе передачи в отделение городской стражи носил, — раздраженно сказал Отто.

— Можно подумать, что ты бы носил!

— Ах ты, неблагодарная!

— Не ссорьтесь, — попросил некромант, — подождите до дома, не стоит дискредитировать себя в глазах общественности.

— Да уже дискредитировали, — буркнул Отто, но до самого дома покорно молчал, а я продумывала аргументы защиты и тактику нападения.

Как только за нами закрылась дверь, полугном открыл рот, но его перебил Ирга:

— Если вы не против, я ваш концерт смотреть не буду, начнете друг друга убивать — позовите.

— Ты! — рявкнул Отто, как только за Иргой захлопнулась дверь. — Ты всю неделю ведешь себя, как маленькая девочка, только что оторвавшаяся от маминой юбки.

— А ты! — перебила его я. — Мог бы меня и поддержать! А то только укоряешь: то не так сделала и это не так.

— А ты — женщина! Ты должна за домом смотреть и за хозяйством!

— А ты — мужик! Дверь неделю не мог починить! — Я взглядом обшаривала комнату в поисках того, что мне может пригодиться в предстоящей драке. Где наша кочерга?

— А ты...

— А я твои носки вчера стирала, сам бы мог!

— А...

Я решила больше не слушать оскорблений в свой адрес и кинулась в атаку, вцепившись Отто в бороду. Он сделал ловкую подсечку, и я упала на пол, но бороду так и не отпустила. Поэтому полугном упал сверху, я вывернулась, мы покатались по комнате, натываясь на лавки и пиная друг друга. Я оказалась сверху и стала колотить друга по животу кулаками, а он пытался оттолкнуть меня, ругаясь по-гноми. Я тоже перешла на гномий, выученный благодаря родне Отто, и отвечала напарнику с неменьшим пылом.

— Что вы делаете?! — Нашу потасовку прервал перепуганный вопль Варсонуфия. — Ирга, Ирга!

Некромант выбежал из комнаты. Мы с Отто прекратили мутузить друг друга и, тяжело дыша, сидели на полу.

— Ты меня испугал. Я думал, они друг друга убивают.

— Они и убивали! — Целитель не знал, кому из нас первому оказывать помощь, и поэтому только растерянно крутил головой.

— Да нет же, не убивали. Это они так деловые противоречия решают уже несколько лет.

Варсоня всплеснул руками.

— Нервное напряжение сбрасывают, — объяснил Ирга, помогая мне подняться. —

Физкультура и выход плохому настроению в одном флаконе.

— Мир? — спросил Отто, потирая бок.

— Мир. — Я прижалась к нему, обхватив руками его широкое туловище.

— Вот видишь, — сказал некромант.

— Я людей привел, — вздохнул Варсоня. — Они вам будут мастерскую ремонтировать, только руководство нужно.

— Хорошо они работают, — проворчал полугном, — ни одна лавка не сломалась. Надо будет им премиальные выдать. Какие-нибудь, какие не жалко.

— По пирожку? — предложила я, почесывая ушибленные места. Мебель в доме и правда была сделана на славу.

Отто довольно кивнул, пригладил бороду, оправил рубаху и вышел. А я занялась приведением гостиной в порядок — как ни крути, полугном прав. Он же не просит меня носить воду из колодца или колоть дрова. Значит, за хозяйством придется смотреть мне.

Принесшая обед Нита присела на лавку, ей явно не терпелось поделиться со мной новостями.

— А вы сегодня завтракать-то не ходили, — начала она разговор.

— Проспали.

— А вас так ждали, так ждали.

Вот этого я и боялась — что нас там ждали, поэтому решила обойтись без завтрака. Отто сказал, что он один отдуваться за всех не собирается, и тоже не пошел.

— Столько разговоров было про вчерашнее, — сказала соседка, прижмуриваясь от удовольствия. Ей было приятно, что она была в числе избранных, которые могли прикоснуться к магам. — Честно говоря, поначалу народ-то и не верил, что вы настоящие маги.

— Это как же? — удивилась я.

— Больно молоды, — пояснила соседка. — Зато после того как вы жажнули Ситу, поверили, и еще как! Так ей, голоногой бесстыднице, и надо!

Я уже знала, что у Ниты есть сын Нат, которого она пыталась сосватать спокойной и хозяйственной девушке с соседней улицы, но парень упорно смотрел в сторону грудастой соседки. Поэтому история с Ситой женщину очень радовала.

— И теперь даже те, кто был против занавесочек, деньги сдали! — похвасталась соседка.

— Что с этими занавесочками не так? — не выдержала я. — Почему о них вспоминает каждый, кто приходит к нам домой?

— Дык деньги мы на них собирали всем миром, — объяснила соседка. — Большая часть утвари вам от пропавшего целителя перепала, часть денег управа выделила на обустройство, а вот на красоту ничего не осталось. Так мы решили, что вам нужно уют создать, и решили купить занавески. А денег-то нет! Ну и решили собрать сколько кто мог, а жена Рома Борича поехала в Чистяково и купила. Сказала, это последний писк моды.

— Писк умирающего, — пробормотала я. До сих пор мне не удавалось без дрожи смотреть на эти занавески. — Спасибо вам за уют.

Теперь стало понятно, почему все считали занавески своими. Небось каждый еще и думал, что больше всех сдал, хоть и положил в общую кассу самый потертый медячок.

Я, прощаясь с соседкой, вышла во двор. Мужики, споро работая, громко обсуждали, что и когда я взорву в следующий раз. Отто и Ирга только посмеивались, но разубеждать горожан не хотели.

— Больше взрывов никаких не будет! — громко сказала я с крыльца.

— Вот жалость какая! — сказал ближайший мужичок и с досады бросил бревно, которое он нес на стройку.

Я побоялась, что трудовой пыл у работников угаснет, поэтому еще громче сказала:

— Кроме фейерверка, который я устрою после окончания строительства, если, конечно, двор будет хорошо убран.

Народ весело загомонил, а подошедший Ирга прошептал мне на ухо:

— Ты только, когда будешь устраивать фейерверк, подальше от городских строений отойди. И вообще, сначала в безлюдном месте порепетируй.

— Ты во мне сомневаешься? — спросила я.

— Я как раз — нет, — со смешком сказал некромант, — поэтому и советую такое.

Поцеловав меня в губы, он пошел работать на строительстве мастерской дальше, а я села на крыльце жевать пирожки, наблюдать, как работают другие, и радоваться тому, что я женщина и таскать бревна мне не приходится. А уж стирку-уборку я как-нибудь переживу!

Глава 2 ПРОСЛЕДИТЬ ЗА ЖЕНИХОМ

Утром ливень, не прекращавшийся два дня, сменил мелкий, противный дождик. Дорога к маленькому, но очень необходимому строению в углу двора совершенно размокла. Я уныло смотрела в окно, собираясь с силами для прорыва в туалет. Когда я вчера вечером совершила этот подвиг, то потом полчаса отчищала юбку от налипшей во время пробежки грязи.

— А я говорил, что нужно дорожку вымостить, — заметил Отто. — А тебе все денег на покупку плитки и щебня жалко.

Я покосилась на лучшего друга, но ничего не сказала — трогать полугнома сейчас было себе дороже. Отто был мрачен. Два месяца непрекращающейся работы на благо государства, без развлечений и новых событий подкосили даже вечно неунывающего Варсонуфия, которому, казалось, для счастья нужна была только сытная пища.

Последним событием, всколыхнувшим гнединскую общественность, была месячной давности драка в «Самом лучшем» между двумя углежогами, живущими на отдаленных хуторах и приехавшими развеяться в город. Развеялись они замечательно — Варсоня тогда принимал тяжелые роды и отвлекаться на разбитые носы и поломанные конечности не хотел. Углежоги обратились ко мне, а я честно предупредила, что сейчас изучаю бытовую магию, раздел «Первая помощь до прибытия целителей». Мужчины быть подопытными отказались, поэтому я ограничилась только обезболивающим заклятием.

Шлепая по грязи после своих дел обратно в дом, я не сразу расслышала, как меня кто-то окликает. Приподняв широкополую шляпу, под которой я пряталась от дождя, я увидела молодого человека верхом на коне.

— Вы Мастер Артефактов? — спросил он.

— Я, — сказала я мрачно, прикидывая, сколько времени мне понадобится на этот раз, чтобы отчистить юбку от грязи.

— А я барон Рон ня Буй, приехал сделать вам заказ на артефакты. Вы позволите войти?

Барон? Это, наверное, кто-то из лесных владетелей, местных аристократиков, которым не хватает денег, чтобы вести в городе достойную своего титула жизнь.

— Заходите, заходите! — крикнула я, радуясь неожиданному развлечению.

Барон старательно привязал свою пегую лошаденку у коновязи и вместе со мной вошел в дом. Вяло переругивающиеся ребята замолчали и уставились на парня, я отряхнула от капель шляпу и тоже посмотрела на нашего заказчика.

Барон Рон был хорош собой. Густые, длинные и слегка выющиеся каштановые волосы были схвачены в хвост изящным бантом, приятное, тонкое, как сказала бы моя бабушка, «породистое» лицо украшали аккуратные усики. Не очень модный и не новый наряд подчеркивал статную фигуру человека, не боящегося тяжелого физического труда. Если добавить к этому высокий рост, позвякивающие шпоры, баронский перстень на пальце и отсутствие обручального кольца, то я с трудом удержалась, чтобы не выглянуть в окно и не убедиться, что в окрестных лужах не валяются штабелями местные красотки.

— Мы вас слушаем, — любезно сказал Отто, после того как мы представились и я приготовила чай.

— Я бы хотел заказать артефакты от нежити для своих людей, — сказал барон, чинно беря чашку с чаем.

— Вы из усадьбы «Лесная фея»? — спросил полугном, роясь в записях.

Этот список населения, которому мы были обязаны сделать защитные артефакты, я составила, целую неделю проведя в архиве Рома Борича.

— Да, у нас сейчас двести человек.

— Ого! — сказал Отто. — А ты, Ола, указала, что в усадьбе проживает только полторы сотни.

— В последнее время мы расширяемся и богатеем, — сообщил Рон. — Поэтому нам нужна защита не только от нежити, но и от лесных разбойников, от воровства, от лесных духов, а также амулеты, которые добавляют сил, которые увеличивают...

— Подождите, подождите, — сказала я. — Я не успеваю записывать. Эти амулеты нужны для всех?

— Нет, — сказал барон, доставая из сумки сложенный листок. — Я все здесь записал, кому и сколько. А также измерил всех своих людей, на всякий случай.

Мы с Отто просмотрели список, и полугном с возросшим уважением обратился к молодому человеку:

— Мне очень нравятся такие обстоятельные заказчики. Мы ваш заказ даже примем без очереди, правда, Ола?

— Как только предыдущую партию закончим, — отозвалась я.

Мне барон тоже понравился, особенно его зеленые глаза под пушистыми ресницами.

— Хорошо, — кивнул Рон. — И еще я бы хотел пригласить вас в гости, вам, наверное, здесь недостает приличного общества.

— Что есть, то есть, — отозвался Варсонуфий. — Скучновато здесь.

— Вряд ли мы можем позволить себе у вас гостить, — неожиданно резко сказал Отто, — если вы хотите, чтобы мы ваш заказ выполнили как можно быстрее.

— А я, наверное, поеду, — сказал целитель. — Вам там услуги целителя не нужны?

— Ты нас оставляешь? — спросила я, раздосадованная отказом полугнома.

— Да никаких серьезных событий типа родов или отела скотины не предвидится, — махнул рукой Варсоня. — А со всем остальным, я верю, ты справишься.

Я вздохнула. Мне тоже хотелось поехать в гости к барону, в его разросшуюся усадьбу, посмотреть на народ, ее населяющий, поесть изысканной еды с серебряной посуды.

— Барон, а у вас в усадьбе есть серебряная посуда? — спросила я.

— У меня в усадьбе все есть. Укрепленный замок, летний дворец, фермы, лесопилка, даже школа. Каждую субботу у нас проводятся танцы. Да, и целитель есть.

— Да? — скис Варсоня.

— Но он довольно пожилой, помощь ему не помешает.

— Как же ты поедешь? — язвительно спросила я. — Коня у нас нет, и верхом ты ездить не умеешь.

— Я пришлю повозку за целителем, — сказал барон. — Может быть, и вы захотите поехать.

— Хорошо, — обрадовалась я.

Я вышла проводить Рона, за что была вознаграждена обаятельной улыбкой, согревшей меня лучше чая.

— Я жалею, — сказал он, — что, приезжая в город, я с вами не встретился раньше. Было очень приятно познакомиться.

— Взаимно, — пролепетала я, чувствуя обжигающий жар его рукопожатия.

Я вернулась в дом вполне довольная жизнью. Всегда приятно пообщаться с обаятельным мужчиной!

— Что? — спросила я, увидев, каким волком смотрит на меня Отто.

— Что ты как кошка, в самом деле! — в сердцах сказал он.

— Это что еще за новость? — опешила я.

— Стоило показаться на горизонте смазливой физиономии, как ты тут же строишь глазки и призывно улыбаешься! Ты уже почти замужняя женщина, между прочим.

— А тебе что, Ирга велел блюсти мою добродетель? Может, даже заплатил? — закипела я. — Я живой человек, между прочим. Где этот, который мой жених? От своих трупов оторваться не может, приедет, только если я тут остыну и посинею. Выясняется, что мне уже никому улыбнуться нельзя?

— Так, как ты улыбалась, — нельзя! — рявкнул Отто.

— Это как?

— Ему стоило только пальчиком поманить, как ты бы уже к нему в постель прыгнула!

Я задохнулась от возмущения:

— Да как ты... Да что ты... Вот как, оказывается, ты обо мне думаешь! Как о гулящей девке!

— Как хочу, так и думаю, — отрезал полугном и заперся у себя в комнате.

Я от избытка чувств швырнула ему вслед сковороду. Каша с жалобным «шмяк» сползла на пол.

— Ола, — тихо сказал целитель.

— Что? — закричала я, с трудом сдерживая слезы. — Нет, мне не жалко каши, которую ты не доел!

— Ола, — так же тихо и спокойно повторил Варсоня, — попробуй понять Отто.

Мне захотелось кинуть в целителя кочергой. Тоже мне мужская солидарность.

— Я не буду его оправдывать, — сказал Варсонуфий. — Честное слово. Сядь рядом и послушай.

Ну если только он не будет мне рассказывать, что Отто хороший, а я плохая, то я согласна.

— Ола, — почти шептал целитель, и, чтобы услышать его, мне поневоле пришлось успокоиться, — пойми своего друга. Он же мужчина, а мужчинам намного больше, чем женщинам, нужно внимание противоположного пола.

— Мне тоже нужно внимание противоположного пола!

— У тебя это связано с психологией, а у него — с физиологией, — сказал целитель.

— Но он же гном!

— А гном — не мужчина?

— Гному положено терпеть и ждать свою единственную, — сказала я не совсем уверенно. В особенностях мужской физиологии я разбиралась плохо, знала только то, во что меня посвятили Отто и Ирга, и что мы проходили по курсу основ целительства.

— Гном все-таки не камень, — заметил Варсоня.

— А что, нельзя как-нибудь так? — спросила я задумчиво.

— Как-нибудь *так* это все-таки не совсем то. Я вижу, что ты задумалась, это значит, что ты Отто прощаешь?

— На самом деле задумалась о другом, — сказала я грустно. — Я только сейчас всерьез задалась вопросом: как решает эту проблему Ирга тогда, когда он от меня далеко?

— Это надо спросить у Ирги, — сказал Варсоня.

— Так он мне и сказал, — проворчала я и подбежала к двери в комнату полугнома. — Эй, Отто, хватит дуться! Прикроешь меня перед Филом на пару дней? Мне нужно срочно в Чистяково смотаться.

— Зачем? — спросил лучший друг из-за двери.

— Узнать хочу, чем там Ирга занимается. По такому дождю на кладбище не особо покопаешь.

— Может быть, у них там нет дождя, — сказал Отто, распахивая дверь. — Скажи честно, что ты решила застать его врасплох.

— Да, — призналась я. — Пообещай, что не доложишь.

— Обещаю, — вздохнул полугном.

— У меня есть идея получше, — вмешался Варсоня. — А что, если во время твоего

отсутствия мы с Отто съездим к Рону? Я как целитель, Отто как артефактник, мерки снять.

— Мерки уже есть, — возразил полугном.

— Но никто, кроме вас, об этом не знает.

— Варсоня, ты — гений! — обрадовалась я. — Отто, ведь тебе Фил запретил портить девушек только здесь, а про лесные усадьбы он ничего не говорил.

— Вот еще, буду я на каких-то поселянок бросаться, — фыркнул полугном. — Ты за кого меня принимаешь? Я еду исключительно в познавательных целях, мне женщины вообще не нужны. Я храню себя для моей единственной!

Я хотела что-то сказать по поводу огонька, зажегшегося в глазах моего друга — примерно такой я замечала у Ирги в предвкушении вечера вдвоем, — но поймала предостерегающий взгляд Варсоны и промолчала.

На следующий день, снабженная списком необходимых покупок в Чистякове, я села в карету. Через час езды в переполненном людьми, трясущемся ящике я стала жалеть о своем поспешном решении приехать в город. Ну что за идиотская мысль, что Ирга мне изменяет? Да даже если он мне изменяет, то что я могу поделать? В ближайшие месяцы — ничего, так как вынуждена торчать в гнусном, скучном, мелком городишке. Карета подскочила на очередном ухабе, и я снова принялась ругать себя. Разве Ирга давал мне повод для подозрений? Он утверждает, что любит меня...

Мои мысли прервал оглушительный треск. Пассажиры завопили, карета накренилась, а кучер принялся громко ругаться. Я выбралась наружу. Оказалось, что лопнула одна из веревок, сдерживающая груды багажа на крыше кареты. Сундуки, тюки и чемоданы перекошились, а один ящик вообще упал, от него отлетела крышка, и гусята весело разбегались на свободу.

— Мои гуси! — закричала бабулька, сидевшая в карете рядом со мной. — Караул! Спасайте!

Пассажиры с улюлюканьем принялись гоняться за гусями по подлеску. Двое угрюмых поселян вместе с кучером заново крепили багаж. Я посмотрела на эту картину и окончательно уверилась в том, что я полная дура, нет, точнее, полная ревнивая дура!

— Панна маг, — сказал заискивающе кучер, — а вы бы не могли как-нибудь что-нибудь сделать, чтобы мы быстрее доехали?

— Могу, — сказала я сердито, — коням вашим колючки под хвост запихнуть. Поможет?

— Не надо, — испугался кучер. — Кони казенные. Я думал, вы как-нибудь эдак... или как-нибудь так...

— Я ничего не понимаю в пассажирских перевозках, — сказала я, роясь в сумке в поисках чего-нибудь «эдакого» или «такого». — О, если я поставлю вам облегчитель багажа, поможет?

— Поможет, — сказал кучер, — да вот только у нас стоят уже облегчители. Ну я думаю, еще один не помешает.

Я подождала, пока багаж, водрузив наверх орущих гусей, окончательно прикрепят на крыше, и полезла цеплять артефакт.

Облегчители веса на крыше кареты действительно были. Но они были настолько стары и так давно не заправлялись энергией, что их польза стремилась к отрицательной величине — вместо того чтобы облегчать багаж, они добавляли свой вес. Оставалось только удивляться, как кони еще живы и даже передвигают ногами, таща такую тяжесть!

— Если хотим ехать быстрее, — крикнула я сверху, — то надо немного задержаться, я заряжу артефакты, они у вас уже не работают.

— Мы не хотим задерживаться, — зароптали пассажиры, но я их проигнорировала.

Кучер задумчиво спросил:

— А во сколько мне это обойдется?

— В стоимость моего проезда, — сказала я, страстно мечтая попасть в Чистяково как можно быстрее.

— Я согласен, — обрадовался кучер.

— Тогда снимите меня отсюда, все займет не больше часа.

Пока я вынимала из сумки свой походный набор инструментов — пригодился-таки, не зря я его купила в честь окончания Университета, — пассажиры стояли рядом и ворчали. Мне это скоро надоело, и я рявкнула:

— А ну брысь все отсюда, а то я не ручаюсь, что кому-то не сделаю плохо!

— Много эти маги воли взяли, — сердито сказал один из поселян.

Кучер, опасливо глядя на медвежью фигуру недовольного, заметил:

— Она же для вас старается, чтобы мы быстрее доехали.

— Неизвестно, для кого она старается, но сейчас мы никуда не едем, — сказала владелица гусей.

— А вы, уважаемая, — сказала я, — помолчали бы и следили за своей живностью, а то я сейчас рассержусь, и будут у вас вместо гогочущих птичек жареные.

Народ решил, что лучше молчать. Стоя в сторонке, все наблюдали за моей работой. Меня это не волновало, — работать, когда за тобой пристально наблюдают, я научилась еще в детстве, когда пыталась научиться писать, а младшие сестры мало того что смотрели, так еще и умудрялись комментировать во всю силу своего ограниченного тогда словарного запаса.

— Как-то мы быстро поехали, — с опаской заметил медведеподобный поселянин, когда мы наконец-то тронулись. — Как бы колеса у кареты не отвалились.

— Типун вам на язык, — недобро отозвалась я.

Мне совершенно не хотелось посвящать обрадованного неожиданной удачей кучера в то, что заряда на артефактах хватит только до Чистякова, ну, может быть, если коням очень повезет, то артефакты протянут еще половину пути обратно в леса. Все-таки работа Мастера Артефактов стоит довольно дорого, и я просто не видела смысла в благотворительности.

Я вывалилась из кареты поздней ночью — благодаря зарядке облегчителей я сэкономила целых полночи пути. Очень быстро я побежала в общагу, понимая, что терять времени не нужно, ведь я приехала в Чистяково с конкретной целью, но все же была не в состоянии себе отказать в горячем душе. Только бы огненный демон был на месте! Влетев, как молния, в свою комнату, я швырнула сумку на кровать, зажгла огонек и кинулась к шкафу. Кажется, там еще целая куча моей одежды!

— Ола, — сонным голосом позвала Лира с кровати.

— Тиш, — сказала я, — извини, что разбудила, спи. Меня здесь нет.

— Как скажешь, — сказал с кровати Лир густой бас.

Я вздрогнула, и огонек метнулся в противоположный угол. Ох, Лира не одна! Надеюсь, я им не помешала. Небесные Силы, ну и бородища у ее избранника! Он что, решил не бриться, пока не выиграет в лотерею?

Промчавшись по лестницам, я ворвалась в душ и включила воду. А-а-а, горячая! Блаженство какое! Какое блаженство... А может, ну его, этого Иргу с его мужскими желаниями? Может, лучше стоять под душем, пока кожа не слезет? Хорошо, хорошо-то как! А главное, можно нежиться и не думать о том, что вода вот-вот закончится или за шторкой начнет возиться Отто и постанывать: «Ну Ола, ну пожалуйста, я тоже хочу искупаться в горячей воде, а ты на себя всю воду выльешь, а мне еще бороду мыть...»

Я осторожно прокралась по общежитскому коридору — встретить знакомых мне совершенно не хотелось, иначе вся тайна моего приезда исчезнет.

— Извините, ребята, я быстро, — прошептала я, роясь в шкафу.

— Ола, — пробормотала подруга, — а почему ты не у Ирги?

— Он не должен знать, что я приехала, — сказала я.

— Что у вас опять стряслось?

— Пока ничего, — зловеще сказала я.

— Кстати, чтобы ты была в курсе, днем он чаще всего бывает у нас в Доме Исцеления.

— Он заболел? — испугалась я.

— Нет, эксперимент у нас какой-то проводят, а Ирга его курирует. Ты не знала?

— Забыла.

Интересно, он мне об этом писал? Наверное, писал, но я пропустила. В письмах Ирги меня больше интересовали его признания в любви и рассказы о том, как он обо мне скучает, чем описания его бесконечной, нудной возни с покойниками.

Надев черные брючки — привет занятиям спортом, черную куртку, повязав на голову черную косынку, я разыскала легкие и зверски дорогие сапожки, которые я когда-то купила, да жалко было носить. Зато теперь моих шагов не будет слышно. Экипировка готова! Осталось только не попасться в руки возлюбленному до того, как я выясню, где и с кем он бывает.

Первым делом — кладбище. К счастью, я знала, на каком именно сейчас работает Ирга, потому что недавно он прислал мне письмо, в котором писал: «А я сейчас работаю на Варрагинском кладбище. Помнишь, как мы с тобой там встретились? Тогда я имел счастливую возможность рассмотреть твои ноги, так соблазнительно белевшие в руках моего зомби...» Побродив по пустынному кладбищу и спугнув парочку извращенцев, с удобствами расположившихся на чьей-то могилке, я поплелась к квартире некроманта. В окнах было темно, но это ничего не значило. Я немного попрыгала, но допрыгнуть до второго этажа, чтобы заглянуть в комнату, оказалось задачей неразрешимой. А левитировать я так и не научилась. Прямо заглянуть в комнату, чтобы проверить, где Ирга, я не могла — он уже не раз доказывал, что спит чутко, а раскрывать свое присутствие в городе я пока не хотела. Что же делать, что делать?

Решение задачи пришло, как только я заглянула в ближайший кабаk в поисках жидкого вдохновения. Вышибала кабака держал за шиворот щупленького студента, который тихо повизгивал, прикрывая голову руками.

— Что здесь происходит? — полюбопытствовала я у публики, с интересом наблюдающей за избиением младенца.

— Он не заплатил, — сказал один из посетителей.

— И много?

— За три кружки пива.

— Это что, повод для таких жестоких действий? — усомнилась я, глядя, как вышибала трясет студента, как грушу с недозрелыми плодами.

Неужели за мое отсутствие нравы в городе так сильно изменились?

— Не повод, — сказали мне, — просто тут скучно, народ расходиться стал, а студентик развлечение доставил.

— Я заплачу за него! — крикнула я хозяину.

Публика недовольно ворчала, пока мне отсчитывали сдачу, а я быстрыми глотками пила свое пиво. Мне хотелось прикрикнуть на ворчавших, но я боялась, что мое инкогнито будет раскрыто, все-таки еще недавно я была завсегдатаем подобных заведений. Схватив слабо упиравшегося студентика за руку, я потащила его в переулок, громко икая — поспешно выпитое пиво плохо улеглось в желудке.

— Что вы от меня хотите? — просипела моя жертва.

— Первый-ик курс? — спросила я.

Он кивнул.

— Как-ик-ой факультет?

— Практический.

Могла бы и сама догадаться, теоретики-первокурсники не имеют привычки шляться по ночам по кабакам.

— Как-ик зовут?

— Остаф. — Парень с испугом смотрел на меня, пока я пыталась стать в позу ласточки — максимально вытянув за спиной руки, прогнуться вперед, подняв левую ногу. Лира утверждала, что эта поза помогает от икоты. Мне же она пока только помогла выглядеть полной идиоткой в глазах Остафа.

— Хорошо, — сказала я, решив не обращать внимания на икоту и на выпученные глаза студента. — Я дам тебе серебряный, если ты зайдешь в одну квартиру.

— Зачем?

— За шкафом. Надо проверить, там ли хозяин. А если там, то один или с кем-то еще.

— А-а-а, — понимающе протянул первокурсник. — А если он там, что сказать?

— Скажи... мм... скажи, что просто хотел узнать, как спят некроманты.

— Нет, — твердо сказал студент. — К некроманту в квартиру за серебряный я ночью не сунусь. Давай золотой.

— Мальчик, а ты не слишком наглый? — спросила я.

— Достаточно, — самодовольно сказал Остаф. — А если не дашь, то я еще и расскажу твоему некроманту, что им девушка интересуется.

Ну и нахал! Ловкой подсечкой, многократно отрепетированной на Отто, я повалила паренька на землю и уселась сверху, приставив к его шее небольшой кинжальчик, который стала носить с собой после того, как недавно в лесу пара поселян решила проверить, кого во мне больше — девушки или мага. К их неудовольствию, злобного мага, возвращающегося от клиента, живущего на лесном хуторе, во мне оказалось больше, чем визжащей девушки. Мне же потом и пришлось залечивать их ожоги, не из человеколюбия — никогда не любила насильников, — а с познавательной целью. Познание удалось, я выяснила, что ожоги залечивать я не умею.

— Слушай, сопляк, — сказала я задумчиво, — как тебя взяли на Практический факультет?

— Я очень сильный маг, — прохрипел Остаф, пытаясь приподняться. Ногами я больно наступала на его руки.

— Верю, — сказала я, подумав. — А экзамен по физкультуре ты как сдал?

Остаф покраснел:

— С трудом.

— Ну и молодец. Давай договоримся: ты получаешь свой серебряный, не говоришь некроманту больше, чем надо, а за это я не буду позорить тебя перед твоими однокурсниками, рассказывая, что тебя победила девушка, к тому же и не практик.

Остаф побледнел — аргументы на него подействовали, и через несколько минут я наблюдала, как он, спотыкаясь на каждом шагу, заходит в подъезд Ирги.

Во время томительного ожидания за углом я пыталась придумать достойное объяснение своему поведению, если вдруг Остаф донесет обо мне. Услышав торопливые шаги, я внутренне замерла, хоть это и не мог быть возлюбленный, звук его шагов совсем другой. Студент прислонился к стене рядом со мной и, шумно дыша, сказал:

— Он меня даже не убил!

— Это заметно, — нетерпеливо сказала я. — Ну и как?

— Он спал один, — сказал Остаф.

— Ты уверен?

— Да, он показал мне свое жилище и сказал, — тут студент застонал, — сказал, что он будет у нас вести практику по некромагии и что он меня запомнил!

— Извини, — виновато сказала я, протягивая ему серебряный, — я замолвлю за тебя словечко.

— Правда? — просиял страдалец.

— Если ты только никому о сегодняшнем не расскажешь, а то практика для тебя обернется кошмаром, это я тебе могу пообещать.

Студент кивнул и направился в сторону общежитий. Я с завистью проводила его взглядом и пошла к себе в корпус окружным путем, чтобы не встретить никого знакомого. Конечно, нормальные люди в это время все спят, но мало ли что.

Чувствуя невероятную усталость, я добрела до комнаты и упала в свою кровать, не переставая жалеть, что я все это затеяла, но и не желая останавливаться на полпути.

Бородатый парень Лиры заваривал чай. Увидев меня, он плеснул в чашку с чаем водки

и молча протянул мне.

— Аксентий, — пробасил он, когда я, обжигаясь, глотала целебный напиток, понемногу возвращавший меня к жизни. — Тяжелая ночь?

— Тяжелые сутки, — вздохнула я.

— Значит, сейчас допьешь, съешь эти бутерброды, и спать. — Бородач поймал мой взгляд и пояснил: — Я целитель.

— Понятно, — сказала я, — только спать я не пойду, мне еще надо кое-что с Лирой обсудить.

— Это ты можешь обсудить и со мной.

— Интимный вопрос.

— Я целитель, — напомнил Аксентий.

— Ну и что?

— Да я все понял. Тебе нужно сказать, во сколько придет твой Ирга в Дом Исцеления, сам ли он туда придет, во сколько уйдет и сам ли уйдет.

Я вытаращилась на целителя, всерьез подозревая, что он умеет читать мысли.

— Я знаю о ваших отношениях, — объяснил Аксентий. — А сегодня ночью мы прикинули с Лирой и решили, что ты, наверное, явилась сюда проверить его верность.

Я кивнула. До чего же хорошо мои друзья меня знают!

— Я не одобряю того, что ты делаешь, — вздохнул бородач, — но я обещал Лире, что помогу тебе. А она пусть поспит, отдохнет, у нее были тяжелые дни.

Поблагодарив целителя, я легла спать.

Разбудила меня Лира, сказав, что Аксентий прислал вестника — он только что разговаривал с Иргой, который сейчас собирается уходить из Дома Исцеления.

Пока я быстро надевала маскировочный костюм и расчесывала волосы, подруга поинтересовалась:

— Что на тебя нашло? Год Ирга был без тебя в Рорриторе, и ты не совершала подобных глупостей.

— Я поговорила с нашим целителем, и он сказал, что мужчины без этого самого долго не могут. А я раньше об этом как-то не задумывалась.

— Могут, почему не могут? Конечно, им хочется, но это не повод кидаться на первую попавшуюся, — нахмурившись, сказала Лира. — Я тебе как целитель скажу, что никакого особого вреда для здоровья воздержание не приносит.

— Все равно, — упрямо сказала я. — Я хочу проверить, как Ирга хранит мне верность. Помнишь, каким он был? Ни дня без девушки.

— Перебесился, — уверенно заявила подруга. — Да и не пацан он уже, должен соображать, что делает.

— И ты на его стороне? — спросила я.

— Да, мне иногда его просто жалко, — вздохнула Лира, — но также я знаю, что тебя сейчас нужно поддержать, иначе всем хуже будет.

— Спасибо на добром слове, — пробурчала я, уязвленная словами подруги.

— Ты в таком виде собираешься идти? — спросила соседка по комнате.

— Да, а что?

— Ола, сейчас не ночь, и ты в своем черном наряде будешь смотреться странно. Возьми мою юбку, а то по твоей тебя быстро опознают, у тебя вся одежда очень приметная. И вот платок, повяжи на голову.

Надо же, и откуда целитель знает такие тонкости? Я молча натянула сверху брюк юбку и побежала изображать из себя детектива.

Следить за Иргой оказалось делом тяжелым. Впрочем, я еще никогда ни за кем не следила, поэтому не знаю, за кем следить тяжелее. Перебегая от здания к зданию и стараясь не попадаться Ирге на глаза, я поняла, что он идет на Варрагинское кладбище. Поэтому я помчалась на место его работы по другой улице и затаилась в пожухлых бурьянах недалеко от пары знакомых мне ребят — помощников Ирги. Вяло переругиваясь, парни пытались

открыть дверь склепа, обильно украшенного засохшим вьюнком.

— Ирга вообще странный тип, — услышала я. — Я бы ее сразу разложил, а он отказывается. И главное, квартира своя есть, не надо с соседом по комнате договариваться, чтоб сегодня не возвращался. Эх!..

— Приворожила она его, я так думаю, — сказал второй. — Ведьмы все могут.

Приворожила, значит! Вовремя я приехала, мне работы непочатый край. И кто же это, интересно, посягнул на чужого, почти женатого мужчину?

— Приворожила. Помнишь, как она на могилке спала? Я и сам чуть не влюбился, а Ирга и подавно. Такое личико милое!

Это еще кто мой подвиг повторил? Ах Ирга, вот скотина! Интересно, он всех девушек на кладбище водит или через одну?

— Только и слышно: «Ола, Ола!» Как собака на сене!

Это они обо мне? Я, значит, приворожила их разлюбезного начальника? Ну я сейчас этим недоумкам задам! Только я приподнялась, как пришлось падать обратно в бурьян — в поле зрения появился Ирга.

— Что, не открывается? — спросил он.

— Нет, — заканючили помощники, — может, ты ее магией откроешь, а?

— Ребята, сколько раз вам повторять: нельзя магию использовать! Если ею пользоваться, покойник внутри превратится в пыль, а мне он очень нужен целым. Хорошо, трудитесь, а у меня еще встреча назначена.

— С Мартой? — улыбнулся один из парней. — Вот красавица! А ножки! А грудь! Я бы ее...

Он сделал неприличный жест рукой.

— Веди себя прилично, — холодно оборвал некромант, задумчиво побарабанил по двери склепа и ушел.

Марта? Марта?! Марта!!!

Полетят сегодня чьи-то клочки по закоулочкам! Я им задам, этим героям-любовникам!

Ирга не остановился ни перед цветочным магазином, ни перед лавкой с разнообразными приятными для женского пола мелочами. Неужели их отношения зашли настолько далеко, что уже и подарки не нужны? Некромант зашел в обычный, ничем не выдающийся кабачок. Что, Ирга обнищал, что уже свою любовницу не может в ресторан сводить? Или он экономит деньги для меня? Эта мысль меня немного согрела.

Неверный возлюбленный довольно долго не выходил из кабака. Ну что он там делает, а? Сгорая от любопытства, я попыталась заглянуть в окна, но стекла были такими грязными, что я ничего не увидела. Чтобы не привлечь к себе лишнего внимания, я заставила себя оторваться от бесплодного подглядывания и притаилась за углом. Хоть бы не пропустить некроманта, уже темнеет!

Вот Ирга наконец вышел, и не один, а с... каким-то гномом! Они вдвоем засмеялись какой-то шутке, после чего некромант наклонился, чтобы пожать коротышке руку. Вполне довольные друг другом, мужчины разошлись. Только вот куда направляется Ирга? Явно не к своему дому! Крадучись, я направилась вслед за возлюбленным, который скрылся в маленьком переулке. Где же он? Где? Ай!

К моей шее прикоснулось что-то холодное и острое, царапая кожу.

— Кто? — раздался в темноте знакомый голос.

— Я, — просипела я, старясь не дышать и не двигаться. — Ирга, ты с ума сошел?

— Ола? — недоверчиво спросил некромант, убирая клинок от моей шеи. — Что ты здесь делаешь и что на тебе за тряпки?

Я ощупала себя — мокро. А, у меня кровь! Он перерезал мне шею! Вот так избавляются от невест!

— Ты убил меня, — прошептала я, падая на колени.

— Милая! — испугался Ирга. — Милая!

Он аккуратно меня перевернул и с шумом выдохнул.

— Ола, кончай придуриваться! Я тебя не убил, а только поцарапал!

— Да? — уточнила я, открывая один глаз и рассматривая лицо Ирги в свете зажженного им огонька.

— Да, — сердито сказал некромант, помогая мне подняться. — Что это за маскарад? В каком мусорнике ты валялась? И почему ты вообще за мной следила?

— Это не маскарад, — с достоинством ответила я, отряхивая юбку Лиры. — И не на мусорнике я валялась, а на кладбище, я же не виновата, что там так редко убирают. И я за тобой... Да! Я за тобой следила. Потому что ты мне изменяешь!

— Что? — поразился Ирга. — Я тебе изменяю? А почему я об этом ничего не знаю?

— Да, ты мне изменяешь, — глухо повторила я, борясь со слезами.

На лице возлюбленного отразилось отчаяние.

— Такое ощущение, — сказал он тоскливо, — что я бьюсь головой об стену. Пойдем домой, и ты мне все расскажешь.

Я побрела вслед за Иргой, стараясь придумать что-нибудь в свое оправдание. Но ничего толкового в голову не приходило.

Доведя меня до квартиры, некромант очень настойчиво предложил мне выпить, достав из буфета маленькую бутылочку настойки, и отправил в душ.

Я стояла под горячей водой, наслаждаясь этим блаженным ощущением, которое поймет только тот, кто был вынужден обходиться для мытья одним ведром воды. И это ведро еще нужно было нагреть, отнести в закуток и успеть помыться прежде, чем замерзнешь, и прежде, чем вода остынет. Я стояла и стояла под водой, мне не нужно было куда спешить, более того, впереди ждало объяснение с Иргой, а я так и не придумала, что ему сказать. Наконец почувствовав, что еще немного воды, и я превращусь в русалку, я закрыла кран и осторожно заглянула в комнату.

Некромант валялся на кровати и читал какую-то книжку. На дверь он повесил чистое полотенце и свою рубашку, в которой я особенно любила ходить, когда оставалась у него. Переодевшись, я забралась на кровать с ногами и свернулась в уголке. Ирга ласково потрепал меня за волосы и сказал:

— Я читаю книгу, называется «Особенности женской психологии». Все равно ничего не понимаю.

— Сомневаюсь, что там есть раздел про девиц, которые сутки едут в тесной карете для того, чтобы поваляться в грязи и быть чуть не прирезанной собственным женихом, — сказала я, избегая смотреть на Иргу.

— Да нет, тут есть глава про ревность, — задумчиво сказал некромант, листая страницы. — Только у тебя ревность какая-то странная, периодами.

— Она есть всегда, — объяснила я, — просто она растет, растет и созревает. Я — бац! — вдруг понимаю, что ты мне изменяешь.

— Я понял, — сказал Ирга таким тоном, которым обычно разговаривают со смертельно больными.

— Мне Варсоня сказал, что ты мне должен изменять, потому что мужчина долго без женщины не может, — постаралась оправдаться я.

— Не может, — согласился Ирга, — но понимаешь, вот какая штука: у меня кроме мужских органов есть еще мозг. И вот он может обходиться без женщин долго, особенно если ему нужна только одна.

— А у меня нет мозга, — повинилась я, потихоньку придвигаясь к возлюбленному. Ругать он меня не будет, высмеивать тоже, значит, можно и подластиться.

— Есть, — обнадежил меня Ирга. — Только он работает периодами. Но я привык.

Я виновато вздохнула.

— Скажи-ка, милая, это ты ко мне ночью подослала студентика?

Я постаралась изобразить на лице раскаяние.

— И сколько тебе это стоило? — заинтересовался Ирга.

— Довольно дорого, — схитрила я.

— Да уж, такого в моей жизни еще не было, — вздохнул некромант. — Сплю спокойно в своей кровати, вдруг кто-то ломится в двери. Открываю — стоит такой бледный, дрожащий, глаза бегают. Говорит, хочу посмотреть, как спят некроманты. Я сразу решил, что это чей-то розыгрыш, и не стал особо бедного мальчика мучить.

Я в очередной раз почувствовала себя глупо. Ирга молчал, бездумно перелистывая страницы.

— Я чувствую себя такой виноватой перед тобой, — призналась я наконец.

— О, — некромант закатил глаза, — совесть заговорила? Она у тебя только от спиртного просыпается?

— Не знаю...

— Ну тогда я буду поить тебя чаще, ты тогда будешь идеальной женой.

— Не буду я идеальной женой, — призналась я.

— Ну и ладно, — весело сказал Ирга, — с идеальными скучно.

— Как мне с тобой? — не удержалась я.

Некромант засмеялся и кинул на пол книжку.

— Узнаю мою несносную Олу, — сказал он. — Иди ко мне. Я так по тебе соскучился. И мне действительно не помешает женщина, раз уж ты настаиваешь на том, что целитель объяснил, что нужно мужскому организму.

— Я тут, — с готовностью отозвалась я, вытирая остатки слез и ныряя в его объятия.

Глава 3

ГЕРОИЧЕСКАЯ ЭПОПЕЯ

Зима в этом году, в соответствии с предсказаниями, была на удивление мерзкой. Мокрый снег сменялся колючим дождем, замерзшие с ночи лужи уже после завтрака норовили заляпать юбку и затечь в ботинки. Я придушила свою жадность, и мы вымостили дорожку к туалету, но самое обидное, что зря. Первокласная и дорогая плитка, достойная лежать на пути у короля, вскоре покрылась слоем грязи и мокрой глины и совершенно скрылась из виду.

Сегодня, во время утренней пробежки туда-обратно, я поскользнулась, шмякнулась на землю со всего размаха и вернулась в дом в крайне грязном и злобном настроении.

— Стой где стоишь! — завопил Отто, стоило мне зайти в гостиную. — С тебя грязь ручьями течет!

— А то я не знаю, — огрызнулась я, пытаюсь снять юбку максимально осторожно, чтобы не заляпать пол, только вчера мною вымытый.

— У тебя не только юбка грязная, — обрадовал меня полугном. — И пальто тоже. И волосы. А я говорил тебе: не бегай, ходи осторожно!

— Как же тут не бегать, — проныла я, — когда дождь идет, холодный!

— Не сахарная, не растаешь, — сказал Отто, помогая мне снять грязную одежду.

— Надо было весь двор плиткой покрыть, — сказал Варсоня, отрываясь от помешивания каши в чугунке на печке.

— На весь двор у нас денег не хватит, — возразил полугном. — А простыми досками мостить в такое время уже поздно, они размокнут.

— А кто мне воды из колодца наберет? — спросила я, разглядывая в зеркале то, что получилось из моей прически. — Надо голову помыть.

— Он! — сказали хором мои мужчины, указывая друг на друга.

— Я завтрак варю, — заявил Варсоня.

— Я вчера воду носил, — пожаловался Отто в пространство. — И на купание, и на стирку, и на мытье полов.

— Значит, я буду ходить грязной? — возмутилась я.

— А нечего было бегать, не глядя под ноги, — невозмутимо сказал полугном, усаживаясь за стол.

Я злобно схватила ведро и направилась к выходу.

— Ты так полуголой и пойдешь? — спросил Отто.

— И пойду, — сказала я, одергивая рубашку, чтобы она прикрыла бедра. — Если упаду, то меньше стирать будет!

Потоптавшись около двери, я поняла, что никто из моих мужчин не собирается мне помогать.

— Простужусь, заболела и умру, — пробурчала я, нерешительно берясь за ручку.

— Не заболеешь, — отозвался целитель, — а если заболеешь, то не умрешь.

— А если умрешь, то оживят, — подхватил Отто, и парни, довольные собой, весело заржали.

В этот момент дверь вдруг резко рванули с внешней стороны, и я влетела в объятия Рона ня Буя.

— Ох, — сдавленно сказал он, сгибаясь.

— Извини, — смутилась я, пряча ведро за спиной.

— Ничего, — прошипел он, добираясь до лавки и откровенно рассматривая мои голые ноги.

Барон ня Буй в последнее время зачастил к нам в гости. Он, приезжая якобы за заказами, сидел тихонько на лавке в углу мастерской, и я постоянно ловила на себе взгляд его темно-зеленых глаз. Мои друзья, значительно подбравшие после визита в «Лесную фею», относились к барону весьма дружелюбно, а я старалась хранить нейтралитет.

— Мне кажется, ты ему очень нравишься, — заметил Варсоня однажды.

— У нее уже есть жених, — строго сказал Отто.

— Одно другому не мешает, — ответил целитель.

— Может быть, вы перестанете меня делить? — разозлилась я.

— Тогда скажи барону, что ты занята, — посоветовал толстяк.

— А то он не знает. — Я покрутила на пальце кольцо Ирги.

Варсоня пожал плечами, а я... А я все тянула с объяснениями. Мне было лестно, что такой видный мужчина, как барон, обратил на меня внимание. Тем более что от его взглядов и случайных прикосновений рога у Ирги не вырастут, а мне приятно.

Итак, Рон сидел на лавке, а я стояла с ведром в руке, позволяя ему безнаказанно рассматривать мои ноги, едва прикрытые длинной рубашкой, и готовясь получить плату за работу.

— Рон, — сказала я нежным голосом, — а тебя не затруднит набрать мне воды в колодце? Я хочу искупаться, а ее так тяжело доставать!

— Конечно! — с готовностью сказал барон, выхватил у меня ведро и помчался крутить ворот.

— Ничего не говорите! — предупредила я своих друзей, насмешливо наблюдавших за действием, и ушла к себе за юбкой, иначе у Отто мог случиться нервный срыв на почве моего развратного поведения.

Нагрев воду, я заставила барона оттащить чан с горячей водой в закуток, служащий у нас ванной, и занялась отмыванием себя от грязи. Приятный процесс плескания в теплой водичке был прерван вестником, ткнувшимся мне в руку. Я прочитала его и почувствовала, как мгновенно похолодели руки и ноги. Накинув на мокрое тело юбку и рубашку, я вылетела в комнату.

— Отто! — заорала я, прерывая неспешную беседу мужчин. — Читай!

Полугном перехватил листок и быстро прочитал вслух:

— «Нападение Лунной нежити на городок Соснино. Все жители убиты. Сильные магические волнения. Вероятна активизация нежити».

Лучший друг деликатно опустил последнюю строчку послания: *«Береги себя, любимая! Будь осторожна!»*

— Соснино, — потрясенно прошептал барон, — это же совсем рядом!

— Почти день пути по лесам, — уточнил Отто и закрыл руками лицо. — Туда

направляли Карла. С какой-то девушкой из практиков.

Я помнила одноклассника лучшего друга, веселого, ярко-рыжего гнома, любящего показывать карточные фокусы. Любившего показывать карточные фокусы... Но времени, чтобы скорбеть, не было, и я взялась за дело.

— Магические волнения... Сильная магия... Нежить... — бормотала я, перебирая пальцами корешки книг, стоящих на полке. — Нашла!

Я схватила «Некромантию для начинающих» и быстро пролистала страницы.

— Отто, — сказала я севшим голосом, — у нас могут быть большие проблемы.

— Какие? — насторожился полугном.

— «Сильные магические волнения, связанные с некромантией, могут поднять мертвых в поле действия магической энергии», — прочитала я.

— Это значит... — уточнил барон.

— Это значит, что нужно ограждать город защитной линией! — прокричала я уже из своей комнаты.

Когда я вышла, одетая в длинную свободную рубашку, Отто уже держал в руках огромную сумку с необходимыми инструментами. Помахивая зажатými в руках легкими сандалиями, я попросила:

— Рон, ты не мог бы сходить к Рому Борицу и сказать, чтобы нас во время работы никто не тревожил? Пусть он отдаст соответствующие распоряжения. Малейшая ошибка, и все полетит коту под хвост. И пока мы будем чертить контур, у него есть около двух часов, чтобы вернуть всех жителей в город. Те, кто останутся в лесу, пусть пеняют сами на себя.

— Все настолько серьезно?

Я развела руками:

— Я не знаю. Мы собирались отражать нашествие Лунной нежити в количестве до десяти штук, а не готовиться к расходящейся волнами некромантской энергии. До нас может вообще ничего не дойти, а могут встать все покойники окрестности. Одно тешит: такая нежить долго не просуществует, энергии маловато, поэтому охранного контура нам, думаю, хватит.

— Мне нужно вернуться в усадьбу, — сказал барон.

— Это рискованно, — предупредила я.

— Там мои люди, — пожал плечами молодой мужчина. — Тем более что я добрался сюда без приключений.

— Тогда мы еще не знали про нежить, — сказал Отто.

— От этого знания лес опаснее не стал, — спокойно ответил Рон. — Как мне защитить людей?

— Артефакты, которые мы вам сделали, активизируются автоматически. Поэтому я очень рекомендую тебе собрать всех людей и закрыться в замке. Защита у вас хорошая, нежить вас по нервирует и отстанет, как только иссякнет запас впитанной ими энергии. Ворота и стены им не проломить, единственно, могут залезть по стенам, но мертвяков можно сжечь. Смолой, думаю, лучше всего, — посоветовал полугном.

Рон серьезно кивнул и спросил:

— А как же вы? Вокруг Гнедино не то что стены, но даже мало-мальского рва нет!

— Говорю же, охранного контура нам хватит, я волью в него максимум энергии, — махнула рукой я. — Тем более еще не факт, что что-то случится.

К сожалению, это, скорее всего, был факт. Иначе бы Ирга не стал мне присылать письмо.

Мы шли к окраине города, размышляя, как сделать максимально качественную защитную линию с минимальными потерями для себя. Нам повезло, что гнединцы хоронили своих усопших за пределами города, иначе работы бы нам прибавилось.

— Окружность слишком большая, — вздохнул полугном, когда мы вышли за пределы города, — твоей энергии хватит?

— Должно хватить, — сказала я задумчиво. — Придется выкладываться по полной — и

даже больше. Но если мы оставим без защиты хоть один дом, то такой вой поднимется! Особенно, если ничего не случится.

Отто мрачно кивнул, настраивая инструменты. Мы уже хорошо изучили скандальных гнединцев, которые дрожали над каждым гвоздем и протестовали против любого ограничения. Я закрыла глаза и спокойно задышала, настраиваясь на окружающую среду. Сложность предстоящей работы заключалась в том, что мало было обвести город защитным контуром, нужно было еще и напитать его энергией. Своей энергией. К сожалению, я не относилась к могучим магам, чьей энергии могло хватить на десяток таких защитных контуров, но надеялась, что меня хватит, если напитывать линии экономно. А само местечко не относилось к богатым природной магической энергией, что позволяло надеяться на полудохлых и неактивных мертвяков.

— Начинаем, — сказала я полугному.

Он сосредоточенно кивнул. Я тяжело вздохнула, сняла ботинки и переобулась в легкие сандалии — ничего не должно препятствовать течению энергии. Чем больше препятствий, тем больше потерь. Ноги сразу же утонули в холодной и липкой грязи. Нет, не буду думать о том, что заболēju! Распустив волосы, я зажмурилась, чтобы не растерять уверенности, и отдала шубку другу. Хорошо, что не мороз!

Я тащила тяжелый посеребренный прут по грязи, а Отто шел рядом, командуя, куда поворачивать. Он постоянно сверялся с измерителем энергетических потоков и старался выбирать такую дорогу, чтобы мне было легче идти.

Стараясь не отвлекаться ни на мелкий и холодный дождик, ни на толпу зевак, становящуюся все больше, я шептала слова заклинаний и волокла, волокла тяжеленный инструмент по грязи. Главное — не прерывать линию, только не прерывать линию. Скоро мне стало жарко. Мокрые от пота и дождя волосы упали на глаза. Кто-то — наверное, Отто — убрал их приятно прохладной рукой. А я все шагала, шагала и шагала мелкими шажочками. Почему я никогда раньше не замечала, в каком большом городе я живу? И какие ухабы его окружают?

Сначала у меня начали дрожать руки. Потом начали дрожать ноги, подгибаясь в коленях. Ступней я уже давно не чувствовала, и где-то на задворках сознания я мечтала о том, чтобы замерзшие пальцы не отвалились до тех пор, пока я не доберусь до целителя.

— Стоп! — резко крикнул Отто.

Я остановилась, мир перед глазами закачался, и лишь усилием воли мне удалось удержаться на ногах.

— Мы сейчас закроем защитную линию вокруг города, — громко сказал полугном. — Никто не должен ее пересекать без нашего разрешения, понятно? Ситуация довольно опасная.

Народ зароптал, но тут вмешался Ром Борич, его зычный голос легко перекричал недовольных.

— Давай! — сказал Отто.

Я замкнула линию, прошептав последние слова заклѣтия, и упала в обморок.

Очнувшись я в объятиях несущего меня полугнома. Его борода щекотала мое лицо, от лучшего друга пахло табаком, мокрой кожаной одеждой с легким запахом горелого от искр жаровни мастерской и моим средством для укладки волос.

— Отто, — слабо прошептала я, — ты пользуешься моей косметикой?

— А ты предпочитаешь, чтоб моя борода торчала во все стороны? — спросил Отто. — От этой мокрой погоды она дико курчавится, и ее невозможно заплести. И вообще, молчи! Сейчас тебя в порядок будем приводить.

— Меня нельзя привести в порядок, — простонала я, — меня можно только добить.

— Если бы тебя можно было только добить, ты бы не была такая разговорчивая, — возразил друг.

Он внес меня в дом и, тяжело пыхтя, уселся на лавку.

— Раздевай ее, — сказал он Варсоне, который опытными руками целителя уже

разворачивал шубку, в которую меня завернул Отто. — Не понимаю я, — высказался полугном, отдышавшись и принявшись помогать меня раздевать, — любовь Ирги к тасканию ее на руках. Она же тяжелая!

— Это ты хилый, а не я тяжелая, — оскорбилась я.

Лучший друг обиженно замолчал. Мы оба прекрасно знали, что полугном очень силен, но и я на Варсоной готовке округлилась. И я сомневалась, что Ирга смог бы меня пронести такое расстояние, да еще и утопая в грязи.

Варсоня поддерживал меня, а Отто стаскивал рубашку, невыносимо мокрую, грязную и холодную. Потом парни, ухнув, погрузили мое безвольное тело в чан с очень горячей водой.

— А-а-а! — взвыла я. — Кипяток!

— Очень хорошо, что ты это чувствуешь, — кивнул толстяк, подавая мне огромную пивную кружку. — Пей!

Я без протестов выпила обжигающий чай с пряностями, какими-то травами и крепкой водкой и почувствовала, как у меня слипаются глаза.

— Вот и славненько, — довольно сказал Варсоня. — Теперь тебе нужно сутки поспать, и все будет в порядке.

— Мы ее будем вытаскивать из чана? — ужаснулся Отто. — Мы же ее не поднимем! Ты глянь, какие бедра она наела на твоих кашах!

— Поднимем, а если будет слишком тяжело, потом посажу ее на диету, — успокоил целитель, а я уже засыпала...

Разбудил меня жуткий грохот. Было такое ощущение, что табун пьяных лошадей топчется у меня на голове.

— Что такое? — прошелестела я пересохшими губами.

— Вставай, вставай, у нас проблемы! — проорал мне в ухо полугном.

— Кто бы сомневался, — пробормотала я. — Который сейчас час?

— Час ночи, — с готовностью сообщил Отто. — Как ты себя чувствуешь?

— Отвратительно, — призналась я, делая попытку закопаться поглубже в одеяла. Все тело болело, в голове шумело, в глазах чувствовалась жуткая резь. — Проблемы не могут подождать до утра?

— Могут, — сказал друг, — если ты точно знаешь, сколько продержится твой охранный контур, если его будут атаковать мертвецы.

— Смотря сколько мертвецов, — пробурчала я. — Если около десятка вялых, то пару-тройку часов.

— А если больше и активнее, то меньше, да? Прекрасно, в таком случае у нас есть несколько минут на то, чтобы ты встала, оделась и мы придумали, что нам делать дальше.

— Я не буду вставать, — отрезала я, пряча голову под подушку.

Отто резким рывком отобрал у меня подушку и сказал ласково:

— Золотце, я тебя понимаю, но на внешней стороне охрannого контура уже час топчутся около двадцати мертвецов, и в городе царит паника. К тому же Сита пропала.

— Мертвецы в город еще не пробрались? — спросила я, отчаянно стараясь заставить свои конечности меня слушаться.

— Нет.

— Значит, Сита либо где-то в городе...

— Ее нигде нет.

— ...либо ее уже съели, — равнодушно закончила я. Ситу я не любила.

— С ней пропал сын Ниты. Соседка убита горем, — сказал Варсоня, появляясь около меня с кружкой. — Пей.

Я выпила, различив знакомый мне вкус магического стимулятора. Ната было жалко, хороший был парень.

— Держи, — сказал Отто, поняв, что меня уже не шатает, и высыпал на кровать кучу уже готовых артефактов от нежити.

Я вопросительно посмотрела на полугнома.

— Ты можешь забрать всю их энергию, — сообщил он. — Без твоей дееспособности нам труба. Ты из нас самый сильный маг. А артефакты сделаем еще, если выживем.

Я молча взялась за вещицы, ощущая, как ответственность давит на мои слабые плечи. Странно, но в этот момент мне вовсе не хотелось быть знаменитым магом-практиком, спасшим от гибели кучу селений и городов и воспетым в легендах. Мне хотелось спать.

Когда мы вышли из дома, то оказались в толпе орущих людей, машущих факелами, цепляющихся за нашу одежду с искаженными от страха лицами.

— У нас так ничего не получится, — сказала я Отто. — Где Ром Борич?

— Ром Борич! — заорал полугном. — Голова!

— Я здесь! — Пузатый голова быстро пробился через толпу и спросил: — Что вы собираетесь делать?

— Для начала нам нужно спокойно дойти до контура, — сказал Отто.

— Разгоните всех по домам, — негромко сказала я. — И пусть запираются и надевают артефакты, которые мы им раздали — смотрю, даже наличие мертвецов у города большинство не образумило. И пусть не путаются под ногами, дело серьезное.

— Люди желают знать, что вы собираетесь делать, — повторил Ром Борич.

— Спасать ваши шкуры! — разозлилась я. — И чем дольше мы тут разговариваем, тем меньше у нас шансов это сделать.

— А моя дочь? — завопила Сата. — Вы собираетесь искать мою дочь?

— Вы предлагаете разорвать защиту и отдать на растерзание зомби пятьсот человек ради вашей дочери? — заорала я, теряя над собой контроль. — Что ж, извольте! Я смотрю, вы все просто мечтаете стать пищей для скелетов! Какого Ёшкиного кота вы все здесь торчите? Думаете, у меня есть подпол, защищенный от мертвецов? Или что я одна пойду и порву их всех голыми руками, чтобы вы на это поглазели? Если через одну минуту тут останется хоть один человек, я пойду спать, и мне плевать на судьбу города!

— А вы обязаны... — вякнул кто-то из толпы.

— Я была обязана обеспечить вас артефактами, которые вы не носите! И все! Ясно вам? Минута пошла!

— Золотце, — сказал Отто спокойным тоном, глядя, как народ разбегается и улица темнеет, — кажется, ты переборщила. Успокойся.

— Можно я останусь? — робко спросил Ром Борич. — Или мне тоже уйти?

— Вам можно, вы же все-таки начальство, — успокоил полугном. — Пойдем, их больше всего возле места замыкания круга. Видно, там отток энергии идет.

Я молча кивнула, чувствуя, что моя злость на охваченную страхом толпу никак не уляжется. Самое ужасное было в том, что мне, магу, который должен служить образцом и примером поведения, тоже было страшно.

Возле места стыка линий дежурили несколько лесорубов, вооруженных топорами и большими факелами. Мужчины разожгли костры и настороженно смотрели на стонущих и царапающих невидимую стену мертвецов. Здесь были трупы на любой вкус: и почти свеженькие, в одежде, и полуразложившиеся, и совсем костяки. И их было много, очень много.

— Ты же сказал — около двадцати! — напустилась я на Отто.

— Их больше стало, — ответил он печально.

Видимо, к восставшим с городского кладбища присоединились и умершие в ближайшем лесу. Я опустила на колени и прижала руки к линии, прочерченной мной утром. Она держалась, но еле-еле. Влив в контур немного энергии, я подняла глаза и встретила с голодным взглядом лесоруба Пита, погибшего всего неделю назад от упавшей сосны. Тело человека, который всего две недели назад получил от меня по физиономии за наглые приставания в подпитии, напряглось и кинулось на контур. Я отшатнулась и упала в грязь, а мертвеца отбросило назад. Отто подбежал ко мне, а я тряслась, клацая зубами и истерически всхлипывая.

— Я не смогу, — прошептала я ему. — Ты посмотри, как их много. Мы все умрем

здесь. Все. Все !

Сильный удар по щеке заставил меня замолчать. Отто размахнулся, и звонкая пощечина припала и по второй щеке.

— А ну успокойся! Что это еще за сопли? Мы с тобой — единственная надежда этих людей на выживание, понятно тебе?! И если будем паниковать, нам конец. Успокойся!

Сильные руки лучшего друга хорошенько встряхнули меня, прежде чем поставить на ноги.

— Сейчас ты отправишь вестника Ирге. И будешь поддерживать контур до тех пор, пока я тебе не скажу, что хватит. Ясно? И чтобы ни одного слова или сомнения, что мы не сможем это сделать!

Я кивнула. Страх куда-то ушел. Я посмотрела на молчаливых лесорубов, собиравшихся биться с мертвецами, несмотря на то что они совершенно не владели магией. На спокойного Отто, чье бледное лицо в окружении растрепавшейся бороды было для меня как спасительный якорь в бурном море, и весело сказала:

— Ну что, народ, прорвемся?

— Главное, чтобы эти не прорвались, — сказал один лесоруб.

— Если прорвутся, вы их огоньком! — ответила я, сотворяя вестника. Белый листок умчался в небо вместе с искрами от костров, неся на себе только несколько слов: *«Мы окружены мертвецами. Поспеши»*.

Мне быстро накидали досок на землю, и я с удобствами уселась, прижав ладони к линии. Сосредоточилась, отменяя все посторонние мысли и звуки, и принялась наполнять контур энергией. Я отдавала и отдавала энергию, представляя, что я сейчас не в сыром, мокром Гнедине, окруженном толпой оживших мертвецов, а лежу в постели с Иргой, он гладит меня по плечам, целует лопатки...

— Ола, — сказал рядом Варсоня, вырывая меня из сладких грез, — выпей это.

Я оторвалась от контура и рассеянно стала пить стимулятор, оглядываясь по сторонам. Отто организовывал оборону, собрав самых сильных и наиболее толковых мужчин и расставляя их по периметру контура. На боку лучшего друга висела секира, он раздавал парням факелы и наспех инструктировал. Я вздохнула и собиралась вернуться к своей работе, как вдруг заметила, что защита просто вибрирует от напряжения.

— Отто! — испуганно позвала я.

— Что? — примчался полугном.

— Это не только мертвецы, — прошептала я, обхватывая себя руками, чтобы не дрожать. — С ними за компанию маг! Смотри, мой контур атакуют!

— Сильный маг? — спросил Отто деловито.

— Не очень, иначе бы давно все полетело. Мне не удержать защиту, я почти пустая, а он...

— Бери меня, — сказал молчащий до сих пор Варсоня. — У меня, конечно, сил не много, но все же есть.

— Готовь ребят, — сказала я полугному и тесно обхватила Варсоню, настраиваясь на его ауру. — И еще, Отто...

— Да?

— Если что, прости меня. Ты был самым лучшим другом, которого можно пожелать в этом мире.

Полугном минуту помедлил, а потом обнял меня, прижав еще теснее к целителю.

— Ты замечательная подруга, Ола! И я рад, что мы столько лет были рядом. Мне не за что тебя прощать. И ты меня прости, если я тебя чем-то обидел.

— Как ты можешь меня обидеть? В загробном мире мне будет тебя очень не хватать!

— Я люблю вас, друзья, — прогудел Варсоня. Его энергия, теплая, приятная, разбегалась по мне, и умирать совершенно не хотелось.

— Странно, — сказала я, подготавливая большие огоньки и несколько боевых заклятий, которые мне удалось выучить и отточить до совершенства. — Я когда-то была

готова покончить жизнь самоубийством. А теперь смерть стоит рядом, а мне так хочется жить еще и еще!

— Могу утешить только тем, что если от тебя хоть что-то останется, то Ирга попробует тебя оживить, — поделился соображениями Отто.

— Не думаю, — ответила я. — Зачем ему зомби? Да еще и погрызенный! Максимум — вызовет дух, чтобы попрощаться.

Тратя драгоценные крохи энергии, я сделала еще одного вестника: *«Я очень люблю тебя. И буду любить всегда, даже когда умру»*. Давно пора было сказать ему это.

— Ола, — тревожно сказал Отто, — защита сейчас исчезнет.

— Где они будут ломиться?

— По всему периметру. Но здесь их больше всего.

— Замечательно. Прощай, Отто.

— Прощай, золотце.

Контур замерцал и исчез. Мертвецы на миг замерли и бросились на нас.

Я взвизгнула и спряталась за спину Отто. Друг схватил меня за руку и потащил к ближайшему строению, прижав спиной к стене и став спереди. Таким образом, я была защищена от нападавших со всех сторон, но отнюдь не собиралась празднично прохлаждаться. Все-таки положение обязывало подавать пример населению, даже если больше всего хотелось закрыться в глубоком погребе, спрятавшись в кадку с кислой капустой. Если выживу, спрошу у Ирги, как мертвецы к такому противному запаху относятся.

Горожане встретили мертвецов с факелами в руках. Пока я занималась защитным контуром, Отто с Ромом Боричем успели поднять боевой дух защитников. Во всяком случае, мрачные мужчины с факелами не дрогнули. Да и куда им бежать? Домой, к женам и детям?

К моей гордости, наши артефакты действовали весьма эффективно. Нежить замирала на миг, и это давало возможность людям поджигать каждого мертвеца с нескольких сторон. Я старалась не высовываться из-за спины полугнома и не особо всматриваться в зрелище битвы, чтобы потом кошмары не мучили. Тут и там раздавались крики боли, треск горячей плоти. В воздухе нестерпимо воняло паленым. Хотелось закрыть глаза и открыть их в собственной постели, поняв, что это был только страшный сон. Кажется, в боевые маги идут только скрытые маньяки и садисты. Кто же еще захочет добровольно участвовать в таком кошмаре?

— Артефакты сейчас сдохнут, — заметил полугном. — Тогда нам придется туго. Мертвецов слишком много, а защитников слишком мало. А бойцов среди них нет вообще.

Я сосредоточенно наблюдала за поведением поднятых из могил. Что-то мне в них категорически не нравилось. Например, то, как целенаправленно горящий мертвец бежит в сторону дома, чтобы подпалить его. Или как падает, словно мгновенно лишенный сил, костяк, атакованный сразу несколькими горожанами. Или как поднимается и идет в наступление только что убитый мертвяками защитник города.

— Сгорим все к демонам! — пробормотал Отто, глядя, как начинают пылать дома. — Хорошо, что Ром Борич всех детей к себе в дом забрал, у него каменный. Хоть кто-то спасется.

Полугном лениво отмахнулся секирой от подбежавшего скелета. Тот с жалобным треском рассыпался. Лучший друг не погнушался еще потоптаться по останкам, доламывая их своими тяжелыми ботинками и бормоча проклятия.

Крики усилились. Из горящих домов выбегали владельцы и начинали их тушить, поливая водой из ведер и с легкостью попадая в руки мертвецов.

— Идиоты! — процедил Отто.

— Только всеобщего пожара нам и не хватало, — обреченно сказала я.

— Ты можешь залить их всех водой?

— Я почти на нуле, — ответила я. — Максимум, на что меня еще хватит, — на пару огоньков.

Полугном рванулся было бежать командовать погорельцами, но я его удержала:

— Нужно поговорить.

— А другого времени для беседы ты не могла найти? — рывкнул он, хватаясь за бороду.

— Послушай! Мертвецами кто-то управляет! Они не подняты волнами энергии, они подняты сознательно. Кем-то!

Лучший друг замер, раскрыв рот.

— Сзади! — пискнула я, толкая Отто.

Он стремительно обернулся и выместил свое недоумение на полуразвалившемся женском теле.

— Ты уверена? — спросил полугном, обернувшись и пытаясь отодрать от волос чью-то руку.

— Не знаю, но мне так кажется. Посмотри, как они себя ведут! Как сознательные! Как зомби единичной работы. Бросаются в атаку там, где защитников меньше всего. Поджигают дома. И скорость! Они слишком прыткие и не слишком кровожадные. Разорвал горло и побежал дальше, вместо того чтобы разорвать тело жертвы на куски. Мне кажется, что я ощущаю нити управления ими.

Отто молча поволок меня в ближайший сарай и закрыл дверь изнутри.

— Тебе *кажется*, что ты ощущаешь нити, или ты их действительно ощущаешь?

Я сосредоточилась, закрыла глаза и несколько минут глубоко дышала, стараясь не думать ни о чем. И тут же увидела их — сотни маленьких темно-фиолетовых потоков энергии. Одна нить обрывается, другая на миг становится толще, и где-то рядом с нами раздается громкий крик. Раз! — и нить раздвоилась.

— Я их вижу, — прошептала я, открыв глаза. — Мертвецы действительно управляются.

Отто молчал, оперевшись на секиру. В бликах огня, пробивающихся через щели сарая, его лицо показалось мне постаревшим лет на десять.

— Это должен быть очень сильный маг, — сказала я. — Управляться с таким количеством энергетических потоков далеко не каждый сможет.

— Ты же говорила, что это слабый маг!

— Говорила, — сказала я, закрывая лицо руками. Мне казалось, что на меня обрушился весь мир. Что делать, я не знала. Даже находясь в своей лучшей форме, с полным энергетическим запасом, я не могла противостоять магу-практику. А тем более такому, который, играя, оперирует настолько мощными потоками энергии. — Он поднимает новых мертвых, разваливающиеся скелеты бросает. Нас убьют, как младенцев!

Я хотела заплакать, но слез не было. В глаза словно насыпали песка.

— Не убьют, — спокойно сказал Отто. — У мага не так уж и много времени. Скоро начнет светать, а нежить очень не любит прямых солнечных лучей.

— Будут тучи и дождь, — сказала я, обхватив себя руками и начиная медленно раскачиваться, как неваляшка. — Солнца не буде-э-эт!

— Без истерик, — предупредил полугном, — а то врежу секирой, чтоб мозги на место вправились.

Я молча смотрела на то, как трещат двери под напором прорывавшихся к нам мертвецов. Некоторые из них всего несколько минут назад защищали Гнедино.

— Давай думать, — сказал Отто. — Кому мы могли так перейти дорогу, чтоб из-за нас какой-то сумасшедший маг решил уничтожить целый город?

Я в немом изумлении уставилась на полугнома. Что он несет? Причина кровавого побоища — два студента?

— Вот, — сказал удовлетворенно друг. — Вижу работу мысли. Давай теперь думать по теме. Откуда маг управляет мертвецами?

— Оттуда. — Подумав немного, я махнула рукой вправо.

— Так, он видит картину боя, это значит, что он сидит на возвышении.

— На коне? — предположила я.

— Слишком низко.
— На дереве?
— Похоже на то. — Отто задумчиво терзал бороду. — И что нам нужно сделать?
— Всего лишь подобраться к магу, очень сильному магу, очень сильному магу-некроманту и оборвать пучок управляющих нитей одним ударом.
— В общем, умереть с честью, — резюмировал полугном.
Я подняла глаза и посмотрела на лучшего друга.
— Да, умереть с честью, что ты смотришь на меня так? Я всегда мечтал быть героем, а в обыденной жизни так мало места для подвига!
— Я не хочу умирать с честью, — сказала я, доставая из волос верную шпильку.
— Подожди со шпилькой, она тебе может пригодиться в самом конце, — предупредил Отто.

Я тяжело поднялась, чувствуя, как на меня давят не прожитые годы, не выпитое пиво, не съеденные шоколадки, не... не... не... Сколько же времени своей недолгой жизни я потратила на ерунду, а ведь могла бы заниматься нужными, полезными или хотя бы приятными вещами!

— Что ты делаешь? — удивился полугном.
— Шарю по стенам и ищу что-нибудь, способное сойти за оружие. — В руки мне попала коса, и я понадеялась, что она хотя бы ржавая. Если не убью мага, так хоть обеспечу ему заражение крови. — Я все же хочу жить долго и счастливо.
— Увы, — сказал Отто, подходя к дверям, за которыми нас ждали ожившие трупы. — Надо быть осторожнее в желаниях. Ты же хотела стать знаменитой, когда поступала в Университет? Вот и станешь, если кто-то останется в живых, чтобы воспеть твой подвиг. На счет «три» открываю дверь. Береги энергию, она нам пригодится. Бежим к лесу и ищем некроманта.

Меня испугал фанатичный блеск в глазах полугнома. Было такое ощущение, что вся храбрость, отведенная на нас двоих, досталась Отто. Я же шла совершать подвиг только потому, что мне некуда было деваться. Полугном распахнул дверь и вломился в ряды мертвецов, вращая секирой, как ветер лопастями мельницы. Я сначала высунула из сарая косу, только после этого выдвинулась сама.

— Бежим, бежим! — крикнул Отто, тяжело дыша.
И я побежала, скользя по грязи, перемешанной с кровью. Смотреть по сторонам, чтобы выяснить, что происходит с защитниками города, мне было некогда. Только бы не упасть, только бы не упасть!

— Стоп! — рявкнул полугном.
Я не успела затормозить по грязи и со всего размаху врезалась в дерево.
— Ах...
— Не время вздыхать, мы уже в лесу. Где маг?
Я, стараясь восстановить дыхание, закрыла глаза. Силовые потоки уходили вправо и вверх.

— Ты был прав, он на дереве, — простонала я. Кажется, на лбу будет здоровенная шишка.

Отто решительным шагом направился в глубь леса. Я подобрала косу, выпавшую у меня из рук при ударе, и поплелась за ним.

Короткая вспышка, ослепившая глаза. Я на миг замерла, растерянно заморгав.
— Беги, Ола! — приказал полугном, отбиваясь от напавших на него зомби. — Давай же!

На груди у Отто ярким светом сиял медальон. Странно, я даже не знала, что у него есть такой!

В свете артефакта я рассмотрела полуразумных, качественно сделанных зомби, которые нас окружали со всех сторон. Взмахнув косой, я вложила в удар всю свою силу и немного магии. Голова ближайшего ко мне мертвеца отлетела куда-то в кусты, а его тело

запылало огнем. Я рванула в ту сторону, где пространство аж вибрировало от магии.

— А-а-а!.. — заревел за моей спиной полугном.

Я на бегу содрогнулась от боли, прозвучавшей в этом крике, но не остановилась, хоть на глазах и выступили слезы.

— Прощай, друг, — прошептала я. И вдруг увидела объект своего поиска.

Маг в бесформенном балахоне с капюшоном с удобством расположился под факелом, держа в одной руке толстенный фолиант, а другой двигая так, будто играл куклой-марионеткой. Где-то неподалеку, в кустах, бился и храпел конь, сходящий с ума от обилия нежити вокруг.

Мы с Отто ошиблись в своих предположениях: некромант сидел вовсе не на дереве, а на веранде дома лесника, поднятого почти на верхушку огромного дуба.

«Для того чтобы зюка не залезла», — объяснял мне когда-то лесник, дядя Пон, когда я спросила у него, зачем его жилище расположено так высоко. Эх, дядя Пон, дядя Пон, под каким кустом сейчас лежат твои кости?

Как же мы могли забыть про этот домик? Ведь я сама однажды сидела на этой веранде, рассматривая городок, который был виден с нее как на ладони.

У лесенки меня поджидали два зомби. Я смела их воздушной волной и полезла наверх, таща за собой косу. Совсем без оружия показаться перед могущественным некромантом, уничтожившим часть округа, мне было стыдно.

— Эй, ты! — прерывающимся голосом закричала я. — А ну хватит!

Я хотела еще вызвать его на поединок, хотела сказать все, что я о нем думаю, но дыхания не хватило, и я оперлась на косу, чтобы отдышаться. Некромант повернул ко мне свое лицо с тонкими, даже красивыми чертами, искаженными тенью капюшона, недоуменно посмотрел на меня и вдруг расхохотался.

— Что тебе надо? — спросил он, отсмеявшись. — Хочешь все это остановить?

Я кивнула. Да, маг был силен, но неопытен. Потеряв концентрацию, он упускал нити, которые исчезали из его ладони. Каждый энергетический поток — это зомби, лишаящийся подпитки, тупеющий, слабеющий и довольно быстро возвращающийся обратно к недвижимым и спокойным покойникам. А это значит, что, потянув время, я спасу больше жизней.

— Да. Сейчас я тебя остановлю!

— Да ты на себя в зеркало смотрела, девочка?

— Нет, — призналась я, краснея против воли. — А что, страшная?

— Страшная.

— Вот такая, значит, у тебя судьба: быть убитым от руки грязной и страшной девочки! — храбро ответила я.

— А ты мне нравишься, — заметил некромант. — Смелая. Присоединяйся ко мне.

Да, да, да! Всего несколько нитей осталось в его руках.

— Нет, спасибо, — сказала я, беря косу наперевес. — Я уже присоединилась к одному некроманту, с меня вашего племени хватит.

— Подожди, — мирно сказал маг. — Это ты организовала оборону города?

— Я, — сказала я, нагло приписывая себе деяния полугнома.

— Молодец, — похвалил некромант. Я против воли почувствовала себя польщенной. — В предыдущем городе такие бестолковые маги были, мне даже разгуляться негде было.

— А я думала, это Лунная нежить была.

— Маскировка! — похвастался маг. — Сейчас все сваливают на Лунную нежить.

— У тебя с календарем плохо, — сказала я, посчитав на пальцах. — Полнолуние вчера закончилось.

— Правда? — огорчился мой противник. — Ну и ладно. Все равно, по моему плану, это последний город в этом месяце. Я все же настоятельно рекомендую тебе присоединиться ко мне.

— Почему ты меня просто не убьешь, а ведешь переговоры? — любопытствовала я в замешательстве. Я-то думала, что встречаются два противника, трах-бах, один — в тюрьму или могилу, второй — на пьедестал славы.

— Я, в некотором роде, мм... испытываю кадровый голод, — любезно объяснил мне некромант. — Для достижения цели мне нужны толковые люди, а это редкость. Тем более ты женщина, значит, у нас появится умное и магически одаренное потомство.

— Э-э-э, — озадачилась я. — Почему все, с кем я сталкивалась в последнее время, предлагают мне завести общих детей?

— Наверное, потому, что ты вступила в наиболее благоприятный для деторождения возраст, — пожал плечами маг. — Знаешь, найти подходящую мать для своих детей еще тяжелее, чем смышленного и не ленивого подчиненного. Ну так как, согласна?

— А что мне от этого будет? Мировое господство?

— Нет, — обиделся маг. — На мировое господство я не претендую, мне одного государства хватит. Пока. А место женщины хоть и у правого плеча мужа, но все же за его спиной.

— Не-э-э... — протянула я, чувствуя себя участницей глупой уличной комедии, — я несогласна. Я сама править хочу.

— Мне жаль тебя убивать, — вздохнул маг.

Он отбросил книгу и, сверкнув синими глазами, щелчком швырнул в меня стену огня.

Мой Щит выдержал, более того, я даже умудрилась придвинуться ближе. Еще немного, и я достану его косой.

— У тебя нет никаких шансов, — прокрипел некромант, снова швыряя в меня огнем. Домик лесника запылал.

Еще одной стены огня мой Щит не выдержит. Тянуть время больше нельзя.

Я прыгнула на некроманта, махнув косой. Он легко уклонился, достав из-за пояса длинный кинжал.

— Не убивай меня, дяденька, — захныкала я, прикидывая, скоро ли обвалится от огня веранда домика и очень ли больно будет падать.

— Становись на колени! — приказал он.

Что за болезненное самолюбие! Я покорно стала на колени, положив перед собой косу.

— Сейчас ты познаешь... — пафосно начал некромант, но что именно я должна была познать, я не успела услышать, так как именно в этот момент веранда обвалилась, испортив торжественность момента.

Мы ухнули вниз, ломая ветки. «Мама!» — успела подумать я, сжимаясь в комочек.

Удар об землю, казалось, вышиб из меня кишки через уши. Я немного полежала, пытаюсь вдохнуть и выдохнуть и поспешно накладывая на себя обезболивающие заклятия, пока боль не дошла до мозга и он не отключился.

— Дрянь, — застонал где-то рядом маг. — Я напоролся на твою косу!

— Насмерть? — с надеждой просипела я.

— Нет, моя рука! Моя рука!

Я подняла глаза и увидела, как надо мной возвышается фигура в черном балахоне. Рука с кинжалом была очень хорошо видна в отблесках пожаров. Я попробовала отползти, подволакивая сломанную ногу. Ну почему, почему мне не везет? Почему проклятый некромант свалился с верхотуры и только напоролся рукой — и то левой! — на мою косу, а я сломала себе ногу! И кажется, еще и печенку отбила. Теперь точно со мной никто детей не захочет иметь, кому такой инвалид нужен?

Некромант упал на меня, вонзая кинжал в мое тело. Больно. Больно же как! Сцепив зубы, я потянулась к шпильке на голове и из последних сил вонзила ее некроманту в спину. Он заорал и скатился с меня.

— Взять ее! — крикнул он кому-то, и я почти безучастно увидела, как на меня кидаются два зомби.

Больно.

Темнота.

— Ола, Ола, Ола!

Больно.

— Ола!

Больно.

— Ола!

Да дайте же мне умереть спокойно!

— Ола!

Я открыла глаза и увидела полугнома. Из его глаз катились слезы, большими каплями скользя по спутанной бороде.

— Ола! Не умирай, только не умирай, еще немного потерпи, золотце.

— Я... — прохрипела я, царапая языком сухой рот. Отто почти прижался ко мне, чтобы услышать, что я скажу.

— Я еще вас переживу, — прошептала я и умерла.

Оказывается, это даже приятно.

Я словно плыла в сером, плотном тумане, нетерпеливо ожидая, кто же явится за мной — демоны или ангелы? Надеюсь, все-таки посланники Госпожи Удачи, чьей преданной верующей я была последние лет десять. Впрочем, если демоны, это тоже неплохо. Во всяком случае, у меня будет возможность дожидаться большинство своих знакомых. А если я буду хорошо себя вести и покорно кипеть в котле, то, может быть, мне разрешат на денек смотаться в загробный мир гномов и встретиться там с Отто? Или после смерти понятие «день» уже утратило свою актуальность?

— Пррривет, — раздался низкий голос, и передо мной возник рыжий, полосатый и пушистый кот. Такой красавец, что если бы я не умерла, то завела бы себе такого дома. Он бы лежал у меня на коленях и мурлыкал, а я бы чесала его за ушком и кормила бы рыбкой, сметанкой и молоком. Если бы не съедала их раньше сама. Впрочем, мышей еще никто не отменял.

— Ёшкин кот? — потрясенно спросила я.

— Он са-мяу-мый.

Жаль, конечно, что я отправляюсь к демонам, зато приятно, что мою душу будет сопровождать сам Ёшкин кот. Может быть, я попаду к элитным грешникам?

— Ну что, идем? — спросила я у Кота.

— Ты куда-то спешишь? — осведомился рыжий.

— Уже никуда, — осознала я.

— Вот и прррравильно. А то все спешат куда-то, и бегут, и бегут по делам. А потом попадают к нам и понимают, что вспомнить нечего. Все дела и дела, а прррприятного душе и нет ничего. И рррыдают потом веками, у нас, сама понимаешь, событий маловато. Вот ты какие приятные вещи будешь вспоминать?

Я задумалась. Поцелуй Ирги. Дружеские объятия Отто. Маму, пахнущую моими любимыми пирожками с яблоками. Лиру, спасающую меня от похмелья. Сестер, валяющихся у меня на кровати и делящихся последними новостями. Папу, подбрасывающего меня к потолку, когда я была еще совсем крошкой. Бефа, сердито выговаривающего мне за очередную оплошность. Иргу, лежащего на кровати в его любимой позе на спине с руками под головой...

— Видишь, как много тебе есть чего вспомнить! — обрадовался Кот.

— Подожди, я еще не все вспомнила.

— У тебя еще будет врремя этим заняться, — сказал Кот. — И хьюдорррский шоколад, и сморррродиновую настойку, и сосиски с пивом. Кстати, ты пррробовала эльфийскую копченую рррыбку тиливи? Нет, вижу, что не пррробовала, а жаль. Очень рррекомендую.

Интересно, как это я смогу попробовать эльфийскую копченую рыбку?

— Думаешь, ты больше никогда не встррретишь эльфов? — спросил Кот.

Ага! Эльфы тоже попадают к демонам! Я так и знала! Так им и надо! Надеюсь, их всех поджаривают на самых некрасивых сковородах. Э-э-э, стоп...

— Подожди, — спросила я, — ты что, читаешь мои мысли?

— Да, — сказал Кот, потягиваясь.

Получается, он знает, что я думала про него, как про обычного кота? Еще и мышей думала заставить ловить.

Я не знаю, может ли бесплотная душа краснеть, но моя покраснела, это точно.

— Да ладно, — сказал Кот, мягко подходя ко мне поближе. — Ты не пррредставляешь, как иногда хочется побыть обычным котом.

Я, уже ничему не удивляясь, села в туман, и Кот залез мне на колени. Я ласково чесала его за ухом, гладила густую и пушистую шерсть, а он мурлыкал так, что у меня от вибрации дрожало где-то в кишках. Так, незаметно для себя, я задремала.

Разбудила меня мягкая лапа, стучавшая по моему носу.

— Тебе поррра.

— Я не думала, что души спят, — поделилась я, потягиваясь.

— Твоя душа очень устала, — мягко сказал Кот. — Ей пррришлось пррроделать очень тяжелую ррработу.

— А почему я этого не помню? — спросила я. Неужели мне удалось осуществить самую большую мечту всех лентяев — спать и работать одновременно?

— Подарок за ласку, — ответил Кот. — Зачем тебе лишняя боль? А теперррь тебе поррра.

— Спасибо тебе, — от души поблагодарила я рыжего за доставленное удовольствие. — А теперь куда — в котел или на жаровню?

— Хуже, — захихикал Кот. — Дерррржись, Ольгерррда, еще увидимся!

Меня понесло куда-то, закрутило в вихре, и наступила темнота.

Я открыла глаза. В углу на потолке в паутине сидел здоровенный паук и смотрел на меня. Я скосила глаза влево и увидела край коврика с коровами на лугу — подарок на какой-то праздник от моих сестер. Я у себя в комнате? Да, у себя. Этот грязно-белый потолок с трещинами я вижу каждое утро в Гнедине.

Но как? Каким образом? Я же умерла!

Я скосила глаза вправо и увидела кресло-качалку, на котором спал Ирга. Я попробовала повернуть шею, но меня пронзила острая боль. От неожиданности я застонала. Значит, я все-таки не умерла? Не помню, чтобы в учениях про загробный мир упоминалось про боль в шее. Я опять попробовала повернуть шею и снова застонала. Некромант пошевелился, открыл глаза и посмотрел на меня. На миг его лицо застыло, а потом осветилось такой радостью, что у меня перехватило дыхание.

— Ола, — прошептал он и прикоснулся к моей щеке ладонью так осторожно, будто я была экспонатом в королевском музее драгоценностей. — Милая, ты узнаешь меня?

Я решила не кивать и попробовала сказать.

— Да. — Язык ворочался с трудом, будто он забыл о своих обязанностях.

Некромант закрыл глаза и прижался своим лбом к моему. Кап. Кап. Мне на щеки упали теплые капли.

— Ирга, — я все-таки заставила непослушный язык двигаться, и во рту наконец-то появилась слюна, — ты плачешь?

Вместо ответа он обхватил ладонями мое лицо, словно боялся, что оно рассыплется.

— Как я рад, что ты вернулась! — сказал он прерывающимся голосом.

Я ничего не понимала, но вид такого Ирги меня очень напугал, и я потянулась, чтобы обнять его.

— А-а-а!

— Что, милая? — отстранился он. — Я сделал тебе больно?

— Почему я не чувствую рук? И ног?

— Не беспокойся, тебе нельзя волноваться. Просто целители тебя так плотно накачали обезболивающими, что ты не чувствуешь ничего.

— Шею-то я чувствую, — возразила я.

Ирга растерянно развел руками.

— Пить, — попросила я, не в силах больше сдерживаться.

— Сейчас.

Некромант вышел из комнаты, а я задумалась, что в его облике мне показалось странным.

Вместо Ирги в мою спальню ворвался Отто.

— Золотце! Золотце! Мы уже думали, что тебя потеряли! — восклицал он, поднося к моим губам кружку с водой.

— Расскажи, что случилось, — попросила я.

— Ой, ты столько всего пропустила, — начал полугном, двигая кресло так, чтобы я могла его видеть.

Я молча рассматривала его правую руку на перевязи, огромный шрам, украсивший щеку и уходящий к подбородку. Видимо, чтобы зашить рану, целителям пришлось выбрить часть шикарной бороды лучшего друга, и теперь Отто смотрелся, мягко говоря, смешно.

— С чего начинать? — спросил полугном, устраниваясь поудобнее.

— Ни с чего, — сказал от двери мягкий голос, и в поле моего зрения вплыл целитель. — Ольгерду нельзя волновать.

Мне он не понравился сразу. Какой-то он был формальный, строгий, от одежды пахло травами, в кармане рубашки торчал какой-то инструмент.

— Выйди, Отто, — приказал целитель, снимая с меня одеяло. — Меня зовут Игнатий, и сейчас я тебя осмотрю.

Я нахмурилась. Что я могла сделать? Запретить ему, если я не могла пошевелиться?

— Так, так, так, — бормотал целитель, прикладывая ко мне ладони. — Ощущаешь прикосновение?

Ужас тонкой струйкой просачивался мне в сердце. Я продолжала ничего не чувствовать! Неужели меня парализовало?

— Я ничего не чувствую! — панически взвизгнула я.

— Так и должно быть, — сказал Игнатий.

— Должно?

Спрашивать «целитель, я умру?», наверно, не имело смысла, но это не придало мне оптимизма.

— Не беспокойтесь, — мягко сказал целитель, и я почувствовала, как меня обволакивает спокойствием.

Ну уж нет! Хватит с меня.

— А ну перестаньте! — рявкнула я во всю мощь легких, которая у меня была. — Я буду беспокоиться, я буду орать сейчас, пока мне не объяснят, что происходит!

В комнату вбежал Ирга и положил ладонь мне на лоб.

— Ола, милая, успокойся!

— Не хочу! Что происходит?

— Ола, милая, любимая, единственная моя, — уговаривал некромант, а целитель что-то творил за его спиной. — Ола, посмотри на меня, посмотри, милая!

— Не хочу, — заявила я, пытаясь извернуться и посмотреть на целителя. — Я хочу знать, что происходит! И что происходило!

Хлоп! Я почувствовала, как меня обдало магией, я словно погрузилась в теплый кокон. Порадовавшись, что хоть это я могу ощущать, я пригрозила:

— Очнусь — поубиваю вас всех! — и заснула.

Спала я плохо. Меня мучили кошмары, все вокруг горело, мне было нестерпимо жарко, лишь только чьи-то прохладные руки спасали меня от боли. Наконец боль заполнила меня

всю, и я проснулась от собственного крика. Что-то тяжелое лежало на моих ногах, чьи-то сильные руки удерживали мои. Я открыла глаза. Надо мной склонилось встревоженное лицо Ирги в тусклом свете небольшого огонька на потолке. За окном была непроглядная темень.

— Ничего, это пройдет, — сказал со стороны моих ног целитель. — Держи ее, чтобы она не билась.

Ага, значит, я не парализована! Ну одной хорошей новостью больше. Теперь вам меня не удержать, — кроме сильной боли во всем теле, я чувствовала себя превосходно, была очень злой и ужасно хотела есть.

— Уйдите с моих ног, — приказала я целителю. — И вообще уйдите, чтобы я вас не видела!

— Тихо, тихо, тихо, — сказал целитель успокаивающе.

— Пошел вон! — завизжала я, не понимая причины своей неприязни к магу, но не желая терпеть его присутствие. В конце концов, кто здесь болен? Кто имеет право на капризы?

— Уйдите, — попросил Ирга.

— Я предупреждаю... — начал целитель.

— А-а-а-а! — завизжала я.

— Уйдите! — крикнул некромант.

Целитель пожал плечами и вышел, зато в комнату тут же заглянул Отто.

— Что случилось? — испуганным голосом спросил он.

— Я не знаю, — ответил Ирга, обтирая мое лицо мокрым полотенцем.

— Ребята, — сказала я, — дайте мне поесть.

— Мы не уверены... — начал некромант, но я протестующее затрясла головой и спросила:

— Где Варсоня?

— Игнатий не разрешил его пускать, — наябедничал Отто.

— Плевать на Игнатия, — сказала я. — Позови Варсоню.

— Что ты творишь? — спросил Ирга у меня. Я поразились усталости в его голосе, поэтому успокаивающе ответила:

— Мне Игнатий не нравится.

Ирга помолчал и сказал:

— Он тебя по кусочкам собрал. У тебя все кости были переломаны. Внутренности отбиты.

— Этого мне нельзя было говорить? — с уверенностью спросила я.

Некромант кивнул.

— Передай целителю мое большое спасибо, — сказала я. — Но теперь я не хочу его видеть. И хочу все знать.

— Я не уверен...

— Я уверена.

— Послушай, Ола! — взорвался Ирга. — Я уже тебя терял, и я не хочу тебя потерять еще раз. Тебе нельзя волноваться, иначе...

Его голос сорвался, и возлюбленный отвернулся.

— С этого места поподробнее, — попросила я.

— Привет, — прогудел за моей спиной Варсоня. — Я рад тебя видеть!

— Я тоже рада! — искренне сказала я. — Мне можно есть?

— Что-нибудь легкое, думаю, можно, — сказал Варсоня, доставая из кармана хламиды шоколадку.

— О! — сказала я, когда первый кусочек растворился на моем языке. — О!

— Тебе плохо? — всполошился Ирга.

— Мне очень хорошо!

— Чудно, — довольно сказал Отто, поднося мне стакан воды.

— Расскажите мне все! — попросила я, жуя шоколад. — А то я буду волноваться,

переживать, и чего вы там еще боитесь...

— Хорошо, — вдруг решительно сказал Ирга. — Ты была тяжело ранена, на тебя напали зомби, когда тебя нашел Отто, ты умирала.

— Это я знаю, — сказала я. — А потом приехал ты и меня спас?

— Нет, — сказал Ирга, и его лицо исказилось. — Когда я приехал, ты была уже мертва около часа.

— Ого, — сказала я испуганно. — А я нормальная?

Ирга промолчал.

— Не совсем, — засмеялся Отто.

— Я стала тупой? — спросила я испуганно, помня из курса целительства, что когда человек мертв довольно долго и его потом оживляют, то клетки мозга отмирают, и он становится дебилом. Поэтому-то зомби, даже самые качественные, способны исполнять только самые простые задачи.

— Мне почему-то кажется, что не тупее, чем была, — обнадежил меня полугном.

— Ты же сказал, что я ненормальная!

— Нет, я сказал, что ты не совсем нормальная. Скажи мне, золотце, ты когда-нибудь нормальной была?

Я открыла рот, потом закрыла, подумала и сказала:

— О, спасибо, утешил.

— Так вот, — продолжал полугном, потому что Ирга молчал. — Я отбился от тех друзей, которые поджидали нас в лесу, они успели здорово грызнуть меня за руку. Я уж было с ней попрощался совсем, но ничего, потом Варсоня спас. И я побежал искать тебя...

...Отто бежал через лес, наспех перевязав рану на руке разорванной рубашкой. Кафтан пришлось выкинуть, но это его не волновало — полугному было жарко. Он думал об Оле, истощенной защитой города. Об Оле, знающей всего несколько боевых заклинаний и выступившей против могущественного некроманта... Он увидел горящие остатки домика лесника, высокую фигуру в балахоне, хромающую в глубину леса. И двух зомби, треплющих тоненькую фигурку. Отто, не раздумывая, кинулся на мертвецов, как вдруг его лицо обожгла боль — один из зомби взмахнул кинжалом.

— Надо же, — пробормотал полугном, стараясь не обращать внимания на боль, — какой умный мальчик.

Этот зомби быстро отправился на тот свет, а за ним и другой. Ола лежала на земле, не шевелясь. Подавив стон, Отто опустился на колени рядом с подругой. Даже не будучи целителем, он понимал, что жить ей осталось совсем немного.

— Ола! Ола! Ола! — начал звать он.

Зачем, он и сам не знал. Может, чтобы попросить не умирать? Может, чтобы рассказать, как ему будет одиноко без нее?

— Ола! Ола!

Девушка открыла глаза. Отто обрадованно наклонился к ней, видя, что подруга хочет что-то сказать.

— Я еще вас переживу, — внятно сказала Ола и перестала дышать.

— Ола! — закричал полугном и зарыдал. Ему казалось, что умерла какая-то его часть. Правда, к скорби примешивалась небольшая досада: Ола даже перед смертью поступила по-своему. Неужели она не могла сказать что-то вроде: «Передай Ирге, что я люблю его», или «Пусть о моем подвиге расскажут потомкам», или «Похороните меня с музыкой!». Нет, надо было сказать: «Я вас всех переживу» — и умереть! Кто же после такого помирает?

— Отто, — полугнома кто-то тронул за плечо. Он обернулся и увидел барона ня Буя. — Мы с дружиной приехали на помощь. Что с ней?

— Умерла.

Барон тяжело выдохнул, и его пальцы сжали плечо Отто. Полугном застонал от боли, но барон его не услышал. Рон смотрел на то, что когда-то было Олой, сжав губы, и вдруг сказал:

— У вас же есть целитель! Он сможет вернуть ее к жизни. — Молодой человек расстегнул плащ и положил его на землю. — Помоги мне ее погрузить.

Отто одной рукой молча помог барону. Он не хотел зря обнадеживать Рона, но в способности Варсони оживить истерзанное тело он сомневался. Одно дело — роды принимать, а другое — пытаться вдохнуть жизнь в переломанные кости и смятые внутренности. Барон быстрыми движениями прицепил пряжки плаща к подпруге коня и сам побежал рядом, держа плащ задругой конец. «Видно, у парня есть опыт спасения товарищей с поля боя», — тупо удивился Отто и медленно побрел вслед, оскальзываясь и шатаясь.

Зомби нигде не было видно. Горожане дружно гасили загоревшиеся дома, тут и там раздавались рыдания. Дружинники барона стаскивали в одну кучу остатки зомби, собираясь их спалить.

— Варсоня! — закричал Отто. — Варсоня!

Целителя нигде не было. Адреналин в крови полугнома закончился, его раны стали нестерпимо болеть, и, постанывая, он побрел домой.

В гостиной ярко горел свет. Ола, раздетая и уже отмытая от крови, лежала на столе. Барон занимался печью, подкладывая и подкладывая дрова. Варсоня, закусив от напряжения губу, колдовал над девушкой, разложив рядом инструменты из большого саквояжа. Отто молча прошел мимо, вошел в свою комнату и нашел припрятанную там бутылку самогона. Вернулся обратно. В гостиной почти ничего не изменилось. Ола все так же недвижимо лежала на столе, Варсоня смахивал с лица пот, а барон наполнял большой чан, стоящий на печке, водой. Чувствуя, как внутри все превратилось в лед и даже боль от руки отступила куда-то в глубину сознания, Отто вышел во двор, сел на лавку, зубами откупорил бутылку и принялся пить.

— Отто! Отто! Что с тобой?

Полугном открыл глаза, увидел перед собой Иргу и пробормотал:

— Ола погибла, — и снова закрыл глаза. Время для него остановилось.

— ...Вставай, — раздался где-то рядом голос Варсони. — Только твоего трупа мне для полного счастья не хватало.

Отто ословело посмотрел на целителя.

— Я уже перевязал твои раны, — сказал толстяк, настойчиво пытаясь поднять полугнома с лавки.

— Что ты здесь делаешь? — всполошился Отто. — А как же Ола?

— Все так же не дышит, — ответил Варсоня и с обидой добавил: — Меня выгнали оттуда. Сказали — иди занимайся горожанами. Ирга с собой другого целителя привез.

— Понятно, — пробормотал Отто, попытался встать и покачнулся.

— Потеря крови и алкогольное опьянение, — вздохнул Варсоня, помогая Отто дойти до двери.

Отто, шатаясь, ввалился в гостиную и упал на лавку.

В доме было нестерпимо жарко. Привезенный целитель — крупный мужчина средних лет — сосредоточенно занимался телом Олы, а Ирга, стоя на коленях перед большой черной свечой, не переставая, звал:

— Ола, Ола, милая, вернись, вернись, милая, я так люблю тебя, вернись, Ола, любимая...

Внезапно воздух над свечой сгустился и появилась фигура Олы — такая, какой помнил ее Отто: с волосами, небрежно скрученными в узел, в просторной рубашке и длинной широкой юбке яркой расцветки.

— Кто меня звал?

— Я, Ирга. Милая, вернись, любимая моя.

— Конечно, — сказал дух Олы. — Ты думаешь, я очень хотела умирать? Я тебе еще не всю жизнь испортила!

Дух исчез, и тело на столе зашлось криком, а потом обмякло.

— Нет, — сказал дух Олы, снова сгущаясь над свечой. — Я передумала возвращаться.

Там больно.

— Милая! — взмолился Ирга.

— Еще немного, — процедил сквозь зубы целитель. — Задержи ее, иначе вся работа насмарку.

Фигура Олы начала таять.

— Милая, пожалуйста, не уходи, я прошу тебя, милая, разве я часто тебя о чем-то прошу? Милая, я люблю тебя, останься со мной, как я буду жить без тебя? Весь мой мир — это ты! — взвыл Ирга.

— Врешь, — сказал дух, передумав таять.

— Я не вру, клянусь тебе. Ну хочешь, я тебе сделаю постель из роз? Каждое утро буду готовить тебе завтрак.

— Нет, — сказал дух. — Я не хочу, мне там больно.

— Ну хочешь, я на нашу свадьбу надену белый костюм? — выкрикнул Ирга.

Дух замер в нерешительности.

— Не хочу, — капризно сказал он. — Ты в белом костюме, я в белом платье — будем сливаться.

— Хорошо, — сказал Ирга, развивая успех. — Тогда я куплю тебе белое платье у эльфов, хочешь? Настоящее эльфийское, без гномьих подделок.

— Ты разоришься, — сказал дух задумчиво. — И потом нам нечего будет кушать.

— Не разорюсь, — поклялся некромант. — У меня есть фонд, специально на свадьбу откладывал. Денег мне хватит.

— Все, — сказал целитель, устало опираясь о стол.

— Милая, возвращайся.

— Ладно, только смотри: ты обещал. У эльфов! — сказал дух и исчез.

Тело Олы на столе застонало.

— Тихо, тихо, — сказал целитель, проводя над ней руками. — Спи, спи...

У Отто закрылись глаза, и он сам заснул...

— Вот так все и было, — закончил полугном. Ты неделю лежала тут, как кабачок. Спеленатая и молчаливая.

Ребята с тревогой смотрели на меня, ожидая моей реакции.

— А зомби хотят есть? — спросила я.

— Хотят, — сказал Ирга, удивленно глядя на меня.

— Я что, теперь зомби? — воскликнула я с ужасом.

— Зомби хотят мяса, — успокаивающе сказал Ирга, положив на мой лоб свою прохладную руку.

— Я тоже хочу мяса! — в панике закричала я.

Ирга и Отто переглянулись.

— Успокойся, Ола, — прогудел целитель. — Зомби шоколада не едят. Ты хочешь сырого мяса?

— Нет, — сказала я, прислушиваясь к себе. — Котлет.

— Вот и славненько! — обрадовался целитель. — Хороший аппетит — это значит, что выздоравливаешь.

— А что с моим телом? — спросила я.

— Живает потихоньку, — ответил Варсоня. — Я тебе котлетки паровые сделаю, жареные тебе еще нельзя.

— А почему вы сразу мне ничего не рассказали? — спросила я.

— Боялись, — ответил Отто, — твоя душа в теле не держалась. Ты как будто жила, но и не жила одновременно. Мы очень за тебя боялись.

— Как это душа в теле не держалась?

— Пойми, милая, — сказал Ирга. — Я бы мог поднять твоё тело даже без помощи целителя, но без души ты бы была обычным, хоть и очень качественным, зомби. А мне нужна была именно ты, моя любимая. Но твоя душа не хотела пребывать в теле, в котором

жизнь поддерживалась только жизнеобеспечивающей магией.

— А, понятно, — сказала я и похвасталась: — Я у Ёшкиного кота была в гостях. Нет, это не бред, он мне дал себя погладить.

— Ладно, — проворчал Отто. — Я спать пошел, кажется, ты тоже уже того... переутомилась.

Некромант молча сел в кресло-качалку, держа мою руку в своей.

— Ирга, — спросила я напряженным тоном, — ты меня видел после всего этого?

Он кивнул.

— А ты меня захочешь? Я же теперь, наверное, страшная. — Я всхлипнула.

Возлюбленный в немом изумлении смотрел на меня.

— Ну что ты так смотришь? — испугалась я.

— Ола, — сказал он медленно, — неделю назад ты была мертва. То есть совсем мертва. И только благодаря искусству целителей, вмешательству божественных сил и тому, что мне удалось вызвать твою душу, ты сейчас жива. И тебя интересует, захочу ли я тебя?

— Ну да, — сказала я удивленно. — Я ведь теперь живу. И буду жить. И мне кажется, это нормально, что я думаю о будущем.

Ирга рассмеялся, хотя его смех был больше похож на рыдание.

— Мне кажется, я тебя захочу, — наконец сказал он. — Мое желание преимущественно не зависит от того, как ты выглядишь. И парочка-другая шрамов тебя не испортят.

— Как сказать, — пробурчала я, начиная размышлять, грозят ли мне еще поклонники, предлагающие родить общих детей в самый неподходящий момент, или придется все-таки остановиться на Ирге? Нет, я любила некроманта, но поклонники тоже хорошо.

— Котлетки! — громогласно возгласил Варсоня, входя в комнату, и аккуратно покормил меня с ложечки маленькими кусочками. Я наслаждалась всеобщим вниманием.

— Болит? — участливо спросил целитель.

Я кивнула — болело все.

— Наложу обезболивающее заклятие, — сказал Варсоня. — Но не такое тотальное, как Игнатий, хорошо?

— Конечно! Надоело не чувствовать собственных конечностей.

Боль немного уменьшилась, но не ушла совсем. Я ворочалась на кровати, Ирга сидел рядом.

— Ирга, — наконец не выдержала я, — ляг рядом.

— Я боюсь, — признался он.

— Ничего со мной не случится, — сказала я сердито. — После двух зомби ты мне уже ничего нового не сможешь сделать.

Некромант осторожно лег на край кровати, я примостилась у него под мышкой, приняв излюбленную позу. Он легонько начал гладить меня по голове, нежно шепча:

— Милая, любимая моя, моя маленькая храбрая девочка, как же я тебя люблю. Спи, я буду охранять твой сон, и ничего плохого с тобой больше не случится.

Он начал напевать колыбельную своей мамы, и я заснула.

Приснился мне конечно же Ёшкин кот.

— Пррривет, — промурлыкал он. — Как тебе?

— Паршиво, — честно призналась я.

— Ты в любой момент можешь верррнуться, — предложил Кот.

— Нет, спасибо, мне и здесь неплохо, — сказала я.

— Я, собственно, пррришел перррредать пррривет твоему возлюбленному.

— Передам, — настороженно ответила я. — А к чему бы это?

— Не к нашей скорррой встрррече, — успокоил меня Кот. — Пррросто он молодец. Не каждый некррромант, даже сильный, может верррнуть дух из-за черрррты так, чтобы он еще и в тело верррнулся. Ирррга меня удивил.

— Но ведь и без тебя тут тоже не обошлось? — спросила я.

Кот самодовольно кивнул.

— Но почему?

— Наверрррное, ты мне прррросто понрррравилась, — промурлыкал Кот. — Тем более я люблю любовные исторррии со счастливым концом.

— А-а-а-а, — протянула я, гадая, чем же я заслужила милость божества. Не я первая люблю и любима, не я последняя.

— К тому же ты забавная, — добавил рыжий. — А у нас тут с интересными событиями негусто.

— Помню, — сказала я и проснулась.

В окно светило яркое солнце, на улице было белым-бело. Неужели выпал снег? Ирга дремал рядом, сжимая мою руку. Я осторожно приподнялась, сцепив зубы, чтобы не застонать, и внимательно посмотрела на возлюбленного.

Выглядел он плохо. Под глазами залегли глубокие черные тени, щеки впали. Но что меня больше всего поразило, это седина в его черной челке.

— Ирга! — ахнула я.

Некромант моментально проснулся и с тревогой спросил:

— Что случилось?

— Ты поседел? — спросила я.

— Да, — пожал он плечами.

— Но как? Почему?

— Не знаю, наверное, когда Отто сказал, что ты умерла, или когда увидел тебя лежащей на столе, всю такую изломанную. Или когда больше часа бесплодно вызывал твой дух из загробного мира.

Я прижалась к нему и сказала:

— Я люблю тебя, очень-очень.

Некромант очень осторожно обнял меня, и так, покачиваясь, мы просидели, пока я снова не заснула.

Разбудило меня осторожное шевеление.

— Извини, — виновато сказал Ирга. — Тело затекло, сил нет больше так сидеть.

Я вернулась к себе на подушки и сказала, глядя, как он потягивается:

— Тебе Ёшкин кот привет передавал.

Ирга кивнул.

— Ты мне веришь?

— Да, мы с ним встречались однажды, — спокойно сказал Ирга.

— Ты тоже умирал?

— Нет, по другому поводу. Как-нибудь расскажу.

— Там Игнатий рвет и мечет, — сообщил Отто, всовываясь в комнату. — Пускать?

— Он собрал тебя по кусочкам, — напомнил мне Ирга.

— Наверное, поэтому он мне и не нравится, в подсознании отпечаталось, как он мне больно делает, — вздохнула я. — Пусть заходит.

После осмотра Игнатий произнес ледяным тоном:

— Ты поправляешься быстрее, чем я думал. Я считаю, мои услуги здесь больше не понадобятся. Мне пора возвращаться в Чистяково.

Он вышел, и я понадеялась, что целитель не заметил, как я показала ему язык.

Ирга кормил меня завтраком с ложечки и рассказывал, как городское Магическое управление получило сигнал бедствия из Соснина, но, к сожалению, отряд магов не успел вовремя. Мой возлюбленный сразу же отправил мне вестника с предупреждением и остался с другими некромантами зачищать следы — в живых не остался никто, но по развалинам города бродили неприкаянные и слабые зомби. Как только работа была закончена, отряд разделился, и они поскакали в ближайшие городки. Ирга, конечно, направился к нам с целителем и еще тремя некромантами.

— Я очень боялся, что я не успею, что с тобой что-то случится... И случилось.

— Успокойся, — сказала я с набитым ртом. — Все уже хорошо.

— Мы догадывались, что дело не в Лунной нежити, — сказал Ирга задумчиво. — Слишком сильные были возмущения в магическом пространстве. И слишком сильные разрушения. Жаль, что Отто упустил некроманта.

— Конечно, жаль, пусть бы меня окончательно сгрызли! — возмутилась я.

Ирга улыбнулся.

— Ты для меня — самое дорогое, что у меня есть, не забывай этого, — сказал он.

— Кстати о дорогом. Я некроманта шпилькой ранила, она должна быть где-то в лесу, если никто не стащил.

— Я поищу, — пообещал Ирга.

В дверь робко постучали, и в комнату заглянула... Сита. Я протерла глаза. Моя нелюбимая соседка стояла живая и невредимая и держала в руках пирог. Ее что, и нежить не берет?

— Ты живая? — вырвалось у меня.

— Не дожд... э-э-э... Да, мы с Натом уединились в лесу и тут увидели, как мимо мертвяки шагают. И побежали к барону, на помощь звать.

— Молодцы, — выдавила я. Что ни говори, а живой я осталась во многом благодаря барону, который не отчаялся, а сразу потащил меня к целителю.

— Мама передает вам привет, — сказала Сита и скрылась за дверью.

— Бедный Игнатий, — вздохнул Ирга. — Девчонка его околдует.

— Почему?

— Да у нее такие выдающиеся... выпуклости, что Игнатий мимо не пройдет. Его, как целителя, интересует все, что не вписывается в норму.

Я понадеялась, что целителю Сита понадобится для опытов, и с подозрением принялась к принесенному яству.

— Как ты думаешь, — спросила я наконец, — этот пирог не отравлен?

Глава 4

СЛУЖЕБНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Как только я была в состоянии самостоятельно передвигаться и не падать через несколько шагов, университетское начальство выслало за нами карету и официальное приглашение на «служебное расследование».

— Как ты думаешь, это страшно? — спросила я.

— Страшно — это то, как я сейчас выгляжу, — мрачно ответил Отто, пытаясь у зеркала заплести волосы так, чтобы максимально скрыть проплешину в бороде. — А это — ерунда. Заставят написать пару объяснительных, вызовут на допрос в городскую стражу... Ты единственная, кто видел некроманта-убийцу в лицо и остался в живых.

— Да уж, повезло мне, — пробурчала я. — Не понимаю, чем я могу им помочь. Я видела его ночью, при свете факела, к тому же в капюшоне. И долго же они собирались! Прошло еще одно полнолуние с момента нападения на Гнедино. Неужели еще какой-то городок стерли с лица земли?

Отто пожал плечами. Его больше интересовало не служебное расследование, а реакция на его улучшенный внешний вид родственников из гномьей общины. Мои уговоры, что шрамы только красят мужчину, полугном не слушал, ведь задето было самое дорогое — его борода. Вопрос шрамов волновал и меня саму. После того как я побывала в зубах зомби, мое тело «украсилось» отвратительными следами зубов и очень неприглядными шрамами. Я не знала, сколько будет стоять в Доме Исцеления сведение шрамов. Впрочем, лишних денег у меня не было, поэтому я даже решила не заходить к целителям, чтобы зря не расстраиваться. Варсоня приготовил мне такую-то притирку, я каждый вечер обтирала свое тело остро пахнущей жижей, но ежеутренний придирчивый осмотр в зеркале ничего утешительного не показывал.

Ирга уехал вместе с ошалевшим от любви к Сите Игнатием, по-братски поцеловав меня в лоб и не более того. И вообще, все его поведение было ласково-предупредительным, без намека на плотские отношения. Поэтому я проводила свои дни, стараясь не скатиться в глубокую депрессию от осознания собственной непривлекательности. У Отто спрашивать не было смысла, он отвечал одинаково: «Ты хороша всегда» — и вздыхал, щупая руками шрам на своем лице. По мнению Варсоны, мне для привлекательности стоило набрать еще килограммов двадцать, а лучше тридцать.

— Тощая ты совсем стала, — приговаривал он, накладывая мне побольше каши на тарелку. — Взяться не за что.

Действительно, продолжительная болезнь согнала с меня лишние, и не лишние тоже, килограммы. Юбки болтались на бедрах, как на вешалке, а в рубашки можно было завернуться. Усиленное питание в последнюю неделю положения не исправило, я только начала прикрывать бесстыдно торчащие под кожей кости мяском, как нас вызвали на служебное расследование.

— Варсоня, ты меня можешь не пустить властью целителя? — с надеждой спросила я.

Толстяк вздохнул:

— Не могу. Они ведь даже карету прислали, чтобы вы со всеми удобствами доехали. Тем более Игнатий, — это имя Варсоня произнес с явным неудовольствием, — знает, что ты уже в порядке.

— Разве это можно назвать «в порядке»? — скорбно спросила я, оттирая Отто от зеркала и рассматривая ярко-розовые шрамы на местах укусов зомби, фиолетовые пятна на местах разорванных сосудов и внутренних кровотечений, бугры на местах переломов.

— Для человека, вытасченного с того света, ты очень даже в порядке, — ободрил меня целитель. — Тем более что ты выглядишь намного лучше, чем две недели назад.

Как я выглядела две недели назад, я не знала, поскольку тогда в зеркало смотреть боялась.

Пришлось смириться, погрузить в карету вещи и гигантский запас продуктов, выданный на всякий случай Варсоней, и отправляться в путь.

Ехали мы долго и крайне медленно. Карета постоянно увязала в липкой грязи и колдобинах, в которые превратилась лесная дорога. Отто с кучером, матерясь сквозь зубы, то и дело помогали лошадям вытаскивать карету на более-менее ровный участок дороги. Я же, пользуясь привилегированным положением больной, мрачно сидела внутри и тайком жевала пряники с вареньем. Поэтому к середине дороги мы с Отто были одинаково злы: он потому, что был мокрым, грязным и замерзшим, я потому, что уже успела отсидеть свою отошавшую пятую точку и до тошноты объесться пряниками.

— Иногда я Университет просто ненавижу, — простонал полугном, вваливаясь в карету после очередного барахтанья в грязи. — У меня рука уже болит! Я мало того что получил увечье, выполняя свой долг перед народом, так еще и усугубляю его, выполняя свой никому не нужный долг перед Университетом.

— А ты не вылезай из кареты следующий раз, — посоветовала я. — Застрянем, просидим здесь до вечера, а потом земля подмерзнет, ехать станет легче. Еды у нас хватает, можно и задержаться. А потом дорога будет лучше.

— Нас ждут к завтрашнему утру, — возразил Отто. — Нельзя задерживаться.

Я беспечно махнула рукой. По моему мнению, управление регионом нам должно было по самые уши только за то, что мы спасли от уничтожения целый город. И надрываться ради того, чтобы очередной раз рассказать о происшедшем чиновнику со скучным лицом, я не видела смысла.

Когда мы в сотый раз застряли, полугном удачно симитировал глубокий сон человека с кристально честной совестью. Кучер укоризненно посмотрел на меня, пробормотал сквозь зубы что-то про баб, которые все портят, и ушел спать на козлы.

Мой план был гениален, кроме одного маленького пунктика, который я не учла.

Под вечер внезапно ударил мороз, и увязшая в грязи карета намертво примерзла к

дороге.

— Сколько раз я себе говорил тебя не слушать? — простонал полугном после того, как мы втроем тщетно попытались вызволить карету.

— Не знаю, — ответила я мрачно. У меня болело все тело, но улизнуть от обязанности нахлестывать лошадей, пока мужчины толкали карету, я не смогла. Мерзнуть ночью в лесу, в котором водятся непонятные зюки, мне не хотелось.

— Вы же маги! — обличительно сказал кучер. — Сделайте что-нибудь!

Мы виновато переглянулись. Можно было бы что-то сделать, если бы у нас при себе был хоть один учебник или конспект. Атак ни я, ни Отто не могли вспомнить подходящего заклинания.

— Я боюсь ночного леса, — сказал кучер.

— Вы же ездите по ночам, — возмутилась я, стряхивая с себя его руки.

— Так то — ездить, а то — стоять, — возразил кучер, но к Отто обниматься в поисках поддержки почему-то не полез.

В глубине леса что-то зашуршало, раздался далекий вой. Кучер по-бабьи взвизгнул и полез прятаться в карету. Щелкнул, закрываясь, замок на двери.

— Ты не боишься? — спросил меня Отто, нервно хватаясь за бороду.

— Нет, — солгала я, прикидывая, удобно ли будет приехать в Университет в казенной карете со сломанной дверью. Или прятаться все равно не стоит, зюку это не остановит?

— Ну и правильно, — быстро согласился друг. — Чего тут бояться? Чего мы в темном лесу не видели, да?

Я пару раз щелкнула пальцами, и дрожащие огоньки осветили кусочек дороги и темные голые деревья.

— Что там трещит? — нервно сглотнув, спросил Отто.

— Я ничего не слышу, — сказала я, прижимаясь спиной к карете. — Секира у тебя?

— Ритуальная, — признался полугном. — В багаже.

Я тяжело вздохнула. Если секира ритуальная, то уговаривать лучшего друга использовать ее для защиты против лесных жителей не имеет смысла. Не согласится все равно.

— Жалко, твоя шпилька пропала, — сказал полугном и начал напевать какую-то песенку, чтобы заглушить звуки леса.

Я поежилась, как будто мне за шиворот сыпанули снега. Без верного украшения я чувствовала себя чуть ли не голой. Проклятый некромант то ли унес ранившую его шпильку, то ли она сама куда-то закатилась. Сколько ни искали ее Ирга с Отто, так и не нашли. Теперь мне приходилось полагаться только на обычные защитные артефакты, свою хилую боевую магию и маленький кинжал. Небольшой арсенал для противостояния темному лесу, таящему в себе неизвестно какие опасности.

— Ола, — сказал Отто почти паническим голосом, — оно приближается.

— Слышу, — отозвалась я уже с козел. Каким образом я туда забралась, я не ответила бы даже под пытками.

Треск, скулеж и подвывание становились все ближе. У меня заклацали зубы. Полугном подергал ручку кареты, там заскребся и запищал кучер. Поняв, что это бесполезно, Отто взобрался ко мне на козлы и посмотрел на волнующихся лошадей.

— Может, теперь карету с места сдвинут? — с сомнением в голосе сказал он.

— Не с нашим счастьем, — отозвалась я, готовясь — в очередной раз — дорого продать свою жизнь.

На освещенный участок дороги выбежали огромные животные, лохматые, с гигантскими клыками.

— Волки! — заорала я, обхватывая Отто руками и закрывая глаза.

— Орочьи волкодавы! — укоризненно произнес знакомый голос.

— Привет, Живко, — хриплым от пережитого волнения голосом сказал полугном. — Что ты здесь делаешь?

— Псов перегоняю из питомника к заказчику, — охотно объяснил орк. — Ольгерда, ты там еще со страху не умерла? Они мирные, не тронут.

— Не сомневаюсь, — сказала я, не отпуская Отто. — Вон какие клыки! Небось булочками на завтрак питаются.

Живко рассмеялся. Его теплый бархатистый голос прогнал мои страхи, и я открыла глаза.

Парень гарцевал на лошади рядом с каретой и смотрел на меня, радостно улыбаясь.

— Я рад тебя видеть, — сказал он, поймав мой взгляд. — Ходили слухи, что вас с Отто заперли в какой-то глуши за то, что вы магистру Бурику отрастили рога.

— Это не мы, — сомневаясь в собственных словах, сказал Отто. — Во всяком случае, это было уже после нашего отъезда.

— Может быть, какая-то остаточная магия в нашей мастерской, в которую он сунулся для ревизии, — предположила я. — Во всяком случае, мы про это ничего не слышали.

— Еще бы, — опять блеснул улыбкой Живко. — Это строжайшая тайна.

— А ты откуда тогда знаешь? — полюбопытствовала я.

— Мой родич, у которого я живу в Чистякове, шаман, и он эти рога отпиливал. Ваш магистр сам их свести не смог, а к коллегам обратиться побоялся.

— Если он ими обзавелся в нашей мастерской, нам конец, — пробормотал Отто. — Диплома мы не увидим никогда.

— Поздно сожалеть, — сказала я. — Хуже уже не будет. Живко, ты поможешь нам убраться отсюда?

— За поцелуй, — согласился орк.

— Хоть за два, — сказала я, радуясь тому, что полумрак скрывает уродующие меня шрамы.

Живко с Отто извлекли наружу кучера, орк привязал к собакам специальные лямки и прицепил их к карете, они дернули, где-то треснуло, заскрипело, и мы поехали. Я завернулась поплотнее в шубку и решила подремать, чтобы завтра предстать пред светлые очи начальства в лучшем виде.

Спалось мне замечательно, и только проснувшись, я поняла почему — я с комфортом расположилась на широкой груди Живко, и на меху его жилетки лежать мне было мягко и уютно. Орк крепко спал, прижимая меня к себе сильными и горячими руками. Напротив храпел во всю мощь легких полугном. Не могу поверить, что он допустил такое безобразие! Я попробовала высвободиться из объятий Живко. Его руки на миг крепче прижали меня к себе, а потом отпустили. Я посмотрела в его сонные глаза и прошипела:

— Что это такое?

— Что? — не понял он.

— Кто тебе разрешал меня обнимать?

— Разве тебе не понравилось? — удивился он. — Ты так крепко спала всю ночь.

Да уж, против этого не поспоришь.

— Как ты здесь очутился?

— Неужели тебе меня не жалко? — спросил Живко. — Я должен был ехать верхом всю ночь в такую холодину, когда есть возможность поспать в удобной карете рядом с такой девушкой?

— Поскакал бы верхом, ничего бы с тобой не сделалось, — сказала я злобно, досадуя сама на себя. Больше всего мне сейчас хотелось прижаться к его горячему и крепкому телу и еще подремать.

— С тебя еще два поцелуя, — сказал он.

Я быстро чмокнула его в щеку и сказала:

— А теперь убирайся.

— Э нет, так не пойдет! — сказал Живко. — Мы что, пятилетние дети?

Я хмуро смотрела на него и молчала. Тогда орк своей ладонью провел по моей щеке и прошептал:

— Тебе очень идут шрамы. Ты смелая женщина.

— Откуда ты знаешь, что я не получила их в пьяной драке? — возразила я.

— Мне Отто сегодня ночью рассказал.

— Живко, — сказала я, борясь с пленом карих глаз, — целуй меня и проваливай. Ты не забыл, что я почти замужняя женщина?

— О, — сказал он насмешливо, — это-то я как раз очень хорошо помню.

Орк обхватил мое лицо ладонями — горячими и шершавыми — и легко коснулся моих губ. Я закрыла глаза и приготовилась терпеть, не разжимая губ и стараясь всеми силами показать, как мне противно это действие.

Сначала Живко легко прикасался к моим губам своими, потом нежно опробовал их языком. Это было такое восхитительное ощущение, что я расслабилась, и орк мгновенно воспользовался этим. Его поцелуй — огненный, страстный, властный, нетерпеливый — был настолько возбуждающим, что я потеряла всякое соображение и со всхлипом притянула его за плечи ближе. Было такое ощущение, что вся моя воля полностью подчиняется ему, нервы растеклись жидкой медью по телу, а вся кровь сбежалась к губам и тугому узлу, образовавшемуся в животе.

Внезапно орк был от меня оторван резким рывком. Я открыла глаза и с ужасом увидела, как разъяренный Отто трясет Живко, как малолетний вор соседскую яблоню. Парень не сопротивлялся, довольно и мечтательно улыбаясь. Я, задыхающаяся и ошеломленная, поднесла руку к своим губам-предателям.

— Спокойно, гном, — сказал орк, выворачиваясь из захвата моего друга. — Я уже ухожу.

Он ухмыльнулся и выскочил из кареты прямо на ходу, ловко, как-то по-кошачьи приземлившись на ноги. Собаки тут же серым одеялом окружили хозяина, ластясь и повизгивая от счастья.

Лицо у Отто было такое, что я испугалась, что он подавится своей злостью, и приготовилась к растерзанию.

— Ты!.. — начал он, и тут у него перехватило дыхание от возмущения.

— Я, — покорно согласилась я.

— Ты... ты... ты... — То ли внутренняя цензура не позволяла полугному сказать то, что он обо мне думает, то ли он никак не мог подобрать подходящих слов, отражающих всю глубину моего падения.

— Я, — повинилась я, размышляя, если Отто донесет Ирге, то посчитает ли тот поцелуй изменой или нет. Наверное, нет, хотя такой поцелуй, да еще и описанный в красках полугномом... Лучшая оборона — это нападение, поэтому я с вызовом сказала: — А почему ты его в карету пустил? Кто виноват, что лиса в курятнике поужинала? Бедные куры?

— Ах ты, курица! — завопил лучший друг, наконец собравшись с мыслями. — Я, по-твоему, его на улице должен был оставить? Это не гостеприимно.

— Вот я тоже проявила гостеприимство, в некотором смысле, — пробормотала я.

Отто потянулся руками к моему горлу. Я вжалась в стенку кареты и закрыла глаза, начиная тоненько подвывать.

— Мне так стыдно, так стыдно, но и ты не злись, ведь это был только поцелуй. К тому же ты не мой жених!

— Был бы я твоим женихом, — буркнул Отто, — я бы тебя убил с особой жестокостью.

— Отто, — сказала я, умильно заглядывая ему в глаза, — не рассказывай Ирге, зачем его зря расстраивать.

— Ну ты и стерва, Ола, — устало сказал полугном. — У тебя такой жених, а ты целуешься с каким-то орком!

— Меня так никто и никогда не целовал, — призналась я. — Это был интересный опыт.

— Который в очередной раз доказал, что сила воли и порядочность у тебя отсутствуют как факт.

— Если бы я легла с Живко в постель, — обиделась я, — тогда бы и говорил что-то о

порядочности.

— Что было бы, если бы я тебя не остановил? — спросил Отто.

Я покраснела.

— Если ты любишь Иргу, то как можно скорее выходи за него замуж, — посоветовал полугном. — Живко положил на тебя глаз, это сразу видно. Не знаю, жена ему нужна или просто женщина на время, но не думаю, то он так просто от тебя отступится. Я слишком люблю свою подругу, чтобы молча наблюдать, как ты совершаешь ошибку, о которой потом будешь сожалеть всю жизнь.

Я благодарно прижалась к другу.

— Вы, бабы, такое кошачье племя, — сказал Отто, поглаживая меня по плечам. — Где молоко дают, туда и бежите.

— Кошки всегда возвращаются домой, — возразила я.

— Никогда не любил кошек, — заметил полугном. — О, да мы почти приехали. Смотри, город начинается.

Я с жадностью прильнула к окну, вдыхая городской воздух, пахнувший тысячами запахов. Город, мой драгоценный город! Горячая вода, канализация, магазины, лавки, шоколад, свежее пиво двадцати сортов! О, корпуса родного Университета, спешащие на лекции студенты, неспешно прогуливающиеся преподаватели, испуганно озирающийся почтальон, прижимающий к себе сумку... Я смахнула слезы умиления и посмотрела на довольно жмурящегося Отто.

— Я соскучился по Университету, — признался полугном смущенно, а я понимающе кивнула.

Карета подъехала к входу в главный корпус. Мы вышли, кучер отдал нам вещи и, отъехав на приличное расстояние, прокричал что-то матерное о нас, наших магических способностях и наших знакомых с волкодавами.

— Пойдем, пойдем, — увещевал полугном, ловя мою руку, пальцы которой я уже сложила в неприличный жест и намеревалась его показать матерщиннику. — Ему можно, он столько натерпелся.

Беф встретился нам в коридоре. Он негромко выговаривал что-то первокурснику, который был настолько бледен и несчастен, что мне даже стало его жалко.

— А, — сказал Наставник, увидев нас, — явились. Мы вас раньше ждали.

— Непредвиденные задержки, — туманно ответила я.

— Я так и думал, — кивнул Беф. — Подождите меня в кабинете, мне нужно тут закончить.

Студент, поначалу принявший нас за спасение, посланное Небесными Силами, тут же поник еще больше и, кажется, делал попытки провалиться сквозь пол с удвоенным энтузиазмом.

— Ничего у него не получится, — сказала я со злорадством, вспомнив, как меня чихвостила Беф и скольких нервов мне это стоило. Правда, куда больше нервов тратилось на то, чтобы не попасться Наставнику после очередной проказы, поэтому через некоторое время я сдавалась и являлась с повинной.

— Что не получится? — спросил Отто, мысли которого витали далеко, и я, кажется, догадывалась где — около одной прелестной преподавательницы эльфийского.

— Провалиться сквозь пол. Я пробовала, Беф такие вещи пресекает на раз.

— Ты умеешь проваливаться сквозь пол? — удивился полугном. — Ты об этом не говорила.

— Я не умею, я пыталась, — объяснила я.

— Ого, — сказал Отто, — ты глянь, кто идет!

Я увидела спешащего к нам с радостной улыбкой декана.

— Чему он радуется? — испуганно прошептала я. — Он что, изобрел новый вид пытки и наконец увидел тех, на ком это можно опробовать?

— Не прячься за меня! — яростно зашипел Отто. — Если мы что-то натворили, ты в

этом виновата не меньше, чем я.

— Здравствуйте, декан! — старательно демонстрируя счастье от встречи, сказали мы хором.

— Ляха и дер Шварт! Вы-то мне и нужны. Быстро переодевайтесь, и в мастерскую.

— В какую? — спросил Отто, пока я открывала и закрывала рот.

— В бывшую вашу, если там кто-то есть — выгнать! И займитесь чем-то.

— Чем? — выдавила я.

— Чем-то высокон научным и очень сложным! — рявкнул декан. — И быстро!

Мы переглянулись, но налетевший ветер стал толкать нас в спины.

— Быстро! — еще раз рыкнул декан и убежал по коридору, вытирая пот с лысины.

— Ты понимаешь что-нибудь? — спросил у меня Отто.

— Они собираются нас замуровать в мастерской, — предположила я. — Декан является пособником того некроманта, который меня чуть не убил...

— Убил, — вставил полугном.

— Не суть важно. И он решил завершить начатое.

— Нет, — сказал лучший друг, поразмыслив. — Мастерская — университетское имущество, его портить не станут. Нас легче вызвать в кабинет, удавить и закопать потихому.

Мы пришли в мастерскую, в которой уже разбирался с двумя гномами секретарь декана.

— Быстро, быстро, быстро, — подгонял он нас, запихивая наши сумки под лавку и забрасывая их какими-то деталями, пока мы лихорадочно переодевались. — Работайте!

— Да что происходит? — не выдержал Отто. — Если вы не скажете, мы отказываемся работать.

— Контрольная комиссия! — простонал секретарь, закатывая глаза.

— Чего они боятся? — недоуменно спросил у меня полугном, — Магистр Бурик — гений финансовой мысли. В его отчетности комар носа не подточит. И главное, при чем здесь мы?

Я не успела ответить. Дверь распахнулась, и в мастерскую вошли члены комиссии — три эльфа — и декан.

— А здесь работают наши Мастера Артефактов с международным сертификатом, — радостно сказал декан, украдкой показывая нам кулак.

— И что делаете? — мелодично спросил один эльф.

— Артефакт, — глубокомысленно ответил Отто, рассматривая детали, оставшиеся после гномов.

— Они занимаются проблемами защиты простых граждан от нежити, — вмешался декан.

— Интересная какая форма, — сказал другой эльф, поднимая со стола для заготовок незамеченную нами вещь. — В форме... э-э-э... мужского достоинства. Это вы делаете для личных нужд, панна? В общественных мастерских?

Я с ужасом посмотрела на деталь пресловутой формы, не оставляющей сомнения в любовном предназначении артефакта, потом на багровеющего декана и попыталась спасти положение:

— Это инновационная разработка, два в одном. Любовные функции артефакта служат дополнительным бонусом. Понимаете, часто люди не осознают величину опасности нежити и забывают о защите. Но о... таких потребностях помнят, что может заставить человека ежедневно носить артефакт.

Эльфы переглянулись и начали быстро обсуждать что-то на родном языке. Моих познаний хватило ровно настолько, чтобы понять: гроза миновала.

— Мы бы хотели заказать вам партию таких артефактов, — наконец озвучили эльфы свое решение. — Пока в количестве двадцати штук.

— А что, у эльфов есть проблемы с любовной функцией? — невинно поинтересовалась

я.

Принявшее было нормальный цвет лицо декана стремительно побледнело.

— У эльфов нет проблем с любовной функцией, — очень любезно ответил мне эльф с шикарными светлыми волосами. Если бы меня сегодня утром не целовал его родственник, только с волосами жесткими и черными, я бы, может быть, и растаяла от его улыбки. А так я только пожала плечами и сказала:

— Если делать партию артефактов для эльфов, а не для людей, то нам нужно знать кое-какие физиологические моменты.

Эльфы переглянулись, и блондин сказал:

— Хорошо, мы вышлем вам информацию, — после чего они вышли.

— Только не на эльфийском! — крикнул им вслед Отто.

— Молодцы, — сказал декан, довольно потирая руки, и убежал вслед за проверяющими.

— И что теперь? — спросила я у полугнома.

— Может быть, нас оставят здесь выполнять заказ? — с надеждой сказал он, — Кстати, как ты собираешься сделать этот спаренный артефакт?

— Что-нибудь придумаем, — махнула я рукой. — В крайнем случае, неудачу можно свалить на разницу между расами.

— Все же интересно, что эти гномы собирались с этим делать? — задумчиво сказал Отто, крутя в руках артефакт. — Очень реалистично сделано.

— Брось каку, — посоветовала я. — Нам их еще двадцать штук делать. Насмотришься.

— Я заберу, — сказал полугном хозяйственно, — будет формой служить.

— У тебя свое есть, — сказала я.

— Буду я еще свое самое дорогое эльфам продавать! — возмутился Отто.

— Сам с мастерами за пропажу этого будешь разбираться, — предупредила я.

— Конечно. Что теперь, к Бефу идем?

— Да, а то он нас уже заждался, не хочется его злить.

Наставник в кабинете разбирал бумаги, которыми был завален весь его стол. Не давая ему и рта раскрыть, я спросила:

— А что это была за комиссия из эльфов?

— Эльфы дали Университету денег на подготовку Мастеров Артефактов с международным сертификатом, — объяснил Беф. — Вот и приехали посмотреть, как эти деньги осваиваются.

«Что-то я не помню, чтобы нам какие-то деньги давали, — подумала я. — Небось декан со товарищи их себе присвоил, а нас, как зверюшек в зоопарке, показывает».

— А своих Мастеров у эльфов разве нет? — удивился Отто.

— Есть, — сказал Беф задумчиво. — Но эльфы последнее время страдают от нежити, которая лезет из Сумеречных гор. Раньше темные создания не рисковали появляться на эльфийских территориях, но сейчас совсем обнаглели, видно, расплодились так, что места не хватает. А нежитеведение у детей лесов развито плохо, они решили обратиться к нашему опыту, ведь Чистяково удерживает за собой славу центра Мастеров Артефактов северной части королевства.

— Учиться приедут? — спросила я.

— Университет прилагает к этому все усилия, — дипломатично ответил Наставник. — Нам тоже есть чему поучиться у эльфов.

— Нам заказ дали, — похвасталась я.

— Хорошо. Постарайтесь не ударить в грязь лицом, эльфы будут очень придирчиво оценивать качество работы.

— Почему мы? — спросила я, только сейчас осознав, во что мы вляпались.

— Других Мастеров под рукой не оказалось, — честно признался Беф. — А тут вы так удачно подвернулись.

— Нам за это заплатят? — спросил Отто.

Наставник ничего не ответил, из чего я сделала вывод, что работать, как всегда, придется бесплатно.

— Мы домой? — спросила я.

— Нет, — спокойно ответил Беф. — Расскажи-ка, Ольгерда, все о нашествии нежити.

Я уставилась в одну точку и пересказала все, что помнила. В конце рассказа мне стало себя жалко, и я закончила, всхлипывая:

— И самое обидное, что никакого признания! Рискуешь тут жизнью, рискуешь, а тебе за это двадцать артефактов бесплатно делать.

Беф молча изучал переплетенные пальцы, ожидая, пока я успокоюсь.

— Все будет оценено по достоинству, — сказал он наконец. — Меня очень волнует, что расплодились проходимцы, которые под видом Лунной нежити обделывают свои грязные делишки.

— Так нападения Лунной нежити все-таки случаются? — спросил Отто.

— Да, и довольно часто. И почему-то только на территории королевства, в соседних странах вспышек не наблюдалось. Ваш гнединский некромант — не единственный, кто воспользовался ситуацией, но он единственный, кто действовал с таким размахом.

— А остальные? — спросила я с замиранием духа. — Они тоже уничтожали целые поселки?

— Нет, слава Небесам, — сказал Беф. — К тому же практика распределения студентов по окраинам дала свои плоды, и многие успешно отразили атаки.

— Так мы были не единственные? — с разочарованием в голосе спросил полугном.

— Единственные в своем роде, — успокоил его Беф. — Всем остальным приходилось сталкиваться с колдунами-недоучками, с разбойниками или мародерами, которые воспользовались паникой. Но с армией мертвецов сражались только вы. Ничего, мы просмотрим списки студентов и выпускников практических факультетов, может быть, найдем, кто мог совершить преступление.

Отто приосанился. У меня же в голове крутилась одна мысль, с грохотом колотясь в пустые стенки моей черепушки.

— Наставник, — сказала я, заметив, что полугном и преподаватель на меня выжидающе смотрят, — а ведь этот «наш» некромант тоже недоучка. Скорее всего, он не учился ни в одном вузе. Понимаете, он не смог проломить простенький охранный контур, но, с другой стороны, держал в своих руках нити управления как минимум ста оживших мертвецов, не считая собственных слуг-зомби. Не верится мне, что он просто прогулял нужные пары! Это больше всего похоже на обучение узкоспециализированным и единственным учителем.

— Это не тот ответ, который я ждал, — сказал Беф, потеряв переносицу, — но твоя версия имеет право на существование. Все же скажи мне, ты бы могла узнать этого некроманта, если бы увидела?

Синие глаза, аристократические черты лица, глубокий, хорошо поставленный голос...

— Я не уверена, — честно призналась я.

— А ты запомнила, как он работает с энергией? — продолжал допытываться Беф. — Нам это тоже может помочь.

— Я не могу вам ничего рассказать такого, что бы могло вам помочь, — сказала я. — Если бы я увидела что-то, сделанное им, я бы могла вам сказать точно, а так...

— Да, это практиков учат отмечать такие нюансы и передавать их другим, — согласился Беф. — Но я все же надеялся, что вдруг ты тоже смогла. Ну хорошо. Идите отдыхайте с дороги.

— Знаешь, что меня волнует? — спросила я у Отто, когда мы шли к общежитиям.

— Как бы злобный некромант не нашел тебя и не свернул тебе шею, чтобы ты не могла его опознать? — выдвинул версию полугном.

— Нет, некромант — это такая ерунда... Да и вряд ли он меня узнает. Меня больше волнует, почему Ирга меня не встретил. Он меня, наверное, больше не любит.

— Гм... А ты ему сообщала о нашем приезде? — спросил Отто.

— Нет, — удивилась я, — не сообщала.

— И каким же образом он должен был тебя встретить?

— Но он же всегда все знает, — защищалась я. — Вот я и подумала...

Отто в ответ закатил глаза.

— Так ты думаешь, он не знает, что я приехала? — уточнила я.

— Я в этом уверен.

— Хорошо, — решила я. — Как раз у меня будет время, чтобы привести себя в порядок. У Лиры проконсультируюсь, что можно сделать со шрамами и следами от зубов.

— Ты и так прекрасна, — неубедительно сказал Отто, сгружая мою сумку перед дверью в мою комнату.

Лиры в комнате не было. Повалившись немного на кровати, я решила пройтись в город, поесть и поразмыслить о жизни за кружечкой пива.

Зайдя в незнакомый мне кабак, я села возле окна, сделала заказ и бездумно уставилась на улицу, чертя пальцем разводы по столу в рассыпанной соли. Нужно было где-то раздобыть приличную сумму денег и навеститься в косметический салон, пусть там из меня сделают красавицу. А деньги нужно занять у родни Отто, может быть, они не сдерут с меня большие проценты, к тому же в банке у меня еще лежит какая-то сумма.

Мои размышления прервал проходивший по улице мимо моего окна Блондин Лим. Но проходил он не один! Рядом с ним шел... Небесные Силы, я не могу ошибаться... это был он! Этот проклятый некромант, напустивший на меня своих зомби!

Из меня мгновенно как будто вынули все кости, и я обмякла на лавке. Что делать, что делать? А может, это и не он вовсе? А я тут расстроилась. Быстрее, Ола, соображай, что делать! Что делать? Что делать?!

Постаравшись придать лицу спокойное выражение, я выбежала из кабака и крикнула:

— Лим, постой!

— О, Ольгерда! — удивленно сказал Лим, поворачиваясь на оклик. — А ты подурнела с нашей предыдущей встречи.

— Спасибо на добром слове, — сказала я, стараясь, чтобы моя улыбка не походила на оскал. Точно, это он. Если еще заговорит, то я окончательно удостоверюсь. — Блондин, у меня есть к тебе серьезный вопрос. И к вам тоже, — обратилась я к некроманту.

— Весь внимание, — иронично сказал Лим.

— Скажи, а ты бы меня захотел? Как женщину?

Блондин поперхнулся и уставился на меня ошалевшими глазами:

— Что такое? Тебя бросил разлюбезный некромант? Или тебе не терпится вырастить ему рога?

— Я серьезно спрашиваю, — сказала я. — Видишь ли, моя внешность претерпела некоторые изменения, и меня это очень волнует.

— Хорошо, — подумав, сказал Блондин. — Только из благодарности за то, что вы с полугномом спасли мне жизнь, я тебе отвечу. Если твоя женская сущность, не внешность — ты понимаешь, о чем я? — не претерпела необратимых изменений, то я не вижу причины, по которой я бы тебя не захотел.

— А шрамы? — нетерпеливо спросила я, забывая, зачем я вообще затеяла этот разговор.

— Что «шрамы»? Ты, Ола, откровенно говоря, никогда на даму с обложки светского журнала не тянула, так что шрамы тебя не очень-то и портят.

— Правда? — уточнила я.

— Хочешь проверить? Пойдем со мной.

— Нет, спасибо большое. А вы как считаете? — спросила я у некроманта.

— Вы вполне привлекательная девушка, — сказал тот.

Да, это он! Он! Я не могу ошибиться! Этот голос постоянно преследует меня в кошмарных снах.

— Леван у нас вообще любитель женщин, — рассмеялся Лим, дружески обнимая мага за плечо. — Но все ищет свою единственную.

— Уже нашел, — возразил Леван. — Только она умерла недавно.

— Какая грустная история, — процедила я, чувствуя, как от ненависти у меня сводит скулы.

— Да, — согласился маг. — Я ее сам убил, но мне было очень жаль это делать.

Блондин уставился на своего друга с нескрываемым ужасом.

— Ты это серьезно? — спросил он.

Ну хоть одна хорошая новость — Лим об этом не знал!

Леван кивнул.

— Мой друг немного со странностями, — нервно сказал мне Блондин. — Мы пойдем, пожалуй.

— Спасибо за консультацию, — сказала я и, как только парочка скрылась за поворотом, припустила бежать к Университету. — Я видела его! — закричала я, врываясь в кабинет к Бефу.

— Спокойно, Ольгерда, — сказал Наставник.

Я огляделась. Видимо, я прервала совещание преподавателей, которые теперь с удивлением смотрели на меня.

— Я видела его, — повторила я уже тише. — Я видела некроманта, который уничтожил Соснино.

У моих губ оказался стакан с водой.

— Садись, отдышись и все спокойно расскажи, — предложил Беф, не теряя самообладания.

Я села, выпила воду, надеясь, что судорожный стук моих зубов об стакан будет не очень слышен, и сказала:

— Я увидела некроманта, когда сидела в кабачке и смотрела в окно. Чтобы проверить свою догадку, я поговорила с ним. Сомнения нет.

— Ты так просто вышла и поговорила с ним? — уточнил профессор Свингдар.

— Нет, не просто, у меня был повод — он был с Лимом ня Монтером, и я подошла поздороваться.

— Ну это же просто смешно! — сказал один из преподавателей. — Всем известно, что ня Монтер и эта девица на ножах, ее, помнится, даже в его убийстве подозревали. И вот она видит, как с Лимом идет какой-то парень, и решает его оболгать!

— Это не смешно! — крикнула я. — Вы думаете, я смогу забыть лицо человека, который меня убил?

— Мне кажется, ты сейчас вполне живая тут стоишь.

— Меня спасли и оживили, — угрюмо сказала я.

Преподаватели рассмеялись.

— В любом случае, — сказал профессор Свингдар, желая меня поддержать, — ваш некромант, если он не дурак, уже давно за пределами города.

— Он меня не узнал, — уверенно сказала я.

— Ты его узнала, а он тебя — нет?

— Вы мне не верите? — с отчаянием спросила я, обводя взглядом лица. Кто-то смотрел сочувственно, кто-то — насмешливо, но ни у кого не было желания решительно действовать. — Вы мне не верите?

На глаза навернулись слезы, и я не стала их скрывать.

— Значит, смерть жителей Соснина и Гнедина для вас ничего не значит?

— У тебя есть доказательства, что это именно он? — прямо спросил кто-то.

Я покачала головой и вышла в коридор. Прижавшись лбом к стеклу, я отчаянно рыдала. Хорошо же! Вот сейчас прекращу плакать и пойду сама убью этого гада. Идеал он свой нашел, как же!

— Не вздумай, — сказал над моим плечом Беф.

Я повернулась. Наставник стоял рядом, задумчиво глядя в окно и как будто меня не замечая.

— Не вздумай глупить, — уточнил Беф. — Иногда в этой жизни приходится решать проблемы, не сшибаясь лбом в лоб. Подумай хорошенько. У тебя ведь есть доказательства того, что это именно тот, кто нам нужен.

— Шпилька, — прошептала я. От присутствия Наставника мои мозги моментально прочистились и заработали. — Я ранила его шпилькой! На его теле должен остаться след. Я уверена, что артефакт оставил ожог на его боку!

— Может быть, не только ожог, — сказал Беф. — Раны, оставленные магическим оружием, — очень непредсказуемая вещь. Тем более нанесенные личным защитным артефактом.

— И что же делать?

— Вам всего лишь нужно найти доказательства своей правоты, — спокойно сказал Беф.

— Как? Заставить его раздеться при свидетелях?

— Это будет лучше всего.

— Наставник! Каким образом я смогу заставить его раздеться? — спросила я тупо.

— Мало ли каким образом девушка может парня заставить обнажиться, — сказал Беф скучным тоном.

— Что вы предлагаете? — возмутилась я. — Да меня трясет при его упоминании, я хочу его убить медленно и жестоко, а вы мне предлагаете лечь с ним в постель!

— Я такого не предлагал, — заметил Наставник и впервые за все время нашего разговора взглянул мне в глаза. — Давай называть вещи своими именами, Ольгерда. Ни городская стража, ни Магическое управление не могут просто схватить аристократа и предъявить ему обвинения, а то, что это аристократ, не оставляет сомнения. А что, если ты ошиблась? Да, я тебе верю, но шанс ошибиться всегда остается. Тебе нужно действовать самой. Я могу лишь помочь, отрядив с тобой человек пять из крепких боевых магов. Просто для прогулки с привлекательной девушкой.

— Лучше отрядите десять, и чтоб они зомби не боялись, — сказала я. — И за последствия, если это все-таки он, я не отвечаю.

— И тем не менее я попрошу тебя доставить в суд хоть часть этого некроманта, — сказал Беф.

— Ничего не обещаю. — Я не могла ничего придумать толкового в качестве плана захвата и решила просто принести жертву Госпоже Удаче. По всему выходило, что сегодня она ко мне благоволила. — Пусть ваши парни ждут меня возле входа в общежитие.

Я вихрем влетела в свою комнату и подбежала к шкафу. Главное — выманить Левана в укромное местечко, а там уж я разберусь, что делать. Так, где мои самые обольстительные шмотки? Должно же быть у меня хоть одно красивое платье! И прическу нужно уложить, все-таки я иду на бой. Я отыскала в самом укромном местечке шкафа мешочек с неприкосновенной заначкой — это был ее день.

Беф не обманул. Он действительно прислал мне дюжих парней, правда, не десятерых, а все-таки пятерых, но я была рада и этому.

— Так, — сказала я, выбирая из них самого большого, — как тебя зовут?

— Матвей.

— Замечательно, будешь главным. Сейчас идем к храму Госпожи Удачи, а потом к дому Блондина. Знаешь такого?

Матвей молча кивнул. За что ценю таких мужчин — за то, что не произносят лишних слов, предоставляя приятную функцию болтать мне.

После горячей молитвы и пожертвования в храме Госпожи Удачи я направилась прямо к дому Блондина. Уверенности, что он там, у меня не было, но ведь надо с чего-то начинать? Жилище Лима находилось конечно же в аристократическом районе и представляло собой квартиру в роскошном доме, в котором жили те сынки богачей, которых родители отселили от себя подальше, но которые еще не обзавелись семьей, чтобы получить в подарок целый

дом. Как-то, когда мы еще вели с Блондином активные боевые действия, Отто разведаль, где он обретаётся, а я запомнила. На всякий случай.

— Ждите меня здесь, — сказала я парням, оставив их в переулке. Помянув перед подъездом всех известных мне богов, включая Молот и Наковальню, я подошла к квартире Лима и постучала. Потом постучала ногой и, прижавшись к замочной скважине, прокричала:

— Э-ге-гей! Открывай!

Дверь распахнулась, и на пороге появился Блондин в одних штанах. Я оценила красоту его накачанного торса, пока он смотрел на меня с отвисшей челюстью.

— Я бы мог поспорить на все свое состояние, — наконец сказал он, — что ты никогда сюда не придешь.

— Хорошо, что не поспорил, — улыбнулась я. — Но я вообще-то не к тебе. Твой друг здесь?

— Леван? Да, ты вовремя зашла, он уезжать сегодня собирается. Кстати, ты хорошо выглядишь.

— Спасибо, — искренне сказала я. — Мне поговорить с Леваном нужно.

Блондин удивленно пожал плечами, позвал некроманта и посторонился, но я осталась на пороге, мило улыбаясь. Маг появился в коридоре и вопросительно перевел взгляд с Блондина на меня.

— Привет, — сказала я, изображая смущение. — Мы там на улице разговаривали, и мне показалось, что ты очень расстроен потерей своей единственной. Я подумала, а вдруг я смогу тебя утешить?

— Это каким же образом? — осведомился Леван.

— Увидишь, — загадочно ответила я, расстегивая пальто. — Но я не могу пережить, когда такой замечательный парень грустит.

— Ола, — вмешался Блондин, — у тебя временное помутнение ума?

— Нет, — возмутилась я. — Я что, не могу помочь человеку?

— И что вы от меня хотите? — спросил Леван.

Как я ненавижу этот голос, этот взгляд синих глаз! Я пару раз глубоко вздохнула, успокаиваясь, и попросила:

— Пойдемте со мной, нам будет хорошо вдвоем!

Маг вопросительно посмотрел на Блондина. Лим молча разглядывал меня, как неизвестное явление.

— С тобой точно все в порядке? — спросил он.

— Я никуда не пойду, — сказал Леван твердо.

— Хорошо, — сказала я, помолившись про себя всем богам сразу. — Я вам скажу, что случилось, только никому не говорите, хорошо? В меня вселился бес Ибусик.

— Что-то я не слышал о таком, — насторожился Блондин.

Долгие скучные вечера в Гнедине, лишённые развлечений, сделали свое гиблое дело: я прочитала книги, которые нам привез Ирга.

— «Справочник по демонологии», страница семьдесят вторая, — грустно ответила я. — Можете проверить.

— Ну так что ты от нас хочешь? — спросил Блондин. — Обратись к кому-нибудь, чтобы его изгнали.

— Я не могу, — сказала я, выдавливая из себя слезы. — На практикующего экзорциста у меня нет денег, Бефу говорить нельзя, сразу огоньком шарахнет, декану дай только повод меня отчислить, а у Ирги один разговор. Ему что я живая, что мертвая.

Блондин засмеялся.

— И чего хочет ваш бес? — спросил Леван.

— Тебя, — ответила я с пылом. — Он тебя как увидел, так и вопит у меня в голове. Я-то не хочу, только себе я уже не подчиняюсь! Пожалуйста!

Неожиданно моим союзником стал Блондин.

— Хотя у нее с мозгами не все в порядке, но я бы не отказался, — сказал он Левану. —

Ты меня точно не хочешь?

— Я сейчас своим желанием не распоряжаюсь, — ответила я, глядя на Левана и стараясь дышать так, чтобы грудь как можно больше вздымалась.

— Мне это не нравится, — сказал Леван, — я никуда не пойду. Я тебя не хочу.

Я мысленно застонала и обратилась к Госпоже Удаче и Ёшкиному коту.

— Ну и дурак ты, — вмешался Блондин. — Тебе девушка себя задарма предлагает, а ты отказываешься! Или ты того, кастратом заделался?

Лим довольно заржал, а Леван побледнел.

— Я всем нашим расскажу! — заливался Блондин. — Как ты за своими черными книгами совсем мужскую силу растерял.

«Всем нашим, — отметила я. — Хорошо же, Блондин! Я и тебя за решетку засажу».

— Я не... — начал маг, то бледнея, то краснея.

— Это ведь по твоей части, дружище! — сказал Лим, потирая руки. Я посмотрела на него и поняла, что он только и мечтает свести нас с Леваном и доложить об этом старому недругу, чтобы посмотреть, как Ирга будет страдать. — Девушка с бесом внутри!

— Я некромант! — гордо сказал Леван. — Моя область — это мертвецы.

— Один хрен, — сказал Блондин, подталкивая его. — Иди.

— Почему же ты тогда не хочешь со мной пойти? — спросила я, начиная расстегивать платье. — Я обещаю, тебе будет хорошо!

— А зачем куда-то идти? — плотоядно ухмыльнулся хозяин квартиры, — оставайтесь здесь.

— Ну уж нет! — сказала я, не давая и слова сказать Левану. — Это в ваших аристократических привычках совместные оргии устраивать, а я девушка скромная, я лучше на своей территории, в тишине и уединении.

— Ты от меня не отстанешь? — зловеще спросил некромант.

— Нет, мой бес при виде тебя просто слюной исходит, — сказала я, начиная тянуть его за рукав.

— Иди, иди, — сказал Блондин, бросая Левану куртку. — У Олы нюх на некромантов.

— Особенно на синеглазых, — проворковала я. Все внутренности у меня бесились от злости, я сдерживалась из последних сил.

Леван покорно вышел вслед за мной из подъезда.

— Я люблю делать людям больно, — внезапно сказал он, притягивая меня к себе и начиная целовать.

Его поцелуй был не только неприятным, но и болезненным, но я выдержала, ответив ему с таким же пылом, вложив в него часть своей злости. Отстранившись, я вытерла кровь с прокушенной губы и потянула Левана в переулок.

— Вижу, мы нашли друг друга, — пробормотал он, спеша за мной.

— Еще как, — жестко ответила я. — Хватайте его.

Парни накинулись на ничего не успевшего сообразить мага, сняли с него куртку. Я рывком приподняла его рубашку и посмотрела на спину, чувствуя, как останавливается сердце. На его левом боку виднелось большое обожженное пятно, от которого так и реяло моей магией. Сознание мое померкло.

— ...Да прекрати же ты! — услышала я голос Матвея.

Что прекратить? Ой, больно!

Оказалось, что Матвей заломил мне руки и прижал к себе со всей силы, а еще один парень удерживал мои ноги. Что случилось? Я посмотрела на Левана. Рубашка его была изодрана в клочья, по лицу текла кровь. Он поскуливал в руках боевых магов, с ужасом глядя на меня.

— Не трогай меня! — заорал он, поймав мой взгляд.

— Что? Что случилось? — спросила я.

— Ты пришла в себя? — спросил Матвей.

— Да, но что случилось?

— В тебя как будто сам Ёшка вселился, — сказал маг. — Ты кинулась на этого парня как бешеная, кусала его, царапала, била и, главное, выла! Мы так опешили, что не сразу вас разняли.

— Ведите его в городское управление, — злобно сказала я.

— А я тебя узнал, — сказал вдруг Леван. — Ты ведь та магичка из Гнедина, да? Вот такой я тебя узнал. Моя единственная...

— Чтоб ты сдох в жутких мучениях, придурок, — сказала я. — Чтоб тебя зомби живьем сожрали, как меня! Чтоб тебя на том свете сам Ёшка мучил!

— Мне было жаль тебя убивать! — закричал уводимый угрюмыми парнями Леван. — Только такая женщина, как ты, достойна быть рядом со мной, великим!

Я всхлипнула и сказала Матвею:

— Все доказательства есть у Бефа. В своем отчете я указала, что некромант был ранен моей шпилькой, и этот отчет был составлен еще месяц назад. Любой толковый маг увидит, что дало ране остаточную энергию, ее принадлежность мне не оставит сомнения. Да и Заклятие Правды еще никто не отменял.

— А что же ты? — мягко спросил Матвей, вытирая своим носовым платком кровь с моего лица.

— Пойду напьюсь, — тупо сказала я, чувствуя, как жизненная энергия выливается через все шрамы, оставленные на моем теле Левановыми зомби. — Мне так плохо. Только прошу тебя, спроси у этого... зачем он убил столько людей?

Матвей понимающе кивнул, а я побрела домой, почти ничего перед собой не видя. Напьюсь, напьюсь однозначно!..

...Отто окунал меня головой в бадью с холодной водой, я верещала и отбрыкивалась.

— Пить меньше надо, надо меньше пить! — приговаривал лучший друг, не прекращая своего занятия.

— Да отпусти ты меня! — пробулькала я.

— Глазки, покажи глазки. Ага, осмысленные! Хорошо, а теперь разок для профилактики, — сказал Отто, окуная меня еще раз и отпуская.

Я отскочила от бадьи в нашем общежитском туалете, поставленной специально для таких случаев, отплевалась и осмотрелась. Рядом с Отто стояла встревоженная Лира и держала в руках кружку с чем-то дымящимся.

— Добро пожаловать обратно в этот мир, — язвительно сказал полугном, отбирая кружку у подружки и вкладывая мне ее в руки. — Пей.

— Вы почему не даете честному человеку расслабиться? — возмутилась я, с опаской нюхая содержимое. Впрочем, мне было так плохо, что вряд ли стало бы хуже.

— Расслабиться? — переспросил Отто. — Слышишь, Лира, это чудо называется трехдневный запой расслаблением. Да ты чуть дуба не дала.

— Трехдневный? — спросила я.

Ничего себе! Теперь понятно, почему мне так плохо.

— А вы где были все это время? — решила я обвинить в своем плохом состоянии друзей.

— Я была у Аксентия, — потупилась Лира.

— А я думал, что ты у Ирги залечиваешь душевные раны, — сказал Отто. — Но когда я встретил твоего жениха на улице и он поинтересовался, где ты, понял, что тут дело нечисто.

— Нам пришлось взломать дверь в комнату, — сказала Лира, пока я, постанывая и покачиваясь, держась за стенку, плелась к кровати. — Ты там заперлась и на крики не отвечала.

— Ты бы видела, в какой свинарник ты жилье превратила! — сказал Отто.

— В больший, чем обычно? — спросила я.

— Сейчас сама увидишь.

Мамочки мои! Ёшкин кот! Я застыла у входа памятником своему свинству.

— Трудотерапия, — сказал полугном, вручая мне швабру, — это лучшее лекарство. На

вот, выпей еще, и за дело.

— Ирга... — сказала я пересохшими губами. — Ирга это видел?

— Нет, — ответил Отто, — я тебя пожалел. Я ему сказал, что у тебя дела и ты будешь позже. Хотя надо было ему это показать.

— Спасибо, — сказала я, принимаясь за уборку и думая, как быстро я умру. Лира периодически щупала мне лоб и заглядывала в глаза, давая выпить какие-то пилюли и предлагая сесть отдохнуть, но я ожесточенно собирала мусор, драила пол, поднимала и ставила на места вещи. Я что, танцевала здесь, падая на все подряд? А что делают мои следы на потолке? Мне удалось овладеть левитацией, только я этого не помню?

Как только комната приобрела более-менее приличный вид, я свалилась на кровать и отключилась.

Разбудило меня чавканье. Я открыла глаза и увидела полугнома, жадно поедающего руками мясо из кастрюльки.

— Это для Олы диетическая крольчатина! — возмутилась вошедшая Лира. Ага, дверь, пока я валялась в отключке, починили.

— Обойдется твоя Ола, — сказал Отто, — я на ее выкрутасах знаешь сколько нервов потратил? Мне нужнее.

— Ола, — обрадовалась Лира, увидев, что я проснулась, — как ты себя чувствуешь? Не вставай...

— Пока я буду лежать, этот прожора слопает всю мою крольчатину, — сказала я и поплелась к столу.

— Вот как она о своем лучшем друге, — пожаловался Отто.

— Я тебя тоже люблю. — Я тяжело плюхнулась на стул и извлекла из кастрюльки кусок мяса.

— Беф шлет тебе большой привет и благодарность от Магического управления, — сообщил Отто. — Я ему сказал, что у тебя расстройство на нервной почве и ты не выходишь.

— А что Леван?

— Судят его. Я бы ему сразу смертную казнь, но он же у нас из благородных. Семейство вмешалось, то, сё... — мрачно сказал Отто. — Но Беф его при свидетелях подверг Заклятию Правды, теперь парень не открутится. Кстати, ты мне должна. Я спас Иргу от тюрьмы.

— Как это?

— А он когда узнал, что гнединского некроманта поймали, хотел пойти и самостоятельно открутить ему голову с особой жестокостью. Как ни странно, почему-то твой возлюбленный его не любит.

— И что ты сделал? — спросила я испуганно.

— А мы вместе выпили, — признался Отто. — Не одной тебе, знаешь ли, нужно было нервы подлечить.

— Хорошо выпили?

— Хорошо, — мечтательно зажмурился полугном. — Если ты уже достаточно пришла в себя, то нам к Бефу нужно.

Я посмотрела в зеркало на свое бледное лицо с кругами под глазами, пригладила волосы, переделалась и была готова к выходу.

Беф ждал нас в кабинете, просматривая бумаги в толстенной папке.

— Это, — кивнул он на папку, — твое личное дело, Ольгерда. Мне приятно, что оно наконец-то стало пополняться благодарностями, а не выговорами.

— А уж как мне приятно, — ответила я.

— Вас официально наградят в городской управе, — сказал Беф. — Сам голова будет надевать вам на шею ордена. Мне стоит говорить, что вы обязаны быть в официальных мантиях Университета?

Я застонала, потому что слова Наставника разбили вдребезги привлекательную картинку, уже успевшую сформироваться в сознании: я в лучшем своем платье, стоящая в

колонном зале городской управы...

— А еще что-нибудь, кроме ордена, нам будет? — нагло поинтересовался Отто.

— Конечно, всем орденосцам положена повышенная стипендия, — обнадежил его Беф.

Полугном повеселел, а я сразу подумала, что ради такого случая все-таки стоит сходить в салон красоты.

— Я бы хотела узнать подробности о Леване, — сказала я.

— Закономерно, — кивнул Беф. — Ты была права — Леван не учился в Университете, поэтому его познания в магии были несколько однобокими. Его Наставником и преподавателем магии был небезызвестный вам Сортон Дорни.

— Кто это? — удивился Отто.

— Помните, полтора года назад на кладбище на вас напали зомби одного полусумасшедшего некроманта?

— А-а-а, коллекционер! — вспомнила я. — Он еще зомби коллекционировал.

— Да, — сказал Беф. — Сортону принадлежат революционные разработки в области некромантии. В частности, в области управления поднятыми мертвецами и преобразования энергии. Леван уничтожил поселок ради одного — энергии смерти, которая в огромных количествах высвобождается при насильственной смерти. Это и позволило ему содержать такую армию зомби, с которой вы столкнулись.

— Но зачем? — спросил Отто.

— Потому что ему нравится делать больно, — прошептала я, сраженная этой догадкой. — Он сам мне сказал. Это плюс жажда власти — вот и получилось то, что получилось.

— Да, — кивнул Беф. — Леван с детства любил мучить все живое, поэтому родители не отдали его в Университет, а учили дома. И право наследования титула отдали не ему, а младшему брату, чем наверняка оскорбили своего нервного первенца.

— Кошмар, — сказала я. — Всегда знала, что аристократы — психи.

— Частые браки между родственниками не приводят к добру, — авторитетно заявил Отто.

Беф согласно кивнул.

— А Лим? — спросила я.

— Монтер как раз ничего не знал. Они просто с детства были знакомы с Леваном, — объяснил Наставник. — И когда некромант попросился переночевать и помочь деньгами, Лим не видел причины для отказа.

— Вы уверены? — спросила я.

— Пришлось Лима подвергнуть Заклятию Правды, — хитро улыбнулся Беф. — Он, конечно, очень возмутился и написал на меня жалобу. Но я же не мог оставить сомнения в душе моей студентки!

— Спасибо, — покраснела я.

— Теперь переходим к насущным делам, — сказал Наставник. — Эльфы дали вам заказ на двадцать артефактов два-в-одном. Можете теоретической подготовкой заниматься здесь, а вот сами артефакты вам придется делать в Гнедине. Ваша практика еще на закончена.

— О нет! — простонала я. — Опять возвращаться в глушь! За что?

Беф развел руками.

— Неприятности за неприятностями, — страдала я, выходя из кабинета. — Я уж думала, что мы навсегда вернулись в город!

— Ничего, ничего, — утешал меня Отто. — В Гнедине у тебя будет больше возможности совершить очередной подвиг и получить орден.

— Да дался мне этот орден, — сказала я чистосердечно. — Хочу спокойной жизни.

— Выходи за Иргу, — сказал полугном. — Он запрет тебя в подвале, чтобы с тобой ничего больше не случилось, и будет у тебя самая спокойная жизнь из всех возможных.

— Я сделаю подкоп и сбегу, — возразила я.

— С твоим счастьем подкоп обрушится, и нам еще придется тебя откапывать, — заметил Отто.

Я тяжело вздохнула. Неужели вожаденной спокойной жизни у меня не будет никогда?

Глава 5 СОБЛАЗНЕНИЕ ПО ВСЕМ ПРАВИЛАМ

— А-а-а-а! — заорал Отто, сползая по косяку моей двери вниз и хватаясь за сердце.

— А нечего врываться в комнату к приличной девушке не постучавшись, — ворчливо сказала я.

— Что с тобой, золотце? — слегка заикаясь, спросил полугном.

— Это супермаска из косметического салона, — сказала я. — Между прочим, стоила кучу денег.

— А называется она «Как умертвить товарища шоком»? — поинтересовался Отто.

— Она называется «Эльфийская королева», — ответила я, мельком глянув на себя в зеркало.

Более пристально смотреть на себя я боялась. Мое лицо покрывали пятна всех цветов радуги, по телу была размазана болотного цвета жижа с фиолетовыми вкраплениями, которая плюс ко всему еще и отвратно пахла. Вместе это выглядело не очень привлекательно, но мастер косметического салона клялся, что это именно то, что мне нужно, чтобы стать максимально привлекательной для своего возлюбленного. Воспоминание о братском поцелуе, которым наградил меня на прощание Ирга после того, как спас мне жизнь и имел возможность наблюдать меня в неприглядном виде, жгло мне душу. Я изо всех сил старалась стать прелестницей, чтобы заставить его относиться ко мне как к соблазнительной и желанной женщине.

— Мне обещали, что я стану очень обольстительной, — сказала я, укладываясь обратно на простыню, которой я решила пожертвовать ради красоты.

— За твои деньги тебе еще и не то пообещают, — хмыкнул Отто.

— А где твой шрам?

— Не одна ты по салонам шляешься, я в парикмахерскую ходил, они меня научили, как лучше бороду заплетать, чтобы ничего не было видно, — сказал друг, осторожно касаясь меня пальцем. — Не ядовитое?

— Нет, — сказала я с сомнением в голосе.

— Ты еще с Иргой не виделась? — поинтересовался полугном, украдкой вытирая палец об шторку на окне.

— Я хочу ему понравиться, — сказала я. — Поэтому пока не приведу себя в надлежащий вид, я к нему на глаза попадаться не хочу.

— Он это заметил, — сказал Отто, рассматривая свой послемасочный палец на свет. — Он совсем не изменился.

— Кто? Ирга?

— Да нет, палец.

— При чем здесь палец? Что тебе сказал Ирга?!

— Мы с ним встретились вчера, и он спросил, что с тобой происходит, почему ты от него прячешься. А я сказал, что ты наконец осознала, что ты его недостойна, поэтому усиленно работаешь над собой.

— Ты так и сказал? — зарычала я, и только огромные деньги, заплаченные за жижу на теле, удержали меня от смертоубийства друга.

— Приблизительно, — уклончиво ответил Отто.

— И что на это ответил Ирга?

— Сказал, что это его пугает.

Я застонала. Неужели все мои старания насмарку?

— Ладно, — смилостивился полугном. — Он сказал, что любит тебя такой, какая ты

есть. Но его выражение лица сказало мне, что его это пугает.

Я с облегчением вздохнула. Значит, все не так плохо. Мы помолчали. Отто опустошал наш буфет — после отъезда на практику своего толстого соседа полугном оголодал, а я наслаждалась покалываниями во всем теле, надеясь, что это преобразит меня к лучшему.

— Слушай, — внезапно сказал Отто, — а как ты собираешься смывать с себя все это?

— Как, как! Пойду в душ... — Я осеклась.

— В душ? — заржал лучший друг. — Через три этажа в подвал? Чтобы все могли насладиться твоим видом и оценить новую, улучшенную тебя?

Я лихорадочно пыталась придумать, что мне делать. Отмывать это в комнате нельзя — я потом никогда в жизни не приведу жилище в порядок. Идти же в таком виде по общежитию, да еще и днем, когда народ возвращается с занятий на обед, — смерти подобно. Широкого халата, в который можно было бы спрятать все это безобразие, у меня не было. Покалывания постепенно перешли в зуд, и я стала поскуливать. Отто не торопясь доел пирожки, валявшиеся в буфете еще с момента нашего приезда в Чистяково, и важно сказал:

— Вставай со своей простыни, у меня есть идея. Еще средство для маски осталось?

Я кивнула. Лучший друг обмотал меня простыней, отчего я стала похожа на покойника в саване, вымазал пальцы в зеленой жиже и с видом художника, творящего шедевр, размазал это по моему лицу.

— Все, готово, идем, — сказал он, начиная подхихикивать и хватая мое полотенце. — Только обещай, что не убьешь меня за это!

Я насторожилась и, посмотрев на себя в зеркало, с трудом подавила вопль ужаса. То, что получилось, было достойно показа на уроках по некромантии для продвинутых: простыня пропиталась дорогостоящим средством и покрылась отвратительными пятнами. Из импровизированного савана торчали зеленые руки, ноги были обуты в шлепанцы, которые вполне походили на белые тапочки, а увенчивала это все физиономия неопишущего цвета с накрученной на волосы, во избежание их загрязнения, тряпкой.

Мы вышли в коридор, Отто стал напевать что-то очень трагичное и одновременно возвышенное и ритмично помахивать полотенцем. Я молча плелась рядом, пытаюсь понять, что он задумал. Первый же встреченный нами в коридоре студент шарахнулся к стенке и сиплым голосом спросил:

— Что это?!

— Так будет с каждым, — загробным голосом проговорил Отто, — кто не готовится к занятиям!

Студент икнул и сполз по стеночке. Я хотела было повыть, но вовремя остановилась, решив, что это уже будет перебор. Полугном повернул ко мне свое лицо, искривившееся от удерживаемого смеха.

— Здорово! — сказала я довольно. — Мы произведем фурор! Пройдемся по всем этажам?

К тому времени, когда мы добрались до душа, я уже изнемогала от смеха.

— Это было нечто! — от души поблагодарила я Отто. — Кажется, мы обеспечили несколько сердечных приступов чувствительным первокурсникам.

— Нам преподаватели будут должны, — заметил полугном. — Успеваемость в этом семестре резко повысится.

— Не повысится, — сказала я. — Мы ведь охватили не всю целевую аудиторию.

— Тогда не мойся, пойдем пройдемся по остальным общежитиям, — предложил друг.

— Нет сил больше терпеть, — призналась я, отбирая у него сумку с банными принадлежностями.

Огненный демон сидел на окне и подумывал об очередном бегстве. Увидев меня, он икнул и нырнул в трубу, из которой тут же полилась горячая вода.

«Надо будет коменданту общежития идею продать, чтобы наконец приструнить этого лентяя», — подумала я.

Результат помывки меня полностью удовлетворил: кожа стала нежной и мягкой, как у

младенца. Осталось зайти только в магазин белья, и я буду готова к покорению Ирги!

Я вышла из душа вполне довольная собой и миром.

— Хорошо выглядишь, — отметил Отто, разглядывая мою фигуру в коротком халатике. — О, ты свела шрамы!

— Ну да, что ж я, зря столько времени провела и в Доме Исцеления, и в косметических салонах?

— Представляю, сколько ты денег на это угрохала, — сказал друг.

— Ты даже не представляешь, — ответила я мрачно.

Чтобы соответствовать задуманному, я потратила все свои сбережения, сделанные во время скромной жизни в Гнедине, когда я почти ничего не тратила, зато просиживала в мастерской дни напролет.

— Если народ тебя сейчас увидит, — сказал Отто печально, — то весь эффект от нашего похода по этажам испарится.

— Что ты предлагаешь?

— На, закутайся в мою куртку и бегом к себе, ни с кем не разговаривая.

— Я в нее два раза закутаться могу.

— Вот и хорошо.

Почти никем не замеченная, через час я вышла из общежития и направилась в магазин. Ввиду еще не наступившей теплой погоды Ирга работал в управлении и домой приходил довольно рано. Проинструктированный Отто обещал присмотреть, чтобы некромант нигде не задержался и шел прямо домой, где его буду ждать я.

Я сидела на кровати, ожидая возлюбленного и повторяя в уме инструкции, вычитанные в книгах любовной магии — Наставник так радовался рвению к учебе, видя, сколько времени я провожу в библиотеке. Услышав на лестничной площадке шаги, я встала, оперлась на кровать и приняла соблазнительную позу, тщательно отрепетированную перед зеркалом.

Ирга вошел, поморгал, привыкая к яркому свету в комнате, и сказал:

— Ола, ми... — Тут глаза его распахнулись, а сумка выпала из рук.

— Привет, милый, — проворковала я, тряхнув головой, чтобы кропотливо уложенные кудри сексуально взметнулись.

— Э-э-э, что это на тебе? — дрожащим голосом спросил некромант, тыча в меня пальцем.

Это меня немного удивило, я ожидала другой реакции. Во всяком случае, на этикетке белья было написано, что «ваш любимый потеряет голову, лишь только увидит вас в нашей эротической одежде!».

— Тебе не нравится? — спросила я, следя за эротизмом в голосе и меняя позу на другую, тоже тщательно отрепетированную.

— Нравится, — сказал Ирга, нервно расстегивая куртку и вытирая пот со лба.

«Вот оно! — возликовала я. — Сейчас он на меня кинется!»

Некромант нерешительно топтался у двери. Я призывно распахнула руки... В прочитанных мною любовных романах после такого парень обычно с горящим взглядом и со стоящим... этим самым падал в объятия своей любимой. Пристально посмотрев на Иргу, я засомневалась, можно ли бегающие глаза и нервно закушенную губу приравнять к горящему взору и капающей от вожделения слюне.

Пауза затягивалась.

— Как-то странно ты выглядишь, — решил нарушить молчание Ирга.

— Как это — странно? — удивилась я, забыв на миг о соблазнительном голосе, но строго напомнила себе, зачем я сюда пришла, и промурлыкала: — Я для тебя старалась, любимый!

— Спасибо, — пробормотал некромант, лаская взглядом дверь и явно намереваясь в нее выскочить.

Я повела плечами и сделала шаг вперед.

Ирга попятился и уперся спиной в косяк.

Я поняла, что пришла пора переходить к решительным действиям. Вскочив на кровать, я призывно вильнула бедрами. Уроки эротического танца я брала у одной девушки с нашего этажа. Правда, у меня не очень хорошо получалось, поэтому я решила остановиться на нескольких движениях, которые удавались мне лучше всего.

— Разве ты не хочешь меня? — спросила я, теребя в руках тесемки своего пеньюара, за который я недрогнувшей рукой выложила четыре золотых. «Он вас как увидит, так сразу ляжет, а у него встанет», — обещала мне продавщица.

Ирга молча пялился на меня, и никакого вожделения на его лице я не видела. Разве что ужас.

— А может быть, ты хочешь поужинать после работы? — предположила я, снимая со шкафчика над кроватью загодя приготовленный салат в тарелочке игривой формы.

Кушанье было приготовлено сплошь из продуктов, возбуждающих половое влечение: перепелиные яйца, сельдерей, орехи, трюфеля и петрушка, щедро приправленные тертым шоколадом, кардамоном и красным перцем. Каким образом он будет есть этот салат, я не представляла, но решила напихать в него как можно больше всего. Я же не знаю, что на него подействует, а что нет! Изогнувшись, я поставила тарелочку между грудей и скосила глаза на некроманта. У того отвисла челюсть. Гм, сколько мы времени вместе, а я не помню, чтобы он таким образом выражал свое восхищение.

Стоять изогнувшись было неудобно, поэтому я поставила тарелочку на место и выжидающе посмотрела на возлюбленного. Должен же он как-то прореагировать!

Однако его реакция превзошла все мои ожидания. Ирга сделал рукой знак, отгоняющий злых духов, и с дрожью в голосе спросил:

— Ола, с тобой все в порядке?

— Конечно, — сказала я нежно, начиная себя поглаживать. — А что?

— Я, наверное, пойду, — тоскливо сказал Ирга.

— Что?! — завопила я. — Куда пойду?

— Туда, — неопределенно махнул рукой некромант и вышел.

Я осталась стоять на кровати в одиночестве. Горькая обида затопила меня и вылилась наружу. Я так старалась, а он!..

— Скотина! — закричала я и от избытка чувств затопала ногами. Кровать спружинила, я упала на подушки, перевернулась на живот и зарыдала, колотя их кулаками.

— Ола... — Ирга осторожно меня погладил по бедру.

Я лягнула ногой, пытаясь его стукнуть, и, конечно, не попала. Это расстроило меня еще больше, и я стала плакать с подвываниями.

— Ола, — некромант успел отодвинуться с траектории пинка, — милая...

— Пошел вон! — прорыдала я. — Видеть тебя не могу!

— Ола...

— Убери свои руки от меня, чудовище!

— Давай поговорим...

— Ы-ы-ы-ы!!!

— Да прекрати ты истерику! — не выдержал Ирга, наваливаясь на меня сверху.

Я пару раз слабо трепыхнулась и затихла. Странно, такой изящный, а такой тяжелый.

— Ола, давай поговорим.

— Мы-мы-мым-мы!

— Что?

— Ты меня в подушку вдавил, я дышать не могу, — сказала я, извернувшись.

— А, извини. — Некромант ослабил хватку, я перевернулась на спину и мрачно уставилась в его внимательные и растерянные голубые глаза.

— Пожалуйста, объясни, что это было, — попросил он, на всякий случай не отпуская мои руки.

— Сцена соблазнения, — ответила я.

— Чего? — удивился Ирга.

— Кого! — передразнила я. — Это была сцена соблазнения тебя!

— А-а-а... — глубокомысленно сказал некромант и замолчал, разглядывая мою грудь, облаченную в бесполезный пеньюар. — А! Извини, я не понял.

— Что? Да откровенней было только написать транспарант «Возьми меня!» — возмутилась я.

— Просто ты себя никогда так до этого не вела, вот я и растерялся немного, — смущенно признался возлюбленный.

Я гордо молчала, изображая из себя оскорбленную до глубины души.

— И ты выглядишь как-то не так, — осторожно сказал Ирга.

— Что, не окровавленная, не бледная, не умирающая? — вспылила я.

— Нет, нет, просто... какая-то ты не Ола. Хотя, без сомнения, ты выглядишь очень привлекательно.

— Я в это кучу денег вбухала, — похвасталась я.

Следующий вопрос поверг меня в шок.

— Зачем? — спросил Ирга.

— Но как же, — пролепетала я, — чтобы понравиться тебе.

Некромант смотрел на меня с удивлением.

— Разве я тебе не говорил, что ты мне понравилась еще давным-давно, в страшненьком костюме, вспотевшая, перепуганная, прижимающая к себе чемодан.

— Я хочу тебя возбуждать!

Ирга молчал.

— Но мы ведь собирались пожениться! — с отчаянием сказала я. — А какая супружеская жизнь без взаимного влечения? Или... или ты уже не хочешь жениться после того, что ты увидел?

Казалось, мое сердце остановилось. Некромант наморщил лоб, как будто решал сложную задачу.

— Я разве хоть когда-нибудь говорил, что я не хочу на тебе жениться? — наконец спросил он, когда мое тело уже стало остывать. — Или что меня не влечет к тебе?

— Говорил! — выдохнула я. — Ты, когда уезжал, поцеловал меня в лоб!

— И что? — спросил Ирга беспомощно.

— Это значит, что я тебя больше не привлекаю как женщина.

Парень обхватил руками голову и простонал:

— Я схожу с ума! Ну почему ты это решила, почему?

— Потому что ты видел меня мертвую, некрасивую, в крови, покусанную, видел, как я лежала в беспмятстве неделю, а потом уехал и поцеловал меня в лоб!

Ирга встал, подошел к стене и постучал об нее лбом.

— Что ты делаешь? — испугалась я.

— Пробую твой метод, — сказал он, потирая голову. — Может быть, я тогда буду думать по-твоему и начну хоть немного понимать происходящее.

Я лежала на кровати и смотрела на Иргу затравленными глазами, не зная, чего ожидать.

— Послушай, — вдруг совершенно спокойно сказал некромант, садясь на кровать. — Я люблю тебя. Я люблю тебя и прекрасно понимаю, что ты живой человек. А живому человеку иногда бывает плохо, больно, неприятно, живой человек ходит в туалет, чихает и кашляет, его может тошнить, и он может храпеть по ночам. Но это все составляющие тебя, понимаешь? Без этого всего ты бы не была той Олой, которую я люблю и — если это для тебя так важно — хочу. Если бы мне нужна была идеальная девушка, то я купил бы себе картину, повесил на стене и круглосуточно на нее любовался. У картин не бывает ни плохого настроения, ни месячных, ни страшных снов. Но мне это не нужно, мне нужна ты. Понятно?

Я открыла рот, но ничего не сказала.

— Конечно, мое влечение зависит от того, что с тобой, — продолжал Ирга. — Но ведь глупо было бы домогаться тебя, когда ты больна? В такие моменты мне не тебя хочется, а

заботиться о тебе. Именно так я понимаю любовь. Да, я поцеловал тебя в лоб, но ты бы видела себя со стороны! Такая слабенькая, такая хрупкая! Да я прикоснуться к тебе боялся, не то чтобы целовать!

— Я — дура, да? — спросила я, помолчав.

— Фантазерка, — смягчил мой приговор Ирга. — Ну что, давай начнем все сначала? Только естественно. Я сейчас выйду за дверь и как будто бы только приду с работы. Хорошо?

— Да! — обрадовалась я.

Парень вышел и через минуту вернулся и застыл в дверях, глядя на то, как я, стоя на табуретке, шарю по полкам его буфета.

— Ирга, — сказала я жалобным тоном, — а у тебя шоколадки нигде не завалялось?

Некромант закрыл рот, открыл, закрыл и сказал:

— Когда я говорил об естественности, я не имел в виду именно это. Тебе шоколадка срочно нужна или потерпишь?

— Потерплю, — ответила я, протягивая к нему руки.

Возлюбленный осторожно снял меня с табуретки и понес к кровати, нежно целуя. Как же его поцелуи отличались от поцелуев Живко! Ирга целовал меня нежно, осторожно, ласково и — тоже — возбуждающе. Некромант, не прекращая ласк, уложил меня на одеяло и начал снимать пеньюар. Я замерла в предвкушении. Сейчас будет что-то волшебное, ведь он хочет меня, я это чувствую!

Пауза затягивалась.

Я открыла глаза и посмотрела на сосредоточенное лицо возлюбленного.

— Что-то не так, — вырвался у меня испуганный писк.

— Я запутался в завязочках и никак не могу снять с тебя эту вещицу, — признался Ирга. — Подожди, я сейчас это все разрежу.

— Нет! — возмутилась я. — Ты даже не представляешь, сколько это стоит, чтобы вот так брать и резать!

— Но ты ведь покупала его для меня, — резонно возразил некромант. — Значит, мне и решать, что с ним делать.

— Хорошо, — признала я его правоту и зажмурилась.

Через пару минут Ирга сказал:

— Нет, я не могу так! Ты лежишь с таким видом, будто я тебя резать собрался.

— А как-нибудь отодвинуть его не получится, чтобы добраться до места? — спросила я с надеждой.

— Думаешь, я не пробовал? — сердито спросил некромант. — Не получается! Терпи теперь.

Он со сосредоточенным видом сел мне на ноги и принялся разбираться в хитросплетении узелков.

Я поняла, что вечер начал окончательно терять свою романтическую направленность, и попросила:

— Да режь ты их уже! Или разрывай ткань!

— Нет-нет, — сказал Ирга. — Это уже вопрос интереса. Неужели я не разберусь?

— Я тебе гномью головоломку подарю, — предложила я.

— Не крутись, я только начал разбираться. И гномью головоломку подаришь, я даже не думал, что меня это так увлечет.

Я закрыла глаза и стала думать об эротике, надеясь сохранить остатки желания. Но на ум лезли почему-то только непристойные анекдоты, но о них я решила не думать, не зная, как воспримет Ирга мое хихиканье.

Наконец разлюбезный жених улегся рядом со мной с удовлетворенным вздохом.

— Я сделал это, — сказал он счастливо. — Знаешь, такое чувство у меня было, когда я впервые зомби поднял.

Я засомневалась, что поднятие зомби ассоциируется у возлюбленного с сексуальным

желанием, хотя кто его знает. Отчего-то же люди идут в некроманты.

— Тебя этот процесс должен был возбудить, — жалко проговорила я, не дождавшись от Ирги хоть каких-нибудь действий.

— Да? — удивился он. — Ну ладно, я сейчас настроюсь.

Я подождала немного, но услышала только ровное дыхание. Некромант заснул. Заснул? Заснул?!

Крайне взбешенная, я перелезла через него, оставив бесполезный пеньюар на кровати. Что делать? Будить Иргу и окончательно испортить вечер безобразной сценой? Нет, не пойдет. Мой взгляд упал на черно-красную тряпку, лежащую на кровати. Вот! А пойду-ка я объясню хозяйке салона белья, что нехорошо обманывать покупателей.

«Он ляжет, а у него встанет», — вспомнились мне ее слова. Он-то лег, только что надо не встало! Верну свои деньги или разгромлю витрину, для улучшения настроения. Что, разве только мне должно быть плохо?

Натянув одежду, я тихо вышла на улицу. Задуманное требовало храбрости, поэтому я направилась в «Больше пей!», где всегда могла найти сочувствующих.

Приняв для храбрости, я вышла на улицу и столкнулась в дверях с друзьями — Отто и Трохимом.

— О, Ола! — удивился полугном. — Ты же вроде как к Ирге собиралась.

— А я у него была, — ответила я мрачно.

— И что, не получилось? — посочувствовал лучший друг.

— Нет, — всхлипнула я.

Отто молча протянул мне бутылку, а Трохим заинтересовался:

— Вы о чем?

— Ола сегодня хотела Иргу соблазнить, но у нее ничего не вышло, — объяснил полугном.

— Совсем ничего не вышло, — подтвердила я. — Ему ничего не понравилось — ни эротическое белье, ни возбуждающий танец, ни прямое предложение!

— Совсем плохо, — сказал Трохим. — А ты уверена, что он... не того?

— Что — не того? — не поняла я.

— Не ослаб по мужской части?

— А, это. Нет, он о-го-го, — сказала я. — Правда, это давно было.

— После твоего «давно» много чего могло случиться, — поучительно сказал Трохим. — Например, на кладбище мог отморозить.

— Нет-нет, он не такой, он за собой следит. Тем более сегодня я видела, как у него...

Отто вдруг попятился с выражением ужаса на лице. Трохим поднял глаза и тоже побледнел. Я прервалась на полуслове, чувствуя, как по спине забегали мурашки.

— Спасибо за обсуждение, — сказал сзади ледяной от ярости голос, растягивая гласные.

— Ну нам пора, — проблеял полугном, а Трохим закивал.

— Возьмите меня с собой, — жалобно пискнула я.

— Ничего, ничего, мы тебя оставляем в нежных руках жениха. — Отто было направился в кабачок, но я удержала его за руку:

— Он же меня убьет!

— Не для этого он тебя оживлял. — Полугном выдернул руку из моего захвата.

— «Он» оживлял ее как раз для этого, — мрачно сказал некромант. — Чтобы убить своими руками и получить от этого незабываемое удовольствие.

Я медленно повернулась.

— Как ты меня нашел? — спросила я, зыркая по сторонам в поисках пути для бегства.

— Это было легко, — ответил некромант грозно.

— Неужели я такая предсказуемая?

— Поисковым заклятием, — сказал Ирга. — Я проснулся, а тебя нет.

— Ты же не любишь поисковое заклятие. — Я старалась оттянуть время разборок. — У

тебя же голова будет болеть.

— Уже болит, — сообщил некромант и неохотно добавил: — Я подумал, что ты с горя пойдешь вешаться или топиться.

Я посмотрела на возлюбленного. Он, сжав губы, смотрел на меня.

— Да, — сказала я, подумав. — Я хотела что-то сделать, потому что твое пренебрежение моими прелестями нанесло мне неизлечимую душевную рану.

— Ах вот оно что! Значит, тебе издеваться надо мной можно, я, значит, железный!

— Я не издевалась над тобой, — сказала я, повернулась и помчалась по улице.

Ирга довольно легко меня догнал, перебросил через плечо и понес домой.

— Я с тобой разберусь, — пригрозил он, одергивая юбку, чтобы не торчали ноги, которыми я старалась его пнуть.

— Помогите, люди добрые, убивают! — запричитала я.

Говорить было тяжело, плечо некроманта больно упиралось мне в живот.

— А-а-а-а!

— Стой, что происходит? — раздался оклик, и к нам, бряцая оружием, подошел патруль городской стражи.

— Помогите! — пискнула я.

Стражники обошли нас кругом, подняли фонарь.

— А, пан Ирронт! Что вы делаете?

— Невесту воспитываю, — любезно ответил некромант. — А то взяла привычку по вечерам по значным местам шляться.

— Что? — возмутилась я, начиная отчаянно брыкаться, но Ирга шлепком по мягкому месту быстро меня успокоил.

— Понятно, — сказали стражники. — Ну Небесные Силы в помощь!

— Спасибо, — поблагодарил возлюбленный, перехватил меня поудобнее и понес дальше.

— Ирга, — сдавленно сказала я, — немедленно отпусти меня, иначе сейчас пиво из желудка обратно выльется.

Жених молча поставил меня, а я схватилась за горло, в котором, казалось, плескалось выпитое пиво.

— Помочь удавиться? — спросил некромант.

Я посмотрела на его непреклонное лицо и завывала:

— Ы-ы-ы-ы, жестокий ты тип! Я к тебе со всей душой, со всей любовью, со всем сердцем, а ты меня не любишь, не ценишь, не хочешь, нет, хочешь, но не меня, а задушить!

Редкие вечерние прохожие останавливались и с интересом наблюдали за сценой.

— Это все? — спросил некромант.

— Нет, — ответила я, придумывая, что б еще сказать. — Пойдем со мной магазин громить?

— Зачем? — опешил Ирга.

— Надо. Ты же мой жених, ты обязан мне помогать.

— А также удерживать от всяких глупостей, — сказал Ирга, снова взваливая меня на плечо.

— Отпусти меня, я сама пойду.

— В какую сторону? — осведомился Ирга.

— Подальше от тебя, пока ты злой и кусаешься.

— Я еще не начал, — многообещающе протянул некромант.

— Милый, купи себе булочек, — попросила я.

— Зачем?

— Потому что ты голодный, а голодный мужчина — это страшно.

— Да, — согласился Ирга. — Когда я, голодный и уставший, возвращаюсь домой, меня там ждет представление, а не горячий ужин. Поэтому я до сих пор голодный.

— Надо было предупредить?

— Да! Я же знал, что ты в городе и не показываешься мне на глаза, и, чтобы не думать о тебе, я нагружался работой.

— Но теперь-то ты уже отдохнул и поспал, — сказала я. — Теперь поешь, и все будет замечательно.

— Хорошо, — со вздохом согласился некромант, отпуская меня.

— Я буду тихой, как овечка! — пообещала я.

Ирга скептически хмыкнул и повел меня в ближайший каба́к ужинать.

Я ежилась, глядя, как ожесточенно некромант режет кусок мяса, и наконец не выдержала.

— Прости меня. Я хотела как лучше, — повинилась я. Ирга молчал.

— Я больше не буду, — сказала я, заглядывая ему в глаза.

— Что ты не будешь?

— Все.

— Я уже боюсь, — сказал жених, перестав пилить тарелку.

— Ирга-а-а, прости меня-а-а.

— Ола, — сказал Ирга, подумав, — знай, что я могу тебе простить почти все, только если ты не будешь выходить за определенные рамки.

— Все? — обрадовалась я.

— Почти все.

— А что не сможешь? — заинтересовалась я.

— Мм... например, предательство.

В голову услужливо полезли картинки моего поцелуя с Живко, но я их отогнала и сказала:

— Зачем мне тебя предавать? Мне и с тобой хорошо. Ирга протянул руку и погладил меня по щеке.

— Был бы у меня хвост, я бы им завиляла, — призналась я. Некромант засмеялся.

— Вот в чем в чем, а в зоофилии замечен не был!

— А в чем был? — спросила я.

Жених хитро прищурился и ничего не ответил, оставляя меня теряться в догадках.

После ужина мы, как почтенная парочка, прогулялись по улицам. Я получила в подарок букетик цветов, которые всю дорогу тайком обрывала, в волнении ожидая, что же ждет меня дома.

В квартире Ирга церемонно распахнул передо мной двери, но я замялась у порога.

— Бить не буду, обещаю, — подбодрил он меня.

— А что будешь?

— А что ты хочешь?

Я подумала, уместно ли будет попросить плитку хьюдорского шоколада, но решила сказать то, что он ждал:

— Тебя.

— Только давай без фокусов, — попросил Ирга.

— Это каких?

— Любых. Вообще ничего не делай, я сам.

— Хорошо, — сказала я и, обмякнув, сползла на пол.

— Ола? — перепугался некромант. — С тобой все в порядке?

— Да, — ответила я. — Ты же сказал — ничего не делай. Вот я и решила, что даже ходить не буду, чтобы ненароком ничего не испортить.

— Понятно, — пробормотал Ирга, бесцеремонно протащил меня по полу за ноги и, злорадно улыбаясь, затолкал меня под кровать.

— Ты что творишь? — завопила я.

— Всегда хотел иметь домашнюю зверушку, — изгалялся некромант. — Руку опускаешь с кровати, а оно тебя лижет.

— Я тебя укушу, — предупредила я, выползая на четвереньках.

— Хорошая поза, — одобрил Ирга.
— А не доберешься, — сказала я. — Там пальто, юбка и панталончики!
— А я их ножом!
— А я тебя ногой! — в тон ему ответила я и спросила: — Ирга, мы извращенцы? Вместо того чтобы обниматься, занимаемся какой-то ерундой!
— Давай обниматься, — согласился некромант. — А поцелуи предвидятся?
— И поцелуи, и обнимашечки, и ласки, и вообще все, что захочешь, — сказала я, раздеваясь.

Ирга с все возрастающим интересом следил за процессом расстегивания пуговичек, а когда я осталась в одном белье, подхватил на руки и закружил по комнате, целуя мои щеки, лоб, нос, глаза и губы. Я смеялась и старалась прижаться к нему потеснее. В конце концов мы упали на кровать, и дальше все было почти так, как описывается в любовных романах, только намного приятнее.

Утром меня разбудил жуткий запах.

— Ирга, — пробурчала я, — что это так жутко воняет?
— Не знаю, — ответил некромант сонно, поглаживая меня по спине. — Мышь сдохла?
— Ты же чистюля, откуда у тебя в квартире дохлые мыши?
— Тогда не знаю.

Я принялась, и ужасная мысль закралась в мою голову. Это возбуждающий салатик, простоявший всю ночь в теплой комнате прямо под лампой! Как бы мне избавиться от него, чтобы Ирга не заметил? А то будет надо мной смеяться и долго-долго вспоминать при всяком удобном случае.

Мои размышления прервал громкий стук в дверь. Ирга, недовольно ворча, поднялся с кровати, нашарил трусы и рубашку и поплелся открывать. Я, не теряя времени, схватила с полки злосчастный салатик и кинулась с ним в туалет.

— Ола, — позвал меня Ирга, — иди сюда.

Я закуталась в одеяло и подошла к двери.

— Ты живая! — выпучив глаза, закричала Иллисса.

— Ну да, какой же мне еще быть? — удивилась я.

— Там по студгородку ходят ужасные рассказы о том, что Беф тебя жестоко убил за то, что не готовилась к зачетам, и заставил Отто ходить с твоим трупом и призывать студентов учиться. Бедный полугном так рыдал, так рыдал, а от тебя отваливались кусочки! Я пришла Иргу предупредить.

— Отваливались кусочки? — поразился некромант, поворачиваясь ко мне. — Что за чушь! Я вчера не заметил, что у тебя чего-то не хватает!

Я покраснела. Иллисса, пользуясь моим замешательством, потрогала меня и уточнила у брата:

— Она жива?

— Да, даю слово! — сказал Ирга, с любопытством глядя на меня. — Что это за глупые слухи?

— Народ клянется, что видели это своими глазами, — растерянно сказала Иллисса. — В библиотеке было столпотворение, преподаватели в шоке.

— Это кто-то пошутил, — сказала я, а Ирга недоверчиво поднял бровь. — Что ты так смотришь? Я ничего не знаю!

— Ах, ну да! — покивал он. — Извини сестра, нам бы поспать.

Когда за Иллисой закрылась дверь, я демонстративно зевнула и направилась к кровати.

— Так что это было? — спросил Ирга.

— Не знаю, — гордо ответила я, потянув его на себя и постаравшись занять его мысли горячими поцелуями.

Нас прервал стук в дверь. Ирга недовольно засопел, решил, что лучше ему будет закутаться в одеяло, и пошел открывать.

— Ирронтто! — раздался недовольный голос Бефа. — Вы Олу не видели?

Я пискнула, заметалась. Одеяло некромант забрал, в юбку с перепугу я не могла влезть, а простыня с кровати не стаскивалась. Ничего не придумав, я залезла под кровать.

— Она у меня, — сказал Ирга. Я услышала шаги. — Э-э-э... Ола?

— И где она? — спросил Беф. — Я вижу только ее юбку. Ввиду некоторых слухов, циркулирующих в студгородке, я, как представитель преподавательского состава, хотел бы убедиться, что Ола жива и невредима. И желательно убедиться в этом как можно скорее, ибо, зная ваши способности, я уже ни в чем не уверен.

Я под кроватью сжалась в комочек.

— Ола, — сказал Ирга, заглядывая под кровать, — тут к тебе пришли.

— Я голая! — простонала я.

— Ничего страшного, — бодро сказал Беф, тоже заглядывая. — Главное — убедиться, что ты цела.

— А что случилось? — невинным тоном поинтересовался некромант.

— Почему-то все уверены, что я убил свою студентку, — спокойно сказал Беф. — Даже декан меня убеждал с таким жаром, что я засомневался в собственном здравомыслии.

— Я тут ни при чем, — пропищала я из-под кровати.

— Хорошо, — сказал Наставник. — Но вы все-таки покажитесь в Университете сегодня. Желательно в добром здравии.

— Я это обеспечу, — торжественно пообещал Ирга.

Дверь захлопнулась.

— Вылезай, — сказал жених, подавая мне руку.

— Какой кошмар! — простонала я.

— Все в порядке, — успокоил меня возлюбленный. — Твоя честь не пострадала. Под кроватью темно, и ты так сжалась, что были видны только твои глаза. Пойдем в Университет, а то нам закончить не дадут.

— А твоя работа?

— Я ее взял на дом, — хмыкнул Ирга. — Называется «Оживление невесты, убиенной Наставником за лень». Пойдем, только декана мне в квартире не хватало. Кстати, вонять перестало. Что это было?

— Букетик, который ты мне подарил, — нагло сказала я. — Видишь, как выглядит?

Ирга задумчиво окинул взглядом жалкие остатки цветов и сокрушенно покачал головой:

— Видишь, какая атмосфера у меня в квартире! Наверное, больше не буду здесь хранить шоколад, а вдруг его тоже постигнет такая же судьба?

Если некромант хотел меня испугать, то ему это не удалось.

— Правильно, — сказала я. — Зачем шоколад хранить? Сразу отдавай его мне.

Глава 6 НЕ МОЙ ДЕНЬ

— Сегодня у тебя плохой день, — огорошил меня известием Варсоня.

— Ну спасибо, — пробурчала я, — порадовал с утра.

— Он ошибся, — сказал Отто, злобно буравя взглядом целителя. — Тоже мне предсказатель нашелся.

— Это не я, — оправдывался Варсоня. — Это звезды!

Достигнув за зиму ужасающих объемов, целитель решил сесть на диету. Но это ему не удалось — не хватило силы воли. Полугном посоветовал «клин клином» — найти себе другое увлечение, кроме готовки. Варсоня подумал, отыскал где-то книжку «Астрология для начинающих» и теперь каждое утро сообщал нам прогноз надень. Предсказания сбывались очень редко — на моей памяти один раз, когда толстяк предрек мне неожиданный удар, и вечером зазевавшийся Отто чуть не прибил меня дверью, когда я на четвереньках старательно мыла полы. Несмотря на наш скептицизм, целитель обещал совершенствоваться

и не оставлял своей затеи. Приготовление пищи теперь было нашей с Отто обязанностью, и мы перешли на здоровое питание — кашу и пиво.

Как раз сегодня утром в роли повара выступал полутном, потому что я собиралась за индивидуальным заказом, сулящим большую выгоду. После того как был закончен большой эльфийский заказ артефактов «два в одном», мы, ожидая вердикта остроухих, занимались приработками. Особенно в этом усердствовала я, потому что приведение себя в порядок в салонах красоты обошлось мне в такую сумму, что было бы проще жить со шрамами.

Моя заказчица жила в лесу, на одиноком хуторе. Она не так давно лишилась мужа, который бесследно исчез, отправившись на охоту, но переезжать в город отказывалась. Пири — так звали хуторянку — попросила меня зайти, зарядить некоторые артефакты, облегчающие жизнь в ее хозяйстве. Я с радостью согласилась, потому что с удовольствием ходила по лесу, смутно надеясь на встречу с таинственной и наводящей ужас на округу зюкой. Найти в справочниках это таинственное существо мне так и не удалось, а опрошенные в Университете преподаватели только разводили руками и советовали не обращать внимания на народные верования. Но я верила, что зюка существует — не могли же ее просто выдумать, все верования основываются на фактах.

— Удачи в поисках, — напутствовал меня Отто.

Он с интересом относился к моему увлечению местной страшилкой, особенно после того, как прочитал в «Вестнике регионального управления», что за обнаруженный новый вид нежити положена приличная премия.

Я повесила на бок вместительную сумку с дорожным набором инструментов и со вздохом надела глубокие калоши — передвигаться по непролазной весенней грязи было очень тяжело.

Лес встретил меня оглушающим птичьим щебетом и нежно-зеленой листвой. Пахло перегнившими за зиму листьями, первыми цветами и хвоей. Я глубоко вдохнула в себя воздух, стараясь не думать о том, что совсем скоро придется покинуть эту красоту и ехать в душный и грязный город. Впрочем, все недостатки города компенсировала канализация и горячая вода в кране.

Осторожно переступая через лужи, я брела к хутору Пири, мечтая о получении диплома и перспективах, которые после этого откроются. Отец Отто обещал помочь нам снять небольшую мастерскую, где будет возможность работать только на себя и делать только то, что хотим. Кстати, никто не мешает вернуться к алкогольному делу, ведь нужно же предаваться любимому занятию в свободное время.

Интересно, а когда Ирга решится официально предложить мне руку и сердце, назначить дату свадьбы, познакомиться с родителями? К этому событию нужно подготовиться достойно, тем более, помнится, он мне обещал чудесное эльфийское платье.

— Привет, Ольгерда! — сказали у меня над ухом, заставив вздрогнуть.

Я так глубоко ушла в свои мысли, что даже не заметила, что ко мне кто-то подошел. Обернувшись на приветствие, я нахмурилась. Человек был мне незнаком. Бородатый, худой, одетый в одежду не по росту. Не слышала, чтобы в лесу завелись бродяги.

— Не узнаешь? — нагло ухмыльнулся незнакомец. — Ну конечно, ты ведь живешь тихо и мирно, наслаждаясь прелестями цивилизации, а кое-кто по твоей милости должен гнить на каторге.

— Лойд! — ахнула я. — Но что ты здесь делаешь? Ты ведь... был на каторге?

— Конечно, был, — сказал Лойд, так сжимая мои руки, что кости затрещали. — Но хорошие люди везде есть, и они решили, что мне пора на свободу.

— И что ты хочешь от меня? — спросила я, стараясь не стонать от боли. Жалко кости, только недавно срослись.

— Поговорить, — ухмыльнулся Лойд. — Нежно и долго.

Удар в солнечное сплетение заставил меня скрючиться от боли, глотая выступившие на глазах слезы. Пока я пыталась отдышаться, беглый каторжник крепко связал мне руки и достал из-за пояса огромный кинжал.

— У меня есть кое-что для тебя. И это что-то жаждет твоей крови.

— За что? — спросила я, лихорадочно пытаюсь придумать, как спастись.

— За то, что я сдыхал на каторге, пока ты радовалась жизни.

«Может быть, если рассказать ему о том, как мне было тяжело последнее время, он меня пожалеет?» — подумала я. Страшно не было — здесь не так далеко от города, если Госпожа Удача от меня не отвернется, то мимо пройдут лесорубы или еще кто-нибудь.

— Лойд, отпусти меня, — без особой надежды попросила я. — Мне жаль, что ты попал на каторгу, но, с другой стороны, не стоило пытаться нас убить.

— Я просто закончу то, что не доделал, — сказал Лойд, таща меня за руку в глубь леса.

— Ну хорошо, предположим, ты меня сейчас зарежешь, — размышляла вслух я, чувствуя странное оцепенение, — но до Ирги тебе так легко не добратся.

— Его убьет одна мысль, что ты мертва, — ухмыльнулся злодей.

— Как показывает практика, не убьет, — не согласилась я.

Лойд в удивлении остановился.

— Откуда ты знаешь?

— Меня убивали недавно, — сообщила я.

— Ты не только меня достала? — спросил парень.

— Просто я очень популярна, — скромно ответила я.

— Не заговаривай мне зубы, — вдруг резко дернул за веревку Лойд и углубился в кусты.

— Куда ты меня тащишь? — спросила я.

— Куда-нибудь подальше, — сказал маг. — Я вообще-то планировал тебя у вдовы встретить, но к ней, как назло, гости заявились. А другого шанса вытащить тебя в лес может и не представиться. Так что не мешай, я импровизирую.

Это плохо, очень плохо. Я покорно шла за Лойдом, молясь Госпоже Удаче и решив действовать по обстоятельствам.

— И когда ты уже успел снюхаться с Пири? — безразлично спросила я, стараясь не показывать своего страха.

— Что нужно одинокой женщине? — самодовольно спросил Лойд и сам себе ответил: — Тот, кто скрасит ее одиночество!

— Я так понимаю, что из тебя получился хороший краситель? — предположила я.

Лойд хохотнул.

— И что ты собираешься со мной сделать? — поддержала я беседу.

— Убить.

— Как неоригинально, — заметила я. — Я-то считала, ты сможешь придумать что-нибудь другое.

— Да я!.. Да я!.. — возмутился Лойд. — Я тебя изрежу на кусочки, изнасилую, вырву тебе ногти...

— Нелогично, — перебила я. — Сначала нужно насиловать, потом ногти вырывать, а потом уже резать на кусочки.

Лойд остановился, злобно глядя на меня.

— Так долго готовился к мести, что даже не придумал, что со мной делать и в какой последовательности? — продолжала издеваться я. — Бедное же у тебя воображение!

— Я тебя убью прямо сейчас, — пообещал каторжник, замахиваясь кинжалом.

Но меня не зря последнее время преследовали неудачи в виде кровожадно настроенных магов. Кое-чему я научилась.

Взмахнув руками, я подставила веревку, которой связаны руки, под лезвие и одновременно закрылась Щитом. Лойда отбросило назад, а я рванула в кусты, не обращая внимания на глубокий порез от ножа на кисти. Зато теперь не связана!

Громко ругаясь, Лойд побежал за мной. Я, подобрав юбку, бежала молча, экономя дыхание. Только бы выбраться к людям! Сумка с инструментами больно била по боку, тяжелые калоши мешали бежать, но я не сдавалась. Снова умирать не было никакого

желания.

Бу-ух! Земля завертелась перед глазами. Конечно, как же без этого! Первое правило убегающего — не оборачиваться, чтобы посмотреть, где преследователь. А то под ноги попадет незамеченный корень, и готова вывихнутая нога.

Постанывая от боли, я проковыляла к дереву, перед которым было какое-никакое, но все же пространство, прижалась спиной к шероховатой коре и приготовилась к бою.

Лойд вывалился из кустов весь в паутине, с лесным мусором в спутанных волосах. Я послала в него несколько атакующих заклятий. Вот тут-то и стала понятна разница между самоподготовкой и системным университетским обучением. Маг отмахнулся от моих заклятий, как от мух, и прыгнул ко мне, напомнив атакующего хищника. Скосив глаза к ножу у своего горла, я задумчиво пробормотала:

— Обидно. Получается, я зря туалет поломала.

— Что? — поперхнулся заготовленной фразой Лойд. — При чем здесь туалет?

— Я последний месяц тренировалась в боевых заклятиях, — объяснила я. — И так как жертв... испытуемым стать никто не согласился, то пришлось отрабатывать их на туалетном домике во дворе. Ну и он немного покосился. Отто теперь вообще к соседям ходит, боится, что провалится во время процесса.

Лойд засмеялся и выпал из образа бывалого каторжника и злодея. Я понадеялась, что удача повернулась ко мне лицом, но, оказалось, зря.

— А теперь я тебя убью, — просто и буднично сказал Лойд.

Я вздохнула и подняла взгляд, чтобы не видеть, как он это будет делать. И потрясенно замерла.

— Стой, — прошептала я, уставившись на чудо за спиной Лойда.

— Что еще? — недовольно спросил он. — Ты мне мешаешь сосредоточиться.

— Ты только посмотри, — тихо сказала я, — обернись.

— Если это уловка, то не очень хорошая.

— Это не уловка, это зюка! — счастливо пропела я. — Зюка! Я ее увидела! Она существует! Теперь можно и умирать, режь давай.

Лойд не выдержал и обернулся. На нас черными и печальными глазами смотрело чудище — помесь большого медведя с очень большим демоном. Огромное, лохматое, на четырех лапах, с маленькими кожистыми крылышками, с хвостом без шерсти с острым роговым окончанием. В распахнутой пасти — три ряда зубов. Но больше всего меня впечатлили глаза — большие-большие, как два маленьких бездонных озера.

— Что это? — пролепетал Лойд.

— Зюка. Местный фольклорный персонаж.

— Ничего себе фольклорный. — Мой противник отбросил кинжал и приготовился к бою.

— Тшш, — сказала я, дернув его за руку.

Подойдя к спокойно стоящей зюке, я прикоснулась к ее пушистой шерсти.

— Она тебя сожрет! — забеспокоился Лойд.

— Кто бы волновался, — отозвалась я.

— Я хочу убить тебя сам, — возразил злодей, — а если тебя сожрет эта зюка, то я очень расстроюсь.

— Переживешь, — сказала я, протягивая к чудищу уже обе руки.

Зюка не отшатнулась и продолжала печально смотреть на меня своими глазищами. Я помедлила и дотронулась до ее морды, погладив покатый лоб. Чудище вздрогнуло и заурчало. Запахло паленым. Зюка взвыла и шарахнулась в сторону, обнажив в рыке зубы. Обернувшись, я увидела, как с пальцев Лойда срываются красные искры.

— Ты что творишь! — закричала я, ставя Щит.

— Она зарычала, — ответил Лойд, — отойди!

— Она заурчала от удовольствия! — Я с опаской отодвинулась от зюки, которая встала на задние лапы и издала страшный вой. — Рычит она сейчас.

Я отбежала от чудища и спряталась за Лойда.

— Ты ее разозлил! — вопила я, стуча его по спине. — И она нас сейчас сожрет! Зачем было кидаться в нее огоньками!

— Я автоматически среагировал, — оправдывался парень. — И если бы она хотела нас сожрать, уже давно бы сожрала.

Действительно, зюка всю демонстрировала нам мощь своих легких в рыке и размах лап, но к активным действиям не переходила.

— Вот сейчас она разадорит себя, и нам крышка, — предрекла я.

— Свяжешься с тобой... — буркнул Лойд, медленно отходя к кустам.

— А нечего было меня убивать, — сказала я, стараясь держаться поближе к нему. Все-таки какой-никакой, а боевой маг.

— Должен же был я тебе отомстить, — неуверенно сказал Лойд.

— Мне ты ничего не должен, — успокоила я его. — Я пойду?

— Куда? — Он поймал мою руку.

Ах так!

— Спасите, помогите! — заорала я, брыкаясь изо всех сил. Мне стало понятно, что магию для моего убийства мститель использовать не будет, ведь магия оставляет следы, а ему, судя по всему, светиться не очень хотелось. Значит, у меня есть шанс выкрутиться!

— Сильная, сучка, — прошипел Лойд, тряся прокушенной рукой.

Зюка перестала выть и с интересом уставилась на нас. Вырвавшись из рук парня, я принялась со всей силы колотить его сумкой с инструментами. Прикрывая голову руками, Лойд прыгнул на меня, и я упала на спину, прочувствовав все кочки, шишки и сучки.

— Я не понял, — злобно сказал он, пытаясь достать нож, — кто кого убивает?

Тонко вереща на одной ноте, я вцепилась ногтями в его лицо, пытаясь сбросить тяжелое тело.

— Что здесь происходит? — раздался знакомый голос.

Мы прекратили бороться и замерли, явив собой картинку лесного разврата.

— Барон, — обрадовалась я, — как нельзя вовремя!

— Мы тут с девушкой развлекаемся, — пробормотал Лойд, осторожно дыша — к его горлу был прижат меч барона.

— Брысь отсюда! — рявкнул Рон.

Парень подскочил, прошипел какое-то ругательство, взмахнул рукой и скрылся за завесой из белого и вонючего дыма.

— Не надо было его отпускать, — сказала я. — Он меня убить хотел.

— Убить? И этот тоже? — удивился барон, наслышанный о моих приключениях.

— Я популярная, — похвасталась я, милостиво разрешая поднять меня с земли и отряхнуть.

— Странная какая-то популярность, — заметил Рон.

— Какая есть.

Я терпеливо ждала, пока барон обирал с моей юбки веточки и прошлогодние листья, своим платком вытирал грязь. Мне было приятно внимание.

— А где зюка?

— Ушла, — спокойно ответил барон, — за твоим несостоявшимся убийцей.

— Ты ее видел?

— Конечно, и не один раз. Она смирная, если ее не трогать, и никогда первой не нападает.

— Ну да, а предыдущего целителя кто сожрал?

Барон пожал плечами:

— Никто не знает, останков не нашли. Просто по привычке все свалили на зюку.

— Надеюсь, Лойду тоже не повезет, — кровожадно прошипела я. — Не хотелось бы жить, постоянно оглядываясь и боясь.

— Поедешь рядом со мной? — волнуясь, спросил барон. — Я смогу тебя защитить.

Я с опаской покосилась на лошадь.

— Не, я лучше пешком. Кони меня устраивают либо в виде запряженных в кареты, либо в виде колбасы. Только я ногу, кажется, подвернула, болит.

Рон опустил передо мной на колени и осторожно обхватил руками мою лодыжку.

— Вывиха нет, — сказал он. — Может быть, растяжение.

Парень сдернул с шеи шарф и ловко забинтовал сустав — я совершенно не возражала. На время процедуры мне пришлось опереться об его плечо, и, думаю, это было причиной его замедленных действий.

Поблагодарив, я бодро заковыляла к городу. Барон молча пошел рядом, ведя животное под уздцы. Я перебирала в сумке инструменты, прикидывая ущерб, как вдруг поняла, что Рон обращается ко мне.

— Я с тобой серьезно поговорить хотел, — повторил он в ответ на мой вопросительный взгляд. — Не знаю, имею ли я право это делать сейчас, ведь ты перенесла потрясение.

— Какое?

— Тебя пытались убить, — напомнил он удивленно.

— Ах да, точно. Просто я сейчас о другом думаю. Говори.

Мы вышли к просеке, и я взглянула на барона, удивленная его молчанием.

— Рон, что с тобой? Ты заболел? Красный такой!

— Я — нет... то есть да... Хотя это и звучит ужасно пошло, но я болен тобой. Я люблю тебя, Ола.

— Почему пошло звучит? — польщено ответила я. — Очень даже хорошо звучит.

Барон упал передо мной на колени и схватил меня за руку.

— Стань моей женой, Ола, прошу тебя! Я люблю тебя больше жизни, ты будешь счастлива со мной.

Я отстраненно подумала, что декорации для признания совсем неподходящие — грязный лес, грязная я с грязной сумкой, полной поломанных инструментов.

— Рон, — сказала я, осторожно вынимая из его ладоней свою руку, — у меня есть жених.

— А не долго ли ты невестишься? — зло спросил барон. — Я готов жениться на тебе хоть сейчас, как только дойдем до алтаря Богини Рода. А твой некромант не спешит. Может быть, он тебя не любит? Или ты ему уже не нужна?

— Ерунда, — ответила я, отмечая собственные сомнения по этому поводу, и пошла дальше.

Барон шел вслед за мной и молчал, а потом заговорил:

— Я буду тебе прекрасным мужем. У меня есть все для достойной жизни моей жены — дом, поместье, деньги, титул в конце концов.

— Почему я? — спросила я, не оборачиваясь.

— Потому что я люблю тебя, — бесхитростно ответил Рон.

— Нет, — сказала я жестоко, — потому что ты никуда не выезжаешь и не бываешь в обществе. Я просто единственный подходящий для тебя вариант, вот и все. Съезди на пару месяцев в Чистяково, покрутись там, и найдешь куда более достойную кандидатуру, к тому же свободную.

— Я был в Чистяково, — спокойно сказал барон. — И не только в Чистяково. Я уже далеко не мальчик, Ола. Я воевал в Сумеречных горах и бывал на аристократических приемах в лучших домах столицы. Я знаю, кто мне нужен. Мне нужна смелая, практичная супруга, с которой бы у нас было много общего и которая согласилась бы жить со мной в усадьбе. И которую я бы любил. Я хочу счастливой и спокойной жизни. Я хочу работать на процветание поместья и защищать живущих в нем людей. Хочу детей — пятерых или шестерых, мальчиков и девочек...

— Если бы ты не был мужчиной, — перебила я его речь, — я бы сказала, что ты начитался любовных романов. В жизни так не бывает.

— В жизни бывает даже лучше. Подумай хорошо, Ола.

— У меня уже есть жених, — сказала я резко.

Барон молча проводил меня до дома.

Из мастерской вышел Отто и вытаращился на меня:

— Ола, что случилось? За тобой волки гнались?

— Лойд за мной гнался, но это не важно. Отто, я видела зюку! Представляешь! Барон свидетель.

— Вот это да! — присвистнул полугном, но я не поняла, к чему относилось его высказывание.

— Я поломала свои инструменты, — пожаловалась я, протягивая сумку полугному.

— Ничего, сейчас посмотрим, что можно сделать, — бодро ответил лучший друг. — Рон, почему ты такой мрачный?

Барон пожал плечами.

— Я ему отказала, — сообщила я.

— Э-э-э... в каком смысле?

— Он мне руку и сердце предлагал.

— Бедняга, — посочувствовал Отто. — Так ты в этом отказала?

— Да. А ты про что подумал?

Полугном неопределенно помахал рукой в воздухе, а потом сказал доверительным тоном:

— Рон, тебе очень повезло.

— Я бы с этим не шутил, — мрачно буркнул барон.

— А я и не шучу, поверь мне, эту девицу может выдержать только Ирга с его стальными нервами любителя покойничков. Тем более у него много лет практики.

— Предатель, — разозлилась я. — Мог бы меня и похвалить.

— Сама себя похвалишь, — сказал Отто. — Я со стороны могу объективно оценить твои недостатки и дипломатично о них рассказать.

— Я тоже знаю свои недостатки!

— Да? А поподробнее?

Говорить о себе в негативном тоне, да еще и в присутствии заинтересованного Рона, оказалось очень сложно. Я помялась под насмешливым взглядом Отто и выдавила:

— У меня много недостатков.

— Ну-ну, — подбодрил полугном.

— А не скажу! В женщине должна быть тайна!

Лучший друг засмеялся, Рон вежливо улыбнулся. Потом они оба уставились куда-то за мою спину. Я обернулась. Во двор входил Живко, держа в руках букет, как ядовитую змею. Вместо обычной меховой жилетки и кожаных штанов он был одет в светлую рубашку и брюки, которые удивительно сочетались с его волосами, собранными в высокий хвост, и серебряными колечками в ушах.

— Привет! — сказал Отто радостно и потянул барона за рукав к скамейке у крыльца. — Сейчас будет представление, надо посмотреть.

— Добрый день, — поздоровался орк, повернулся ко мне, открыл рот и ничего не сказал.

— Что? — не выдержала я.

— Эммм...

— Давай я схожу в дом и переоденусь в соответствии с торжественностью момента, — предложила я.

— Не надо, — сказал Живко, набрал воздуха и как будто нырнул в омут: — Ола, выходи за меня замуж. — И протянул мне букет.

— Нет, — ответила я вежливо — опыт начал сказываться. — У меня уже есть жених.

— Ты не знаешь, что ты теряешь, — сказал орк. — Дети-полукровки очень сильные и талантливые.

— Я вообще не хочу детей, — сказала я. — Хватит в моей жизни пеленок и воплей.

Обернувшись, чтобы уйти, я увидела, как Отто усаживает на лавку Рона, пытающегося дорваться до Живко.

— Ты не знаешь, что теряешь, — вкрадчиво сказал орк, обгоняя меня и перегораживая путь к дверям.

— Отойди.

— Ты мне должна, Ола, помнишь? Один поцелуй. Один поцелуй — и если он тебе не понравится, я уйду.

— Мне он не понравится. Уходи, Живко, я люблю Иргу и собираюсь за него замуж. Что тебе от меня надо?

— Чтобы ты стала моей женой, — сказал орк.

— Что, больше девушек в мире нет? — возмутилась я. — Почему вы все ко мне прицепились?

— Что значит — все? — насторожился Живко.

— То и значит.

— Наверное, эти «все» подумали: и что же в этой девушке нашел общепризнанный сердцеед Ирга? Может, и у меня получится ее заполучить?

— Не получится, — отрезала я.

— Один поцелуй, — прошептал орк. — Ты должна мне один поцелуй. Если хочешь, я отстану от тебя после этого навсегда.

Я задумалась. Предложение звучало очень соблазнительно.

— Хорошо, — наконец решила я.

Закрыв глаза, я подставила губы для поцелуя. Орк прикоснулся к ним, и через пару мгновений меня уже захлестнула жаркая волна удовольствия. Как же он целовался! От его поцелуя я напрочь теряла всю свою цивилизованность, наружу вылезала самая примитивная самка с первобытной похотью. Почти против воли я положила руки ему на плечи и прижалась потеснее к его горячему и крепкому телу.

Вдруг я услышала полный ужаса вскрик Отто. Сделав над собой усилие, я оторвалась от Живко и обернулась. В воротах стоял Ирга — белый как мел, с закушенной губой и с сузившимися глазами.

Мне на мгновение показалось, что я оглохла. Я как будто стояла перед большой, статичной и безмолвной картиной: приподнявшийся с лавки полутном, схватившийся за бороду, смотрящий на меня с гневом барон и — в центре — тонкая высокая фигура в черном.

— Все понятно, — холодно сказал Ирга, развернулся и ушел.

— Ирга, — простонала я, каким-то чудом удержавшись на подогнувшихся ногах, и попыталась броситься за ним.

— Стой, — сказал орк, ловя меня за руку.

Я посмотрела в его полные торжества темные глаза и выдохнула:

— Ты...

— Я, — согласился он.

— За что? — спросила я, с трудом двигая онемевшими губами.

— Не стоило ему меня бить, — ответил орк.

С неизвестно откуда взявшейся силой я вырвалась от него и побежала на улицу. Отто что-то прокричал мне вслед, но я не услышала. Главное — догнать возлюбленного, пока он не сделал что-то непоправимое.

— Ирга, — простонала, глядя на неестественно прямую спину некроманта.

Он остановился, но не обернулся.

— Ирга... Ирга, это не то, что ты подумал.

— А что я подумал?

От его ледяного голоса мне захотелось пойти утопиться. Больно ущипнув себя за руку, чтобы прогнать страх, я осторожно обошла стоящего жениха и заглянула ему в лицо. Меня поразила горечь и боль, затемнившие голубые глаза.

— Все равно, что ты подумал, это неправда.

— А-а-а, — протянул Ирга и сказал с горечью: — А я, дурак, не верил, когда мне сказали, что видели тебя на улице с кем-то целующейся.

— Я ни с кем на улице не целов... — сказала я и осеклась. Леван! Ёшкин кот! Леван, которого я завлекала в руки боевых магов! И почему я не подумала, что нас может кто-то увидеть?

— Да, — сказал некромант, внимательно следивший за мной. — И сейчас ты тоже ни с кем не целовалась?

— Это не то, что ты думаешь, — тупо повторила я, пытаюсь придумать что-то поумнее. — Отто может подтвердить.

— Ола, — тихо сказал Ирга, — я устал. Я хотел жениться на тебе. Я хотел создать с тобой семью двух равноправных личностей для взаимного счастья.

Я не удержалась и истерически хихикнула. Некромант покачал головой и сказал:

— А ты не знаешь, чего ты хочешь. Я же не могу прожить жизнь за тебя.

— Я, между прочим, ради тебя, — сказала я дрожащим голосом, — сегодня двум поклонникам отказала!

Посмотрев на парня, я поняла, что это я сказала зря.

— Ирга...

— Хороший у тебя способ отказывать, — горько сказал некромант.

— Понимаешь, — я пыталась оправдаться хоть как-то, лишь бы он не смотрел на меня так... с такой брезгливостью, как на трупик таракана в чае, — я ему была должна этот поцелуй.

— Ах должна-а-а-а, — протянул Ирга презрительно. — А кому ты еще что должна?

Я честно попыталась вспомнить.

— Разбирайся со своими долгами и со своей жизнью сама. Я самоустраняюсь.

— Ирга, — прошептала я, протягивая к нему руку. — Это был план Живко, ты же его побил...

— Защищаешь? — горько сказал некромант. — Да, я избил твоего целовальщика. Тогда я еще думал, что у нас все получится, и, когда услышал, как он в кабаке в компании похвается, что ему стоит только поманить, и ты будешь его, я не мог отреагировать иначе. Хотя теперь я вижу, что это было зря — орк говорил правду.

— Ирга! — ужаснулась я.

В моей голове просто не укладывалось, как мог мой возлюбленный вступить в противоборство с противником в полтора раза себя шире и наверняка сильнее. Меня охватил запоздалый страх за некроманта. Ирга неправильно истолковал мой возглас.

— Не бойся, твой дружок отделался синяками.

— Я не...

— Я же говорил тебе, — перебил меня Ирга, — что я не потерплю одного — измены. Невозможно жить с человеком, не доверяя ему. Прощай.

Некромант решительно взмахнул челкой, обошел меня — я не могла пошевелиться — и ушел.

Я осела в грязь, глядя, как затягиваются жижей его следы на дороге.

Рядом крутился и что-то говорил Отто, барон Рон, не добившись ответа, бережно поднял меня на руки и понес в дом.

Я вышла из протрации, посмотрела на друзей и спросила:

— Моя жизнь закончилась?

— Что ты! — громко сказал полугном. — Она только начинается!

ЭПИЛОГ

Мой лучший друг — план

Говорят, когда жизнь разлетается вдребезги, как бокал, упавший со стола, по действиям человека можно определить, насколько он слаб или силен духом. Говорят, что самые слабые опускают руки и заканчивают жизнь самоубийством, а самые сильные, не склоняясь перед невзгодами, смело идут вперед к своей цели, не тратя силы на слезы и отчаяние.

Месяц травник украсил все вокруг яркой зеленью, а вид из моего окна — пышными и высокими бурьянами. Я сидела за столом и задумчиво грызла ручку, стараясь не оглядываться в комнату, которая пугала своей чистотой и горами тюков, сваленных у двери. Практика закончилась. Нам пора было уезжать обратно в Чистяково.

— Золотце, — в комнату вошел Отто и застрял у входа, — почему у тебя баракла в два раза больше, чем тогда, когда мы сюда переезжали?

— Оно размножилось, — объяснила я.

— Как?

— Ну как что-то размножается? Ты ведь не знаешь, что вещи делают по ночам в шкафу, чтобы им не было скучно.

Отто с трудом переступил через чемоданы, сумки и тюки и потрогал мой лоб.

— Ты что? — удивилась я.

— Да проверял, может, ты бредишь.

— Нет, со мной все в порядке, просто у меня нет другого объяснения такому количеству баракла. Я почти ничего не покупала, и поэтому размножение — единственное, что приходит в голову.

— Ага, — сказал полугном, падая на кровать. — Что ты собираешься делать после приезда?

— То же, что и ты — диплом получать и работать, — ответила я.

— Нас ждет еще полевая практика, — напомнил лучший друг. — Но я не об этом.

Отто впервые нарушил негласный договор молчания, запрещающий поднимать тему моей личной жизни. Я со вздохом потерла запястья, на которых багровели синяки, оставленные руками орка.

Когда после того, как Ирга ушел (не хочется думать, что из моей жизни, поэтому я про себя говорила просто «ушел») и барон на руках внес меня в дом, через некоторое время туда вошел Живко. Не обращая внимания на парней, ставших в угрожающие позы, он сказал:

— Люблю девушек, которые не впадают в истерики.

— Как и зачем ты это сделал? — только и спросила я. В истерику я не впала только потому, что свалившееся на меня событие было слишком чудовищным, чтобы сразу его осмыслить.

— Всего-навсего надо было появиться на твоём дворе немного раньше Ирги, — самодовольно сказал Живко.

— Ты не хотел на мне жениться, ведь так?

— Почему не хотел? Хотел и сейчас хочу. Мое предложение руки и сердца остается в силе. Просто выпала такая возможность насолить разлюбезному некроманту, что я не мог ее упустить.

Я медленно поднялась с лавки:

— Ты сломал мою жизнь.

— Что ты, крошка! — засмеялся орк. — Сломать себе жизнь может только ее владелец.

— Ты сломал мою жизнь! — завопила я, кидаясь на него.

Живко схватил меня за запястья своими руками — словно стальными обручами.

— Отпусти ее! — рявкнул сзади барон.

— Не лезь не в свое дело, — сказал ему орк и спросил у меня: — В чем ты меня обвиняешь?

— В том, что из-за твоего поцелуя меня бросил Ирга.

— Из-за моего поцелуя? — рассмеялся Живко. — Неужели твой некромант настолько туп, что готов бросить свою невесту из-за одного поцелуя?

— Не смей произносить его имя! — заорала я, стараясь не слушать внутренний голос, который шептал, что не только из-за этого поцелуя Ирга ушел.

— Хороший аргумент, — усмехнулся орк.

— Все равно ты виноват! — не сдавалась я.

— Нет уж, крошка! Если бы ты не захотела, я бы никогда тебя не поцеловал.

В поисках поддержки я обернулась к Отто, но он виновато потупил глаза. Барон тоже молчал. Неужели все мужчины так думают? Но мне ведь нужно было отдать долг, разве не так?

— Все равно, — упрямо, но уже тише сказала я. — Все равно. Убирайся из моей жизни.

— Если надоест одиночество, — сказал Живко, отпустив мои руки и подняв пальцами мне подбородок, чтобы я смотрела ему в глаза, — вспомни обо мне.

— Пошел ты к Ёшке! — четко выговорила я.

— Мы в Степи, — засмеялся орк, — любим норовистых. Другие просто не выживают.

Он подмигнул молчаливо стоящим парням и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

— Избить его? — спросил Рон.

— Зачем? — удивилась я. — Отомстить поганцу я и сама смогу. Тем более в чем-то он был прав.

— Золотце... — кашлянул Отто. — Хоть я и не вмешивался, но знай, что я на твоей стороне.

— Спасибо, — сказала я задумчиво. — А сейчас извините. Мне надо подумать.

Почесывая болевшие руки, я осторожно пошла в свою комнату, словно боялась расплескать вертевшиеся в голове мысли.

Молчала и думала я неделю, чертя условные схемы, обозначающие этапы моей жизни, расписывая на листочках плюсы и минусы и грызя в огромных количествах сушеные яблоки — Варсоня сказал, что в них много витаминов и что они помогают думать. Периодически в моем окне возникал грустный Рон, то с букетом цветов, то с коробкой шоколада, то с самописными стихами типа «ко мне пришла любовь, вчера на полях засеяли морковь». Я в кои-то веки надавила на собственную жадность и не давала себя подкупить. Погрустив и прочитав мне вслух очередной опус, барон заглядывал к Отто, который от компании не отказывался.

Не переставая думать о жизни, я начала упаковывать вещи. И тут меня прорвало. При виде каждой вещички, подаренной мне Иргой, я заливалась слезами с подвываниями. Услышав эти звуки в первый раз, в комнату ворвались перепуганные друзья, но, услышав «почему я тебя не ценила?» и «как я могла?», успокоились.

Теперь Отто возлежал на моей кровати, глядя в потолок, и ждал моего ответа. Не дождавшись, заметил:

— Когда приедем, ты особо вещи не разбирай. Нас же из общежития выселят. Придется новое жилье искать.

Я кивнула. Совет был дельным, хоть я надеялась, если мне очень повезет, вернуть Иргу и поселиться у него.

— Так что ты думаешь? — спросил Отто. — Я должен знать, готовить ли успокоительное?

— Думаю вернуть Иргу, — сказала я.

— Похвально. А как?

— Есть кое-какие планы, — уклонилась я от прямого ответа. Не говорить же, что я твердо решила доказать Ирге, что мне нужен только он, женить его на себе, но вот каким образом я это сделаю, я так и не придумала. — Я теперь знаю, чего я хочу.

— Интересно.

Я взяла со стола листок и прочитала:

— «Первое. Получить диплом. Второе. Начать работать. Третье. Проведать родных.

Четвертое. Вернуть Иргу. Пятое. Выйти за него замуж. Шестое. Никогда больше не сражаться с психованными боевыми магами».

— Похвально, — одобрил Отто. — Нас ждет спокойная жизнь, да?

— Спокойная, счастливая и процветающая жизнь, — уточнила я.

В этот момент мне показалось, что в окне отразилась ухмылка рыжего Ёшкиного кота. Я обернулась и, конечно, никого не увидела, очень понадеявшись, что это шалят нервы. Но на всякий случай твердо сказала в окно: — У меня будет спокойная жизнь!

...Я не знаю, к какому разряду людей меня можно причислить за действия, совершенные в последнее время. Да в принципе мне на это наплевать. Я — в кои-то веки — знала, что я буду делать дальше. И я знала, чего я хочу. Осталось только претворить это в жизнь.